

ВИКТОРИЯ БОГОМОЛОВА
АНДРЕЙ ЖУРКОВИЧ

АНГАТАР
ПЕЩЬ ЗАТЕРЯННОГО КРАЯ

В незапамятные времена, окутанное дымкой тайны племя чудь, пробудило в земных недрах древнее нечто — каменного полоза. Выпустившие в мир порождение смерти чудские шаманы, легли костями лишь бы остановить голодное зло. Они сразили полоза, а его сердце заточили глубоко в штольнях на веки вечные под неусыпной стражей Зрящих — хранительниц покоя червя. Шли годы, желающих достать на поверхность проклятый артефакт чуди, становилось все больше. Сердце каменного полоза — Ангатир манил заблудшие души, якшающиеся с нечистью, нащёптывая верные слова, заставляя разум подчиниться. Последний из своего рода чудь по имени Гату, скитается по землям славян. Его родню выкрали хазарские охотники за головами, угнав на невольничьи рынки Крыма. Порой кажется, что весь мир, покой которого он хранит, против него. Но однажды в пути, под покровом чарующей ночи, Гату встречает странную девушку по имени Люта, чьи руки замараны кровью, а на запястье символ жрицы богини смерти Мораны.

Пролог

В истории каждого народа есть не мало страниц, которые истерлись в веренице лет. На листах выцвела краска, потускнели картинки. Некоторые летописи стали настолько ветхими, что рассыпаются в прах, едва оказавшись в руках. Подобно ничтожной капле в полноводном озере, так растворяется в неизвестности память о минувших делах. Иные истории исчезают, лишь успев отзвучать. Некому было пересказать, не смогли записать. Пройдет пятьсот лет, тысяча, и облики тех, кто жил до нас станут расплывчатыми фантомами, миражами, искажаемыми в солнечных лучах. Но они жили. И бились их сердца.

Среди бескрайних лесов, тянувшихся от Варяжского до Гостеприимного моря, расселились многочисленные племена славян. Кривичи, Полочане, Вятчи, Уличи, Волыняне, Словене, Дреговичи, Радимичи, Северяне, Древляне стали хозяевами территории на стыке миров между великой степью и западом.

Во времена, когда еще не изобрели электричества и порох, когда люди поклонялись языческим богам, повстречать нелюдь можно было так же просто, как комара. Высоко в горах скрывались крылатые змеи аспиды. На капищах попадались вурдалаки. Домовые, кикиморы и банники хозяйничали в избах и землянках, а леса охраняли лешие. В ту пору знания черпались из самой матери земли, а мудрость передавалась из уст в уста. Человек имел очень мало, но он и не стремился поработать весь свет, как нерадивый хозяин. Он был гостем, одним из многих, кто ел, пил и дышал полной грудью, не спеша проживать.

Во времена, когда человек был юн и слаб, а мир полон сокрытых чудес и неразгаданных тайн, начинается наша история.

Глава 1. Диво дивное, чудо белоглазая

Воздух наполнял запах гари и жаренного мяса. Сразу четыре высоких столба дыма устремлялись в девственно чистые голубые небеса. Шелест листьев и шептание тревожимого ветрами леса нарушались гиканьем и одиночными выкриками. Далеко по течению Оки, скользя по волнам, разносились веселые песни и звонкий девичий смех. Поселок Куштунь открывал первую весеннюю ярмарку.

У причала покачивались две справные ладьи. Нос одного корабля украшала прекрасная дева. Заостренные черты лица невероятно точно передавали ее нрав, что несомненно было гордостью краснодеревщика. Гордая, непокорная, статная. Нос другого корабля венчался лебединой шеей. Глаза царственной птицы украшал отполированный янтарь. Камни имели множество граней. Создавалось впечатление, будто глаза птицы искрятся в лучах милосердного солнца, отражаясь в ласковых волнах. Борта же кораблей были обвешаны щитами с изображением солнца. Светило имело лицо. Глаза раскрыты, щеки надуты, рот приоткрыт, будто Перун собирается дохнуть, вызывая неистовый ураган. Рядом были привязаны еще десятка два плоскодонных лодок, казавшихся рядом с ладьями, смешными, аляповатыми головастиками супротив золоченого мясистого карпа. Много кто приехал на ярмарку вятичей, первую после долгой зимы. Битое зверье принесло селянам много пушнины, которая до поры теряла в цене в преддверии лета.

Сразу за причалом располагались два крытых настила для разгрузки товара. Тьма-тьмущая тюков, сундуков, мешков и бочек. Здесь же скучала пятерка молодцев при дубинках. Парни изнемогали от жары, но вынуждены были блюсти почетную задачу. По лицам легко читалось, где они видали несение службы в такой день. Молодая кровь бунтовала супротив несправедливости воеводы. Махнуть бы медовухи, поплясать, да девок погонять, а не торчать как идол на капище.

Конечно, серьезной угрозы они не представляли, да только и охрана была излишней предосторожностью. Воровать в Куштуне мало кто мог отважиться. Исключение составляли разве что варяги да хазары. Но те и не воровали, а брали. А то, есть разница! Токмо варяги так далече заплывали редко, а если и заплывали, то неповоротливые от награбленного по пути, да ленивые аки разжиревшие боровы. С хазарами же вопрос стоял куда как прозрачнее. Заплати вовремя дань, да зашли когану лисий хвост попышнее для шелома, пояс покрасивше с речным жемчугом, али сапоги остроносые из лучшей кожи, что смог произвести кожемяка. Тогда считай и живот у тебя не посечён, и девицы не топтаны, да скотина не резана. Жить можно, копи новую дань, а что осталось продавай.

Со стороны частокола слышались крики. Молодцы оживились, предвкушая потеху. Бурлящая, словно пчелиный рой толпа, вытолкала двоих мужичков за ворота. Те качались, что твой нурманин на волнах, едва не падая.

— Купайся, зараза! — ревел здоровенный детина, размахивая кулаками, каждый размером с добрый бочонок. — Купайся, паскудничья твоя душа!

Толпа двигалась за богатырем, весело подбадривая его. Молодцы у склада окончательно воспряли ото скуки, весело переглядываясь. Началось! Староста Белозар терпеть не мог, если кто дюже наклюкивался. Такой уж был мужик, не сносил пропойства себе, да и всем, с кем знался, так еще и в своем селении даже по праздникам.

— Коль ты не весел без чарки хмельного меда, али квасу, в руках себя держи, пропащая

твоя душа, — любил говаривать староста, поймав пьяненького соседа.

Вот и теперь, не в меру накачавшихся на теплом солнышке мужиков, гнали окунаться. Нырять, пока весь хмель не выполощешь, — вот и весь сказ! Молодцы одновременно качнулись навстречу пойманым на пьянстве мужикам, но те по очевидным причинам не дали повода себя отдубасить.

— Даже не думай, Василька! — промычал один из подвергаемых столь несправедливому гонению мужичок, обращаясь к парню, который весело поигрывал дубинкой. — Только сунься ко мне потом в кузню за гвоздями! Будешь соломинки в бревна заколачивать!

Парень ухмылялся, но стоял на месте, провожая парочку взглядом. Дойдя до реки, оба мужичка покидывали с себя одежду, оставшись в чем мать родила, и прыгнули в воду.

Вверх — вниз! Вверх — вниз! Вверх — вниз!

То одна, то другая голова выныривали из пучины, играющих в солнечных лучах волн, поднимая брызги. Мужички охали и остервенело растирали и без того красные рожи. До чего же это зрелище нравилось бабам! Заняв все первые ряды, едва не сваливаясь в реку, они улюлюкали при каждом появлении из волн мужичка, трясущегося от дюже студеной по раннему утру водицы.

Коренастый богатырь сурово взирал на происходящее. Наконец сжалившись, видя, что бедолаги уже посинели от холода, он махнул им рукой, рявкнув:

— Довольно, вылезай, водяные, мать вашу на каторгу!

Когда трясущиеся похватили пожитки, судорожно одеваясь, богатырь вновь их огорошил.

— Казимир, Ярополк, — крикнул он, обращаясь к молодцам, сторожившим причал. — Доходяги вас подменят. Ступайте, а то бабоньки вас заждались уже помиловаться!

Предложение встретило яростную поддержку женской части населения. Угрюмые и накупанные пропойцы, тяжело ступая, направились к пристани, а парни довольные выбором воеводы, не дожидаясь и мига, устремились в поселок навестывать упущенное. Страшное дело, едва ль не в зените светило, а во рту ни меда, ни квасу не полоскалось в такой-то день! Однако Драгомир не зазря значился местным воеводой, да и родился тоже, сказать по правде, далеко как не вчера. Заметив решимость, с которой молодцы ломанулись к воротам, он их огорошил вдогонку.

— Не спеши, — степенно, но в тоже время строго, сказал он парню по имени Казимир, ухватив того за рукав. — Покушай, попей, опять покушай. А ни то, будешь как вон эти... Харю в речке натирать.

Люд хлынул обратно за частокол, как только стало ясно, что потеха окончена. Да и чего понапрасну время тратить. Ярмарка только начиналась. Многие за день покупали и продавали столько раз, что к ночи могли снова оказаться при своих, скажем, подковах, да токмо еще и при барышах. И ведь правду сказать, продать вятичам всегда имелось чего. Прекрасные охотники, они заготавливали пушнины столько, что хватало не только одеть соплеменников, да набить сундуки про запас, но и сбавить налево. По зиме зверь ходил дюже красив, да распушен, а потому это было лучшее время его бить, да шкуры драть.

Сложнее всего было в такую пору с пропитанием. Ярмарка по весне становилась бедна на заготовки — все пожрано за снежную пору. Сушеных грибов не сыскать у последнего жадины. Ягода тоже еще не народилась, даже клюква, кою дергали из-под снега, и та кончалась. Зато всегда можно было купить али продать козьего молока, шерсти овечьей, да

кузнечного ремесла орудий. Этого даром было в избытке, но качество, тоже сказать, хоть куда. Потому за сим добром к вятичам и приезжали соседи. Каждый, кто ведет хозяйство знал, будет у тебя добрый серп, да соха, сам останешься здоровее после поля. А коль и топор у тебя справный, то руки меньше мозолей за зиму насчитают, покуда дрова, стал быть, наколешь.

Гулкий шум толпы снова наполнили песни, гиканье, смех резвившихся от души селян. Они радовались небу и солнцу, весне и первым обжигающим лучам милосердного солнца. Еще одна зима пережита, еще одно лихо позади, будь оно не ладно. Веселье стояло, хоть землянку не запирай. Селяне резвились аки безумцы, пританцовывая и то и дело подвывая.

Меж толпы продирался один сгорбленный старец. Голова замотана в широченный плащ, такой, что и руки, и ноги скрывает. Несмотря на то, что был сгорблен едва ль не напополам, дед вышагивал без посоха, двигаясь статно, твердо, не опираясь. Странный тип, честно сказать. Он очень осторожно озирался, едва поводя головой по прилавкам, словно боялся шелохнуть капюшон. Порой он останавливался, приближаясь к иному торговцу, что-то тихо шепча.

— Есть ли у вас чудные люды на продажу? Нет? А коли знаешь, есть у кого чудные люды?

На старика посматривали с недоумением, но токмо махали руками. Ишь ты, запросил, старый поганец! Чудных людов ему подавай! Да где ж такое чудо взять-то?

Правду сказать, Куштунь порой имел невольников на продажу. Но токмо и опосля похода, али заарканив охотничков чужих, али лихой люд заловив во время торгового походу. А просил старый дуралей такое, что к любому двору, хоть ты староста, хоть каган, пригодилось б.

Чудные люды редкие гости не токмо в Куштуне, значит, а вообще в любом добром селении. Потому как, знает каждый, ихние опасливые замашки. Род чуди до золота и камней самоцветных самый лучший охотник. За добрую версту они чуют под землей сокровища несметные. Да токмо не достают же наружу, паскудцы окаянные, а супротив того — прячут! А на кой, значит, под земь прятать то, что хорошему человеку послужить службой до живота сытого может? Поскудники, сталбыть, заразы непуганные, жаднины мерзотные, да засранцы!

Меж тем, старик в плаще топтался, топтался, да продирался дальше, на силу уворачиваясь от бесшабашной пляски, да рева соловеющих молодцев. В какой-то момент, он задержался у одного торговца, перекинувшись парой фраз. Снова оставшись не удел, старче было собирался пойти дальше, да наткнулся на дитяtko, в толпе заплутавшее.

Девчушка годиков пяти, хихикая и визжа от восторга, бежала, ныряя меж пляшущих и судачащих селян. Налетев на деда, она подняла веснушчатые щечки вверх, являя милые и озорные глазки. Собираясь извиниться, девчушка раскрыла рот, уставившись под капюшон деда, да так и замерла, не в силах что-то сказать. Мгновение спустя, она истошно завизжала, трясаясь аки хвора. Люд стал оглядываться. Дитяtko не переставая вопило, тыча крохотным пальчиком перед собой.

— Лихо! Лихо! Лихо белоглазое! — визжала побледневшая от ужаса девочка.

Старик, остолбеневший от неожиданности, было попытался скрыться, но его тотчас схватили за руки. Оказавшийся ближе всех дюжий детина, сын кузнеца, схватил деда за голову, сбрасывая капюшон.

Ярмарку накрыла мертвенная тишина, коей не суждено было долго таковой оставаться.

— Чудь! Чудь белоглазая! — кричали отовсюду всполошённые бабоньки.

— Чудь белоглазая! Шаман за стенами! Бей проклятого! — вторили им другие голоса.

Глазам изумленных и перепуганных селян предстало мертвецки бледное лицо достаточно молодого мужчины. Впалые щеки, заостренный подбородок, тонкие губы, синие, как у утопленника. Голова вытянута кверху, да так, что затылок над лбом на добрые поларшина выше, стал быть. Широко посаженные, слегка сощуренные от яркого дневного цвета глаза были страшнее всего. Они казались белее молока. Но не бельмо в каждом глазу у чуди того зияло. Не имели иного цвета, как белый снег, те глаза. Токмо темные черточки вертикальных зрачков, как у рыси лесной.

Каждый, кто жить охоч, да наставления старших разумеет, знает, коли чудь с синими глазами, то это охотник али воин. Но закляни тебя мать земля родная повстречать чудь белоглазую! То шаман ихний. Самый страшный. И сильный. Один такой телегу хватъ, да подымит и метнет, аки пушинку. А коли плюнет, иль чихнет — спалит деревню, токмо и знали.

Поняв, что нет боле резона себя скрывать, чудь выпрямился, разгибая согнутую все это время спину. Даже богатыри, знавшие в селении самыми завидными женихами тута и присвистнули. Разогнулся чудь, встал аки шест. Самый дюжий мужик ему по грудь стал тотчас.

Началась паника. Кто-то кричал, иные звали на помощь, а чудь стоял, не глядя даже по сторонам. Замер, аки истукан, не шелохнется, только ветер развивал пепельные седые волосы его.

Свист залихватский пронзил гомон перепуганного люда. Мелькнула петля, аркан на шее чуди тотчас сжался. Тот стоит, не шелохнется.

Вжик! Второй аркан на голову чуди прилетел. Третий! Четвертый! Натянули мужики веревки, повязывая их на столбы. Стоит не шелохнется чудь белоглазая.

Воевода Драгомир не заставил себя ждать. При мече и щите, он вышел супротив чуди. Встал напротив и спокойно сказал:

— На крышах лучники. Будешь дурить, в миг умертвят. Зачем пожаловал? Девицу насильничать хотел, али дитятко выкрасть?

Чудь ответил, да так, что те, кто не перетрухал токмо от вида его одного, теперь уж точно шганы намочили. Его голос был похож на скрип древесного волокна. Тягучий, мощный, бесстрастный.

— Я испрашивал ваш люд, есть ли у кого чудные люди на продажу.

— Тебе пошто своих покупать? Не дури мне, лихо! Отвечай, зачем пожаловал?

Чудь тяжело вздохнул, все также не замечая четырех арканов на шее. Он поднял на воеводу слезящиеся от солнца глаза, изучая. Чудь, коли кто не разумеет, обитает под землей, да в чащах лесов. Иные говорят, что чудь и не люд живой вовсе, а нечисть болотная, потому, как света Ярило боится, окаянный. Но этот стоял под лучами солнца, хоть бы хны, только хлопал глазами.

— Я ишу чудь мою родную. Лихие люди сокрали. У вас есть чудные люди? Коли нет, говори мне, у кого есть.

Воевода не ответил, потому как ответили за него дружинники, чудь атаковавшие. Налетели они на него и давай дубасить. Ни один не при мече, али топоре. Все лупили дубинами. Смекнул староста, поодаль в толпе прятаный, удалась ярмарка — чудьского шамана изловил. Теперь пойдет дело в селении, ох и пойдет, мать честная! Только дурень

последний не знает, что чудь камня, серебра, да золото за версту чует.

«Сослужит мне чудь белоглазая, коли жить захочет», — подумал староста, команду своим ратникам отдавая. — «Стану я богаче кагана, с таким цепным псом».

То, что происходило потом, сложно назвать веселой ярморочной традицией. Лупили чудь едва ль не до самого заката, силу из него выбивая. Без жалости лупили, без вины виноватого.

Сложно сказать, что такого страху на селян, на воеводу, да на старосту нагнало. Повстречать чудь считалось добрым знаком, заговорить с чудью — удачей, кою и не сыскать каждому. Да токмо какого ж это изловить себе чудь на службу? Несметные богатства сулит чудь ручная. Какой муж устоит супротив такой возможности?

Ослабшего и избитого мужчину связали по рукам и ногам. Не пошевелиться, не вздохнуть, лежи, да в небо пялься. Пока его дубасили, плотник с кузнецом работали, что называется рук своих не покладая. Клетку, стал быть, соорудили, добрую, что просто так не вскрыешь. Да, что там, руки не просунешь наружу, так ладно жерди одна к одной прижаты. Клеть ту над землей на двух столбах подняли аж на целых три аршина. То бабка Бажена старосте подсказала.

— Чудь от земли силою питается, — шепнула старая ведунья. — Отними его от нее, они чахнуть и начинают.

И правда. Едва клетка оторвалась от земли и зависла в трех аршинах от оной, застонал чудь. Задергался, даже связанный. Никто и не чихнул от того даже. Коли дело, пленник рыпается? Зарычал чудь, начал клеть раскачивать. Воевода все это время наблюдавший за процессом заключения чуди под стражу, взял лук у стоящего рядом ратника. Стрелу накиннул на тетиву, и по-простому сказал:

— Убивать и бить боле не будем, коли послужишь. Станешь рыпаться, ужокошим в раз. Тебе решать, белоглазый!

— Самоцветов тебе надобно? — проскрипел чудь, по виду задыхаясь.

— Чего староста скажет, того и добудешь, — кивнул Драгомир, опуская лук.

Он очень хорошо умел сдерживать эмоции. Никто и не заметил, как в последний момент у него дрогнули кисти. Нервничал, стал быть. Боялся воевода силы звериной. Да и как тут не дергаться? Вырвись чудь белоглазая, пол деревни положит, не моргнет глазом, зараза паскудная. Было ль такое, когда? А кто ж его знает? Было, наверняка. Сказать попросту некому. Не спроста ж чудь такая сильная.

— Опустит клеть, — снова заговорил чудь, икая, словно сдерживая рвотные спазмы. — Я силу теряю. Коль вся уйдет, ничего с меня не получишь, дурень ты.

— Ага, нашел дурня, — хохотнул воевода, даже не обидевшись. — Будешь смиреннее, пойдешь завтра по каменья сам. Там, глядишь, и силы хватит.

Чудь ничего не ответил. Длинные пальцы сомкнулись на путях, разрывая конопляную бечевку. Освободив обе руки и ноги, мужчина сел, обхватив колени длинными руками. Длинными, то слабо сказано. Руки того чуди, ниже колен, когда он стоял, доставали.

С приходом ночи он так и не сомкнул глаз. Напротив, чудь их раскрыл. Сидел муж чуждой так, не шелохнется, да что-то невнятное бубнил под нос. Бубнил долго, то тише, то громче. Ему, вроде, и хотели сказать, мол, заткнись ты, паскудский сын, не мешай людям спать. Да побоялись, стал быть, перегибать. Не таясь более от слепящих лучей Ярило, чудь буравил ночь огромными, тускло светящимися очами, посреди каждого из которых проступала вертикальная черточка зрачка, аки у кошачьего глаза.

Ночь укроет землю сказкой,
Чудь проснется ото сна.
Солнце спрячется на небе,
Тень луны едва видна.

Чудь коснется ложа мира,
Выпьет реку, вкусит скал.
Тихо шепчет, стонет ива,
Где ты, милый, пропадал?

Чудь застынет, словно камень,
Выдох, вдох, и губ оскал.
Охнет чудь, укусит землю,
Снова замер, задышал.

Бормотание странного мужа из рода чуди еще долгое время смущало дружинников, коим не посчастливилось той ночью заступить в дозор. Не жалел их ушей белоглазый. Так и шептал себе под нос всякое, да зыркал сверху. Недобро. Ой, недобро он зыркал на тех, кто пленил его, так по-разбойничьи. Подло. Как зверя. Как неравную себе тварь.

Глава 2. Плата за дерзость

Раннее весеннее утро озарялось ярким солнечным светом. Звонкие трели птиц оглашали лесную опушку, радуясь первым после зимы теплым дням. Легкий ветер лениво шевелил голые ветви деревьев. Поляну, на которой стояли двое влюбленных, покрывал слой снега, но там, где солнце пригревало сильнее, виднелись первые проталины. Пузатая божья коровка старательно ползла по коре, когда парень подставил палец и ловко подобрал насекомое.

— Загадай желание, Люта.

Букашку поднесли к самым губам девушки, чтобы та, как произнесет слова заветные, сразу же дунула на насекомое.

— Да глупости все это, Милославушка, оставь коровку в покое, пусть летит себе, а желания мои и так все сбудутся.

Люта еле удержалась от того, чтобы язык не высунуть, да только в голове слова бабкины всплыли разом: «Ты, Лютонька, характерец-то свой мужику не показывай. Мной ты не битая, так муж, глядишь, суровой попадетса».

— Экая ты уверенная! — воскликнул Милослав и стряхнул с руки букашку. Рука вернулась к лицу возлюбленной, шершавая ладонь нежно погладила румяную щечку красавицы. — Выходи за меня, Лютонька.

Сердце в груди девицы затрепетало, руки, ноги ослабли, а голос стал больше похож на бляенье козочки.

— Выйду, миленький, выйду, родненький. Батька с детства тебя знает, против не будет, ты только все честь по чести сделай, а там твоя я.

Милослав на мгновение затаил дыхание, так хороша была его Люта в миг счастья. Провел рукой по косе черной шелковой и аккуратно потянул за кончик, приближая лицо девушки к своему. Люта охнула, но послушно наклонилась да так и замерла, когда губы Милослава встретились с ее устами. Ресницы дрогнули и опустились, покоряясь нежности любимого. Вечность бы так на поляне с милым провести, но обязанности никуда не делись, а отцовский наказ гулять не долго и не далеко выполнялся с точностью да наоборот. О чем и поспешила сообщить Люте кормилица.

— Лютка! Несносная девчонка! Вот же я тебе сейчас! Расскажу отцу, чем тут занимаетесь, уж обоим вломит. Нашли, где миловаться. Мало было задранного лешим охотника о прошлой седмице, а они туда же.

Люта как ошпаренная отскочила от Милослава и бросилась в сторону кормилицы, пряча красное, как вышивка на юбке, лицо. Не было печали, так русалки накачали! Принесла бабку нелегкая.

— Бронюшка, прекрати! Ничего батька не узнает, а деда Всемира не леший задрал, а медведь. Нечего было к нему в берлогу с перегаром лезть и клюквой швыряться, чтобы накормить.

— Ой ли. Смотри, Лютка. Потеряешь честь, никто замуж не возьмет, а то и не потерпит староста своеволия твоего и выгонит из дому, будешь знать, как с парнями обжиматься. Быстро домой! Лепешки сами чай не спекутся, а комоедица [1] на пороге, чем гостей привечать будешь? — Кормилица зыркнула злобно на Милослава. — А ты чего стоишь? Почитай все мужчины уже зерно сыплют [2]. — Дернула Броня Люту за косу, да так и пошла: Лютка, охающая от боли, и Броня, причитающая на ходу.

Когда дошли до первого дома у самой околицы, бабка отпустила косу воспитанницы, покружила ее перед собой за плечи худые, поцокала недовольно языком и рукой махнула, мол, не поможет уже ничего. Толкнула в спину, побуждая идти вперед, а сама молчаливой тучей следом пошла.

Селение Глииска процветало, несмотря на то, что граничило с давними врагами северян хазарами. Пожалуй, по этой причине и процветало. Оно ведь как, можно сопротивляться, не жалеть ни людей, ни хозяйство и все равно платить дань, а можно договориться. Вот и староста Глиски не стал идти супротив заведомо сильного врага. Он исправно отдавал откуп кочевому народу, всегда был вежлив и старался возникающие ссоры решать с добром. Благо наместник хазарский попался разумный, в меру терпеливый.

Кто-то считал, что это проявление слабости, а староста Любомир думал так: «Легко говорить, когда не ты за жизни отвечаешь, да и воеводу одного уж повесили, второго не надо».

Хазары не доставляли проблем жителям, не врываются в дома и не насильничали чужих жен, не угоняли рабов и рабынь как скот на продажу, по крайней мере из Глиски. Им нужна была еда, питье, и дань в размере серебряшки с дыма в год. Не так много за спокойное житье. Меньше всего старосте хотелось повторить судьбу соседа. Как не возводили они укреплений, как не строили частоколов и не выкапывали рвы, все одно — словно смерч пронесся. Женщин, мужчин, детей, всех без разбору убивали и продавали в рабство. Честь важна, да толку от нее, когда ты в сыру землю носом уткнешься.

Любомир как раз возвращался со святилища и еще издалека увидел Люту, идущую как на казнь, а за ней злючую Броню, периодически подталкивающую девушку в спину и что-то бурчащую. За ними бежала стайка детей. Они смеялись, передразнивали кормилицу и играли в игру «дерни Лютку за косу». Игра заключалась в том, чтобы успеть дернуть за волосы и увернуться от звонкого подзатыльника. На миг староста залюбовался. Красивая дочка у них с женой получилась: тоненькая, что березка, коса до пояса, очи карие жгучие в обрамлении черных пушистых ресниц, румянец на щечках, носик ровненький, а уста алые, аки малина душистая.

«Жаль Летушка не увидит», — мелькнула грустная мысль и тут же стухла, как только с тех самых алых губ слетело:

— Тятенька, я замуж выхожу!

Любомир тяжело вздохнул и покачал головой. Четырнадцать годков дочери исполнилось какой-то месяц назад, и народ начал роптать. Мол, ты чего это, старый, девица на выданье, женихов хоть отбавляй, а ты скопидомничаешь. Головой староста понимал, пора бы, а сердце сжималось от одной только мысли, что дочь единственную надобно чужому отдать и кто знает, будет ли он относиться к ней так как отец, сможет ли защитить.

— За кого, дочка?

— За Милослава.

— А сам Милослав чего не явился?

Громкое фырканье, будто конь морковкой остался недоволен, возвестило об очередном возмущении кормилицы. Она всплеснула руками, повторно фыркнула и, не найдя слов для подобного спокойствия со стороны Любомира, ушла в сторону гуляний, по дороге бурча что-то про баламошек [3], охальников [4] и тетешек [5].

— Волнуется, — изрек староста и приобнял дочку. — Лютонька, ты, может, присмотришь к другим парням. Сын кузнеца, чем тебе плох? Всем парень пригож, а руки уже

работают шустрее отцовских. Или...

— Не хочу! — Люта выбралась из объятий отца и топнула ногой, обутой в сапожок. Ишь чего удумали, указывать ей за кого замуж выходить. Что покушать и надеть, то сама выбирай, а вот с кем жизнь проведешь, так мы без тебя решим. — Либо Милослав, либо девой старой помру!

Не успел староста разозлиться и дочку за косу оттащить, как та в дом убежала, покуда гнев отцовский не накрыл за своеволие. Когда Любомир добрался до дома, Люта уже суежилась у печи, будто и не было никаких разговоров про Мирослава и брак, а у ее ног терся кот, мурлыча и помахивая хвостом. И до того мирная картина нарисовалась, что вся злость мигом в землю ушла.

«Само уляжется», — подумал отец, подходя и поглаживая дочь по голове.

— Как на стол накроешь, не забудь снести часть кушаний к Белоюре, там все соберутся прежде, чем к Священному огню идти.

— Да помню, я, — отмахнулась Люта от очередных отцовских наставлений. И как не помнить, почитай с шести лет на кухне с женщинами рода возится, за восемь-то лет можно и запомнить куда и что нести.

Подхватила Люта горшочек с угощением для жертвенника и отправилась к тетке. Родственников по отцу девушка не любила. Злые они были, грубые и Милослава не одобряли, мол, жених бесполезный, взять с него нечего. Не понимала Люта этого, зачем тебе что-то, когда сам человек важен. Главное ведь, чтоб любовь, когда сердечко не на месте, а от одной улыбки, солнце сразу ярче, да небо чище.

Крутанулась девушка на месте, юбка вокруг ног аж замоталась, а когда голову подняла, смеясь радостным мыслям, так чуть горшок не уронила. Тетка стояла, уперев руки в бока, сверля племянницу грозным взглядом. Тучная, дородная, такая, дай только волю, весь хазарский каганат до самой пустоши погонит.

— Радуюсь? Ну радуйся, покуда молодая, — протянула Белоюра и рукой махнула в сторону дома. — Еду туда, а сама возвращайся. Нечего тебе у жертвенника делать.

— Да как же так, я ж каждый год ходила! — воскликнула Люта. Никогда тетка не противилась ее походам со всеми до костра. Там же все гулянье будет, там же сожжение Морены и лепешки горячие! Молодняк весь соберется, а она что, дома останется?

— А я сказала дома сиди, не про тебя это, а увижу у огня Священного, житья не дам, — сказала как отрезала склочная баба и юркнула в дом, откуда доносился женский смех и вкусный запах готовящейся еды.

Поняла Люта почему так с ней все обернулось. Раньше тетка пусть и не добра была, так хоть ненависть не проявляла. Как забрали дочку ее в услужение хазарам, как и нескольких других девчонок, так и началось. А все потому что старостина дочка, отвел отец повинность от кровиночки. В расстроенных чувствах Люта повернула в сторону дома, но пройдя несколько шагов, остановилась. Ну и увидит тетка ее у костра и что сделает? А ничего! Подумаешь, ругаться потом станет, ну брату за дочь несколько крепких словечек выскажет, велика беда!

Празднество на улице шло полным ходом. Отовсюду звучал смех, вкусно пахло едой, а чучело с соломенной Мареной ждало своего часа. Потом будут прыжки через костер, омывание талой водой, молодых, что стали парой будут славить, а холостых веревкой обвязывать, как бы помечая. И в конце сожжение Марены, чтобы весна была теплой и солнечной. Ну как такое пропустить?

— Лютка! Сюда иди! — Подружки толпились у костра, каждый раз смеясь и визжа, когда очередной молодец перепрыгивал через костер и непременно подмигивал стайке девчонок, приглашая прыгнуть вместе ту, которая осмелится.

Когда девушка подбежала к остальным, как раз собирался прыгать Милослав, но, увидев Люту и радостно улыбнувшись, протянул ей руку. Люта без слов скинула с плеч теплую одежду и под веселое гиканье и подбадривание, подбежала к Милославу. От прыжка захватило дух, а от последующего поцелуя закружилась голова. Парень помог девушке умыться ледяной водой, а после взяв под руку повел ближе к чучелу. Вот-вот должна была выйти жрица плодоносной богини Живы, чтобы зажечь солому и произнести заветные слова.

— Давай сбежим потом вместе, — шепнул Люте Милослав на ушко, когда они наблюдали за жрицей, подносящей огонь к соломенному чучелу. Все смеялись и улюлюкали, потому парень не боялся, что их услышат.

— А ну как заметят, отец уши ведь надерет, — шепнула ему в ответ девушка, покрасневшая от близости любимого.

— А мы не попадемся.

И только хотел Милослав назад пятиться, потянув Люту за собой, как раздались крики непонятные, как будто дрался кто-то. Повернулся парень к девушке и, оттолкнув подальше от костра, сказал:

— Беги домой, милая. Я вечером у вас буду с отцом вместе, жди меня, ладно?

— Береги себя, Милославушка, — только и смогла произнести Люта, а после бросилась прочь от площади быстрее к дому да только не успела.

Почти добежав до улочки, что к дому вела, она почувствовала, как чьи-то сильные руки вздернули ее вверх и усадили перед собой на коня. Забарахталась Люта, заверещала, а только на губы рука чужая легла и крепко уста сомкнула. «Ну, — смекнула Люта, — все, вот и мой черед пришел, заберут хазары в услужение, вестимо, не хватило им девушек в прошлый раз». Да только в следующий миг удивилась. К дому ее они подъехали, а вот и отец прибежал с площади. Запыхался бедный, вспотел и с ужасом смотрит на Люту.

Сам наместник на празднество пожаловал. Никогда такого не было, да и дань совсем недавно заплатили. «Не к добру визит, зря горшок треснувший сегодня не выкинул, стоит в углу, порчу наводит на дом» [6], — подумал мужчина, глядя на дочь, сидящую рядом с хазарским главой. Вкупе с наместником в селение пожаловал небольшой отряд из двенадцати хазар, все сидели верхом на конях и смотрели сверху-вниз на народ, что ежегодно откупался от них, только, чтобы и дальше жить мирно. Усмешка так и бегала по, хоть и красивым, но диковатым лицам.

Говорил со старостой наместник на его языке, ломано, но понятно и немного с ленцой, периодически растягивая гласные.

— Доброго дня тебе, Любомир.

— И тебе, уважаемый Изу-бей.

— Скажи, Любомир, я хороший наместник?

Староста похолодел. Понял он, неспроста Изу-бей вопрос задал. Глаза хазарского наместника не добро поблескивали, а крепкие руки сжимали поводья до побелевших костяшек. Видно было, в гневе мужик, да таком, что и не угадаешь, чем успокаивать придется. Неужели что-то успело стрястись? Несмотря на теплую погоду, Любомир почувствовал, как кончики пальцев рук и ног стали ледяными.

— Конечно, наместник. В этом нет сомнений.

Изу-бей медленно кивнул и бросил суровый взгляд исподлобья.

— Тогда объясни мне, почему твои люди позволяют себе так дерзко разговаривать с моими воинами? Я хорошо к тебе отношусь, Любомир. Ты мудрый муж. Я беру с тебя разумную плату, не трогаю твой город, не пользую ваших женщин. Взамен требую покорность и уважение. Ужель это бременем для тебя стало?

Староста про себя хмыкнул. Бременем это стало с первого же дня появления хазарского стана на территории племени северян. Женщин наместник и правда не пользуется, ну так его воины не обладают подобным благородством и с удовольствием уводят красивых девиц в стан для развлечения. Пусть и не угоняют в рабство девушек с Глиски, да только от этого не легче. Невест на выданье скоро не останется с такими аппетитами.

Наместник щелкнул пальцами и один из его людей спешился. Только сейчас староста заметил, что на одном из коней, поперек седла лежало тело. Хазар скинул его с крупа, как мешок с овсом, подтянул за ворот рубахи и с усилием бросил под ноги старосты.

Любомир еле сдержал вскрик. В пыли валялся сын кузнеца, дюжий парень с крепкими руками и добрым сердцем. Мальчик был мертв, но прежде, сильно избит и покалечен. От рук остались обрубки, и боги знают, что еще с ним сотворили хазарские дикари. Мужчина понадеялся на то, что отец парня хотя бы жив.

Староста почти справился с обуревавшими его чувствами, как с лошади послышался всхлип. Наместник убрал руку с губ девушки, когда разговаривал со старостой и вот теперь Люта, видя перед собой мертвое тело, пусть не любимого, но знакомого парня, еле сдерживала крик. Такой страшной смерти не заслуживал никто.

Сердце отца замедлило ход. Он не знал, какую плату требует Изу-бей за дерзость мальчишки. Смерть виновного парня, проявившего дерзость и непослушание, для наместника не достаточная плата, за ошибку он берет вдвойне.

— Что же ты красоту такую от меня прятал?

— Оставь ее, наместник, всеми богами заклинаю, дочка это моя единственная, — староста рухнул на колени как подкошенный, глядя в испуганные глаза дочери.

— Раз дочка твоя, значит не зазорно и в жены взять. Боги видят на чьей стороне правда, Любомир. В следующий раз ошибка обойдется вам дороже.

Топот коней не смог заглушить громкий стон старосты и истошный крик Люты. Мужчина, пусть и сдавший после смерти жены, но все равно полный сил и жизни, вмиг постарел.

***

Милослав поправил рубаху с особой праздничной вышивкой и с улыбкой повернулся к матери. Та ответила ему радостным кивком. Хотя и не были они достаточно богаты, чтобы позариться на единственную дочь старосты, да только она была уверена — Любомир против взаимной любви не пойдет, а значит все у ее сына будет хорошо. Будущую невестку она любила: добрая, ласковая девочка и красавица каких поискать. Детки будут загляденье.

— Иди сынок, сватай егозу свою и хлеб взять не забудь. Отец с братом во дворе ждет, как договоритесь, так сразу домой, а я пока все к завтрашнему сговору подготавливаю. Коляда присматривает за тобой.

Милослав молча склонился и поцеловал руки матери, слегка потершись о них щекой. Матушка всегда была на его стороне, кто бы что не говорил. Он вышел из дома и подошел к отцу. Тот, осмотрев сына, только хмыкнул в бороду. Брат же, хмурый и недовольный, решил

высказаться.

— Не нравится она мне, Милослав. Ну не назовут доброго человека Лютой. Знаешь, что про ее мать говорит Белояра? А та врать не станет. Зачем нам в семье такая? На тебя девки заглядываются одна краше другой, а ты замахнулся.

— Люту так матушка перед смертью нарекла, не наговаривай на мою любимую, не тебе с ней жить и детей воспитывать. Она мне милее всех, — сказал как отрезал парень.

Сердце неслось вскачь, ноги за ним не поспевали. Стоило на миг представить, как увидит он милую, обнимет крепко и поцелует в уста сахарные, так голова кругом шла. Куда уж там до недовольства братского.

Добежал он до дома старосты под шутки и смех отца, сунулся было во двор, как остановил его хриплый оклик Брони:

— Стой, Милослав. Опоздал ты.

Парень, все еще улыбаясь и не понимая, что ему говорят, обернулся к кормилице. Старая женщина мяла в руках платок, периодически смахивала с полного лица слезы и тяжело и часто дышала.

— Ты чего говоришь такое, Броня?

— Нет нашей Лютоньки, не уберегли, забрал вымесок хазарский, — Броня громко всхлипнула и грузно опустилась на скамью у забора. Речь звучала сбито и неразборчиво. — Сын кузнеца помер страшно, паразит степной, забрал красавицу нашу в оплату, сказал, еще раз послушаемся, хуже будет. Была бы здесь Лета, не произошло бы горя. Ужо как я не кланялась у алтаря, а не слышит меня Матушка, не нужна ей старая кровь, молодую подавай, силы я где найду на молодую-то?

Голос няни становился все тише и тише покуда совсем не смолк. Нечего ей было больше сказать Милославу. Что не скажи, а Люту это не вернет.

К парню подошел отец и крепко сжал плечо рукой.

— Идем, сынок, нечего нам здесь делать.

Милослав вспыхнул за миг, как хвост от брошенной искры. Скинул отцовскую руку и ринулся в дом.

— Любомир! Где ты, пес старый?! Как ты мог Люту отдать отродью хазарскому! Мне отдать не захотел, а этому просто так выдал! Я два года порог твой обивал, два года с ума сходил. Где ты, скотина вшивая?! — Парень метался по сеним, колотя кулаками все, что под руку попадет, пинал лавки, ругался страшно и не замечал, как по щекам текут слезы.

— Умолкни! — резкий окрик отца не остановил Милослава, тогда мужчина схватил парня за шиворот и выволок наружу, несколько раз отходяв тяжелой рукой по спине и затылку. — Что ты несешь, пустобрех! Как бы Любомир остановил наместника, а? Скажи он ему слово, всю деревню бы уже вырезали да сожгли. Ничего с твоей девкой не случится, глядишь, женой станет хазарской, будет возлежать на подушках, сладости заморские вкушать да тебя вспоминать со смехом, а ты переживешь и будешь молчать! Рот свой откроешь, когда я разрешу, понял?

Милослав проглотил все оскорбления, которые так и вертелись на языке. Он бросил последний взгляд на терем возлюбленной и угрюмо поплелся вслед за отцом. Сердце болело так, что не вдохнуть не выдохнуть, голова гудела от гнева и ненависти к похитителю. Кто бы, что не говорил, а он, Милослав, не будет сидеть и покорно ждать милости хазарского наместника. Кто от счастья своего так легко отказывается, сам никогда счастлив не будет.

Глава 3. Много в мире чудовищ

В дорогу за несметными богатствами, кои укажет чудь, собирались как на войну. Староста тряхнул мощной, снарядив дружину провизией и припасами. Одних стрел каждому выдали по самые не балуй. Ох и жаден был до наживы староста Белозар. Потирал уже потные ручишки, предвкушая, как озолотится, как справит себе нужник из заморского мрамора, как привезет на потеху басурманских танцующих дев из Царьграда, как построит ему собственную ладью, а то и две. Возглавил поход сам воевода.

— Ты уж давай там, Драгомирчик! С белоокого глаз не спускай. Чуть что не так, сразу в рыло ему, в рыло! Но не зашиби. Он мне живой нужен. А уж я тебе... Ох, Драгомирчик заживе-е-е-м! — хихикая бормотал староста, стуча ладонью по груди воеводы.

— Не изволь беспокоиться, Белозар, — со значением ответил воевода. — Никуды твой чудь не денется. Что пообещал, все выполнит. Уж я-то с него спрошу, как надо.

Однако вопреки надменному тону, воевода не был так уверен в себе, как хотел, чтобы казалось. То и дело он поглядывал на громадные ручищи белоглазого. Такими хоть подковы гни да колья в землю забивай. Еще беспокоила воеводу сила, что у таких белоглазых по легендам бывает. Придя по утрам к клети, он так напрямую и спросил чудь:

— Ты же шаман, я верно разумею?

Чудь по обыкновению не спешил с ответом. Обернувшись на воеводу, он уставился на него так, словно видел впервые.

— Кто таков шаман?

— Это я с тебя спрашиваю! — тотчас завелся Драгомир, не зная, что на такое ответить. — Ты в своем племени шаман? Говори правду! Я слышал про таких как ты, белоглазых чудищ!

— Твоя правда не такая как моя. Пленять гостя на празднике это и не правда никакая вовсе.

— Вот как с тобой можно по-хорошему, стало быть, а? Я ж тебе по-людски, по-доброму, а ты вона как! — взревел Драгомир, хватаясь за меч.

— Ходящий я. По-вашему — шаман. Хотя это никакой не шаман. Другое. Тебе не понять, — бесстрастно ответил чудь.

— А иди ты в баню, — махнул рукой воевода.

«Ходящий, в воду пердящий», — мстительно подумал Драгомир уже опосля, глядя в затылок идущему перед ним белоглазому.

Чуди, как было обещано, дозволили шагать самостоятельно. Несмотря на полученные накануне увечья, он двигался вполне свободно. Староста требовал, чтобы белоглазому связали за спиной руки, да воевода только головой качал — бесполезно, порвет любые путы. Так хуже даже, еще дружина не ровен час будет считать, что в безопасности, покуда этот связанный, значит, шлепает. Потому было решено чудь вести в середине воинства, ближе десяти шагов к нему не соваться, луки готовыми к бою держать. Когда Куштунь остался далеко позади, Драгомир отдал стрелкам новые указания:

— Попытайтесь напасть или удрать, бейте, не жалея. Насмерть, чтоб дух испустил, прежде, чем успеет кого подрать. Староста его ценит конечно, да токмо мы тут с вами в лес с этой тварью идем, а не он.

Коней брали только вьючных, потому как, дорог в местах, где Драгомир собирался

богатство искать, никто не прокладывал. Едва оказавшись в лесу, чудь почувствовал приток силы. Внешне никак это не проявляя, он питался ею, шагая нагими ступнями по траве, с наслаждением чувствуя прохладу росы на ногах. Украдкой касаясь стволов деревьев, чудь благоговейно улыбался.

«По что они вырубают леса для своих селений? Жгут корни, вырывают из почвы. А ей больно. Она страдает. Не разумные, запутавшиеся, потерянные. Живут в мертвом дереве, не понимая, что оно больше не дает силы, а токмо забирает, высыхая вместе с их душами», — размышлял чудь, дивясь беспечности окружающих.

Не спеша бредя, когда его не подгоняли, белоглазому удалось поднять с земли камень. Драгомир тотчас всполошился, едва ль не подпрыгивая от возмущения. Чудь смерил его недоуменным взглядом, молча положив камень в рот.

— Сплюй, — скомандовал воевода.

Чудь приоткрыл рот, вываливая синеватый язык. Камня не было.

— Сожрал, — буркнул стоящий рядом ратник. — Ребят, он камень сожрал...

— Смотри не подавись, — злобно прошипел Драгомир.

Чудь смолчал, продолжая путь. Он никогда не отвечал на чужую грубость. Скользя взглядом по сторонам, белоглазый выглядел словно блаженный. Будто не его ведут под стражей, а он гуляет и к тому же один.

По мере продвижения, путь усложнялся. Лесная чаща казалась темнее, хотя еще был день. Лошади то и дело недовольно фыркали. Порой не хотели идти, останавливались. Воинство Драгомира, даром не робкого десятка, продолжало идти, не дрейфя. Большое ль дело, лесная нечисть решила запугать! От доброй стали, да огня не спасут никакие заговоры. Однако и те, кто во все глаза следил за людишками, уверенностью обделены никогда не бывали.

— Ау! — раздавшийся девичий крик, застал врасплох задумавшегося Драгомира.

«Может, показалось?» — подумал воевода, тотчас оглянувшись по сторонам.

«Не показалось», — заключил он, видя, что его ребята тоже кто куда таращатся, вслушиваются.

— У! У! У! — вторил второй голос первому уже с другой стороны.

Воевода злобно зыркнул на чудь, тотчас опустив ладонь на рукоять меча.

— Твои проделки, белоглазый?

Чудь, как и все всматривался в темные провалы меж деревьями.

— Не бойся, мил человек, это аука резвится. Пускай себе дурачится, — ответил чудь.

— Ты чепуху-то не мели, — буркнул Драгомир, надувшись. — Ишь, ты, скажешь! Воевода ничего не боится.

В открытом шлеме, он выглядел донельзя потешно, аки переспелый желудь.

— Где этот аука твой? А ну показывай! — рявкнул воевода, вырывая из рук у дружинника лук и пару стрел.

— Уже убежал, — равнодушно ответил чудь.

— Прикрываешь своих, — с прищуром процедил Драгомир. — Надеешься, высвободят тебя?

Казалось, что это предположение неожиданно повеселило чудь.

— Ужель не свободен я? Мне-то нет дела до богатств, камней да золота, а вы за ними сломя голову абы куда тащитесь. Ты бы дома сидел, да жену ласкал, а со мной, как ведро в проруби болтаешься. Кто из нас не свободен, воевода?

— Много-то ты понимаешь, — ответил Драгомир, но все-таки отстал.

Когда солнце склонилось к закату, в лесу уже почти ничего было не видать. Разбив лагерь, Драгомир принялся стращать своих людей, выставя караулы. Дружина не особо обрадовалась, когда воевода заявил, что спать не будет едва ль не половина воинов.

— А вы как хотели? — развел руками Драгомир, глядя на хмурые рожи своих ратников. — Нам этого камнежора надо охранять, да от прочей нечисти оборону держать.

Чудь, не обращая внимания на перепалку, уселся спиной к стволу крепкого дуба. Прикрыв глаза, он что-то тихонько шептал, поглаживая землю. Нежно, любя, словно успокаивая. Вдруг он распахнул очи. Принюхался. Подхватил щепотку земли, попробовал на язык, пожевал. Его лицо в миг заострилось. Чудь встал, осматриваясь.

— Воевода, здесь нельзя оставаться, — проговорил наконец белоглазый.

— Не твоего ума дело, где нам разбивать лагерь, — буркнул тот в ответ.

— Воевода, это очень плохо место, — произнес чудь, все время озираясь.

— Ты бы рот свой прикрыл, да людей мне не баламутил, — рыкнул на него Драгомир, подсакивая и хватая за шею. — Что ты за чудовище проклятое? Испрашиваешь его — молчит, просишь замолчать — какую-то чепуху болтает!

Чудь смерил воеводу взглядом и отвернулся. Он замер, не говоря больше и словечка. То ли обиделся, то ли, решив, что уловка не удалась, успокоился. Дружинники расходились по постам, те, что остались в лагере готовились ко сну, жуя солонину, которую запивали квасом. Совсем молодой светловолосый кудрявый парнишка хотел было отнести немного пожевать белоглазому, но воевода только шикнул на него, добавив:

— Он уже поел сегодня.

С приходом ночи лес наполнился новыми звуками. Где-то вдалеке кряхтела выпь. Ее хриплый булькающий голосок, слышался совсем иначе, когда вокруг непроглядная мгла. Света от костров не доставало, да и то дело, разве ж это свет? Отойти три шага, руки вытянутой не увидишь. Следом за выпью принялась голосить кукушка. Чудь заметил, как несколько человек переглянулись.

«Боятся, — подумал белоглазый, следя за ратниками. — Думают, безобидная птица им грядущее предскажет. Не того вы боитесь, неразумные».

Поднялся ветер. Зашумели ветки, да так, что скрадывали все прочие звуки. Языки пламени костров то и дело вспыхивали, ярче освещая окрестности. Полетели искры, увлекаемые порывами ветра. Дурной знак. Чего доброго, лесной пожар учинится. Никому такого не надобно.

А завывало все громче, словно и не ветер это вовсе, а сама ярость лесная. Чудь сидел неподвижно, опустив ладони на дерн. Его зрачки то сужались, то расширялись. Ноздри подергивались. А ну как чуял кого-то. Молчал белоглазый, да и кому тут можно было что сказать. Очередным порывом ветра дрожащее пламя костра раздуло пуще прежнего, да так, что вся округа просияла. Тут и заорали ратники, закричали натужно, подхватывая оружие, да сбрую боевую вздевая. Воевода вскочил, с холодным шелестом извлекая меч из ножен и как завопит:

— Чудь, ты опять баловать удумал?

Белоглазый даже ухом не повел, так и сидел, глядя Драгомиру за спину. Тот обернулся, да как подпрыгнет, бранясь на чем свет. И хоть увиденное застало его врасплох, воевода не зазря свою похлебку жевал, да под старостой не один год хаживал. Поднял он свой люд, плечом к плечу поставив. Сказать по правде, все заняло считанные мгновения, но до чего ж

это было страшно. На дрожащий свет костров повылазили такие уродища да твари, что хоть глаза себе повыкалывай, лишь бы не видывать погани этой. По одной руке, по одной ноге, да по одному глазу было у существ, что на воинство Драгомира вышли. Чтобы перемещаться, непонятные твари раскорячивались, складываясь напополам и шагали, опираясь то рукой, то ногой. И уж как проворно то у них получалось. Глухо рыча, подчавкивая слюнявыми ртами, рванули они в атаку. Ветер взвыл истошно и протяжно, в раз разметав кострища. На стоянку людей опустилась тьма-тьмущая, только одинокие разбросанные угольки в черноте мерцали.

Отовсюду слышались крики и ругань. Кто-то истошно визжал и в крике этом слышалась боль истовая. Рвали воинов дивьи люди. Ох и рвали, метавшихся аки котята слепые, ратников Драгомировых. Верный путь избрал воевода, и правда камня несметные лежали в этих землях. Да вот беда, нашелся у сокровища того уже хозяин. Дивьи люди очень редко встречались. Поговаривали, что они не способны сами по себе плодиться. Стало быть эти пропащие друг друга по ночам и ковали. В недрах земной тверди, оскорбляя землюшку-мать, строили дивьи свои печи и ковали. И уж такое эти заблудшие ковали, что порой и в страшном сне не каждому приснится. Почуял вкус их смрадного дыма, чудь белоглазый, но кто ж послушает пленника.

А меж тем, шел бой не на жизнь, а на смерть. Оправившись от первого внезапного удара, ратники образовали кольцо, стоящие внутри того кольца, спешно поджигали факелы. Оказавшись на свету дивьи тотчас отступали. В открытом бою мало у них было шансов супротив Драгомировой рати. Еще трижды за ночь приходили дивьи. Но лишь четверых недосчитался на утро воевода.

Когда первые лучи солнца проникли под пышные кроны леса, Драгомир подошел к белоглазому, странно посматривая. У ног чуди, да еще в сторонке рядом, валялись останки странного существа из тех, что ночью бушевали. Да только не разрублено оно было, уродище это, а разорвано аккурат напополам.

— Что же мне, поверить теперь, что за нас ты дрался, а не наслал этих тварей?

— Зачем тогда спрашиваешь? — ответил чудь, поднимая свои холодные пронизательные глаза.

Воевода кивнул. Поморщился. Глянул в даль, потом на чудь. В затылке почесал.

— Ладно, — сказал он, словно соглашался с самим собой. — Ты и правда предупредал. Коли найдешь для нас каменьев, да злата дюже богато, отпущу. Скажу старосте, так мол и так, зарылся в землю, там его и знали.

Чудь никак не отреагировал на снисходительность воеводы. Тот это заметил. Нахмурился.

— Не рад ты, я вижу? — раздраженно спросил Драгомир.

— А чему мне радоваться, воевода? Тому, что ты мою свободу отняв, ее мне же и продаешь за злато да камни?

— Не могу сказать, чтобы не ждал от тебя такой вот пакости, — буркнул воевода, но чудь в покое оставил.

Белоглазый сдержал слово свое, навел людей Драгомира на жилы со златом. Благо рядом они были. Не зря дивьи ночью огрызались. Прямо под ногами лежали каменьев, да жилы с рудой порочного желтого металла. Едва рудокопы начали вгрызаться в камень, явились первые находки. Драгомир был очень доволен. Он суетился вокруг ям, едва сам не лез рыть прямо руками.

— А каменьев? Каменьев тут тоже имеются? — спрашивал он у чуди, едва не

подпрыгивая.

— Есть, воевода, все есть.

— Ну, так показывай! Где копать? Какие камни?

Чудь поднял глаза на Драгомира, в который раз видя нового человека. Грудь воеводы вздымалась от тяжелого дыхания, то рука, то нога нервозно подрагивали. Очи его горели истеричным пламенем опьяненного одурманенного золотом несчастного.

«Никогда он меня не отпустит, — заключил Чудь, глядя в те глаза. — И никогда ему не будет достаточно».

— Вы хотите камения? — спросил белоглазый, опускаясь на колени. — Извольте. Берите. Собирайте.

Чудь припал ладонями к земле, низко наклонился, коснулся губами. В тишине, опустившейся на головы ожидавших чуда ратников и рудокопов, скрипнули недра, затряслась под ногами каменная порода. Люди перепуганные, казалось, в миг забыли про камни. Да куда там? Никогда они о них не забудут. И тогда стали самоцветы появляться. То малахит из ниоткуда на траве покажется, то рубин, то топаз. То мелкий, то размером с земляничную ягоду! Ох и что тут началось!

Ратники ползали на брюхе, шаря перед собой руками, окончательно потеряв остатки разума. Воевода не лучше прочих, скакал аки козел, успевая покрикивать на обезумевших воинов. А камни все появлялись и появлялись. Не было числа сверкающим ослепляющим разум камням. И хоть хватило бы тех сокровищ на каждого, ратники начали меж собой драться. Чудь даже не успел понять, кто первым выхватил меч. Чарующую тишину лесной чащи наполнил лязг металла в руках чудовищ, убивавших друг друга за мертвый камень и металл. Он ничего более не сказал и не сделал, развернулся и ушел, даже не скрываясь. Потому как знал белоглазый, некому теперь его охранять, да страшать. Не до него им сейчас.

Глава 4. Загадай желание

Когда к власти у хазар приходит новый каган, ему предстоит пройти непростое испытание. На шею предполагаемого правителя накидывают петлю и душат. Шелковую веревку, крепкую настолько, что, как не тяни не порвешь, затягивают, пока будущий каган не начинает задыхаться. Тогда у него спрашивают: «Сколько править будешь?». Он судорожно выплевывает число, которое и становится сроком его правления. Верили степные воины, в возможность предвидения судьбы в крепких объятиях смерти.

Люта чувствовала себя точно так же, будто бы на ее шее затянули шелковую веревку и тянут покуда сил хватит. А она лихорадочно скребет по шее, оставляя длинные, алые царапины на белоснежной коже и скулит, скулит от боли в легких. Не вдохнуть не выдохнуть, не закричать, не воззвать к божьей милости. Отвернулся Ярило, уснул Велес, нет поблизости Сварога и Перун решил отвлечься от истины. Кого о помощи просить? Кому жаловаться на судьбу бестолковую?

Покрыли голову девицы платком шелковым, нарядили в платье новое, показали жестами, чтобы сидела да не дергалась, ждала суженного. Не Милослава... Станет отныне она женою Изу-бея, наместника хазарского. Да не первой, а второй. Главную жену она видела мельком, но и того хватило. Злые раскосые глаза прожигали в ней дыру. Еще бы мгновение и пальцы первой жены, которые нервно подрагивали при виде Люты, сомкнулись бы на хрупкой шее новой забавы наместника. А возразить она не могла, у хазар право было до десяти жен иметь, что тут скажешь, даже, когда хочешь быть единственной.

Первая слезинка скатилась по щеке и растворилась в ткани свадебного платья, для нее все одно что погребального. Маленькие кулачки скомкали платок, словно разорвать его в клочья хотят, а силенок маловато. Нет сил у нее ни как у парней дюжих, что по осени бревна рубят, что колдовских, как у нечисти лесной. Дал бы ей кто крупиночку, уж она бы развернулась! Наместника этого так заколдовала бы, ухх!

Что именно ухх, Люта не знала, колдовство казалось ей чем-то страшным, не избыточным и бесконечно далеким. Кормилица, когда девушка маленькая была, каждую ночь страшные сказки ей рассказывала. И про русалок — девиц с зубами острыми, да хвостами скользкими, а на руках не ногти, а когти, и про банников, что людей до смерти исхлестать могут чуть что не по ним. Сказок этих у бабки видимо не видимо было, одна страшнее другой. Да только ни русалок, ни леших, ни банников Люта так и не увидела, и в сказки верить перестала.

Тихая служанка проскользнула в шатер к невесте и шурша подолом подошла к девушке.

— Дар невесте от первой жены, луноликой Хатум.

Рядом с Лютой на ковер легло серебряное кольцо с черным камнем, таким красивым, что девушка, не удержавшись сразу же протянула к нему руку, но тут же одернула. Служанка подбодрила ее кивком и легкой улыбкой, мол, бери, подарок же, чего боишься. Люта несмело взяла в руки кольцо и заворуженно стала разглядывать камень.

— Слово небо звездное, — прошептала она и примерила колечко на руку. На секунду ей показалось, что металл слегка сжался вокруг ее пальца и потеплел, но она тут же отбросила глупые мысли. И чего только от волнения не привидится.

— Спасибо ей скажи, очень красивое, — Люта с благодарностью взглянула на служанку. Та в ответ поклонилась и вышла из шатра.

«Надо же, а я думала, что первая жена злится, что Изу-бей еще одну женщину в дом привел, а она подарки шлет. Странные, хазары эти». — Девушка покачала головой. Вроде и приятно, а замуж все равно не хочется за наместника. Чего ей кольцо то, если с нелюбимым жить придется, еще и с женщиной другой делить.

Так задумалась Люта, что и не заметила, как предмет размышлений совсем рядом стоит и с интересом рассматривает ее.

— Не успел женой сделать, а тебе уже подарки дарят, особенная ты, Люта. Я не ошибся в выборе.

Вздогнула девушка и испуганно накрыла кольцо ладонью. Никто иной как наместник, разглядывал ее со снисходительной улыбкой на губах, глаза, вот только, как отметила девушка, холодными оставались. Лед и то теплей покажется. Наместник помог подняться ей с ковра и обошел вокруг.

— Хороша, колечко только к глазам не подходит, — цокнул наместник, взяв ладонь девушки в свою руку. — Я еще подарю, будешь вся в золоте и шелках. Главное — послушание, да, Люта?

Пальцы девушки похолодели и мелко задрожали. Крепкая мужская рука сильней сжалась вокруг хрупких пальчиков.

— А если не будет послушания? — она бросила осторожный взгляд на наместника. Его губы сжались в тонкую линию и после недолгого, но красноречивого молчания, он словно бы сплюнул:

— Смерть кузнеца сказкой покажется.

Когда Изу-бей покинул шатер, Люта еще какое-то время удерживалась на ногах, но стоило ей выдохнуть задержанный воздух, как ноги подогнулись, и она мешком опустилась на ковер.

Сквернавец, головорез, чужеяд, а она женой такого станет. Это что же, сидеть ей теперь как в клетке, обвешиваться золотом да камнями, а чуть слово поперек, так в землю? Подорвалась Люта с места, заметалась по шатру из стороны в сторону, колечко так и вертит на пальце и думает, думает, думает. А ничего не придумывается. Сбежать не сможет, всюду хазары обложили, сказать наместнику, мол, не мил ты мне и того хуже, без разговора голова полетит. Остановилась девушка, сжала ладошки в кулачки и взмолилась всем богам:

«Трижды славен будь, Коляда-батюшка! Весточку бы Милославу отправить, дать знать любимому, что жду я его. Сбежали бы вместе и оставили все позади. А отец понял бы и простил».

— Лютка! Тьфу, блин, дура. Заканчивай мечтать, вечно в облаках летаешь.

Люта будто ото сна очнулась и посмотрела в сторону выхода из шатра. Там, отогнув полог и постоянно оглядываясь назад стояла Радислава. Она подошла ближе и поспешно сунула в руки девушки чашу с водой, сжала на мгновение заледеневшие ладошки и скороговоркой пробормотала:

— Готовься, Люта. Выведу вечером. Идешь, не оглядываясь, за мной, ни на кого не смотришь, а если спросит кто, молчи! Милослав у леса ждать будет, как выведу за ограду, так побежишь, что есть мочи, к опушке. Сейчас гулянье идет в каганате, стемнеет и пойдем.

— Радислава? Ты что ли?

— Я что ли, — передразнила девушку сестрица по тетке Белояре. — Вечно, Лютка мужики за тебя готовы и в огонь, и в воду, а кому-то приходится всю работу за вас делать.

У Люты от счастья дыхание аж перехватило. Совсем она голову сломала о том, как

быть, а тут такой подарок! Чуть в ноги сестре не кинулась. Схватила ручки да так через платок и начала нацеловывать.

— Спасибо тебе, солнце ясное, спасибо, Славушка!

— Тихо ты, бестолочь, еще громче поори и никакого Милослава не увидишь, а вместе с ним и я головы лишусь!

Люта ахнула и тут же застыла столбом, примерно сложив ладошки на коленях. Единственную возможность освободиться и быть с любимым упускать было нельзя.

— Сиди здесь, скоро вернусь, — наказала ей Радислава и скрылась за дверью.

Люта извелась вся, покуда дождалась нового появления сестры. Но вот хрупкая рука вновь отводит ткань в сторону и, тихая как мышь Радислава проскальзывает внутрь. Приложив палец к губам, она поманила за собой Люту, по пути накинув той на плечи дорожный серый плащ.

Шли долго, то останавливаясь и прижимаясь ближе к шатрам, то чуть ли не бегом до следующей. Самый главный большой шатер, где наместник со своими людьми праздновали его вторую женитьбу, остался далеко позади. Люта постоянно спотыкалась, но крепкая хватка сестрицы не давала упасть. Как Радислава видела что-то в этой темноте, девушка не понимала, да и понимать не хотела. Главное было добраться до спасения. Крики, улюлюканья, музыка от веселящихся хазар были уже едва слышны, когда Радислава остановилась и несколько раз громко ухнула как сова.

По началу ничего слышно не было, но вот раздалось ответное уханье и Радислава, крепко сжав руку Люты в своей, повела ее дальше к самой опушке леса. Из-за деревьев показался силуэт, а из темноты вынырнули два человека.

Все еще осторожничая, мужчины подходили не спеша, но стоило разглядеть Милославу Люту, как он тотчас сорвался с места и, подбежав, крепко обнял девушку.

— Уже не чаял увидеть тебя, Лютонька, — пробормотал парень ей на ухо, под недовольное хмыканье второго мужчины. «Бажен», — узнала Люта брата возлюбленного. Она поежилась от взгляда парня и уткнулась в плечо Милослава. Никогда Бажен не любил ее, стороной обходил, слова обидные бросал.

— Все, Лютка, дальше сама, — махнула рукой Радислава и взглянула на Милослава. — И чего ты ее выбрал, понять не могу.

— А тебе и не надо, — ответил ей парень, не глядя и не замечая, как вспыхнули обидой глаза девушки.

Радислава молча отступила от них, отвернувшись и побежала обратно в стан.

— Пойдем, Лютонька, нельзя здесь оставаться, мало ли, когда наместник праздновать закончит.

Милослав потянул Люту прочь, в глубь леса, Бажен последовал за ними угрюмой тучей. Шли проторенной тропинкой в сторону от деревни. За плечами Милослава Люта увидела небольшой мешок.

— А куда же мы, Милославушка? А что если наместник домой ко мне придет да со злости отца убьет? Может можно было как-то предупредить его, хоть через Броню?

— Не успели мы, Люта. Мой отец предупредит, не переживай. Ничего наместник селению не сделает. А идем через лес, еда есть с собой, воды с речки напиться можно. Как выйдем из леса, так по главной дороге пойдем до Городец. Идти три дня, но мы сможем, сможем же?

И такой голос у него был! Полный надежды, любви, счастья, что помутился рассудок у

Люты на миг. Кивнула она ему, потом поняла, что не видит возлюбленный, впереди ведь идет и кое-как выдавила из себя.

— Конечно сможем.

Через час Бажен оставил их и ушел в сторону селения. Видно было, он за брата беспокоился, но и отца оставить не мог. Постояли братья с минуту, положив ладони на плечи друг другу, а потом молча отвернулись и пошли каждый своей дорогой.

Шли всю ночь, пока от усталости Люта ног чують перестала, взмолилась об отдыхе, Милослав нехотя, но все же решил, что отдохнуть и правда стоит. Сели в притирку друг к другу на поваленное дерево, перекусили. Милослав шубу постелил, чтобы Люта смогла немного поспать, да так оба, обнявшись, и не заметили, как уснули.

Если бы была возможность повернуть все вспять, то этот самый момент Люта бы изменила, отдав взамен все, что у нее было или будет. Сколько бы раз она не думала о нем, столько же винила себя за пустоголовость, доверчивость и глупые надежды. Когда ты маленькая девочка в мире больших и сильных мужчин — у тебя нет надежды, у тебя есть только ты.

Проснулась Люта от тишины. Не той приятной тишины, что в лесу бывает, но все равно слышны где птичий вскрик, а где стук дятла об кору дерева, а мертвой. И не проснулась, а словно вздрогнула и тут же глаза открыла.

— Крепко спишь, Люта и бегаешь быстро, смотри как далеко забралась. Знал бы, не посадил на коня, а привязал веревку к седлу, а другой конец закрепил бы на твоей шее, так бы до стана и доехали.

Этот говор, эта привычка растягивать слова, лениво перекатывая непривычные буквы на языке, будто толкнула девушку в спину. Испуганный вой вырвался сквозь сжатые губы. Платок, которым Люта замотала голову, чтобы потеплей было, она нервно стянула вниз, черные распущенные волосы растрепались и покрыли плечи, словно шелковое покрывало, коснувшись почвы.

Милослава, связанного и избитого, подвели к ней и, ударив по ногам, заставили встать на колени напротив Люты. На парня было страшно смотреть. Некогда красивое лицо затекло и опухло, одного уха не хватало, разбитые губы кровили, а нос был рассечен. Он хрипло и надрывно дышал, отчаяние в глазах смешалось с сожалением, когда их взгляды встретились.

Люта давилась слезами, протягивала руки к возлюбленному и тут же одергивала, страшась сделать ему больней. Тяжелые шаги Изу-бея раздались совсем рядом, он подошел к Люте со спины и, схватив девушку за волосы, слегка приподнял ее, заставляя шипеть от боли.

— Ты не захотела стать моей женой, но не станешь и его. Я опозорю тебя, Люта, так же как ты опозорила меня перед моими людьми, сбежав ради мальчишки, предпочтя его, а не наместника.

В голове Люты зашумело, она не слышала, что говорил дальше наместник, не слышала гогота воинов и отчаянного крика Милослава, не чувствовала жадно шарящих по ней рук. Резкая боль внизу живота заставила девушку громко выдохнуть и сжать зубы, так крепко, что еще чуть-чуть и скрошатся все до единого. Наместник брал ее резко, безжалостно, оголяя перед всем каганатом на опушке леса, разрывая платье свадебное, перед тем, с кем она мечтала возлечь, первым и единственным.

Что-то черное неясное, еще только зарождающееся, поселилось в груди Люты и уютно устроилось под сердцем. Она заглянула в глаза Милослава и вместо себя увидела в

отражении тень, мелькнувшую и тут же исчезнувшую, словно и не было. Милослав плакал как дитя, трясся и выл, не в силах прекратить бесчинство. Наместник последний раз с силой двинулся и вздрогнул, а после отбросил от себя девушку, сплюнув в сторону.

— Теперь ты моя служанка, понесешь — для тебя это будет к лучшему. Нет — мыть ноги мне будешь до конца жизни. А сейчас смотри, Люта. Смотри на свой выбор.

Она бы хотела зажмуриться, хотела бы зажать уши руками и никогда не слышать более. Все, что происходило на поляне, стало одним непрекращающимся кошмаром, от которого не было сил проснуться. Между ног саднило, сил кричать больше не было, да и, кажется, голос пропал, она не могла и слова сказать. Ресницы слиплись от слез, а волосы смотались в один огромный колтун.

— Смотри, Люта! Отведешь взгляд, убью и отца твоего!

Резкий взмах мечом и голова Милослава скатилась вниз, упав на землю. Изу-бей поднял голову за волосы и бросил Люте на колени. Девушка судорожно обхватила брошенную ей подачку и опустила взгляд вниз на остекленевшие и застывшие навсегда глаза Милослава.

«Загадай желание, Люта»

«Не умирай, Милославушка...»

«Выходи за меня, Лютонька»

«Я...прости меня»

Изу-бей, не дождавшись от Люты так нужной ему истерики, вырвал отрубленную голову у нее из окрасившихся в красное рук, и насадил на вбитое в землю копьё.

— Запомни, Люта, будешь перечить мне, я украшу заставу головами всех в твоём селении.

Он отошел от девушки и крикнул что-то на своем диком гортанном языке. Тут же подскочил воин и не церемонясь дернул Люту за руку вверх, заставляя подойти к коню. Он ругался на нее, толкал в спину и дергал за волосы пока не перекинул ее через седло, словно мешок с зерном. Когда добрались до стана, там уже ждали служанки. Ее кинули им под ноги и приказали вымыть и дать одежду. Если тогда, когда она появилась здесь впервые, ее бережно омывали в лохани с душистыми травами, то сейчас просто содрали оставшиеся тряпки и вылили ведро ледяной воды на голову, сунув в руки какую-то одежду и толкнув в сторону костра, чтобы обсохла быстрее.

Люта натянула на голое тело грубую ткань и подошла к костру, сжалась в комочек. На руках все еще оставалась кровь Милослава, она въелась под ногти и, казалось, останется там навсегда вечным напоминанием о ее ошибке.

Люта вздрогнула, когда рядом кто-то замер, а в ухо змеей зашипели.

— Это ты виновата, стерва. Если бы не ты, Милослав был бы жив. Я с детства мечтала с ним быть, но везде твоя черная мерзкая коса мелькала. Так знай, это я сдала вас. Если Милослав не со мной будет, то и не за чем жить ему на этом свете. А ты теперь там, где тебе и место!

Тихий смех Радиславы просачивался в голову, как вода сквозь землю утекает. Он впитывался в сердце и душу, как вода впитывается в корни деревьев. Они кормятся ею, как Люта кормилась отныне гневом своим. Девушка на миг прикрыла глаза, сглатывая колючий ком в горле. Когда она распахнула очи, на миг в них вновь мелькнула тень и тут же исчезла, ее заменили отблески огня. Никто не заметил неотвратимых перемен в девушке, да и кому это надо было. Какая разница хищнику, как сильно злится его добыча.

Глава 5. Люди добрые, злые, разные

Белоглазый долго брел через лес, размышляя куда податься теперь. Порой он останавливался, устраиваясь на попавшийся на пути валун. Прикрыв глаза, сидел без движения, созерцая. Чтобы суть вещей увидеть, не обязательно быть зрячим. Губы беззвучно шептали, но не было на свете живого иль мертвого существа, к которому чудь обращался. Иногда он разговаривал с камнями, выслушивал их истории, гладил и оставлял позади. Чаще всего белоглазый попросту скитался, словно без цели, бормоча под нос странные слова.

Ветер носит сонмы пыли,
Ветер статен и могуч.
Чудь за брата ходит с ветром,
Знает каждой двери ключ.
Встанет солнце, дождь прольется,
Утопя за горкой сны,
Чудь откроет сердце мира,
Штольни родные темны.
Сгинет день, луна родится,
Заберет лихих вину,
Очи чудь раскроет снова,
Смотрит в бездны глубину.

Белоглазый недолюбливал людские селения и еще больше крупные города. Ему претили стены и деревянные срубы, крыша, заслоняющая небо, толкотня на базарах и шумные гуляния. Проведя с вятичами два дня, чудь радовался, что наконец остался один.

Кожаный кошель на поясе теперь был пуст. Все самоцветы забрали. Воевода дюже жадный, да на руку скорый оказался. Обчистил чудь пока до клетки вели и глазом не моргнул. Потом староста приходил, тоже руки в кошель совал. До чего же противно стало белоглазому от того, что они так поступают. Не за себя, за них стыдно.

«Вы думаете, что унижаете пленника, но черните самих себя».

А ведь то были самоцветы на выкуп родичей. Когда еще удастся достать новые? Растратил чудь силы понапрасну, жадных зверей в доспехах одуряя, со следа своего сбросив.

Белоглазый мог часами сидеть, уставившись в одну точку. А мог сорваться в неистовой звериной прыти и бежать, аки бес, на руки длиннющие опираясь. Он гнал мысли прочь, погружаясь в особое состояние, которое его племя звало чудным словом недумь. Если задавать себе вопросы, то рано иль поздно, да сыщешь на них ответы. Только даны те ответы будут тобой же, а коль так, грош им цена.

Ежели хочешь испрашивать мудрости, обращай к тому, что было до тебя и что будет после, когда весь род твой изведен будет. Заглядывая за пределы сознания, белоглазый избавлялся от мыслей и тревог, забывал обиды и невзгоды, отпуская спокойный и чистый разум. Ему не нужны были деньги и белы палаты, дорогие одежды и заморские яства. Все, что окружало вокруг, стало домом и богатством для чуди. Не нужно было говорить, чтобы быть услышанным. Не следовало просить, дабы быть одаренным.

Порой чудь настолько погружался в размытую пелену недумья, что двигался очень быстро, даже когда не перемещался бегом. Это при людях из рода вятичей он шел прямо. Смущать не хотел. Когда вокруг был только первородный и чистый мир, белоглазый давал

волю своей древней и могучей природе. Он мчался, петляя между деревьями, огромными прыжками покрывая расстояние в десяток аршин. Купаясь в бурлящей в жилах силе, он радовался ветру на щеке и росе под ногами, касаниям листьев и ароматам трав.

На второй день пути, чудь вышел к широкому полю, через которое пролегал дорожный тракт, расходящийся распутьем. Невдалеке виднелся перелесок, где белоглазый и решил спрятаться. Место то было весьма оживленное. Многие купцы ходили здесь. Их чудь и решил спрашивать о родичах. День минул, второй к концу подходит. Наконец появились купцы, при охране, как положено. Белоглазый закрыл глаза, к земле прижался и стал слушать. До него донесся обрывок беседы.

— Как лихо окаянное народ травят, — сокрушался мужичек с пышной черной бородой и кустистыми бровями. — В сечень [7] деревню у древлян пожгли, да люд увели. Зачем? Дань те платили исправно, сам торговал с ними, сытые дома, совсем не пропащие. Лихо попутало ихнего кагана, зуб тебе даю, лихо.

— Лихо не такое до крови жадное, — в тон ему прохрипел седовласый старец. — Вымесок он. Люди то знают. Потому и дичи нагоняет. Чтобы не смели головы подымать, стало быть. Гнида степная!

— Ты верно хмельной али приболел? — шикнул на хриплого собеседник. — Голова тебе наскучила такое хоть и в поле болтать.

— Я волк без роду и племени из-за таких как твой каган. Мне терять нечего, от того я и на язык свободней тебя.

Чудь бесшумно выскользнул из своего укрытия, двигаясь над самой землей, извиваясь словно змей. Выкатился на тракт, только его и знали. Купцы от неожиданности, чуть не побелели. Глядь, чудь стоит, зенки белы распахнув, руки на груди скрестив.

Повозки, коих шло пять при лошадках, остановились. Мужичье из охраны наземь повскакивало, да за топоры взялось. Белоглазый стоит и мускул не дрогнет, только отворились сини уста, молвив:

— Доброй дороги, да тяжелой мощны, люди купецкие.

— И тебе не хворать, — сосредоточенно начал бородатый купец, но его оборвал старик.

Ткнул в бок, наклонился к уху и зашептал:

— Слушай сюда, Красиборка. Это же чудь белоглазая. Все дай, что он испросит, а взамен сам требовать сможешь.

— И тебе не хворать, э-э-э... — купец повторил приветствие, запнувшись от того, что не знал, как к белоглазому обращаться.

— Чудь белоглазая, — помог ему чудь, равнодушно взирая. — Товарищ твой все верно понимает.

Купцы присмирели, даже старик, что петушился прежде, сидел, да помалкивал. Охранники, почуяв, что чудь какая-то может супротив них и посильнее оказаться, тоже топорики поопускали. Смотрят, ждут, не спешат с жизнью зазря расставаться.

— Чего заробели? — тягучим голосом продолжил чудь, все так же не двигаясь, да руки на груди держа. — Ужель вы и про чудь лихие сказания слышали, как про кагана окаянного?

— Я всяко слыхивал, — кивнул старик, но тотчас добавил. — Чему верить не скажу, сам зла не видывал. И надеюсь не бывать тому и впредь.

— Значит не видел ты чуди люд, что на продажу ведут? Мой род на рынках невольничьих не встречал ли? Может, кто сказывал, коль сам не видел?

Старик только помотал седыми копнами волос. Купец же с черной бородой сидел да

помалкивал, как вдруг опомнился, словно водой из ведра окатили.

— Слыхивал! Я слыхивал! У радимичей торговал пять седмиц назад. Был там купец один из ромеев, за пушниной приехал, стало быть. Не из богатых вестимо, раз сам приперся к нам. Он хвалился, что его господин из земель диких, тобишь наших, заказал чудо-люда себе ко двору. До всяких диковинок, говорит, мой господин жаден. Есть у него и бабы арабчанки и смуглолицые аки ночь, а чудь-люда за жисть не трогал, даже не видывал.

— Кому тот господин заказ на мой род оплачивал, сказывал тот человек? — медленно выговорил чудь.

Вроде спокоен белоглазый был, а зенки так и сверкают! Вот страху-то стало. Глазищи выпучил, а зрачки чернющие, как у рыси вертикальные. Руки с груди убрал, а на пальцах когти, каких у медведя не сыщешь.

— Так вестимо кому, — вздрогнув, ответил купец. — Не много у нас тута душегубов, что добрых людей в рабство похищают.

— Где они сейчас, не говаривал?

— Нет. Да он и не мне это все говаривал, по чести ежели, — признался чернобородый купец. — Я стало быть подслушал краем уха.

Чудь кивнул. Помолчал немного, да молвил, оборачиваясь к распутию:

— В какую сторону путь держите?

— Туда, значит, — пробормотал купец, неуверенно.

Чудь сощурился, глянул, куда бородастый рукой указал. Опустился наземь, ладони приложил к дерну. Замер.

— Дуб видишь вдалеке одинокий?

— Ну.

— У дуба мухомор с пол аршина росту. Из телеги вылазь, да грибу поклонись, когда там проезжать будете. Положи что-нибудь, яблочка, рыбки вяленой, да поболе, не жадничай, купец. То леший играет, путников в своем бору встречает. Подарочек да уважение выразишь, он вам дорогу расчистит от разбойников, да лихих людей.

— А там разбойники опять? — удивленно протянул старец, друг купца чернобородого.

— Если есть, леший им тропы спутает. Не жадничай. Умасли лесного хозяина, — ответил чудь, разворачиваясь. — Бывайте, люди добрые. Благодарствуйте за помощь в поисках.

Белоглазый скаканул, только охнули люди, да помчался к лесу. Отплатил добром за помощь, пора и честь знать. Но ждать пока они очухаются, да жадность и подозрительность в них разыграют, чудю не надобно. Опять просить будут найти для них даров земли-матушки. Не в богатстве, злате, да камениях тут дело. Уж каких только напастей, чудь белоглазый не видывал, когда голову теряют, увидав сокровища. Люди простые, добрые, злые, не важно то. Все как один становятся дикими. Позабывают заветы чести, да обещания, на все готовы ради металла проклятого.

Мчался чудь через лес, а в голове все мозаика не складывалась. Не подступишься так просто к хазарам. Пленят сразу же, только увидят. И то сказать, пленят-то, ежели не перепугаются, да со страху стрелами не истычут. Иногда для того, чтобы победить, нужно поддаться, подпустить врага к себе поближе. С тяжелым сердцем, припустил белоглазый, понесся едва земли касаясь в сторону каганата проклятого.

Ох и тяжелые времена на долю людей в ту пору выпали. Пока одни меж собой силою мерялись, другие страдали, да кровушкой умывались. Откель угодно угроза могла явиться,

всю жизнь на до и после, словно топором разрубая. Там, где сегодня цветущий луг был, завтра может сожженная гола земля оказаться. Где из трубы дым поднимался в чистом доме, да смех детский звучал, может пепелище, да скверна остаться. А люди все одно боялись лешего, да кикиморы, банника ругали, да от Ягги лесной заклинались.

«Ох, не от тех вы зла лютого ждете, неблагодарные. Разучились на добро, добром отвечать. Забыли в своих землянках, кто земледелию учил вас, кто богатства гор вам отдал, да плавить научил на топоры и молоты».

Выйдя к берегам Славутича [8], чудь рыскал в поисках новых людей, сведущих о его племени. Идти в каганат на рожон, ох как не хотелось. Не страшился белоглазый смерть там свою найти. Знал, что прийти заместо него некому будет. Изводили чудь люди недобрые. Мало осталось их. А среди тех, кто остался, многие силу теряли, да тропы забывали горные. Кто родился на свет за последние сто пятьдесят годин, ни один не получил белых глаз. Чудь знал, что где-то за горами Рифейскими [9], лежит дом старшей ветви сородичей его. Да только шли годы, а связи с той веточкой затерялись. Ходить перестали чудь друг к другу ходами подземными. Забывали дороги, да тропы свои тайные. Иные камнями засыпало, прочие сами собой в такие узлы увязывались, что даже чудь Ходящий не мог взяться их распутывать. Омертвела память предков, да родичей. Становились все как один камнями серыми.

Следующих купеческих людей, чудь белоглазый повстречал так вдоль берега и идя. Совсем небольшой караван, всего две телеги. Молодой муж сидел за вожжами, да девчушку малую на коленях держал. Сразу видно было, что дочка его, глазки, носик, ну один к одному батины. В телеге еще два мужичка раскачивались, да одна бабонька. Та пела дюже душевно. Затянула песню, издалека еще слышится, да так складно и сладко, что чудь заслушался, не выдержал.

Коль я милого узнаю,
Спать ложась за закатом,
Я сплету ему из солнца,
Знамя месяца собрата.
Выйдет милый в путь дорогу,
Поклонится напоследок,
Я признаюсь, что гадала:
Счастье будет, много деток!

Во второй телеге сидели три витязя. Красивые мужи, да статные. При хорошем оружии. Чудь за версту учуял, то сталь харалужная [10], добройковки. Чтобы не пугать людей добрых, белоглазый вышел к дороге заранее. Руку поднял, да поклонился. По какой-то причине, он знал, что от них нельзя ждать пакости. Сердце чуяло, что, то иного плода народ этот. Беззлобный, да работающий. Угадал чудь, никак они не перепугались, увидав белоглазого. Остановились, спешили. Мужичек, что дочку на коленях катал, вперед вышел и тоже до земли поклонился. Сказывал:

— Здравствуй, чудь, хозяин подземный. Рады видеть тебя. С чем пожаловал?

— Доброй дороги, люди хорошие, — ответил чудь, в коем-то веке губы скривив, улыбаясь. — Я ищу свой род в невольство угнанный. Не встречали ль вы их, али слышали?

Почесал в затылке мужичек, да ответил:

— Слышать, слышали. Да не понравится тебе это, чудь милый. Но на нас за то не гневайся, коль правду хочешь узнать, так и кажу тебе. Люд твой с большим караваном

хазарским угнали в сторону Таврики [11]. Много народу хорошего по нашим лесам отловленного.

Чудь помрачнел. Кивнул коротко. Призадумался, да молвил в ответ:

— Проси, коли помощь чюдья нужна.

— Ничего нам не надобно, — просто ответил мужичек. — Коль собираешься отбить своих родичей, удачи тебе желаем. Она тебе ох как понадобится.

Белоглазый снова кивнул и побрел прочь. Далеко идти до Таврики и неизвестно, сколько уже прошел караван хазарский. Не догнать чуди его вовек, коли по-обычному то сделать пытаться. Развернулся к лесу белоглазый, да отправился силу испрашивать у духов лесных, да деревьев вековых. Долго ходил, да тщетно все. Станный тот лес оказался. Вроде и живой, а уж больно темен, да тих, словно могила то. Сколько не искал чудь лешего, а ну как нет его вовсе. А не может так быть, чтобы никто за лесом не приглядывал.

Замер чудь у дуба старого, коры коснулся. И ух, такой от него болью повеяло! Сразу разумел белоглазый, зло в лесу поселилось. Даже самой лихой, да озорной нечисти нипочем такой мрак в своем доме устраивать. Гады поселились здесь, значит.

Пройдя еще с версту, чудь наконец наткнулся на кое-что интересное. Почуял силу иную, людям простым несвойственную. Огляделся, а потом голову задрал, да увидал гамаюн. Крыло вороное блестящее, синевой отливает в лучах солнечных, на шее голова женская прекрасная. Вьющиеся светлые волосы, губы алые, да кожа, как молоко белесая. Гамаюн тоже чудь заметила, сверху смотрит, да зубами щерится.

— Не расскажешь для чуди пророчество? — заговорил белоглазый. — Куда мне податься, чтобы спасти родичей?

Всмотрелась гамаюн в лицо чуди, порхнула к нему легко, как пушиночка. Опустилась на ветвь еловую. Смотрит глаза в глаза, а меж тем, в очах ее языки пламени. Пляшут, скачут неистово, играют, да пожирают веточки. И вдруг гамаюн заплакала, горько, навзрыд, да так искренне, что белоглазый понял все. Не видать ему родичей, либо самому к родным горам не вернуться уже. Но иное гадалка для чуди сказывала, когда отплакалась, да успокоилась:

— Свершишь такое ты, чудь окаянная, что и в сне кошмарном Ходящий иной представить не мог себе. Не сносить тебе головы за свои деяния. Да только сам ты иначе измыслишь, да не сжалишься. Очерствеет сердце твое, станет каменным, сам по шею в крови будешь, а все мало тебе. Поди прочь, чудь белоглазая!

Чудь ничего не ответил, поклонился гамаюн, да пошел своей дорогой. Не получил ответов, зато уж страху гадалка нагнала. Знал белоглазый, что далече не все, что она говаривает, сбывается. А лес меж тем, все более странным казался ему. Ягода не народилась, хоть весна на дворе. Дичи нет, словно повымерла.

«А гамаюн ли то была, — думал белоглазый, продираясь сквозь ельник, обратно к реке. — Уж больно лютая, да злобная. Дрекавак мог меня очаровать, да запутать, потехи ради. Я-то думал сгинули они. Да, выходит, еще попадаются».

Когда Славутич снова на глаза показался, чудь вышел на тракт, призадумался.

«Чему быть, не миновать того, — решил наконец, белоглазый. — В Таврику, так в Таврику, уж вы у меня там получите, коли попадетесь, поганцы хазарские».

Время утекало, как песок сквозь пальцы. Чудь опустил на руки и так побежал, что со стороны можно было подумать, будто ветер что-то над землей несет. Размылись мира очертания, горячего сердца стук усилился. И понесся белоглазый, не скрываясь боле, да

никуда не сворачивая.

Глава 6. Когда не слышат даже Боги

Для Люты дни смешались в один, но невероятно долгий и мучительный. Рано утром ее свернувшуюся калачиком в маленькой юрте, расталкивали молчаливые служанки, всучивали в руки лохань с водой и махали рукой в сторону шатра наместника. Ее священной задачей было подать воду для умывания благородному Изу-бею, а после вымыть ему ноги. В первый раз девушка посмела поморщиться, притрагиваясь к чужим, до темноты в глазах, ненавистным стопам, что по земле безнаказанно ходят. За это ее избили плетями, с каждым ударом, вбивая послушание в кожу. Она сбилась со счета сколько раз мечтала утопить наместника прямо в лохани. В мстительных грезах она держала его за волосы и слушала, как тот захлебывается. После чего Люта пугалась собственных злых мыслей, которые никогда ей не принадлежали.

Удар.

Лицо в кровь разбито, но не у Милослава, а у Изу-бея.

Удар.

Кровь на руках Люты, но не Милослава, а Изу-бея.

Удар.

Голова на пике, но не Милослава, а Изу-бея.

Добрая, милая Люта — так ее называли в селении, так говорил о ней отец, так каждый день обласкивал ее Милослав. Люта крепко зажмурилась, прогоняя из уставших от слез глаз отрубленную голову возлюбленного. Первые дни она просыпалась от собственного крика и плакала, горько, надрывно, пока вновь не получала плетей за то, что мешает спать воинам Изу-бея. Израненная спина саднила, каждое движение причиняло боль, но плакать девушка перестала. Она готовила еду вместе с остальными женщинами, подавала ее лично наместнику, после чего стояла и ждала, когда он поест и соблаговолит ее отпустить. Иногда, когда Изу-бей был в хорошем расположении духа, он отпускал ее сразу после трапезы, но чаще заставлял развлекать его.

— Муж мой, не много ли времени ты уделяешь новой рабыне? — спросила однажды Хатум. Она, нагая и жаждавшая внимания Изу-бея, возлежала на подушках, раскинувшись, словно дикая кошка на царском ложе. На небольшой, но притягательной груди, со вставшими от легкой прохлады коричневыми сосками, лежало ожерелье из золота. Оно таинственно поблескивало, как и ее маслянистый взгляд из-под густых ресниц, отчего женщина казалась богиней, сошедшей на землю до простого народа. Раскосые глаза цепко следили за выражением лица мужа.

— Разве я позволял тебе думать об этом или говорить? Рабыня не должна занимать твои мысли, Хатум.

— Ты позволяешь омыwać ей стопы. Зовешь по имени. Разве достойна ничемная рабыня подобного отношения?

Хатум злилась, наместник видел ее жгучий гнев в крепко сжатых пальчиках, которыми она хваталась за подушку. Жена напоминала ему гадюку: гибкую, тихую смерть — пока не наступишь не тронет. Скажи неверное слово и острые зубки вцепятся так, что не отцепишь. Столь же страстна жена была в постели. Разве что огонь ее страсти больше не касался сердца Изу-бея.

— Глупость говоришь. Иди спать, жена и прекрати подобные разговоры, я все сказал.

Скорость, с которой вылетела из шатра, замотанная в множество одежд Хатум, можно было сравнить с прытью хищника, который стремится догнать дичь. Злость обуяла ее не на шутку. Муж за всеми своими речами забыл об одном: с того момента, как новая девица появилась в хазарском стане, Изу-бей ни разу не возлег с Хатум на супружеское ложе, как бы она не старалась.

Поток ветра пошевелил распущенные волосы Люты, а края одежд жены наместника хлестнули по ногам. От громкого рыка девушка вздрогнула, но не поняла, что именно прорычала Хатум. В отличии от Изу-бея жена не учила чуждые ей языки. Внезапно разозленная женщина замерла и обернулась к Люте, поддалась вперед и громко втянула воздух затрепетавшими ноздрями. Шипение, так похожее на змеиное, донеслось до слуха девушки и заставило испуганно отпрянуть. А ну как проклянет!

Увидев испуг в глазах соперницы, Хатум усмехнулась и продолжила свой путь к женскому шатру. Ей необходима была служанка Радислава, которая давно доказала преданность и была из того же селения, что и рабыня мужа. Выгнав всех лишних из помещения, она махнула рукой девушке. Браслеты на руке звякнули, вторя приказу.

— Поди сюда, Рада!

— Да, госпожа.

Всегда услужливая девушка тут же подскочила к женщине и подобострастно уселась перед ней на колени, прислонясь лбом к стопам госпожи. Ей не составило труда выучить странный гортанный язык. Пусть и говорила она на нем с превеликим трудом, но понимала хорошо, а большего и не надо было.

— Следи за этой Лютой, — Хатум сложила полные губы трубочкой, отчего имя «Люта» получилось у нее как «Лута». — Хочу знать, с кем она говорит, что делает и где, когда не с моим мужем. Поняла?

— Да, госпожа.

— Достань мне вёх, поняла? Вёх. Знаешь траву такую? С цветками белыми, собранными в один пучок, как гриб.

— А! — Радислава хлопнула в ладоши и часто-часто закивала. — Омежник! — но тут же испуганно отпрянула, — так ядовитый же он.

— Тебе не все ли равно? — Хатум сузила глаза и взглянула на личную служанку. — Надоело быть у меня в услужении? Так я найду кем тебя заменить. Вот только в рабыни пойдешь и будут пользоваться тебя воины как захотят. Поняла?

Радислава испуганно забормотала, мол, вечно готова служить госпоже и траву найдет и потравит того, на кого госпожа укажет.

Хатум удовлетворенно кивнула и скинула с себя одежду. В шатре было жарко, даже душно, отчего тело быстро покрылось капельками пота. Низ живота ныл от неудовлетворенного желания, страстный темперамент теснил что-то в груди и призывал разорвать наглуую подстилку мужа. Хатум разлеглась на полу, обхватила руками подушку и потерлась пахом о другую, чувствуя жаркую истому.

— Госпожа, может быть я могу чем-то помочь?

Радислава, неслышная и невидимая до этого, возникла в поле зрения женщины, вновь опускаясь на колени рядом с ложем первой жены. Хатум смерила ее взглядом и тут же легла на спину, устраиваясь как можно удобней.

Проворные руки заскользили по поджарому, крепкому телу, оглаживая налитые груди и надавливая в нужных местах. Кожа, мягкая и нежная словно шелк, едва тронутая загаром и

покрытая соблазнительной испариной, пылала под аккуратными ладошками служанки. Хатум в нетерпении слегка раздвинула ноги и Радислава послушно скользнула руками в жаркое лоно женщины. Сдавленный стон вызвал у девушки улыбку. Она всегда знала, что нужно ее госпоже.

***

Пальцы Люты замерзли до того состояния, когда уже отказывались гнуться. Ладони покраснели и опухли, кожа сморщилась, а мозоли стерлись в кровь, от бесконечной стирки белья щелоком. Радислава с утра указала девушке на пять больших плетеных корзин и кивнула в сторону реки, мол, иди стирай, патлатая. Эта корзина была четвертой, о последней Люта предпочитала не думать.

Волосы лезли в глаза и мешали, падая в воду вниз. Не было ни платка, да он ей и не положен как рабыне, или хоть какой-то тесемки, чтобы перевязать косу. Как не сплетай, а все одно расплетались. Люта в очередной раз раздраженно откинула спутанные космы за спину и вытерла лоб тыльной стороной ладони. Она устала. От оскорблений, плевков в свою сторону, и мерзких намеков хазаров, что каждый раз провожали ее голодными взглядами. При жене был только Изу-бей, она же сопровождала его во всех походах. Остальные мужчины пользовали служанок или насиловали рабынь, которых как скот пригоняли из ближайших селений, что вовремя не платили дань.

Люту спасала неожиданная неприкосновенность, подаренная наместником. Никто кроме него не мог прикоснуться к девушке, никто кроме него не мог пользоваться ее. Жаль только, что от этого ей легче не становилось. Работой нагружали не меньше остальных. Изу-бей не заботился о ней, каждый раз напоминая, какой неправильный выбор сделала девушка однажды и, что достойна именно такого отношения. Его ласки походили на трапезу бешеного зверя, еще немного и сожрет, впившись зубами в нежную плоть. Он всегда брал ее сзади, чтобы не видеть лица, не смотреть в больные от усталости глаза, только дергая за волосы, которые, казалось, хотел с корнем вырвать.

Люта молчала. Она сносила все тихо, раздражая наместника еще сильнее. В такие моменты становилось легче. Каждый раз она желала ему лопнуть от злости, а лучше, чтобы сердце остановилось, когда он в очередной раз остервенело вбивался в нее.

Люта на миг прикрыла глаза, чувствуя, как промокла юбка и легкий ветер проникает под одежду, холодит ноги, щекочет голые ступни. Сколько еще надо вынести, чтобы душа, свободная от оков, взлетела в синее небо? Карие глаза открылись, смотря вверх, туда, где парили птицы, сердце дрогнуло от зависти, вниз от прокушенной губы, потекла струйка крови.

«Кому мне молиться?».

— Вот ты где! — Голос Радиславы заставил Люту вздрогнуть, а кожу покрыться мурашками. Каждый раз, когда эта змея шипела, внутри девушки, там, где располагалось сердце, что-то съеживалось и начинало пульсировать. Что-то злое, чего Люта пугалась пуще наместника в момент гнева. Этот черный комочек нашептывал страшные вещи, показывал жуткие видения. Например, какой красивой станет Радислава, когда утонет. Тело ее раздует, губы посинеют, а глаза станут такими стеклянными, смотреться бы в них как в зеркало!

Люта тяжело и часто задышала, прогоняя картины одна мрачнее другой, мотнула головой и заморгала, словно, пытаясь сбросить через глаза нежеланные мысли.

— Снова молчишь? — вновь это шипение «ишшшшь». — Тебя хозяйка моя зовет, достырывай быстро, а не то снова плетей получишь.

«Ишшшь» застряло в голове Люты. В глазах потемнело, страшный шепот не стихал, а казалось бы, увеличивался, раздувался, переходил в нестерпимую боль, стучащую в виски и стекающую туда, к груди, где бился черный комок.

Ноги затекли в сидячем положении, но это не помешало ей броситься на нависшую сверху Радиславу и повалить ту на траву, мокрое белье в руках обернулось вокруг шеи ненавистной девицы, руки напряглись, а в груди разлилось тепло, когда вопли перешли в хрип. Ноги паршивой твари засучили по земле, руки заскребли по траве, собирая под ногтями грязь.

«Милая, добрая Люта...».

Руки девушки затряслись и словно оттолкнули от себя концы белья. Люта шлепнулась на зад и отползла от задыхающейся и кашляющей Радиславы, которая с суеверным ужасом смотрела на бывшую подругу. Люта приложила ладонь к сердцу, то билось заполошно в груди, будто вот-вот прорвет кости и тонкую кожу.

— Стерва брыдлая [12], — прохрипела Радислава, отползая подальше от Люты и отбрасывая от себя вываленное в грязи белье. — Заплатишь ты за это, Лютка! Заплатишь...

Очередной приступ кашля скрутил Радиславу, на нежной коже уже проступали следы удушения. Девушка терла рукой шею, тряслась одновременно от страха и гнева, неверяще глядя на, казалось бы, всегда добрую и всепрощающую Люту. Такая она пугала сильнее хазар: молчаливая, непредсказуемая, с темными, как ночь глазами. Радислава часто-часто заморгала. Она с детства ненавидела эти глаза, оттого помнила какие светлые они были, карие. Но сейчас... «Как в темный лес ночью смотрю», — испуганно подумалось Радиславе.

Она поднялась на нетвердых ногах и побрела обратно к поселению хазарскому. Хатум будет недовольна задержкой, но зато и Лютка сполна расплатится за свою выходку.

Когда Люта продышалась, а сердце успокоилось она прополоскала грязное белье, что чуть не стало орудием убийства, собрала все в корзину и пошла к шатрам. Почему-то ей не было страшно, девушкой овладело безразличие. Очередные плети — это все, что она получит за свое вероломство.

Ее провожали странными взглядами. Во взглядах воинов не было зла, скорее интерес к маленькой хрупкой девице, которая показала клыки подобающие скорее взрослому мужу, нежели девчонке. Остальные девушки сторонились ее, будто она могла замарать своей выходкой. Пронзительный голос Хатум раздавался все ближе и ближе. Когда Люта дошла до шатра первой жены и поставила на землю тяжелую корзину с бельем, то увидела наместника, который выслушивал крики. Хатум размахивала руками и тыкала пальцами в Радиславу. Та стояла с несчастным видом, всхлипывая и роняя слезы. Синяки на шее служили ярким доказательством преступления личной рабыни Изу-бея.

— Подойди, Люта, — поманил ее пальцем наместник. — Душила ли ты эту служанку?

Люта молча кивнула, твердо глядя наместнику в глаза. Она не боялась ни его гнева, ни уж тем более гнева Хатум.

— Она тебе что-то сказала?

Девушка так же молча кивнула, видя разгорающееся раздражение в глазах Изу-бея за ее очередное безмолвие. Наместник окликнул ближайшего воина и попросил подать ему веревку. После он протянул ее Люте.

— Тебе понравилось ее душить? Хочешь закончить начатое?

Неожиданный вопрос заставил Люту дрогнуть и перевести растерянный взгляд на Радиславу, глаза которой от удивления расширились, а руки обхватили шею.

Люта испуганно покачала головой из стороны в сторону. Убийцей становится не по ней. Наместник криво усмехнулся.

— Если убиваешь, то иди до конца, иначе за спиной останется живой враг.

Он махнул воинам подойти ближе.

— Обеим по двадцать плетей. Эту, — он показал на Люту, — после ко мне в шатер.

Под горящим от ненависти взглядом Хатум, девушек повели к столбам.

Жгучие удары вновь и вновь рассекали кожу, но приносили не боль, а освобождение.

Люта закрыв глаза, привязанная за позорный столб, молилась богам о прощении. Она старалась не думать о словах Изу-бея, потому что лишать жизни другого человека — преступление, и не важно враг он тебе или друг. Если бы все думали так как Изу-бей, то людей бы не осталось. Каждый удар был наказанием за чуть не свершенное убийство. Она принимала их с благодарностью, слизывая долгожданную соленую влагу с губ. Слезы искупления, сладше малины в июле. Где-то в стороне рыдала и кричала Радислава. Ее пороли впервые.

Когда порка прекратилась и Люту отвязали, она покорно встала и побрела без всяких понуканий и толчков к шатру наместника, там ей предстояла новая пытка.

***

Стоило только Люте сомкнуть глаза и погрузиться в болезненную дремоту, как кто-то начал грубо расталкивать ее. Сдержав отчаянный стон, девушка поднялась, кое-как разлепляя слезящиеся глаза. Усталость, что с каждым днем накатывала все сильнее, рухнула на плечи непомерным грузом, придавливая к земле. Сухие обветрившиеся губы болели, руки тряслись как у старухи, каждая косточка в изнуренном теле ныла от недостатка питания и нормального сна. Но тем, кто ее побеспокоил было все равно на все злоключения рабыни. Ее повторно грубо пнули и заставили выйти из юрты. Разозленный ее копошением воин сердито махнул в сторону шатра Изу-бея. Кулаки девушки сжались. Не хватило страмecu [13] дневного унижения, захотелось начисто душу вынуть да истоптать в пыли.

Прежде чем войти под полог ненавистного шатра, Люта глубоко вздохнула и выдохнула. Живот скрутило, ее немного подташнивало, кожа на спине горела, а все тело одеревенело, по позвоночнику пробежал холодок, отчего девушка поежилась, но вскинув голову, сделала шаг вперед. Не надышишься перед смертушкой.

— Лютонька, девочка моя! — громкий вскрик кормилицы подействовал на Люту как звонкая пощечина. Она приложила ладони к горящим от стыда щекам и всхлипнула, когда полные руки Брони обхватили ее и сжали в крепких объятиях. Люта вскрикнула от резкой боли, но почувствовала, как хватка кормилицы дрогнула, и прижалась сильнее. Обе они осели на пол. Кормилица причитала и плакала, глядя свою ненаглядную девочку, а Люта смотрела на Изу-бея. Пристально, не отрываясь, словно выискивая там ответ на вопрос, который никогда не решилась бы задать. Первым не выдержал наместник, дрогнул и отвел взгляд.

Изу-бей стремительно вышел из палатки, оставляя наедине двух женщин, только бросил холодно: «Несколько минут, Люта, не боле».

Люта как ото сна очнулась после этих слов, встряхнула кормилицу, похлопала по щекам и мрачно посмотрела в заплаканные глаза.

— Зачем явилась сюда, Броня?

— Отец твой слег, Лютонька. Совсем плох стал, боюсь не сдюжит, — Броня всхлипнула, но тут же постаралась взять себя в руки.

— Исхудала-то как, милая, изменилась-то как, хорошая моя, — вновь запричитала кормилица, заглянув в потемневшие глаза воспитанницы. Внезапно взгляд Брони будто дымкой подернулся и заледенел. Она схватила девушку за руку и с силой прижала к внутренней стороне запястья странный амулет. Женщина, будто глядя в никуда, зашептала:

— Все что уготовано тебе прими. Злость — это хорошо, питайся ею как самым сладким нектаром и знай, рабство — не твоя судьба. Помолись Моране, как я склоняла голову и мысли пред великой, как делали до меня женщины рода. Попроси силу рода этого, да не откажет он тебе. Помни, Люта, тьма в душе твоей — помощник, приголубь ее да кормить не забывай вовремя.

Люта зашипела от боли, когда кожу на запястье обожгло. Она с ужасом наблюдала, как странный отпечаток в виде серпа проявился и тут же исчез. Броня подвела руку девушки к глазам и осмотрела кольцо на пальце, что Хатум в дар преподнесла.

— Берегись Шулмы, как помолитесь Моране да ответ услышишь, капни каплю крови на камень, иначе отравит тебя ведьма степная.

— Броня... — сипло выдохнула Люта, изо рта вылетело облачко пара. Только сейчас она поняла, как в шатре похолодало, словно не апрель месяц на дворе стоял, а зима лютая. Лютая...

Кормилица, обмякла в руках девушки и слабо проморгалась. Когда в шатер зашел наместник и его воины, готовые по первому приказу выкинуть бабку за пределы стана, она в последний раз сжала ладошку Люты и тут же отпустила. Встав, не без помощи мужчин, кормилица, не глядя на Люту, вышла прочь, нырнув в ночную темноту.

Глава 7. Око за око, зуб за зуб

Когда лицезрешь величие мира, стоя на отвесной скале в абсолютном одиночестве, им легко восхищаться. Каждый луч солнца и дуновение ветерка кажутся божественными касаниями, будоражащими сознание от ощущения единения с древними и властными первородными стихиями. Вдох полнит грудь силой, а выдох пронзает все тело ответной волной, уходящей в мертвый камень под ногами. Создания мира кажутся внизу ничтожно маленькими и такими же прекрасными, как все, что тебя окружает. Так горе тому, кто вернется с небес на землю, забыв, что прекрасен мир только когда ты один на один с ним.

Зачарованный неистойвой погоней за призрачным противником, чей силуэт и запах еще не удавалось вкусить, чудь мчался вдоль реки. Касание рук — прыжок, касание ног — прыжок, касание рук и снова тело уходит в полет. Чудь без труда нагнал повозки недавно встреченных людей, однако, едва он заметил их, то понял, что здесь побывал кто-то еще. Лошадей не было. Зато были мертвые тела.

Один из витязей, что ехали во второй повозке был пригвожден к земле собственным копьем. Из уголков его рта стекала кровь, которая успела застыть на щеках, а оледеневшие на веки глаза изумленно взирали в небеса. Другой мужичек лежал здесь же. Он лишился кисти, а чья-то твердая и злая рука вонзила ему клинок прямо в рот, пробив голову насквозь. Третий витязь был обезглавлен и шутки ради посажен неизвестным изувером на облучок, в его руки были вложены вожжи. Хотя, как знать, быть может именно в такой позе парня и застала смерть.

Крови были столько, что ногу поставить некуда. Нападавшие свежевали лошадей прямо на месте, на мясо вестимо. Три конские головы нашлись здесь же. Весельчаки, которые устроили бойню, поставили их в ряд перед первой повозкой.

Чудь ступал меж телами, стараясь не касаться капель крови, коя подобно росе забрызгала всю траву окрест жуткого места смертоубийства. У первой повозки в куче лежали сразу три мертвеца. Три мужчины. Их стащили друг к другу, возможно допрашивали, а потом жестоко изрубили, нанося удары с нескольких сторон. Белоглазый замер, заметив светлый сарафан в высокой траве. Он не мог пошевелиться, зная, что там увидит. Ступая мягко и осторожно, словно мог кого-то спугнуть, чудь подошел к телу девушки, которая так красиво пела всего несколько часов назад. Подол задран и окровавлен, на бедрах успели проявиться синяки. Сарафан разорван. Она долго страдала прежде чем отойти к вечному сну. На иссиня-бледном и когда-то прекрасном лице застыла маска ужаса и отвращения. Груды отрезаны и валяются в стороне. Бедняжку не убили одним ударом. Чудовища, что учинили такое, не подарили ей освобождения быстрой смертью. Она была для них лишь очередной игрушкой. Куклой из плоти и крови. Девушка погибла, истекая кровью, возможно даже после того, как натешившиеся звери ушли. Она была парализована горем от истязания и потери родичей. Даже не пошевелилась. Не попыталась встать и ушла вслед за солнцем, когда глаза затмила пелена избавления. Рядом в стеблях высокой осоки лежала крошечная фигурка.

Белоглазый опустил на колени и заплакал. Искренне и жалостливо, захлебываясь слезами и заходясь приступами кашля от крика. Он вопил, зажимая лицо руками, не смея смотреть туда где лежала девочка. Ей было лет семь-восемь. Маленькое солнышко в красивом платье, украшенном вышивкой и речным жемчугом. Чудь вспомнил ее не по

годам длинные русые косички, в которые были вплетены цветы и красные ленты. Чья-та грубая рука их срезала, забрав, как трофей. Чья-то жестокая и надменная рука. Маленькое тельце было рассечено напополам от плеча до бедра. От плеча до бедра.

Белоглазый опустил над девочкой, осторожно сгрёб ее в охапку. Его плечи сотрясались от плача, который чудь не старался подавлять. Как же может быть такое? Зачем? Ради чего? На эти вопросы никогда не найдется ответа. Такое невозможно объяснить, невозможно исправить. Животные лучше людей хотя бы потому, что они никогда не позволят себе учинить такое. Волк может задрать хоть взрослого мужа, хоть дитя, да только сделает он это прокорма ради. Он не будет насиловать и истязать, а съест. Те, кто побывали здесь хуже животных и даже людей, то были лютые звери. Дышащие воздухом черные создания, по какой-то ошибке богов, получившие в руки оружие.

Постояв на коленях, сжимая бездыханное тельце маленького невинного существа, чудь наконец пришел в себя. Он стащил все тела, уложив их рядом. Раны и увечья забросал травой и листьями, на глаза несчастных уложил лепестки подснежников. Когда все приготовления были окончены, чудь припал к земле ладонями, затем поклонился и зашептал:

Мать земля, заклинаю послушай,
Внемли, что скажет твоя плоть и кровь,
Добрых людей прибери в свое лоно,
Перину из мха ты для них приготовь.
Пускай засыпают подобно закату,
Позволь раствориться в твоих телесах,
Открой для них дверь, предоставь избавленье,
Укрой, убаюкай, на веки впотьмах.

Послышался стон, исходящий, казалось из самой земной тверди. Камни терлись о камни, грунт вспенился, расступаясь. Тела мертвецов начали погружаться в почву, раскачиваясь из стороны в сторону. Руки чудя дрожали, по щекам текли слезы, но он держался, упрямо отдавая силу.

«Глубже, мать-земля! Глубже, молю! Забери их так глубоко, чтобы ни падальщик лесной, ни нечисть болотная не смогли достать. Пусть спят. Пусть спокойно и сладко спят. Во веки веков».

Мертвецы скрылись под толщей земли. Побеги живой, девственно чистой и ярко зеленой травы тотчас проступили на месте их могилы. На глазах чудя то место обрастало цветами. Они были живые и яркие. Шесть кустов зверобоя и два голубых колокольчика. Чудь постоял зачарованно взирая, поклонился и двинулся прочь.

Припав к земле, аки ловчий пес, белоглазый принюхивался и высматривал. Следов было хоть отбавляй. Проклятые мясники никого не боялись, брезгуя тем, чтобы скрываться. Оказавшись возле реки, он без труда нашел углубление в земле. Здесь был вбит кол, к которому привязали корабль. Значит убийцы пришли с воды.

Зачерпнув пригоршню из реки, чудь омыл лицо, напился. Стал всматриваться. Волны ласково покачивали его отражение, походившее мелкой рябью.

— Покажи, — шептал чудь, буравя отражение глазами. — Покажи.

Река не отвечала, но рябь усилилась. К берегу хлынула могучая волна, грозящая сгрести белоглазого в охапку, да утянуть в пучину. Но едва дойдя до его ног, вода отступила, являя иную картину. Низкие борта, белые с красным паруса свернуты под рею, на носу голова рогатого змея. Драккар.

Чудь поднял голову от воды, уставившись вдаль. Втянул воздух ноздрями и побежал. Размытый силуэт диковинного создания вновь скользил вдоль реки. Только на сей раз, двигался белоглазый еще быстрее. Он мчался, грозя обогнать ветер, то и дело глухо ревя от ярости, что заполняла его сердце. Но чудь по обыкновению своему ее не гнал. Белоглазый раздувал это чувство, как молодое едва народившееся пламя костра. Он лелеял его, как ребенка, возвращая, с каждым ударом о землю рук и ног. Тени мира стали тусклыми, как стволы деревьев в предрассветном тумане. Утекая лишенными тел призраками, мимо проносились встревоженные ежи и зайцы, мелькали очертания медведя, пары лосей и семейства куниц. Чуть мчался все быстрее, взрывая ударами мощных когтей дерню.

День близился к закату. Лучи милостивого, но столь же безразличного солнца играли на волнах, когда чудь заметил вожделенный драккар. Весла ритмично взмывали вверх и опускались в воду, рывками толкая тяжелое тело деревянного змея.

— Кху! Кху! Кху! — ухали грубые голоса при каждом взмахе.

Внутри драккара поблескивали девять шлемов. Чудь и не думал изучать врага и тем более считать. Он почувствовал, как рот наполняет слюна, а сердце взревело, стуча все быстрее и быстрее. Руки и ноги заработали на пределе возможностей, мышцы натужно задрожали. Белоглазый превратился в размытый росчерк стрелы, в стремительный и разящий не щадя. Завидев изгиб реки, он юркнул наперерез, сокращая расстояние, и прыгнул!

Драккар как раз огибал небольшой островок, раскинувшийся прямо по центру реки, как вдруг совсем рядом раздался мощный всплеск. Поднятые брызги, скрывали то, что упало в воду. Человек, стоявший на носу корабля, подскочил к борту, всматриваясь в волны. Мгновение спустя, он вскинул руку над головой, отдавая приказ.

— Что это было, Олаф? — обратился к вожаку один из гребцов, перекидываясь через борт и тоже всматриваясь в водную пучину.

— Следить за берегами! — рявкнул седовласый великан, вдевая руку в крепления щита. — Луки вздеть!

Команда повиновалась. Весла повисли без дела, а драккар медленно скользил, теряя ход. Напряжение нарастало. Викинги вертели головами, но не могли завидеть угрозу.

— В нас что-то метнули, — проговорил воин, названный Олафом. — Следите за каждым деревом. Второй раз они попадут!

Он был поистине грозным мужчиной. Косая сажень в плечах, могучие руки, способные размахивать тяжелой двуручной секирой аки ребенок палочкой. Множество шрамов на лице. Светло-голубые бесстрастные и жестокие глаза. Спутники ему под стать. Но из всех выделялся рыжий головорез, увешанный человеческими черепами, как украшениями. К поясу крепилась перевязь с ушами числом не менее двадцати. Помимо всего прочего позади его рогатого шлема были приколоты две русые косички...

Внезапный удар в дно драккара застал викингов врасплох. Дерево вздрогнуло, но устояло. Воины опешили, не ожидая ничего подобного.

— Левиафан? — прокричал молодой воин, глядя на седовласого вожака.

— Здесь? — изумился Олаф. — То верно был каме...

Он не успел договорить, поскольку новый удар был такой силы, что пробил дно. В отверстии успели мелькнуть две когтистые лапы, рванувшие поддавшееся дерево в стороны, расширяя пробоину. Драккар тряхнуло. Вода стремительно начала заполнять судно, окончательно замедляя его ход. Люди, выкрикивая проклятия, рванули в сторону

ближайшего берега, прыгая за борт. Все были при оружии, щитах, кольчугах, да шлемах.

Двое потонули сразу. Не желая вовремя расстаться со снаряжением, они тотчас оказались на дне, увлекаемые течением прочь. Река, словно зная об преступлениях людей, швыряла их тела о камни, разбивая доспех и круша черепа. Те, что были поумней, побросали кто-что, лишь бы доплыть. А до берега было рукой подать, аршин тридцать не боле. Борясь с течением и избавляясь о того, что тянуло ко дну, викинги выплывали. Даром те воины знали с водой от рождения и разумели, как правильно выживать.

Черноволосый парень греб обеими руками, отбросив и шелом, и щит, и скинув даже кольчугу. Могучие руки без труда махали, толкая пловца вперед. Вдруг он вскрикнул, но вода унесла обрывки слова. Викинг скрылся в ревущей пучине и более не появился. Волны реки бурлили, кое бывает на порогах, да только вот не было видно камней. Один за другим исчезли в бурлящей стихии еще три воителя, хватая ртом воздух, истошно вскидывая руки, будто желая удержаться за водную гладь.

Олаф, рыжий и еще один викинг, по виду закаленный в боях ветеран, на силу выползли на берег. Тяжело дыша они поднялись, ошеломленно осматривая поверхность воды. Драккар затонул на мелководе, только мачта торчала на пару вершков.

— Бьерк, раздери меня стервятник! Что это было? — взревел рыжий, выпучив глаза.

— Это Хельхейм, а не река, — отвечал ему воин, с прищуром следя за волнами. — Там живет какое-то чудище! Олаф, что это был за удар? Я видел щупальце в проломе! Там какая-то жуткая тварь! Она утащила наших братьев!

Олаф промолчал, как и спутники, вглядываясь в успокаивающиеся воды реки. Рыжий было собрался снова разразиться проклятиями, как вдруг его голос оборвался. Он замер, разинув рот, глядя перед собой. Чудь стоял вплотную, нависая над ним, как скала. Белоглазый придвинулся к лицу викинга, едва не касаясь его кожи и заговорил:

— Ты красиво себя украсил, воитель. Я знаю, что ты меня плохо понимаешь, не знаешь толком языка такой животной и древней твари как я. Это ничего, нурманский воитель. Зато я знаю, у кого ты взял эти косички. Твой меч висит на поясе слева. Это значит ты правша!

Рыжий не успел понять, что произошло потом. Мир взорвался болу, а он только кричал. Кричал, что было мочи. Чудь опрокинул рыжего на землю, придавив ногой и ухватившись за правую руку, что есть мочи рванул на себя. Раздался чавкающий хруст, перерастающий в истошный рев, умирающего от боли и страха человека. Оторванная рука отлетела в сторону, но это было только началом. Не успели спутники рыжего опомниться, как чудь опустился к поверженному врагу, перехватывая за ноги. Все заняло считанные секунды.

— Ты слышишь меня, викинг? — прорычал белоглазый, глядя в глаза захлебывающемуся от боли рыжему. — Мое имя Гату. Передай от меня привет своему Одину. Скажи, что я разорву каждого его сына, что явится сюда!

Резким движением, чудь сломал викингу обе ноги в области коленей. Ошеломленные происходящим спутники рыжего наконец пришли в себя. Олаф возопив, как горный аспид ринулся на белоглазого, нанося удар с разворота. Он почти попал. Должен был попасть, будь его противник человеком. Секира свистнула прямо у лица Гату, но тот проворно уклонился, откатываясь назад, и атаковал сам.

Его прыжок был столь стремителен, что вожак нурманов лишь с запозданием успел опустить оружие туда, где еще мгновение назад был чудь. Белоглазый схватил викинга под ноги, дергая в сторону. Тот повалился, но тотчас взлетел опять, правда уже не сам. Чудь, ухватившись обеими руками, раскручивал тело вокруг себя, нанося им удары по Бьерку,

который попытался ударом меча поразить спину белоглазого. Берсерк отпрянул, боясь задеть своего товарища, что было ошибкой.

Взревев пуще прежнего, чудь взмахнул беспомощным супротив его древней мощи телом викинга, и трижды ударил им о землю.

«Будь! Ты! Проклят!».

Олаф охнул, и застыл без движения. Его члены замерли, жалко подрагивая. У него был переломлен хребет. Голова неестественно вывернулась, сломанное бедро повисло, закручивая ногу за спину.

Бьерк побелел от увиденного, пятясь. Его руки дрожали, на лбу выступил пот, а уверенные и полные решимости до этого глаза бегали, грозя покинуть глазницы. Он то и дело оступался и пятился. Рядом рыдал от боли изувеченный рыжий. Парень не мог пошевелиться, и даже снять с пояса ставший бесполезным меч. Слезы лились из глаз могучего когда-то охотника за трофеями.

— Один! — рыдал он, стараясь достать оставшейся в наличии рукой меч из ножен. — Один, я иду к тебе! Я сражался!

Чудь не глядя топнул по кисти рыжего, ломая пальцы. Более не обращая внимания на заливающегося воем нурмана, он шагнул навстречу Бьерку, медленно говоря:

— Я дам тебе всего один удар, викинг. Прицелься хорошо. Только один удар. Давай!

Взвизгнув, как полоумный, тот прыгнул навстречу белоглазому, замахиваясь. Меч сверкнул стремительно, как молния, но нашел лишь пустоту. В грудь нурмана ударила нога, выбивая воздух из легких и ломая ребра.

Меч выпал на землю, тело легло рядом, заходясь мучительным кашлем. От каждого сотрясения плоть ранила саму себя осколками костей. Бьерк перевернулся на бок, бессильно шаря пальцами по траве в надежде нащупать оружие. Он так и не успел подобрать меч. Чудь взвился в воздух, напрыгивая на свою жертву и сминая. Ударом обеих ног белоглазый размозжил врагу грудную клетку.

Олаф и рыжий все еще дышали. Гату хладнокровно ухватил обоих за ноги, подтаскивая к воде. Зайдя по пояс в теплые волны реки, чудь отпустил тела, которые тотчас пошли ко дну. Он видел полные страха глаза викингов. Они были живы и захлебывались, не в силах и сопротивляться от полученных травм. Белоглазый отвернулся, уходя прочь от поверженных. Подобрал тело Бьерка, Гату с размаху запустил его в реку и сел на берег.

Он закрыл глаза, опуская ладони к земле.

«Прости меня, земля-родненькая, за эту порченную кровь, что пролилась на тебя».

«Прости меня, сестра-река, за эту мерзкую плоть, что ты приняла».

Чудь замер и просидел так добрых три часа. Не мигнет глазом, не шелохнется, словно бы и не дышал. Убийством себя запятнал. Уже не первый то раз. Да токмо как жить иначе, покуда вокруг век лютого зверья. Ведь лезут они все сюда, лезут не разбирая дороги. Будто намазано им на этой земле, будто зовут их сюда. Вздохнул белоглазый и глаза закрыл.

Тяжело. Ох и тяжело, когда один ты среди мира, а и не мир то, а сплошная кровавая баня. И нет надежды в мире том на пробуждение и рассвет. А коли чуди уготована такая судьба, то и пусть не видать ему багрового рассвета. Белоглазый не просто так родился подземным жителем. Закат ему за брата и отца.

Вздохнув глубоко и головою тряхнув, чуть поцеловал землю, поднял растратившие ярость и ненависть глаза и побежал.

Глава 8. Гой, Черна-Мати! Гой-Ма!

Ночной лес полнился шорохами, треском и голосами. Легкий ненавязчивый шепоток стелился по земле, взбирался по стволам деревьев и переплетался с листвой, устремляясь вверх, в небо, туда, где полная луна стыдливо пряталась за облаками. Люта шла по узкой тропинке, никуда не сворачивая и стараясь не смотреть по сторонам.

«Не оборачивайся»

«Не оглядывайся»

«Иди к нам»

Голоса, голоса, голоса. Писклявые, нежные, резкие. Люте казалось, что они, то мягко поглаживают ее по щеке, то впиваются в кожу, как колючки, но все, совершенно точно, подталкивают вперед, дальше по тропинке. Она не знала сколько еще предстоит прошагать, хоть и усталости не чувствовала. Шла босая простоволосая, ночная прохлада совсем не беспокоила обнаженное тело. Нагота Люту тоже не смущала, ей казалось совершенно нормальным, что она голая одна в лесу, и голоса это подтверждали.

«Не тревожься.

«Не плачь»

«Мы согреем тебя»

Впереди, среди деревьев, показался темный проем, не сомневаясь и секунды, Люта сделала шаг сквозь темноту и оказалась на поляне. Мертвая тишина повисла в воздухе, голоса смолкли, а лунный свет упал на землю, очертив ровный круг посередине. Люта опустила на колени перед кругом, голова гудела, тело будто не принадлежало девушке. Ладони загребли первые комки земли и откинули в сторону, еще и еще раз, пока пальцы, зачерпнув в очередной раз комья, не наткнулись на что-то. В разрытой яме лежали кости какой-то птицы, тонкие, воздушные, несмотря на то, что лежали в земле, совсем белоснежные. Люта аккуратно провела указательным пальцем линию по одной из косточек. Лебединые.

«Возьми кинжал».

Прошептал голос, пощекотав краешек уха. Девушка поежилась от прохладного ветерка и недоуменно заозиралась. «Но у меня нет кинжала, где ж я возьму его!», — подумала она про себя, почувствовав, как лес вокруг недовольно зашумел.

«Он у тебя в руках, глупая».

Люта была уверена, что с ней говорит женщина, уж очень ехидно она ответила, еще и волосы взъерошила, так нежно, по-матерински ласково. Девушка почувствовала, как руки сжимают рукоятку, взгляд опустился вниз и действительно, она держала кинжал, да такой красивый, что дыхание сперло, когда аккуратно повернула его так и эдак, смотря на блеск лезвия в лунном свете.

«Окропи кости кровью», — продолжал подсказывать легкий шепоток.

Люту пробил озноб. Глаза распахнулись от ужаса. Она выронила кинжал и поспешило отползла от вырытой ямы и костей, замотав головой из стороны в сторону так быстро, что шея заныла.

— Не буду! Нет!

Из тьмы леса, по кругу поляны, разрастались тени. Они окружали девушку, продолжая повторять слова, сказанные ранее:

— *Окропи, окропи, окропи! Окропи кости кровью!*

Голоса становились громче, уверенней, а тени сгущались, формируясь в осязаемые формы. Лесная нечисть наступала со всех сторон, буравя Люту черными провалами глаз. Лесавки, лешие, боли-бошки и листины, протягивали к ней косматые руки, кривые ветви и маленькие детские ладошки, перепачканные в земле. Рычали вурдалаки, кричали дрекаваки, визжали кикиморы. Шум, гам со всех сторон заставил Люту зажать уши в попытке не слышать всего этого воя. Ей стало так страшно как никогда не было. Но страшнее было от себя. Ее душа будто рвалась наружу, звала присоединиться к нечисти лесной да болотной.

— *Кровь, кровь, кровь!* — скандировали они, все уже и уже смыкая круг.

По щекам Люты потекли слезы, тихие отнекивания перешли в надрывный вскрик и...

Болючий тычок под ребра и окрик:

— Ты чего мычишь, дура заполошная! Вставай давай, — грубо выдернули Люту из жуткого сна. Она вскочила, судорожно хватая воздух ртом и прижимая руки к сердцу. В памяти были свежи образы нечистых, что водили кровавый хоровод вокруг нее. Кое-как отдышавшись и несколько раз крепко зажмурившись, до выступивших слез, девушка наконец успокоилась и даже улыбнулась, кривовато, болезненно, но это была улыбка, первая после смерти Милослава. И приснится же такое. Люта провела тыльной стороной ладони по лбу, собирая испарину. На кончик носа что-то осыпалось, а пальцы неожиданно сильно заныли, будто не спала она, а вновь в речке стирала, разве что руки сухие были.

Страшась глянуть на ладони, девушка сделала несколько глубоких вдохов, вышла из юрты и с опаской взглянула. От вида грязи в голове поплыло.

«Не сон», — простонала она мысленно и тут же спохватилась, юркнула обратно к своей лежанке, осматривая ту под подозрительными взглядами других девушек. Кинжала не было. Унимая дыхание, она убеждала себя, что все это от усталости, от горя и она видимо случайно измазала руки перед сном и не заметила. Кое-как убедив себя и поскорее отмывшись, она поспешила к шатру наместника, который уже был недоволен задержкой. Крики и ругань не давали обмануться, — настроение Изу-бея было под стать хмурой погоде и преддождевым тучам.

— Где ты была? — Первый же вопрос слетел с губ наместника, а грубая ладонь обхватила тонкое запястье вздрогнувшей девушки. За месяц своего пребывания в хазарском стане она исхудала и осунулась, бывало, что сил не хватало даже дойти до собственной лежанки и она засыпала прямо у костра с миской каши, пока ее не расталкивал кто-нибудь, прогоняя прочь, чтобы глаза не видели ненавистную рабыню наместника.

После случая с Радиславой ее сторонились. По стану пошли странные слухи, мол, не даром Лютой девку назвали. Глазищи эти не пойми какого цвета, то ли карие, то ли черные, а все знают, у доброго человека глаза цвет менять не будут, значит колдовство творит бесстыжая. Еще одной причиной было то, что Люта так и не понесла от наместника. Весь стан знал, что Изу-бей игнорирует первую жену, но регулярно бывает со своей рабыней.

Воинам хоть и было плевать, что одну из девок чуть не удушила другая, но сами они все чаще недовольно роптали, мол, приворожила Изу-бея пропащая и куда ужасней, пустая. Не может наместник променять красавицу Хатум на это тощее бледное недоразумение.

На злой выпад наместника Люта только губы сильнее сжала, взгляд потух, опускаясь вниз. Смотреть в глаза Изу-бея было до того тошно, что девушка каждый раз изо всех сил сдерживала брезгливое выражение лица. Вновь быть битой не хотелось, сил и так оставалось

чуть.

— Последний раз, Люта, я слышал твой голос, когда ты звала своего возлюбленного. Думаю, если на твоих глазах умрет отец, ты вновь порадуешь меня речью.

Люта вскинула на наместника гневный взгляд и, кое-как преодолевая скованность в горле от долгого молчания и желания вцепиться ногтями в лицо Изу-бея, прохрипела:

— Нет.

— А притворялась немой, — расплылся в улыбке наместник и потянул Люту на ковер. На нем стояло блюдо с мясом и плошка с молоком. Изу-бей подтолкнул Люту ближе к еде, и потянув вниз, усадил рядом с собой, всучив в руки теплый напиток.

— Пей, свежее, сил больше будет, — махнул он рукой.

Люта, тяжело сглотнув, осталась сидеть на месте. Уж лучше опять кашу постную, чем с этим пищу делить. Да только кто б знался с ее чувствами! Болючий захват подбородка, нажатие на щеки сильной рукой и молоко выливается разом в приоткрытый рот. Люта закашлялась, большая часть молока осела у нее на платье, даже в нос умудрилось затечь. Она вытерла лицо тыльной стороной ладони, а когда вновь направила взгляд на наместника, то вздрогнула. Мужчина внимательно наблюдал за каждым ее движением.

— Твои глаза стали темней, — наместник повторно наполнил плошку Люты и сделал глоток, припав губами к тому месту, где касались уста девушки.

— Возможно, — неловко пожалала она плечами. От того как картинно язык мужчины лизнул край чаши ее передернуло. Наместник нахмурился, глядя на выступающие из-за излишней худобы ключицы. Грубое платье, в которое была обернута девушка явно причиняло неудобства и натирало нежную кожу, он заметил покраснения, когда ткань на груди чуть сдвинулась в сторону.

— Тебя нужно переодеть, — ладонь наместника прикоснулась к щеке Люты, огладила ее и спустилась к шее, чуть притянув девушку к себе. Девушка хотела уже увернуться, да случай помог, не то не миновать было бы новых плетей.

— Муж мой! — Хатум стояла в проходе, сверкая глазами на то, как Изу-бей любовно прикоснулся к грязной девке.

— Хатум, я звал тебя?

Люта, услышав грозный вскрик первой жены, вздрогнула и заборхталась, но мужчина лишь сильнее прижал ее к себе, опустив руку с шеи на талию. Все что Хатум и наместник говорили друг другу Люта не понимала, но знала — ругались, и причиной была она. Изу-бей неожиданно прикрикнул на Хатум, отчего та побледнела и полог шатра резко опустился, скрывая женщину с глаз.

Он вновь вернул все внимание рабыне, деля больно железной хваткой на талии. При этом его рука касалась, пусть и через одежду, поврежденной на спине кожи, отчего Люте хотелось морду ему расцарапать.

— Отпустите, — ровным тоном попросила девушка, устремив взгляд темных глаз на мужчину. В груди болело, словно птица клювом долбит да когтями плоть разрывает, чтобы вырваться на волю и уничтожить, заклевать, сделать больно, так же как было больно ей.

Изу-бей медленно убрал руку от Люты, кривая ухмылка и показное спокойствие ее не обманули. Стоило попытаться немного отодвинуться, как наместник выхватил кинжал из-за пояса и, схватив девушку за косу, приставил к ней нож у самого основания волос.

— Не будешь слушаться косу отрежу, а на ней отца твоего повешу.

— Режь, — спокойно ответила Люта, не отводя взгляда, отчего Изу-бей удивленно

приподнял брови. — Повесишь и послушания моего вовек не получишь, как и меня. Брошусь в речку с камнем на шее.

Кинжал вернулся в ножны, а коса намоталась на кулак мужчины, подтягивая лицо девушки к себе.

— Только я могу убить тебя, Люта, — каждый раз, когда Изу-бей растягивал ее имя, как бы говоря что-то между «у» и «я» внутри девушки что-то умирало. Будто бы с новым произношением отрезался кусочек ее души.

Настроение наместника скакало, как дикий жеребец по степям. То он спокойный, то тянется страстно к ней, а то и ударить может, если вдруг гнев обуял. Люта проводила в шатре наместника дни, прислуживая ему, но чаще играя роль куклы, на которую любитесь ребенок. Он раздевал ее и одевал, сминал нежную кожу и расчесывал длинные волосы, укладывал на пол, а потом переворачивал на спину, чтобы вдоволь налюбоваться каждым позвонком на худой спине. Пальцы гладили, сжимали, пощипывали и казалось не будет этому ни конца не края. Одно радовало и удивляло, ни разу не насильничал ее более наместник. Под вечер Изу-бей устало вздыхал, бросал короткий взгляд на смиренно сидящую у ног девушку со смоляными волосами, одетую в новое платье, и дотрагиваясь ладонью до ее плеча, приказывал:

— Скажи Хатум, чтобы пришла сюда.

Так и было в этот раз, разве что задержалась она у него чуть дольше обычного.

Люта поднялась и привычно поспешила к первой жене, ликуя, что наконец-то внимание наместника перекинулось с нее на ядовитую змею. Наместник, видя, что девушка повеселела, то есть перестала хмуриться, раздраженно фыркнул и велел поторапливаться. Люта не стала испытывать терпение Изу-бея и быстрым шагом, чуть ли не бегом, поторопилась к шатру Хатум.

Недолго думая, девушка взялась рукой за край полога и резко его откинула, делая шаг внутрь шатра, да так и застыла. Томные вздохи и обнаженные тела Радиславы и Хатум расплылись перед глазами. Охнув, Люта встала столбом и тотчас пожалела об этом. Вскочившая Радислава, мгновенно скользнула в сторону Люты и, схватив за руку, дернула, да так сильно, что девушка, не удержавшись на ногах, упала на ковер, прямо перед обнаженной Хатум. Та гортанно рассмеялась и что-то каркнула Радиславе.

— Она говорит, что оприходовать бы тебя да противно.

— Наместник зовет жену к себе, — ответила на это Люта, стараясь не смотреть на них обеих и отводя глаза в сторону. Обе ничуть не смущались своей наготы. Услышав перевод Радиславы, Хатум довольно кивнула и уже хотела встать, чтобы одеться и выйти, но внезапно остановилась и насмешливо что-то сказала.

— Госпожа говорит, что если ты не хочешь сдохнуть, то будешь молчать о том, что увидела здесь, иначе все узнают, что ты черным колдовством занимаешься. Сам наместник не сможет защитить, и дороги домой тебе не будет. Ославят на все земли хазарские. В собственном же племени заклемят и проклянут.

— Передай своей госпоже, пусть советы при себе держит, — дерзко ответила Люта.

Звонкая пощечина раздалась в повисшей тишине. Хатум не нужен был перевод, чтобы понять дерзость, направленную в ее сторону. Люта схватилась за щеку и хотела уже выскочить из шатра, как почувствовала пятерню мертвой хваткой вцепившуюся ей в запястье. Вдруг Хатум вскрикнула и тут же отдернула ладонь, будто бы обжегшись. Она нервно разжала кулак и потеряла кожу.

— Мора, — зло прорычала жена наместника и сузила глаза, отчего ее взгляд стал еще более хищным.

Радислава охнула и отошла подальше от Люты, глядя на нее как на проклятую.

— Ах ты дрянь, я всегда знала, что с тобой не чисто, а ты смерти поклоняешься! Правду говорили о твоей матери, колдунья она была и померла от колдовства черного!

— Не смей ничего говорить про мать! — вскинулась было Люта, но услышала смешок жены наместника и замолчала.

Хатум рассматривала кольцо, что сама же и подарила. Девушка с какой-то обреченностью подумала, что сейчас жена кольцо и отберет. Подарок-то для невесты был, а она рабыня. К чему ей такие украшения? Колечко Люта снимала только, когда стирала, уж очень жалко ей было красоту такую портить. Но к ее удивлению женщина только хмыкнула и что-то пробормотала себе под нос. Она отбросила от себя руку Люты, встала и, быстро одевшись, вылетела из шатра на встречу к мужу. Радислава медленно натягивала платье и смотрела на бывшую подругу. Хитрая улыбка блуждала по лицу.

— Я бы на твоём месте покончила с жизнью, Люта. Прыгнула в речку и все, никакого насилия, никаких злых взглядов и угроз. Да и согласись, тебя ждет никчемная жизнь. Родилась-то ты в хорошем доме, а вот умрешь чужой подстилкой и рабыней.

— Ты такая же подстилка, разве что пользует тебя не наместник, а его жена, — прошептала Люта, голос подвел ее, и она закашлялась. Разгневанное лицо Радиславы появилось перед глазами, злой плевков растекся по лицу Люты.

— Я с госпожой добровольно, а ты только и думаешь о своем драгоценном Милославе. Все вы подохнете, а я в шелках ходить буду за верность свою и преданность.

— Кому? Ведьме хазарской?

Промелькнуло что-то в лице Радиславы, Люта было подумала, что испуг то был, но служанка быстро взяла себя в руки.

— Да хоть бы и ей. Они хозяева на этой земле и спорят с этим только глупцы, а ведьма здесь одна, Лютка, и как бы голову тебе за это не потерять. Впрочем, может, стоит и потерять?

Радислава толкнула Люту в грудь, опрокидывая на пол, и ушла, напоследок, потоптавшись по ее стелящимся по земле волосам.

Люта стерла рукавом плевков и уставилась взглядом под купол шатра. Почему-то в памяти всплыл ночной кошмар с нечистью и странными птичьими костями. Ей не желали там зла, никто не просил ее умереть, не бросались угрозами. Они... поддерживали ее?

«Может, стоило кровью кости окропить», — в тот же миг, как эта мысль мелькнула, Люта подскочила и прижала ладони ко рту, в испуге замотав головой из стороны в сторону.

Глупая, глупая Лютка, сколько раз отец говорил, не желай зла людям, на себя его навлечешь. Не ведьма она и черная магия не по ней, она же милая, добрая Люта.

Не бывать злу, не бывать.

***

— Принесла?

— Да, госпожа. Простите мое любопытство, о прекрасная, но... зачем вам эта отравка?

Радислава не просто так спрашивала женщину об омежнике. Ведь трава это злая, ядовитая. Из-за одного только наличия этой травы у кого бы то ни было, могли обвинить в черном колдовстве и казнить. Умом-то она понимала, для кого трава, да только сердцем

опасалась, как бы беды не случилось. Привязанность наместника к ненавистой девке крепла день ото дня. И как бы сурово он с ней не обходился, а все одно на ее сторону вставал. А ну как узнавать начнет про отраву. Не Хатум ведь голову срубят, а ей, служанке, что эту траву достала. Предупреждала ее мать, мол, осторожней. Травишь, так без свидетелей, а как тут без свидетелей, ежели сама жена наместника приказ дает?

Пока Радислава предавалась самобичеванию, Хатум окунулась в воспоминания о свадьбе. Из всего празднества больше всего запомнилось напутствие бабки, когда дочь отдавали в дом наместника. Старая согбенная женщина суетливо двигалась и вечно бормотала себе под нос странные вещи. Ее давно никто не слушал, считая, что старуха совсем сбрендила.

— «Хатум, имя твое власть дает, — торопливый шепот старухи и крепко, до боли сжимающие плечи пальцы, заставляли девушку морщиться и оставаться на месте, терпеливо дожидаясь, когда безумная отпоет свою песню. Оттолкнуть — значило проявить неуважение к старшему, за такое и получить можно. — Правь мужем мудро, не позволяй голову от себя отвернуть. Но если настанет такой момент, положи сопернице под голову вѣх ядовитый, отравит он ей сны, силы отберет да тебе передаст, так за ночь и издохнет вражина».

От цепких пальцев бабки у Хатум остались синяки, хорошо, что длинные рукава свадебного одеяния закрывали это безобразие. Горячечный бред старой надолго не задержался в голове у девушки, дело ли переживать о неверности мужа, когда еще сама женой его не стала. Да и с чего бы ему смотреть на другую, когда рядом такая красавица ясноокая, с кожей словно мед.

Первая жена горько усмехнулась прозорливости бабки. А может, той сон вещий приснился и как смогла она предупредила нерадивую внучку. И на том спасибо. Хатум вынырнула из воспоминаний и толкнула в бок замечтавшуюся служанку.

— Набей вѣх в ее тапчан, в изголовье. Наутро издохнет тварь. Она ослабла, кольцо силы ее вытянет, а я заберу. Смерть будет мучительной, но во сне. Ее никто не услышит, покуда поздно не станет и не догадаются, что это убийство.

Радислава сглотнула тугой ком в горле. Хорош был план и Лютку она ненавидела, а только отчего-то боялась. А вдруг Лютка и впрямь Моране поклоняется. Вдруг сама смерть на ее защиту встанет.

***

«Проснись»

«Не спи, Люта!»

«НЕ СПИ! УМРЕШЬ!»

Не успел и час пройти как Люту сморил сон, но пробудилась она от неистового крика в голове. Так страшно ей стало, что тут же выбралась из юрты на прохладу ночную и глубоко задышала. Во рту ощущался странный горьковатый привкус. Немного подышав она вновь вернулась в юрту, но как только легла, вновь почувствовала недомогание. Тут уж стало не до шуток ей. Встала она, посмотрела внимательно на топчан, да и выволокла на улицу к костру поближе. Вытряхнула все изнутри, так и ахнула. Омежником набит весь, вперемешку с соломой.

Такая злоба обуяла девушку. Ведь не сомневалась она, Радислава все это сделала при помощи хозяйки своей. Кому бы еще понадобилось травить личную рабыню наместника, только тем, кому она поперек горла встала. Смешок вырвался сам собой, мысли заполонила горечь.

«Милая, добрая Люта умерла на той поляне, рядом с Милославом. Ей тоже отрубили голову, а после еще и сердце вырвали. Милая, добрая Люта умерла в той юрте на топчане, набитым ядовитой отравой».

Руки девушки опустились. Всю отраву она в костер кинула, после расправила топчан прямо у костра, несмотря на недовольные взгляды стражи, легла и прикрыла глаза, незаметно уплывая в сон.

«Вернулась»

«Пришла»

«Не бросай нас»

Вновь скрипели деревья, пробежал шепоток и ветер ласкал обнаженное тело. Люта стояла возле разрытой ямы с костями и смотрела на кинжал, брошенный на землю. Вокруг стояла нечисть, она не тянула лапы, руки, ветви, не требовала пролить кровь, она ждала, когда девушка примет решение сама.

В голове Люты проносились мгновения счастья, боли и разочарования. Она помнила каждое лицо доброе или злое. Смотрела в их глаза и спрашивала за что с ней так? За что с Милославом так? За что с землей ее так? Гнев поднимался в душе ее, словно море беспокойное, волна за волной, ударяясь о скалы, принося боль и ярость лютую. Люта. Лютая!

— *«Имечко-то девке дали, не пожалели».*

— *«Дак мамка-то у нее сама Лета — сердитая. У них весь род бабский такой, что не имя, то злоба. Думаешь, спроста что ль красивучие такие?».*

— *«А и правда! Ишь, ведьмы лесные, все-то им за так достается. И мужья, и морда смазливая».*

Яростный крик, сметающий все на своем пути, разрезал лес и перекрыл вой нечисти, заставляя умолкнуть даже шелест листвы. Природа замерла в ужасе перед рождением новой души, да только такой мрачной, что в пору о помощи молить да все костры разжигать, мир предупреждая. Не будет покоя врагам ни на земле, ни под землей, не успокоится душа темная, покуда не сметет с лица земли врага паскудного. А встанет кто на дороге у нее, тому головы не сносить.

Люта подобрала кинжал и без тени сомнения, разве что закусив губу от боли близкой, полоснула по ладони и сжала руку в кулак, окропляя кости животельной влагой, а вместе с ними кольцо черное, Хатум подаренное. Волосы взъерошил холодный ветер, изо рта вырвался пар, будто мороз лютый наступил и взревела нечисть на разные голоса, восхваляя принесенную в дар жертву. Окровавленная ладонь мазнула по лицу, черные, словно бездна глаза открылись, являя тьму в своих глубинах, разворачивая в них воронку, грозящую вобрать в себя все живое и мертвое.

— *Мора — Моранушка! Княжна Смертушка! Смерти да Зимы владычица. Прими почтение дочери твоей. Пред тобою голову склоняю, да пред величием Твоим. Обереги на пути тяжком да надели мудростью Своею, огради от хворей и напастей. Велика Ты в деяниях своих, — что ни рождение, что не болезнь, что не усение — все Ты Матушка. Щедра Ты для детей своих, Твоим путем идущих. Величайся, Княгинюшка родящая да мертвящая. Величайся, Зимы да Смерти владычица.*

Величайся, Мора-Матушка!

Величайся, Хозяйка Смерть!

Гой, Черна-Мати! Гой-Ма!

На последнем вскрике, прогремел гром, примялась трава, пригнулись деревья и наступила мертвая тишина, что раскололась громогласным:

— Отомицу!

— Сей для нас да собирай жатву! — подхватила нечисть.

На утро стан наполнился криком, лязгом оружия и плачем. Хатум умерла.

Глава 9. Заплутавший блудник

Кого только не повстречал на своем пути чудь. Земля спешно возрождалась после ледяного сна с каждым днем становясь все ярче и сочнее. Разнотравье щекотало ноздри, реки, полнящиеся от талой воды, бурлили клокоча весело и как-то даже задиристо. В леса возвращались птицы, покинувшие родные края с приходом холодов.

Иногда белоглазый скрывался из вида, едва только замечал людей. Порой выходил сам, обмениваясь советами и новостями. Каждая встреча была риском. Даже вопреки нюху на лихой народ, Гату порой ошибался. Встречу с таким как он люди трактовали очень поразному. В былые времена племена чудь не были диковинкой. Они селились в горах, никому не мешая. Иные из их сородичей напротив предпочитали низины, воздвигая не жалкие землянки, а целые города. Чудь славились искуснейшими кузнецами и ювелирами. Поднести в подарок или приданное изделие чудской работы считалось широким и благостным жестом. Такие вещи не перепродавали, завещая своим отрокам, которые в свою очередь уже будучи стариками отдавали дальше, продолжая родовую традицию. Но всему, что дерзнет казаться вечным рано или поздно приходит конец. Чудь начали медленно исчезать с лица земли.

Теперь уже сложно вспомнить и даже предположить с чего началось их вымирание. Казалось бы, все оставалось на своих местах. Чудь не воевали, сторонились вступать в коалиции, никому не переходили дороги и занимали самые неплодородные и тяжело осваиваемые земли. Они ходили в ладах со всяческой нечистью, знались могущественными шаманами. Но в какой-то момент их род пресекся.

Дети чуди, коих и без того редко, кто в глаза видывал, будто бы исчезли совсем. Синеглазые чуди, то бишь ихние жены, перестали выходить на дороги, благословляя путников. А ведь то считалось за добрый знак, проплывая на ладье, скажем, увидеть, белоснежную статную деву на камне, али под ивою застывную. Глаза огромные, да синющие будто в ночное небо глядишь. Высокие скулы благородные, да тонкий стан, аки травиночка. Поднимет руку, махнет волосами, да улыбнется и исчезает, только ее и видели. А кормчий, стало быть, в усы уже стоит лыбиться. Знает, что дорога до дома будет спокойною.

Совсем же редко за диво, почитай, стало на новый век повстречать чудь белоглазую. То были мужчинами племени, коих и раньше то было намного меньше чем бабонек. А уж после того, как семя чудское стало увядать, ох и устроили на шаманов белоглазых охоту люди до богатств охочие. Теперь почти в каждом лице, да новых глазах Гату видел затаенное желание пленить его. Овладеть его силою первородною. Изловить для своего пользования зверушку редкую, да в хозяйстве полезную.

Но не привык чудь от людей отворачиваться. Даже от самых ничтожных, а то и вовсе пропащих. Он смотрел на них как смотрят на глупых нерадивых детей или дальних родственничков, промотавших отцовское добро, да без штанов по зиме оставшихся. Что-то такое Гату знал о них, чего те и сами о себе знать не знали, да слыхом не слыхивали. Потому защищал и оберегал, бескорыстно, порой даже на свой живот рискуя навлечь опасность. И никогда не ждал белоглазый от них благодарности, ни добрых слов, ни товаров, ни песенок, да почитания. Может потому, что не было в нем того чувства, что у иного человека рождается самого прежде, то бишь тщеславия. А может от того, что знал чудь людей, лучше их самих, как и то, что никогда то у них не бывает без корысти благодарности.

Гату бежал так долго, как только мог, не устраивая себе дневных привалов. Он понимал,

что опаздывает, как и то, что не может растрчивать силу понапрасну. Одно дело догнать проклятуший караван хазарский, и другое совсем, как спасти оттуда родичей угнанных. Нельзя без силы являться, но и силу не расходуя, с дальней дорогою не управиться. Чудь позволял себе сделать остановку лишь под покровом ночи. Доставая из заплечного мешка в дороге подхваченного зайца иль рябчика, он разделявал добычу на сырую поедая.

Нет, белоглазый не чурался огня, но уважал лес и ночной покой его обитателей. Какого ляду тревожить кикимору или лешего, кои лишь под покровом сумерек могли спокойно под небом скитаться? Зачем беспокоить сердце русалки, лишь затемно решавшейся из воды на берег показаться? Гату znalся с нечистью куда как лучше, чем с теплокровными собратьями. Люди с такой же лихостью и суевериями проклинали чудь, как и лесного лешего. С одинаковой яростью могли затравить чудь, как и поповшегося по глупости банника. Всех они мнили рабами сделать, да под собой ходить заставить.

Теплая кровь пойманного накануне зайца еще не успела остыть. Тонкими струйками она стекала с губ белоглазого, скапливаясь на подбородке. Гату жевал, не обращая на это внимание. Распахнув свои огромные глаза, он всматривался в очертания деревьев. Вслушивался в каждый шорох, будто это для него было музыкой, и наслаждался покоем очередного длинного дня. Вот на ветку хлопая могучими крыльями опустилась неясить бородастая. Головою вращает, да глазищами сверкает. Перья у нее ладные, одно к одному, пепельные. Красивая птица, могучая, да статная. Хозяюшка ночная, быстра, да удалая. Каждое шевеление листочка слышит она, каждый скрип коры, да малой веточки. Чудь улыбнулся, глядя мимо совы. Крошечная зорька под еловыми ветвями затаилась. Нидохнет, ни пошевелится. Знает, от кого деру давать бесполезно. Ждет, пока неясить сама упорхнет прочь.

Чудь еще долго наблюдал за невидимым противостоянием охотника и дичи, как вдруг его чуткого слуха донеслось нечто странное. То ли крик, то ли шепот, то ли все вместе, да сразу. Гату поднялся, головой повертел. Непонятно откуда звуки исходят. Будто бы пение лесной покой пронзило. Многоголосное, да дюже мрачное. Не бывает добра от таких песен. И хоть он не боялся ночной нечисти, живая кровь в жилах не желала тут оставаться.

«Уходи», — шептало чутье шамана.

«Прочь», — вторил опыт.

Но окромя того, что чудь был могуч и силен, да страху не знавал, был он любопытен до всяческого непонятного. Никогда еще в жизни Гату не оставлял за спиной такого, что бы познать не взялся. Снова опустившись на землю, он положил ладони к дерну, вслушиваясь в свои ощущения. Ворчала мать-земля, тоже не в восторге прибывая от происходящего. Где-то недалече пакость творилась, да какая не мог разуместь чудь белоглазая. Озираясь, да принюхиваясь, Гату двинулся по сумрачному зову, на полусогнутых ногах, боясь спугнуть странное диво ночное. По мере того, как он приближался, голоса поющих духов становились различимы. Но чудь тотчас заставил себя их не слушать. Черные речи вели те отродия. Шептали такое, что иной добрый муж али витязь, уже валялись бы уши зажавши.

На полянке, залитой лунным светом стояла нагая девушка. Волосы чернявые, спутанные. Тельце детское совсем, юное, уже жизни уроки выдавшее. Синяки, кровоподтеки, ссадины. Стояла та дева глаза под ноги опустивши в зловонную яму, что собственными руками и вырыла. Чудь не видел, что там скрывалось, но такую вонь чуял, что ноздри хотелось зажать, да отвернуться. Поляну окружала нечисть разномастная. Кто только не пришел на жуткий ритуал подивиться, да новую нареченную длань свою приветствовать. А

Гату стоял, злобные взгляды на себе срывая, да помалкивал. Не от того, что боялся иль не знал, с чем его судьба свела. Чудь всем существом своим, от когтей до волосков на коже, учуял, от кого шел тот невыносимый запах. То не яма была, а сама девочка.

Несчастное когда-то чистое и доброе создание, черствело на глазах его. Выгорали мечты и надежды, доброе сердце гниющей коростой покрывалось, и билось медленнее с каждым ударом своим. Сколько же в ней было боли и отчаяния. Всю свою радость и жизнь, она сюда принесла, как пожухлую траву скомкала, да под ноги кинула. Не по силам ее плечам сдюжить, то, что судьба подарила, то, что хлыстом, да палками в нее вдалбливали.

Меж тем, чудь внимательно следил за девушкой. Она все еще колебалась. Ветерок колыхал колтуны в волосах, а на белоснежной коже проступали мурашки. Она часто задыхалась, будто решаясь наконец покончить с начатым.

«Не тревожься»

«Не плачь»

«Мы согреем тебя»

Шептала нечисть лесная, в хороводе бесовском покачиваясь. Хихикая, зубами пощелкивая, подвывая, да хрипя, жадные слюни наземь роняя.

«Возьми кинжал»

«Окропи кости кровью»

Шептали черные хозяева ведьмовской поляны. А девушка все не решалась, не видя людскими глазами, какой ураган под ее ногами в тот миг бушевал. В земной тверди плотоядно бурля пробуждалось нечто, чему чудь не разумел имени али названия. Что-то древнее не только Гату самого, а всех ныне живущих старше оно. Не чудище, не ночная тварь. То была сила ведьмовская и черная. Она была страшнее самой лютой злобы, да темнее самой темной сажи печной. Голодная, не знающая покоя и устали.

— Не надо, милая, — прошептал чудь, глядя на застывшую аки столб девушка. — Не дури. Не впускай эту заразу в себя.

Он знал, что та его не услышит, но не смел кричать. Будто окаменели ноги чуди. Подобно суровому рогу, свалившемуся на голову этой бедной девушки, к Гату явилось осознание. Нельзя спасти в этом мире каждого. Не сегодня, так завтра, она вернется сюда. А нечисть резвилась вокруг, как ярмарка людская и праздная. Свистели кикиморы, завывали вурдалаки, да плясами безумные лесавки, да дрекаваки хихикали.

Сжав кулаки, Гату решительно шагнул в круг. В его душе бушевало пламя ярче огня костра, да степного ветра неистовее. Взвыла нечисть лесная, пуще прежнего, да замерла. Сильные пальцы Гату обвили стройную девичью шею, касаясь тонкой кожи толстыми и острыми когтями. Один рывок и нет ее. И тут чудь замер, колдовским мороком скованный. Делая шаг тот, он решил прервать мучения бедной запутавшейся девочки. На себя взять вину за жизнь светлую сгубленную. Да только вот не по силам оказалось прервать ее.

«Чем она заслужила смерть?».

«Тем, что защиты сыскать не может?».

«Тем, что живет аки собака пинками забитая?».

«Тем, что жить хотела свободной, а не ковром ногами хозяйскими топтаным?».

«Ты ей роком себя, чудь белоглазая, выбрал?».

«Тогда рви. Всяких она видывала, да с такими лжецами как ты еще судьба не сводила».

«Рви, чудь белоглазая! Чего застыл, душа твоя, кривая?».

Гату опустил руки. На тончайшей лебединой шее остались легкие отметины. Он обошел

девушку, глядя в ее лицо. Бедняжка его не видела. Ничего в мире не могло сейчас забрать ее вниманием, кроме кинжала в руках и костей птицы под ногами. Вздохнул чудь тяжело, да сгорбившись побрел прочь, более не оглядываясь. С каждым шагом ноги, что опускались наземь, он чувствовал вину и слабость. Не бывает в жизни легких путей, да простых решений. Да только будь ты трижды мудрецом, али старцем годами закаленным, не сможешь решать за другого, что есть его судьба. Не сможешь, коли есть в тебе честь, да разумение справедливости. Даже зло лютое позади оставляя, ты шанс ему даешь добром однажды статься. Хоть иные и не смогут никогда омыться, да очиститься.

Вдалеке за спиной ночь пронзил яростный крик. Впервые за долгие годы Гату почувствовал, как у него побежали мурашки по спине. На лбу выступила испарина, а сердце забилось, как синичка в клетке, трепеща листочком на ветру.

«Молитесь теперь богам, каких только на свете вы знаете».

Позабыв об усталости, Гату опустил на четвереньки и прыснул наутек. Такому должно случаться порой. Не может в мире иначе быть. За каждую невинную девочку, злым мужем опороченную, за каждую пощечину, да плеть по спине, за каждый синяк и ссадинку. Пущай одна супротив многих тысяч, но народится такая, что спросит с вас. И с виновных, и под руку попавшихся. Вы сами порождаете зло да тьму-тьмушую. Закаляете таких как она, подобно стали булатной.

«Ну, что ж готовьтесь, теперь. Вы создали жуткое оружие».

Чудь бежал два дня и две ночи. Ноги несли его прочь от проклятого места. Он знал, что не спроста все это. Не случаются такие встречи понапрасну. Мрачные времена наступают. Грядет горе всему роду человеческому. Не просыпается лихо по одному. Всегда за бедою, ступает беда, беду погоня. А Гату тем временем все еще опаздывал. Уходил караван все дальше в Таврию, за горами что, в степях караимских.

Сознавая, что это его последний шанс, чудь решил, что пришло время рисковать по-настоящему. Выпал день, когда на карту приходится ставить последнее, не своей судьбой, а чем-то большим рискуя.

Он долго искал подходящее место, пока не наткнулся на крошечный островок посреди ручья. Места хватало только чтобы опустить ступни, но и того предостаточно. Походя вокруг, чудь нарвал сосновых веток, два подорожника. Лаская водную гладь, он один за другим достал пять небольших кремней. Все свои находки сложил рядом с ручьем и отправился дальше. Пришлось дожидаться ночи, поскольку прочие ингредиенты для ритуала так просто уже не сыскать было. Выйдя к болоту, Гату изловил жирную жабу, осторожно упрятав ее в поясной мешочек. Оставив топи, он вернулся в сосновый бор. К тому времени проснулись сверчки, наполняя окрестности своим стрекочущим бормотанием. Их песня была спокойной и мягкой. Ни одного лишнего звука, лишь шелестящее потрескивание, баюкающее душу. Побродив еще с час, чудь добыл последнее из того, что искал — ночного мотылька. Бережно касаясь насекомого грубыми пальцами, Гату зажал его в кулак, боясь подавить, да так и отправившись обратно к ручью.

Разведя костерок, чудь уселся на бережок, глядя в небо. Светало. Он старался надыхаться впрок, будто боясь, что уже не успеет этого сделать позже. Опустив свободную ладонь в воды ручья, Гату прикрыл глаза. Блаженно улыбаясь, он касался на дне камешков, осторожно и бережно, словно те были для него драгоценны. Небо светлело.

Взойдя на островок, чудь осторожно разжал кулак, отпуская на волю мотылька. Он тотчас порхнул прочь, от жуткого создания, что его пленило, даром не сожравши. На ладони

Гату блеснула мельчайшая пыль с крыльев мотылька. Потерев рука об руку, чудь нанес ее на кожу лица, прочерчивая вертикальные полосы пальцами крест-накрест. Затем подхватив соснового лапника, белоглазый поджог хвою, размахивая вокруг себя дымящимися ветвями. Струйки белого чаровского тумана окутали силуэт Гату. В его руках оказалась болотная жаба, послушно взиравшая на чудь. Раскрыв рот, Гату лизнул ее спину, а затем уставился в глаза. И зашептал:

Объятые тьмой распоясанной ночи,
Немертвые камни годами храня,
Род чуди блюдет плодородие края,
Сквозь пыль от веков, сединой от огня.
Даруй мне покров, что согреет могила,
Даруй мне тропу, что сведет напрямик,
Я сын твой от первого племени мира,
Я кровь твоя, твердь, заплутавший блудник.

Послышался треск и тягучий стон. Землетрясение последовавшее затем привело в движение все окрест. Сосны ходили ходуном, раскачиваясь из стороны в сторону. Встревоженные пичуги, сновали тут и там, растревоженные внезапным грохотом. Небеса просияли, являя первые лучи солнца. На лице Гату вспыхнул поцелуй солнца, и чудь послушно зажмурился, отводя глаза. Мир вокруг мигнул. Мышцы чуди сковало, словно тяжеленые кандалы его перетягивали. Он выпрямился во весь рост гордо и торжественно.

Ноги белоглазого провалились сквозь землю, будто кто-то потянул его вниз. Мгновение, и тело уже по пояс ушло в грунт. Гату осторожно опустил жабу на берег, сложив руки на груди крест-накрест, и закрыл глаза. Миг спустя его голова исчезла из виду, а на месте крошечного островка, в который ушел чудь, высыпалась речная галька.

Глава 10. Расплата

Подвывания и крики Радиславы раздавались по всему хазарскому стану. Она сидела на коленях заламывая руки и кусая до крови губы перед телом Хатум. На жену наместника, точнее то, что от нее осталось, было страшно смотреть. Всего лишь за ночь она превратилась в иссохшуюся, сморщенную как засушенный фрукт старуху, которая лежала, скрючившись в три погибели. Радислава ничего толком не могла рассказать, только лепетала что-то про колдовство и тряслась беспрестанно.

Наместник, налетел словно коршун и со всей дури залепил пощечину служанке. Девушка повалилась в грязь и затихла, слышно было только короткие сдержанные всхлипы и сопение.

— Говори, женщина. Что случилось с моей женой? Не то казнию, немедля!

Радислава, задыхаясь и обнимая себя за плечи, сбивчиво, но начала свой рассказ.

— Вечером, как обычно, госпожа умылась, я причесала ее прекрасные волосы и умаслила кожу. Она попросила приготовить перед сном молоко с медом, выпила его и пошла спать. А на утро...

Радислава, не сдержавшись, вновь зарыдала.

— Нашла... ее... такую! — девушка взвыла и от слез, душивших ее, и от удара плети, который обрушился сверху твердой рукой наместника.

— Замолкни! Где чаша, из которой пила Хатум? Принести!

Тот же час в шатер жены сорвался воин, а когда вернулся, то покачал головой, что-то ответив на своем языке. Наместник от гнева вхолостую свистнул плетью и вновь схватил Радиславу за волосы, приподнимая ее с колен.

— Говори, тварь, что ты сделала с чашей? Там отравка была? Ты отравила жену мою? Говори! — Он резко встряхнул девушку за волосы. Она мотнулась из стороны в сторону, руки взметнулись вверх, царапая Изу-бея, ноги зашкребли по земле, в попытке приподняться, чтобы ослабить натяжение, но жесткий удар по ногам одного из подчиненных наместника, не позволил ей этого. Радислава захлебывалась криком и рыданиями. Кричала, что не виновата и никогда бы не отравила госпожу. Неизвестно, сколько бы это все продолжалась, если бы ей на глаза не попала Люта. Радислава широко открыла рот, округлив его, словно бы в удивлении и закричала:

— Ведьма! Это она! Она убила госпожу! Моране поклоняется, тварь, я видела знак на ее руке!

Все головы повернулись в сторону Люты. Взгляд наместника из яростного превратился в ледяной. Он выпустил волосы Радиславы и брезгливо вытер руку об рубашку.

— Подойди, Люта.

Девушка ни жива ни мертва, спокойно приблизилась к наместнику, стараясь не показывать страха.

— Руки.

В нетерпении, не дожидаясь, пока Люта сама протянет ему руки для проверки, он схватился за ее предплечья и вздернул вверх. Но как бы не вертел, рассматривая так и эдак, знака не находил ни на ладонях, ни на запястьях.

Смерив взглядом Люту с ног до головы, он процедил:

— Проверять придется все. Раздевайся.

Люта побледнела. Она уже не обращала внимания на свою наготу при наместнике, но раздеться при всех, словно девка гулящая, это уже слишком.

— При всех не буду! — звонкий голос разнесся по стану, а черные глаза скрестились в неравном бою с синими. Черные выиграли.

— В шатер, — процедил Изу-бей под недовольный ропот народа. С чего бы рабыне такие привилегии?

Люта гордо вскинув голову, зашла в ближайший шатер и, дождавшись наместника, скинула платье. Когда она почувствовала на себе его руки, по телу пробежал холодок. Он осматривал ее медленно, смакуя и наслаждаясь моментом, будто не его жена мертвая там лежала, а какая-то посторонняя женщина. И вновь Люта подивилась смене его настроения. Только что в гневе был, а сейчас словно на ложе любовное собрался.

— Нет никаких меток. Объясни мне, с чего девка на тебя показала? Может, скрываешь от меня что-то, Люта? Кому ты молишься, Люта?

«И вновь гнев, вот он, блестит лихорадочно в глазах, а я что могу сказать?» — подумала про себя девушка, а вслух выпалила:

— Кому молюсь, тот слышит.

— Это не ответ! — рявкнул наместник и схватил лапищей за плечо, да так больно, что слезы из глаз брызнули. — За колдовство, Люта, у нас не голову рубят, а четвертуют. Смерть ужасная, болезненная, но верная. Так посмотри мне в глаза, Люта и скажи, кому ты молишься?

— Тем же богам, что и мой народ, Изу-бей, — процедила в ответ девушка.

Мужчина, тяжело дыша, бросил ей «одевайся» и выскочил из шатра. Когда Люта вышла вслед за ним, то увидела, как он приказал своим людям раздеть и проверить на колдовство Радиславу. Ей, так как Люте, не повезло, обнажали девушку при всех.

Под крики служанки и шепотки вокруг стоявших людей, ее раздели и внимательно осмотрели. Неожиданно раздался удивленный вскрик и на голую Радиславу, что стояла на коленях, нацелили оружие. Сколько бы Люта не высматривала, да только похожего символа, что на запястье у нее покоился, как все, не увидела. Не было ничего на теле Радиславы, но толпа, обступившая служанку, что-то видела. Как и Изу-бей.

— Думала глаза мне замылить? — Изу-бей взмахнул плетью и обрушил всю свою жестокость на обнаженную кожу. Радислава повалилась в грязь с криками и мольбой. Она каталась по земле, пытаясь увернуться от хлестких ударов, уверяла, что никогда не молилась Моране, клялась, что никому не причиняла зла, но все было бесполезно. Наместник не слышал ее. Когда Радислава прекратила сопротивление и замолкла, Изу-бей остановился и приказал своим людям готовить место казни и лошадей. Одни концы веревок привязали к рукам и ногам служанки, другие к лошадям и подхлестнули последних плетьюми.

Никогда Люту не выворачивало наизнанку так сильно.

***

— Я не желаю тебе зла, Люта. Посмотри на меня.

Изу-бей кончиками пальцев приподнял подбородок девушки, чтобы та, сидя на коленях, смогла остановить на нем взгляд. Черные глаза встретились с безумными синими, перемешиваясь, вызывая внизу живота испуганную дрожь. Он был красив, недаром Хатум сходила с ума от ревности, вот только северянка будто бы не видела наместника. И это его злило.

— Ты смотришь, но не видишь! Я сказал, смотри! — Хлесткий удар обжег щеку и вновь

пальцы сомкнулись на нежном подбородке, мягко поглаживая, словно бы извиняясь за грубость.

Он не желал ей зла, но причинял его с завидным упрямством. Делал вид, что сожалеет и вновь хлыст взмывал в воздух, рассекая нежную плоть, вырывая яростный крик. Гладил по щеке и тут же угрожал расправой всему селению Глиски. Хатум нравилась постоянная битва противоположностей в муже, Люта сходила от этого с ума.

Безумный.

Она бы и рада была сбежать, да только за ней следил днем и ночью приставленный человек. Воина звали Салих. Изу-бей назначил его в охрану сразу, как только разобрался с Радиславой. Ее, четвертованную, сожгли сразу же после казни, бросая в костер все вещи, что принадлежали служанке. Девушки боялись прикоснуться к вещам проклятой голыми руками, поэтому использовали палки или обрезки тканей, оборачивая ими ладони.

Как верный пес Салих стоял у шатра, охраняя покой наместника и странной рабыни. Ходил за ней всюду, куда бы она не пошла, даже, если это была потребность справить нужду. И, если в начале Люта огрызалась, то спустя несколько дней перестала обращать на него внимание. Он никогда ничего не говорил ей, просто наблюдал стоя чуть в стороне.

Салиху же Люта не нравилась: взгляд злой. Он так и говорил другим воинам, с которыми делил мясо и хлеб у костра — злая она. Но никто не воспринимал его слова всерьез. Ну что может сделать хрупкая маленькая девчонка? Кулачком ткнуть? После таких предположений раздавался громогласный мужской смех, Салих на это только головой качал. Он-то знал, нельзя недооценивать разозленных женщин, загнанных в угол, раненных. Раненный зверь опасней всего. Служанка Хатум тоже была хрупкой девчонкой, а оказалась ведьмой. Впрочем, здесь Салиха обуревали сомнения. Слишком уж близки были Хатум и Рада, да и до принятия в стан девки с черными глазами, все было в порядке. Да, в стане умирали люди, но зима — суровое время. Один-два человека в месяц, не так много, чтобы волноваться.

Он решил приглядывать за Лютой не столько из-за приказа Изу-бея, сколько от ощущения надвигающейся беды. Воздух пах не летом, что близилось, а гарью. Такой же запах он слышал, когда пришлось спалить соседнее селение. Частенько, когда получалось найти время на отдых, Салих оставался словно бы между сном и явью, пока однажды, от усталости не нырнул глубже. Видение, явившееся к нему, мигом заставило проснуться и стрелой выскочить из шатра. Уж сейчас-то наместник обязан его выслушать. Для хазар нет ничего важнее вещего сна, а то, что сон был вещим воин не сомневался. Убедившись, что Люта все еще спит и никуда не делась, он нырнул к одному из военачальников стана и началось...

— Гнать ее надо, Изу-бей, гнать, покуда беда не случилась в стане. Еще неделя и нам пора уходить с насиженного места дальше. Уж не решил ли ты отринуть память предков и обосноваться тут, а рабыню эту в жены взять?

Битый час в шатре наместника кипел спор. Салих, не раз и не два отмеченный в битве как храбрый и отважный воин поведал всем, что приснился ему сон вещий, да такой, что руки и сейчас трясутся. Уничтожит мерзкая девчонка весь стан, сотрет с лица земли и пойдет дальше сеять зло, а в помощь ей будет сама тьма. Нечисть она поведет на них как армию свою. Права была Радислава, Люта Черной Моране поклоняется, а знак спрятали небось, потому что сильной ведьмой оказалась.

Собрали военачальники совет в шатре наместника и стали убеждать упряма казнить

Люту, покуда живы все. Изу-бей не мог от них отмахнуться, уж слишком серьезно хазары воспринимали сны. Недаром среди них особо почитались толкователи и ловцы сновидений. Увиденное во сне и проигнорированное могло иметь серьезные последствия для всего каганата, а не только для одного единственного стана. С другой стороны, Изу-бей не верил. Ну не могла худенькая девушка, которая так доверчиво жалась к его ногам под криками взрослых, умудренных опытом и закаленных в боях мужчин, быть той, кто уничтожит хазар. Уж сколько стычек они пережили, сколько врагов нажили, а тут...

Она зашла к нему в шатер заспанная и не ожидавшая такого напора криков, обвинений. Словно бы вчерашний кошмар повторялся.

— Я не причиню тебе боли, Люта, — одними губами передал ей все свои сомнения наместник и громко хлопнул в ладоши, прекращая крики.

— Хватит, сам решу, что делать. Толкователей здесь нет, а значит мы не можем судить вещей сон это был или нет.

— Она пустая, Изу-бей. Ты игнорировал Хатум, развлекаясь с рабыней и гляди, что произошло. Люди ропшут. До бунта ведь дойдет, а дальше что? Узнает об этом каган, всем не поздоровится. Не хочешь убивать, так прогони. Пусть идет к своим, а им уже решать, что с ней делать. Не наша это забота — ведьм вскармливать.

У Люты после этих слов зачесалось правое запястье, то самое, где символ Мораны время от времени о себе давал знать. На силу девушка удержалась и не почесала руку, когда Изу-бей смерил ее оценивающим взглядом. Его лихорадило. Испарина на лбу, мятая одежда, всклокоченные волосы. Он весь был как натянутая струна. Наместник верил своим людям, но стоило только глазам найти Люту, как сердце сжималось, а в голове начинали стучать молоточки: «моя», «моя», «моя».

Военачальник даже не дрогнул под прожегшим его взглядом. Намертво стоял и всем своим видом показывал, что прав он и не отступится. Наместник упрямо мотнул головой, как мул, не желающий подниматься в гору.

— Сам решу, идите.

Когда он наконец остался с Лютой наедине, то плечи мужчины опустились, сгибая его в три погибели. За последнее время он сдал, стал мрачней, отяжелел, будто судьба всего мира на плечах покоилась. Его нервировало все и пуще того простоволосая черноглазая Люта. Он не мог понять, что с ним происходит. Стоило только мыслям усомниться в невинности рабыни, как тут же кто-то нашептывал, что не прав он, хорошая она, добрая, зла никому не делала, а вот он... Но вот он дотрагивается до нее и на сердце становится легче, как водой студеной омыла. Разность мыслей и чувств раскачивала его из стороны в сторону, не давая спать, есть, решать важные вопросы.

— Никому тебя не отдам, — бормотал он на своем языке и тут же злился на мягкотелость. В душе нарастали злость и желание причинить ей боль и тут же исчезали. Что за напасть?

Люта смотрела в красивые, словно самое чистое небо, глаза наместника и гадала, что с ней будет, когда Изу-бей вместе со своим станом двинутся дальше. Он заберет ее с собой? Убьет, как просят того хазарские мужи? Или же вернет отцу? На последнее Люта не надеялась, да и не уверена была, что все еще может вернуться в отчий дом. Возможно отец ее отдал богам душу, а Белояра уж давно въехала в их терем, выкинув все вещи или продав. А уж ежели про смерть дочери узнает, так и вовсе проклянет племянницу ненавистную. Теперь уж точно не место ей среди добрых людей. Самое страшное то, что сны свои девушка

помнила смутно, но вот просыпаясь, понимала, что не себе она боле принадлежит, а чему-то не доброму, темному, черному, как ночь безлунная.

В то утро, когда обнаружили мертвую Хатум, Люта проснулась не столько от крика, сколько от биения кольца на пальце, будто бы сердце стучится в клетке. Камень огнем горел, но оставался черным и, что самое странное, сразу после смерти Радиславы, успокоилось, сжало напоследок пальчик и вновь стало нормальным.

Боле забытых снов Люта опасалась людей наместника. Сны они только ночью и то не запоминаются, а воины рядом ходят, спят и едят. Недобро смотрели они на нее, не забыли они обвинений Радиславы. Пусть знака Мораны у Люты не нашли, да только все одно, слова в головах засели. Вызнала Люта у одной из служанок, что нашли-таки у Радиславы в вещах омежник. Да только не верят, что от отравления жена высохла до косточек. Радка ли то сделала никто не знает, на ведьму слабо походила и за Хатум хвостиком бегала. А вот черноволосая да черноглазая Люта уж больно на ведьму смахивает, как бы не на саму госпожу черную. С Хатум ссорились они, все бабы то видели, да и воины не слепые. Давно зуб на нее стан точит. Как пришла так начались неурядицы да ссоры, вспыхивающие то тут, то там между мужами, что в битве спины друг другу покрывали, между мужем и женой, что ложе вместе делили, между служанками, что одним хозяевам служат. Все она виновата. Жаль наместник не видит очевидного, людям верным своим не верит.

Ложась спать, Люта отныне проверяла нет ли каких травок ядовитых на ее ложе, не светится ли в глазах Салиха пожелание смерти ей, не точатся ножи ли рядышком. Все затихло, успокоилось, а спустя два дня Салих пропал. Куда, как никто не ведал. Один какой-то воин рискнул сказать, мол, рабыню свою спрости, уж она-то знает, да чуть языка не лишился за дерзость.

Салиха нашли на четвертый день, точнее его остатки. Только по мечу и поясу опознали. Разорвали звери дикие его в лесу, сердце выели, остальное по поляне разбросали. Совсем наместник взъярился. Наказывал направо и налево, ругался с доверенными людьми и казнил тех, кто выказывал сомнения в правоте его. Люту в шатер свой загнал, да и приказал спать с ним, и чтоб ни шагу от него. Как ночь настала, так совсем затрясло наместника. Схватил он девушку за плечи да как встряхнул, только голова туда-сюда мотнулась у бедной, как только шея цела осталась!

— Куда Салих ночью ходил? Говори! Ты его о чем-то попросила? Зачем он ушел в лес?! Что ты с ним сделала, ведьма!

Тут же будто палкой кто по хребту мужчину приложил. Обмяк он, погладил Люту по голове, забормотал, что не хотел боль причинять, не хотел ведьмой кликать, просто устал он. Девушка отползла от Изу-бея и так она умаялась, так надоели его перемены настроения и весь стан хазарский что, не подумав, брякнула:

— Не моя вина в твоих печалях, Изу-бей, не я голову рубила Милославу, не я насильовала. Твоя расплата это.

Страшная тишина воцарилась в шатре, будто разом смолкло все, а они в невидимом коконе оказались. Словно бы сам мир погрузился в темную бездну, Наместник глубоко вздохнул воздух и вместе с выдохом вырвался крик, из самой глубины души его разоренной. Бросился он к Люте, схватил за горло и душить начал. Глаза кровью налились, ноздри раздулись, на губах слюна вспенилась, сердце Люты от одного только вида его вниз ухнуло. Попыталась она разжать ручища грубые, да куда там! — силища невероятная. В глазах потемнело, воздуха в груди стало не хватать, а метка на руке жечь начала невообразимо.

Боль — хоть бери и руби, чтобы не чувствовать.

Спасительная темнота накрыла внезапно, словно оттолкнула и боль, и наместника с ума сошедшего. Очнулась Люта громко и судорожно хватая воздух ртом, схватилась за горло и не понять, приснился ей сон страшный или же взаправду все приключилось. Проморгалась да так и застыла. Вокруг деревья, а она на поляне. Руки в крови, во рту привкус странный, а рядом яма с костями белыми, что так часто видела она в видениях ночных, а на костях тех сердце лежит человеческое.

Глава 11. В караимских степях не спят

Жаркое солнце нещадно выжигало мертвенно-бледную кожу. Чудь лежал без сознания, подогнув под себя ноги. Его бока очень медленно и редко поднимались при дыхании. Белоглазый все еще был жив. Неподалеку зияла дыра в земле, которая так и не закрылась. Чудь то и дело вздрагивал, во сне скребя песчаник мощными когтями. Подземный переход дался ему очень тяжело. Иной раз белоглазый бы трижды подумал, прежде, чем творить ритуал будучи истощенным от предыдущих чар. Теперь дело обстояло иначе. Родичей угнали против воли в далекие земли. Не только жалость к их судьбам гнала Гату, словно всадник коня. Четыре похищенных были его женами. Зрящими, хранительницами чудской земли. Ежели их с места родного сорвать, да в неволю угнать, быть бедам бесчисленным для всего рода и людского и нелюдового.

Настоящий шаман никогда не будет рисковать своим здоровьем понапрасну, совершая ритуал такой силы, который может его убить. Гату находился в безвыходном положении и вынужденно шел на крайние меры. Родичей увели слишком далеко, чтобы можно было догнать пешком. Следовало восстановить силы, но роковые обстоятельства казались сильнее его воли и рассудительности.

По телу белоглазого пробежала крошечная ящерка. Она задержалась у лица чуди, мгновение вглядываясь в столь необычное животное. Веки Гату дрогнули. Ящерка мгновенно прыгнула прочь, поднимая облачко пыли. Едва открыв глаза, белоглазый тотчас их закрыл, щурясь от нестерпимо ярких лучей солнца. Во рту и маковой росинки не было. Сколько прошло времени? День? Два?

Перевернувшись на живот, Гату коснулся лбом земли, выравнивая дыхание. Мир вращался вокруг уставшей головы словно торнадо. Немного погодя, привыкнув к ощущениям собственного тела, чудь сел, растирая виски. Огляделся. Его окружали мелко растущие кусты можжевельника. Растения впивались в грунт, но не могли получить достаточно питания, поэтому выглядели истрадавшимися и невзрачными. Чудь повел рукой, касаясь сморщенных синих ягод, подобрал несколько и закинул в рот. Полежав с минуту пережёвывая, Гату начал решительно срывать молодые зеленые побеги. Растерев их ладонями в кашлицу, белоглазый промокнул лицо: веки, под носом, виски, а то, что осталось от ростков, морщась, съел.

Слуха донесся легкий шорох, едва уловимое копошение в песке. Повернув голову, чудь, присмотрелся. Маленький суслик ловил кузнечиков в высокой траве, то и дело привставая на задних лапках. Он заметил белоглазого и на всякий случай направился в другую сторону. Опасность для грызуна исходила вовсе не от чуди. Сложенные при падении крылья, распахнулись, всколыхнув горячий воздух. Орел выбросил перед собой когтистые лапы, хватая суслика, прежде, чем тот успел осознать, что пропал. Взмывая обратно в вышину, грозная птица удалилась, издав победоносный клич, пронесшийся над равниной. Вдали у подножия величественного лазурного горизонта возвышались белоснежные горы. Вершины утопали в облаках, которые обволакивали их с уважением и любовью.

Чудь поднялся на ноги, наконец начиная дышать полной грудью. Он все-таки далеко зашел. Перед белоглазым лежала сама Таврика. Ритуал должен был привести туда, где еще недавно ступала нога родичей. Значит, они где-то рядом. Гату нарочно вложил без остатка в заклятие, рискуя погибнуть. Чудь приказал самому себе во что бы то ни стало успеть.

Степная трава заскользила под ногами, а нюх взял след. Гату двинулся враскачку и не спеша, стараясь экономить силы. Ветер с моря приносил живительную прохладу, придавая мышцам упругости. Остаться на открытом пространстве было опасно, поэтому чудь хотел поскорее проникнуть в ущелье, уходящее к побережью. Желудок давно глухо урчал, намекая на то, что помимо высохших под палящим солнцем ягод, ему нужна пища посерьезнее. Увы, но при таких размерах, спрятаться в траве, ради того, чтобы ухватить мелкого грызуна было тяжеловато.

Что-то привлекло внимание Гату. Повертев головой, он припал к земле, касаясь ее ухом. Полежав миг-другой, он несколькими прыжками оказался подле зарослей чабреца, где распластался, затаившись. Топот копыт приближался с севера. Шестеро всадников скакали во весь опор, погоняя взмыленных лошадей. На их головах красовались низкие черные шерстяные шапки, а одежда совсем не походила на ту, что носили славяне, к которым чудь привык как к давним соседям. Все шестеро носили ярко-синие блестящие шаровары из мягкой воздушной ткани, трепещущей не ветру, цветастые рубашки желтого и бордового цвета, а плечи их укрывали темные плащи на ремешках. Вооружены всадники были диковинными загнутыми клинками, походящими на серпы, только непомерно большие. В седельных сумках у каждого был лук и колчан для стрел.

Чудь внимательно проводил глазами группу, приносиваясь. Они даже пахли по-другому. В нос били кричащие ароматы, кои не встречаются на коже людей. Запах был настолько силен, что перебивал даже вонь от конского пота. Белоглазый скривился. Шаманы в своих ритуалах применяли растирания и пахучие эликсиры, но лишь для того, чтобы привлечь неистовых духов, али напротив отпугнуть нечисть. Но чтобы мазать вонючки на себя, да еще в таких количествах? Впрочем, Гату не сильно удивился. Он бывал в далеких краях на востоке, где встречал чудеса и похлеще.

Проследив в какую сторону направлялись всадники, чудь двинулся следом. При них не было припасов. Лошади скакали почти порожние. Оказаться на такой жаре без уверенности, что сможешь скоро найти кров и очаг, для человеческого люда верная смерть. Они знали куда скакать.

«Рядом селение или может даже город», — смекнул белоглазый.

Преследовать караимов в открытую было опасно. Их народ мало знал про чудных людей, если знал вообще. Перепуганные конники могли наделать глупостей. Дождавшись, когда они скроются из виду, Гату пошел по следу. Трава быстро поднималась после касаний лошадиных копыт, но шлейф их запаха был для чуди красноречивее любых отметин на земле.

Он очень волновался, предчувствуя скорою встречу с родными. Белоглазый ни на миг не сомневался, что найдет их. Когда над миром разлились сумерки, чудь с наслаждением разогнул спину, потягиваясь. Вдалеке под укрытием горного хребта мерцали огоньки города. Чудь не спешил приближаться. Ущелье неподалеку продолжало манить к себе. Там, где каменные стены образовывали глубокую впадину, уже царствовала истинная первородная тьма. Оказавшись на краю, Гату принюхался и стал слушать.

Вот крадется травяной кот, ступая мягко и дюже осторожно. Сурка перехитришь, мурчавый разбойник, да не чудя! А вот меж камней скользит гадюка. Чешуйки шершаво поскребывают камни. Тихо, только заливаются цикады, перекикивая друг друга. Их стрекот кажется подобен мелодии самой жизни. Они поют ни для кого, а просто потому, что есть. Потому, что над миром правит ночь, а степные кустарники надежно хранят их хрупкие тела.

Ветер унялся, едва колыхая выгоревшие на солнце колоски трав. Те шелестят, касаясь друг друга. Все спят. От земли тянется пар. На небосклоне высыпали звезды, искрящиеся в ночи. Чудь замер, вслушиваясь, даже перестав дышать.

«Цок-цок».

Гату припал к земле, засеменяя на звук, перебирая руками и ногами, посылая тело вперед рысцой. Голова пригнута, широченные глаза горят в ночи, ноздри раздуваются. Добыча очень близко!

«Цок-цок».

Тихо, только легкий шепот трав разносится по ущелью, да приглушенное посапывание, да побрехивание. Шерстистые тела муфлонов застыли во мраке. Они спят, подогнув под себя ноги и опустив мощные загнутые рога за землю.

«Цок-цок».

Чудь все же увидел источник шума. Один баран отделился от стада, расхаживая окрест в поисках клевера. Могучий самец, на холке горб, рога изогнуты дважды. Матерый. Белоглазый обошел его с подветренной стороны, боясь спугнуть. Муфлон встревожился, слепо водя глазами по сторонам. Учуть запаха не мог, инстинкт. Гату замер, стараясь не смотреть на добычу прямо, чтобы избежать блеска глаз в кромешной тьме. Несколько раз фыркнув, втягивая ноздрями горячий воздух, самец так и не найдя источника угрозы, продолжил ошипывать губами лепестки клевера.

Белоглазый подобрал с земли заостренный и тяжелый камень, взвешивая в руке. Пойдет. Дождавшись пока муфлон развернется к нему спиной, он легко шагнул вперед, и взвившись в воздух, ударил барана в основание черепа. Тяжелый самец успел сделать еще два шага, уже потеряв сознание. Туша рухнула наземь. Чудь подскочил и нанес еще два удара, окончательно разбивая затылочные кости животному. Стадо мирно спало, не зная, что по утру у него будет новый вожак.

Подхватив тушу за задние ноги, белоглазый забросил ее на себя и двинулся прочь. Пройдя еще полночи без остановок, чудь вышел к побережью. Сбросив добычу, он извлек из-за пояса коротенький нож и принялся освежевывать тушу. Сердце и печень Гату съел сразу. Остальное мясо нарезал длинными ломтями, перевязав между собой. Зайдя в ласковые прибойные волны, чудь опустил перевязь с мясом в воду, завалив камнями. Морская соль вытравит всю пакость, а баранина замаринуется. Можно будет ее завялить, а Гату ох как не хватало силы, после подземного перехода. А есть надо, причем теперича каждый день. Земля еще долго не будет отзываться на зов голодного чудя. Сила вернется, но ее требуется питать. Мясо подходит лучше всего.

С рассветом белоглазый принялся обследовать место, в котором оказался. Высокие стены каньона, куда его занесла ночная охота поросли мелкими деревцами и кустарниками. Боярышник, магнолия, сосна, да ладанник. Пахло непередаваемо приятно. Свежий морской близ в сочетании с хвойным ароматом, наполняли члены здоровьем и мощью. Горячая кровь не густела. Чудь чувствовал прилив звериной ярости, готовый выплеснуться наружу, но медлил.

Блуждая в поросших можжевельником склонах, он наткнулся на несколько кустов инжира. Собрав ягоды, чудь наколот их на палочку, подвесив на солнечную сторону. По всему видно было, что он готовился. Еще недавно спешащий сломя голову белоглазый, теперь походил на обстоятельного хозяина-отшельника. Обыскивая каменные своды расщелины, Гату наткнулся на небольшую пещеру. Ее едва бы хватило на пару человек, но

сейчас большего и не требовалось. Когда-то здесь жило семейство барсуков или луговых собак. Чудь сделал этот вывод по останкам переваренных орехов и мелких обглоданных косточек. Сейчас же единственными обитателями пещеры были летучие мыши. С приходом рассвета, они вернулись в свое логово, возмущенно поглядывая на белоглазого. Тот никак на них не отреагировал, отрешенно закрыл глаза и заснул. Пока испуганные нежданном гостем мышки устраивались отдыхать, чудь украдкой за ними наблюдал, через щель меж век. Он полюбил этих крошечных ночных существ еще в детстве, часто встречая их в пещерах далекой родины.

Проспав до полудня, Гату вернулся к морю и вынул из воды накануне припрятанную баранину. Мясо приобрело синеватый окрас и затвердело. Вернувшись к пещере, чудь подвесил мясо неподалеку от подсыхающих на солнце инжиров. Есть еще не хотелось, а до ночи было далеко. Осторожно проникнув в свое новое укрытие, белоглазый лег прямо на каменный пол, глядя снизу-вверх на тела крепко спавших летучих мышей. Спину приятно холодило. Закрыв глаза, Гату отбросил мысли. Он шагнул в манящую и заботливую пелену недумья, растворяясь в единении с матерью-землей. Базальт под лопатками начал медленно оживать. Мирный свет солнца потускнел, а мир утратил краски дня. Черный, белый, серый и никакой больше. Истинный без мишуры. Губы пришли в движение, и тягучий, словно одеревеневший голос протяжно зашептал в пустоту.

Чшшшш. Тихо. Никто не услышит.

Пшшшш. Ты слышишь? Да, я слышу.

Памятью лунной, тропой безымянной,

Касанием ветра в ночи окаянной.

Дрожат оковы в очах туманных,

Свищут бесы, да стенает искатель.

Стань для меня как гранита сердце,

Выйди на свет полуночный старатель.

Чшшш. Тихо. Они же слышат!

Пшшшш. Нет-нет. Никто не услышит.

Стонет в груди леденящее пламя,

Штольни зовут, просыпается камень.

Гату очнулся с приходом ночи. Летучие мыши уже успели покинуть убежище, отправившись на охоту. Карабкаясь по склону расселины, чудь вслушивался, принимался, впитывая сумеречный мир жадными глотками. Оказавшись на равнине, он тотчас увидел цель своей вылазки — огни засыпающего караимского города. Добираться пришлось с промедлениями. Здесь почти не росло деревьев, травы да кустарники — свободная степь. А белоглазый не мог рисковать понапрасну. Покружив окрест с час или два, он поравнялся с крайним к дороге домом. Он был сложен из пористого и мягкого ракушечника.

Чудь приложил ладони к стене, проникая сквозь нее взглядом. Камень немедленно поддался. Белоглазый услышал шум моря, ему даже показалось, что на губах выступила соль. Внутри дома горел очаг. Женщина в переднике, расписанном узором ягод и цветов замешивала тесто. Она была чернява, смуглокожа, глаза раскосые. Смахивая с лица непослушную прядь, женщина поблескивала от капелек пота в тусклом свете, что отбрасывала печь. В другой комнате спали четверо детей. Прижавшись друг к другу малютки посапывали, лежа на соломенном лежаке. Два мальчика и две девочки. Самая младшая никак не могла заснуть. Она крутилась, хмуря бровки на чудесном и по-детски трогательном

лице. Веснушчатые щечки зарделись от жары, а бусинки карих глаз поблескивали в темноте. Вдруг девочка подняла глаза, уставившись прямо на Гату. Она не испугалась, а наоборот восторженно распахнула губки. Посмотрев миг, подняла ручку и помахала. Чудь улыбнулся ей и помахав в ответ, исчез. Белоглазый давно замечал за людьми эту особенность. Во время хождения в камне его могли видеть только дети. Стоя у стены дома, он не погружался вглубь, а смотрел насквозь, но девочка все равно его заметила.

«Все-таки в них осталось еще что-то связывающее нас, — подумал он, улыбаясь своим мыслям. — В таких маленьких, наивных и добрых, которые еще не выучились врать, ненавидеть и разрушать. Быть может есть еще надежда у этого мира. Даром, что чудь уйдут навсегда, но и тут останутся видящие и зрячие. Им и выводить народы свои, ковыляя наощупь впотьмах».

На улицах, вымощенных булыжником, гулял лишь ветер. Белоглазый опасался только собак. Привяжись они к нему, и выйдет худо. Забравшись на крышу, он осмотрелся. Двигаясь от дома к дому, Гату заглядывал сквозь каменные стены, в поисках сородичей. Прямо на улицах горели жаровни. Подле некоторых стояли мужи. Они жарили змей и зайцев, тихо болтая о своем. Голоса сплетались воедино, образуя чарующую своей магией атмосферу. Этот южный город жил неспешно и плавно, не отходя ко сну до конца даже ночью.

Касаясь очередной стены, он тотчас почувствовал тепло и знакомый запах.

В помещении было темно, но его глазам это никак не мешало. Четыре девы, сидевшие на полу, проворно встали, взирая на Гату, не веря своему счастью. Четыре пары глаз цвета от аквамарина до голубого топаза сверкали во мраке. Девы были очень похожи меж собой, аки сестры. У каждой длинные прямые волосы, достигающие до талии. Не заплетены, не подобраны. Высокие лбы и скуластые щеки. Худощавые и очень высокие. Потолок нависал над ними не позволяя разогнуться. Одна из дев шагнула к стене, приглядывая ладонь к камню, и прошептала:

— Полозу снятся кошмары. Его дрема тревожна. Я чувствую его сердце оживает. Когда ты вернешь нас?

— Скоро, — ответил Гату, и помолчав добавил: — Я тосковал.

Женщина улыбнулась и ласково погладила камень, словно касалась щеки белоглазого.

Глава 12. Зло порождает зло

— Нет, нет, нет! — Люта замахала руками в сторону ямы с костями и окровавленным сердцем, словно бы желая смахнуть жуткую картинку и вернуть мирный пейзаж. Пусть будет только поляна, только лес и легкий ветерок, ласково треплющий пряди волос. Но вырванное из когда-то живой груди сердце лежало на месте и не смахивалось, как бы она не старалась. Да и руки, измазанные в крови, не давали усомниться в том, кто это сердце в яму поместил.

Люта вцепилась в волосы, раскачиваясь и повторяя как заведенная: «Это не я, это не я, не я...». Последнее слово вырвалось с воем, пролетело по всей поляне, поднялось вверх и затерялось в макушках деревьев, с веток которых сорвались птицы, возмущенно крича. Девушка обмякла, руки упали на подол платья. Почему-то она не сомневалась, что сердце принадлежит наместнику, так же как понимала, кто убил Хатум. И Салиха. Но верить не хотела. Она никогда зла никому не чинила, никогда не желала, что же теперь-то?

«Наша ты».

Прошептали ей на ухо. Люта подскочила и испуганно заозиралась.

— Кто здесь?

Никто не ответил, только ветерок шаловливо в спину подтолкнул. Девушка тяжело и часто дышала, горло саднило и болело, она не видела, но подозревала, что сильные ладони Изу-бея оставили следы. Кое-как совладав со страхом и тяжестью на сердце, Люта на карачках подползла к яме и стала забрасывать ее землей, с глаз долой. В голове хоровод водили страшные мысли об отце и доме, который хазары в покое не оставят после смерти наместника. Раз она пропала из стана, значит на нее вся вина и ляжет.

«Надо бы отца предупредить, Броню, подруженек. Вырежут же подчистую, сволочи», — думала она, все активней загребая землю и вываливая ее в яму.

Совесь и стыд сковали грудь, отчего Люта на мгновение замерла и громко расхохоталась, из глаз брызнули слезы.

«Насильника да убийцу жалею, захватчика земель родных! Вот же душа добрая, сколько зла не причиняй, а все одно привечать буду, да заботиться. Дура!», — обругала саму себя девушка.

— Ты смотри, ржет она, сука оголтелая! — крик Белояры на мгновение испугал Люту, но она тут же взяла себя в руки. Сердце тетка уже не увидит, а об отце узнать надо.

— Чего расселась? Как знала, что следить за тобой надо! Дочь мою единственную в могилу свела, сестрицу свою, дрянь! Да я тебя за это на суку повешу, ведьму косматую!

— Кто следил за мной? — прохрипела Люта, прожигая взглядом Белояру. Да так внезапно и грубо сказала это, что тетка заткнулась на мгновение, аж поежилась от взора черного. Вид у племянницы был устрашающий, волосы всклокочены, руки и платье в крови, губы обветренные да покусанные и лицо белое аки смерть сидит и смотрит прямо в душеньку. Ничего от прошлой Люты не осталось. Если б не была так зла Белояра, может, испугалась бы, да только привыкла она, что девчонка молча все обиды сносит.

— Ты еще спрашивать смеешь?! Бажен следил за тобой, ошивался возле стана хазарского. Удушил бы паскуду за смерть брата, да вечно за тобой хвостом кто ходил из наместниковых людей. Ну да ничего, сейчас мы с тобой-то и разберемся. Бажен следом идет, вот-вот здесь будет. Никто больше не узнает про тебя, не вспомнит. Отольются тебе все слезы!

Она бросилась на Люту с ревом медведя, разведя руки в стороны и растопырив толстые пальцы. На силу девушка с места подорвалась и отскочила в сторону, спасаясь от гнева тетки. Да ту не остановить уже было. Долго бы они так по поляне метались, если бы силы у Люты были, но изможденное тело и усталость, сделали свое дело. Пытаясь убежать от вредной тетки, она ринулась в лес, запнулась, ослабшие ноги подогнулись в коленях, и девушка рухнула на землю, содрав ладони и локти, и больно ударившись. В тот же час сверху надела Белояра, вцепляясь в волосы, выдирая их с диким визгом. Удары посыпались сверху как град. Тяжелая туша придавила Люту, не давая ни вздохнуть, ни выдохнуть.

— Знай, племянница, сжила я со свету отца твоего. Пусть и брат он мне, да только давно проклятый. Нечего было знаться ему с Леткой, ведьмой драной. Еще и тебя на свет вытащила, сама была ведьмой, так ведьму породила!

Тетка склонилась ближе к лицу Люты прижатому щекой к земле и вновь заговорила тихим мерзким голосом. Дохнуло неприятным, резким запахом:

— И мать твоя померла не сама. Ужо я подсобила...

Беспросветный мрак затопил душу Люты. Хуже злости, непроглядней самого густого тумана, тяжелее самой лихой злобы разрослась тьма в сердце девичьем. Не бывать боле добренькой Люты, не бывать боле радостной Люты.

«Хотели счастье из меня выбить, ну так получайте! Помогите Черная Матерь. Помогите богиня Смерти и Зимы. Гой, Черна-Матерь!».

— Гой-Ма, — прохрипела Люта из последних сил. Из рта вырвалось облачко пара, будто воздух заморозился.

Душившая тяжесть оставила ее так неожиданно, что девушка не сразу поняла, что может двигаться. Дикий крик боли и страха, заставил ее превозмочь усталость и ломоту в теле, и обернуться.

Белояру убивали. Раздирали на части крепкие руки-ветви, вспарывали толстое брюхо, как тушу перед готовкой. Тетка вопила и отбивалась, да только держали ее крепко лозы, выросшие из-под земли. Кровь стекала по ним и впитывалась в землю, напоивая лешего, что приносил в дар жертву новую. Люта смотрела заворуженно как умирает Белояра, глаз оторвать не могла от зрелища жуткого. Так красиво!

«Уходи».

Прошептал ветерок в ухо, отчего Люта дернулась и отвлеклась от созерцания торжества смерти.

— Куда? — потерянно прошептала она, совсем глупо себя чувствуя. Будто с ума сошла, и сама с собой разговаривает.

Ей никто не ответил, лишь ветер сильнее подул, вспарывая землю рядом, показывая направление. Засомневалась Люта. С детства знала она, что в той стороне леса темные, да болота топкие. Сколько людей пропало, сколько детей утопло, по глупости сунувшихся. Да только сильнее ветер толкнул ее, приказав:

«Иди!».

Люта противиться не стала. Все одно дороги домой нет для нее боле. Раз судьба на болотах сгинуть, значит так тому и быть. Не обращая внимания на чавкающие и страшные звуки за спиной, Люта пошла по тропе, что указал ветер. И если будет богам угодно, то вернется она в земли родные, чтобы прощения попросить у отца за то, что оставила его в трудное время, пусть бы даже прощения просить у могилы придется.

***

Люта двигалась до тех пор, пока конечности не отказывали. Голод ее не мучил, лес знающего кормит, то кору пожевала, то одуванчик, а если повезет и первый гриб можно отломить от ножки. Воды не хватало, да ягоды немного помогали. Ноги бы только еще одни приделать. Как только усталость брала свое, девушка отходила от тропинки и ложилась прямиком на траву, и ничто не могло потревожить ее сна, да ни у кого бы и не получилось. Берегла ее покой нечисть лесная, укрывала одеялом из листьев, укутывала ноги мхом, гладила по голове бедовой. Когда Люта вот так проснулась впервые, поначалу чуть душу на волю не отпустила, думала напал кто. А после увидела одеяло листовое, подношение в листке лопуха и зайца ушами прядущего, да ее разглядывающего. Поняла все Люта, поела, поклонилась в пояс зайцу и громко поблагодарила:

— Благодарю, царь лесной и за спасение, и за заботу.

Заяц вновь ушами пряданул, нос лапами почесал и деру дал, только лапки засверкали. Принял леший благодарность. Так потихоньку и добралась девушка до болота.

Тропинка вывела на открытое пространство и Люта ахнула. Ни конца ни края не было топкой трясине. Сверху колыхался туман, пахло сыростью и багульником. Девушка глубоко вдохнула пропитанный влагой воздух и закашлялась. Что ее ждет за болотом она не знала, тут бы живой остаться и не утонуть, куда уж там до дум «а что будет после».

«И как только зыбь эту миную», — со страхом подумала Люта. Она осмотрелась вокруг, палки достаточной длины и крепости не находилось. Пришлось немного вернуться назад и поискать подходящую, спустя недолгое время искомое нашлось. Крепкая длинная ветка после того как Люта избавила ее от лишних ответвлений, стала неплохой опорой. Вернувшись девушка с опаской глянула на бескрайнее болото и сделала первый шаг.

Шла медленно, прощупывая все пространство вокруг себя, всматриваясь в каждый зыбун, обходя стороной густые скопления пушицы и подолгу отдыхая на высоких кочках. Хоть и сэкономила силы, а все равно быстро усталость наваливалась, от голода сводило живот, а от напряжения все сильнее тряслись руки. В такие моменты Люта только сильнее сжимала палку, каждый раз молясь, чтобы та не выпала из рук. Если она потеряет свою опору — смерть. На очередной кочке девушка свалилась мешком, прижимая к груди ветку. Сердце билось как сумасшедшее, отдаваясь в ушах тяжелым гулом, перед глазами стояла пелена и дышать было тяжело, будто не вздох делаешь, а камни ворочаешь.

«И чего я за жизнь так цепляюсь? Куда иду, к кому?».

Люта взглянула на палку, и рука поднялась было бросить ее в зыбучую трясину, но остановилась. А кому легче от ее смерти будет? Ей? Отцу, что возможно на смертном одре лежит, а и того хуже, помер. И встретит он ее на том берегу после смерти, как в глаза смотреть тогда? Как перед всем родом оправдываться? А ведь она душегубка отныне. Так-то смерть легким избавлением будет, тогда как жизнь тяжелей и все, что выпало на долю, то заслужено.

Девичий кулак с силой стукнул по колену.

«Ишь, разнылась, папенькина дочка! Сейчас встанешь и пойдешь, и дойдешь куда звали, и ныть прекратишь, а не то! — приказала самой себе Люта, не в силах пока что придумать наказание за невыполнение приказов самой себе. Решила на потом отложить приговор, когда чуть больше сил будет и еда.

— Вот зачем идти стоит, — промолвила она вслух, лишь бы чей голос услышать, пусть даже и свой. — За едой и крышей над головой, а еще лучше печью теплой. Лягу на ней и усну, и просплю дня три кряду, а дальше видно будет.

Она не хотела думать о том, а была ли та печь впереди или еда, или же только смерть долгая и мучительная. Все стало неважно. Людей злых нет рядом и на том хорошо. В душе посветлело, будто кто-то солнышком осветил. В глазах распогодилось, силы пробудились от сердца идущие. Встала, опираясь на палку и вновь побрела. Не прошло и часа, как девушка разглядела просвет, болото заканчивалось. Она дошла. В груди радостно стало, усталость в сторону отбросилась, даже шаг бодрее пошел. От нетерпения и желания поскорей оказаться подальше от трясины Люта ускорила, о чем вскоре сильно пожалела.

На очередной кочке она поскользнулась и с громким вскриком плюхнулась прямоком в трясины, палку с перепугу выпустила из рук и не достать ее теперь. Забарахталась девушка, попыталась хоть за что-то ухватиться, обратно на кочку выползти, да только, чем больше суежилась, тем глубже увязала.

— Помогите! Кто-нибудь! — закричала Люта, выбиваясь из сил, чувствуя, как грудь и шею заливают холодная вода. Еще немножечко и кончится жизнь. Так ей страшно стало, как не было даже когда наместник насильничал и угрожал.

Когда вода начала заливать в рот, Люта, все еще не сдаваясь, попыталась сделать рывок и найти за что зацепиться, но провалилась только глубже, почти ныряя в топкие воды. Руки оставались наверху, невольно сжимаясь и разжимаясь, в надежде получить что-то, что поможет, как вдруг по ним что-то постучало. Цепкие пальцы тут же ухватились за предмет, и девушка почувствовала, как ее тащат на поверхность. Хватая живительный воздух ртом она мокрая и дрожащая попыталась повернуть скованную холодом и страхом шею, чтобы посмотреть на спасителя, но не успели ее глаза хоть что-то разглядеть, как по голове обрушился удар и Люта в который раз ухнула во тьму.

***

— Буди ее, Тодорка, заспалась гостя наша.

Что-то мокрое и неприятно пахнущее, заскользило по лицу Люты, отчего она зафыркала и попыталась отмахнуться, шлепнув по кому-то живому. Когда она открыла глаза, то этот кто-то оказался конем, черным без единого просвета и с взглядом до того наглым, хоть ложкой гребни. Стоит, косит глазом алым, ноздри раздувает, ей-ей укусит!

Отползла она от него подальше, кое-как лицо обтерла тем, что от платья осталось и осмотрелась. Просыпаться на траве поди для Люты традицией стало, разве что будит ее то одно, то другое, но, чтоб пробуждение хоть раз приятное было, так того не видать и близко. Чуть в стороне от коня стоит девица. Одну руку в бок уперла, другой кинжальчик подбрасывает. Одежда чистая светлая, коса до пят, а на ногах сапожки золотые.

«Вот я чучело из чучел, — полезли в голову Люты мысли, после печального сравнения. — Волосы небось колтуном, на теле места живого нет, худая, что та палка на болоте утопшая, а сапоги уже с ногами срослись, снимать страшно. Чудо-юдо, а не красна девица!».

— Налюбовалась? — грубовато обратилась к ней неизвестная. — Вставай и за мной топай, коли на траве насиделась, да не тяни, мое время дорого обходится.

Спорить с тем, у кого кинжал в руке — глупая затея, это Люта с хазарского стана уяснила. Кряхтя и охая поднялась и двинулась вслед за хозяйкой к небольшому домику. И сказала бы о нем Люта, что сказочный он был, но язык не повернулся. Увидь такой не при свете дня, а ночью, волосы бы поседели. Окна в паутине, крыша прохудившаяся, ступеньки на крыльце скрипят, вот-вот провалишься, а про странные бордовые потеки на них и говорит нечего. Будто тащили кого по ним.

— Хороший дом, нечего мне тут, — рывкнула на Люту девица и ногой распахнула дверь, которая тут же повисла на петлях. — Убраться просто не успела.

Люта испуганно затихла. Ишь, мысли читает, значит ведьма самая настоящая, не чета ей, девке нечистью заласканной. Решила молчать и так и эдак, а лучше песенку какую напевать мысленно, все верней будет. Не ее дело, нечего и языком молотить.

Внутри дома было не лучше. Особенно ужаснул стол, посередь которого нож торчал, а поверхность вся красным окрашена. Попятилась Люта, а ну как в жертву ее сейчас приносить станут! Фыркнула хозяйка и расхохоталась.

— Да куда тебя жертвовать! Ты себя видела? Что рыба сушеная, такой только об стол и колошматить, чтоб глину всю пообтесать. Успокойся и заходи. Вон лавка чистая, на нее садись, — махнула она рукой в сторону деревянной скамьи.

«Говорю ж песню надо напевать, тьфу ты ну ты!».

Люта вернулась и осторожно присела, не сводя глаз со странной девушки. Вроде и молода, да взгляд такой, будто насквозь смотрит и все видит и прошлое, и настоящее, и будущее. Красоту ее сложно описать. В один миг вроде обычная, как любая другая девушка в Люткином селении, а взглянешь по-другому и кажется, что кожа ее словно светом озарена особым, и вся она ровно сиянием охвачена. Люте в один момент даже захотелось подойти и на ощупь кожу эту проверить, что за напасть такая, если б не дрянной характер ее хозяйки...

— Подымайся, — скомандовала та. — Сейчас к речке, моешься, после накормлю и поговорим. Ступай.

Люту подтолкнули в спину, показав направление, при этом сунули в руку щелочь, кувшин с какой-то жидкостью и ворох одежды.

— В кувшине отвар для волос, иначе не расчешешь, а лысой вряд ли стать согласишься, — хмыкнула незнакомка на немой вопрос Люты.

Больше что-либо объяснять девушка не стала, развернулась и ушла в дом, громко хлопнув дверью. Люте ничего не оставалось, как плестись к реке. С охами и писками она сняла сапожки и поняла, что не наденет их уже. Ноги были стертые до мяса и внутри сапоги пропитались кровью. Люта опустила стопы в прохладную воду и испустила стон. Ноги, казалось, живут своей жизнью: гудели и чувствовались чем-то отдельным от остального тела, что и то хуже было сплошным синяком. Посидев так еще несколько минуток и скинув с себя остальную одежду, девушка погрузилась в воду с головой. Приятная свежесть затопила с макушки до пят. Мыться не хотелось, хотелось барахтаться в воде, дрейфовать лежа на спине, смотря в бескрайнее небо, затянутое кучевыми облаками. Они принимали разные формы, то становясь похожими на птиц, а то обращаясь в зайца. На душе воцарился покой, которого не хватало с тех пор, как Люта уехала от отчего дома. Хотя и там покоя не было в лице тетки Белояры.

На миг Люта зажмурилась, стараясь выгнать видение жуткой смерти. Она не хотела радоваться этому, но получалось ровно наоборот. Злая ли она, раз душа торжествует от гибели чужой? Или же это справедливость? Ведь наказывают за воровство в селениях или же за убийство других людей. Так вот она и наказала. Радиславу, Хатум и наместника за Милослава и свою честь поруганную, Белояру за отца и мать. Правильно ли это: зло в ответ на зло?

Со стороны берега раздалось нетерпеливое ржание. То конь странный, что разбудил ее ранее на поляне, давал понять, что у хозяйки терпение заканчивается и поторопиться бы Люте с омовениями. Быстро натерев себя и волосы щелоком и хорошенько окунувшись,

девушка промыла волосы отваром из кувшина, оделась в чистое и побрела обратно, захватив по пути испорченные сапожки. Хоть она и сполоснула их, да только все равно не думала, что сможет еще хоть раз их натянуть. Ноги приятно ныли, касаясь мягкой травы, которая ласкала и щекотала стопы.

— Думала уж утопла, — хмыкнула хозяйка, глядя на чистую и отдохнувшую Люту. — Хороша водичка.

— Хороша, — спокойно ответила Люта. Перечить, ругаться не хотелось. Вода все тревоги смыла, всю ненависть и боль забрала. Кушать только хотелось, до черноты в глазах.

— Ну, иди к столу тогда.

Люте показалось, что ее не было не час, а седмицу, так преобразился домик. Следы крови со ступенек исчезли. Паутины тоже не было, дверь стояла ровно крепко, ничего не скрипело и не шаталось. Внутри дома было натоплено и чисто, а на столе стояли тарелки с дымящейся паром кашей, увенчанной кусочком масла. Люта громко сглотнула под насмешливым взглядом хозяйки, села за стол и накинулась на еду. Она не обращала внимания на то, что горячо, запихивала прям так, не дую, будто бы год не ела. Как бы лес не кормил хорошо, да недостаточно, чтобы голод утолить.

Как только с кашей было покончено и Люта осоловело подперла щеку кулаком, стараясь держать веки открытыми, перед ней поставили кружку с травяным настоем.

— Пей, силы предаст, раны быстрее затянет, — приказала ей хозяйка и присела напротив. — А теперь поговорим, Люта.

Переход от насмешливого тона к серьезному заставил Люту поежиться. От наместника ей не было так жутко как от этой странной девушки с глазами цвета молодой травы.

— Уж не знаю зачем ты Моране понадобилась, да только я лишние вопросы богам не задаю, чревато.

Травяной настой у Люты чуть носом не пошел. Откуда эта незнакомка знала про Морану!

— Чего глаза вылупила? Думаешь серп на запястье не вижу и то, что жрица ты, душ собирательница, не знаю? Советую тебе его скрывать. Мало, конечно, кто может видеть сквозь морок наведенный, да еще такой сильный, только все одно находятся умельцы. Для тебя такие все равно что выйти на площадь людскую и громко крикнуть: «Казните меня, я жрица Мораны!». Сама знаешь, казнят и с удовольствием. Сюда я тебя призвала не просто так, мне указания даны учить, наставлять, а после отпустить. Потому как судьба тебя ждет и дорога длинная да тернистая.

— Куда?

Так на нее девушка глянула, что Люте под стол уползти захотелось от глупости собственной. Надо ж было ляпнуть такое. Будто богиня всем и вся рассказывает куда Люте ходить предстоит.

— Как дойдешь, так узнаешь куда, мне то не ведомо. И что она нашла в тебе? — задумчиво промолвила хозяйка, оглядывая тощее недоразумение с черными глазищами. — Впрочем, не мне судить да рядить.

— А кто такая душ собирательница?

— Так ты и этого не знаешь? — обидный смешок больно резанул по самолюбию девицы.

— Знала б не спросила, — буркнула Люта.

— А ты не ерепенься, ишь осмелела. Сейчас спать ложись, а утром, как только солнце

из-за горизонта покажется разбужу я тебя. Говорила бы дальше, да вижу носом клюешь. Что не скажу, то в одно ухо влетит из другого вылетит.

Хозяйка встала, намереваясь уже уйти, как Люта встрепенулась и окликнула ее:

— Постой! Как зовут-то тебя?

Девушка уже у самой двери обернулась. Улыбка расплзлась по ее лицу в коварном оскале.

— А я уж думала догадалась ты, даже подивилась спокойствию. Имя мое все знают, да не все услышать бы его хотели. Ягиня я, будем знакомы, Люта.

Глава 13. Нет страшнее врага, чем тщеславие

Корсунь привлекал к себе внимание многих путешественников и купцов со всего света. Он на многие годы стал звездой всей Таврии. Вереницы караванов спешили навестить непокорный город, взойти на его улицы, купаясь в неге бассейнов и фонтанов. Эллины, ромеи, дарийцы, оседлые хазары жили здесь бок о бок, образуя неслыханную смесь культуры и языков. Белые стены усадеб были похожи друг на друга, словно их ваяла рука одного скульптора. При каждом доме имелся земельный надел. Возращивали в основном виноград, орехи, да злаки. Много из того, чего мог пожелать человек, земля давала сама — лишь протяни руку.

Белоглазый еще при первом визите под стены Корсуни понял, что ему не взять нахрапом дом купца, что завладел его женами. Затеять бессмысленное кровопролитие претило его чести, а торговаться с человеком, который специально отправил за тридевять земель охотников за рабами, казалось еще более глупым. Каждую ночь чудь приходил под стены проклятой темницы. Он скользил по крышам, укрываемый объятиями верной ночи, скрывался в тени улицы, иногда даже пробирался в глубь жилищ людей. Гату сознавал, нужно найти ключик к этой дверце, а не пытаться выбить ее плечом. И, конечно, он боялся. Боялся прежде всего за любимых родичей. Не ровен час, хозяину наскучит их неприязнь и упрямство, тогда не миновать беды. Белоглазый страшился и того, что жен могут посесть, напади он на людей ромея в открытую.

Каждое утро чудь возвращался в свою пещеру, жевал вяленную баранину, заедая инжиром. Затем спал весь день, вздрагивая от каждого шороха, словно нечистая душа в ожидании лиха. Ветер стал привычен, словно сосед. Порой он легко шептал свои песни, покачивая листья, а иногда завывал будто леший, гуляя по стенам расселины. Снова и снова Гату проникал в спящий город, выискивая лазейку, обдумывая способ похищения родичей. И однажды чудь его нашел. Сколько ниточке не виться, да только все одно конец сыщется.

Ночь была безлунна и черна. Даже света звезд не видать. Все небо еще с утра было затянуто тяжелыми грозowymi тучами. Когда те проливались, серая бесконечная хмарь заполняла собой всё и вся. В воздухе пахло свежестью и мокрой землей. Журчание ручейков, стекающих с крыш по глиняным желобкам, ворчливым многоголосным гомоном разносилось по округе. Чудь уже четверть часа лежал на крыше, прижавшись всем телом и не шевелясь. Его глаза были закрыты, а ладони плотно прилегли к кровле. Белоглазый зрел сквозь камень.

В усадьбе было множество комнат. То был богатый дом, один из первых в Корсуне. Гату уже по памяти знал расположение крыла, в котором держали его родичей. Но в ту ночь его внимание было приковано к иной комнатке. Просторная спальня казалась вычурной в каждом своем элементе. Тут тебе и зеркало с бронзовой оправой с изображениями русалок, и резные сундуки с заморской парчой с востока, пола не сыскать от густого ворса бусурманских ковров, а кровать столь велика, что в ином доме и не поместилась бы. Среди всего этого великолепия восседал отрок лет четырнадцати или около того. Звали его Клетес. Надобно сказать, парнишка тот был ликом красив, да статен. Голубые глаза, прямой нос, словно из гипса вытесан, пышные губы, аки у девицы. Сложен тоже справно, плечи широкие, а талия стройная. Черные кудрявые волосы аккуратно пострижены, чуть ниже затылка.

Отрок явно маялся от скуки, а Гату наблюдал за ним не первую ночь. Иногда парень

водил к себе в опочивальню девок из рабынь, а порой развлекался тем, что разукрашивал тумачами рожу кому из мужичья, тоже невольников. Сложно сказать, что именно в нем с первого взгляда не понравилось белоглазому. Еще даже до того, как увидел он, чем живет отрок тот. Какая-то неуловимая червоточина зияла в душе на вид справного мальчишки, искажая его деяния, и омрачая каждое слово и поступок душком зловония.

Белоглазый неспроста отметил его среди прочих. К чудским жёнам отрок проявлял не меньший интерес, чем к потехам со служанками. Однажды он даже решился выкрасть одну из них на время, чтобы позабавиться в опочивальне. Вышло совсем не так, как парень ожидал. Втолкав в спальню деву по имени Шерра, он победоносно запер дверь на замок, в предвкушении услады. Но едва он поднял взгляд на спокойные сапфировые глаза, то понял, что сам загнал себя в ловушку. Чудь ничего не говорила, но смотрела так, что парень едва портки не обмочил. Внезапно свет вокруг нее стал тускнеть, словно выгорая. Погасли свечи, с грохотом захлопнулись ставни. В кромешной тьме не было ничего кроме взгляда сапфировых глаз с вертикальным зрачком. Не помня себя от страха, отрок пал ниц, заламывая руки и тихонько подвывая от охватившего его ужаса.

— Наигрался? — прошептала чудь тягучим и низким голосом.

— Да, — поспешно закивал мальчишка, согласно тряся кудрями.

Больше отрок к чуду не совался, а крыло, в котором содержали диковинных дев, обходил стороной. Тут можно добавить, что его отец был не чета сыну, мужик поумней. Он и сам был не дурак поглазеть на баб, особенно на необычных, да и не только поглазеть. Однако чудских жён почтенный Ревокат заказал не для услады глаз, али плотских утех. Невольничьи рынки постепенно отходили в прошлое. Торговлю рабами все сложнее было оправдывать, особенно ежели хочешь податься в белокаменные палаты, скажем, Константинополя. Но как ни крути спрос на особый товар имелся всегда. Ревокат знался с нужными людьми, которые могли отвалить не один сундук золотом за служанку, какой нет ни у одного султана, иль короля. Он ждал корабля.

Ночь была безлунна и черна. А Гату лежал на брюхе, закрыв глаза, и следил за каждым движением Клетуса. Мальчишка изнывающий от скуки и купающийся в роскоши давно к чему-то готовился. Белоглазый не раз отмечал, что он украдкой прячет в своих покоях необычные вещи. То высушенное крыло летучей мыши за ковер сунет, то мешочек с костным песком в сундуке сокроет. И много же он стащил к себе всякого. Вестимо одно — колдовать дуралей удумал. Такую возможность нельзя было упускать. Чудь недаром изучал мальчишку, колдовской силы в нем отродясь не водилось. Зато гонору уж нашлось в достатке, что на пару-тройку таких хватило бы.

Клетус дождался полночи. Выглянул в окно, затем, приоткрыв дверь, осмотрел коридор. Никого. Постояв с минуту в неуверенности, он снова высунулся наружу.

«Боишься, гадёньш, — догадался чудь. — Измыслить-то измыслил, а как до дела, сразу столбняк одолел».

Мальчишка взаправду был жутко перепуган. Белоглазый чуял его страх, перемежающийся с возбуждением. Сердце отрока колотилось, а ноги едва ль не отнимались. Пошатываясь, он прошел вдоль своих покоев, доставая из тайников чародейские ингредиенты. Откинув с пола ковер в центре комнаты, Клетус опустился на колени перед мудрёным рисунком. Он состоял из трех сфер, пересекавшихся между собой. В три обрасти с дальнего края он последовательно установил чашу с горстью земли, чашу с водой и чашу с маслом, которое зажег. В три области внутри фигуры мальчишка положил крыло летучей

мышы, воронью лапку, крошечный окровавленный язык.

«Кошачий язык — пропуск за грань, — пронеслось в памяти Гату. — Ты еще и животин, стало быть, мучаешь».

Клетус замер, не решаясь достать последний ингредиент, который следовало уложить в центр фигуры, где уже ждала своего места пустая чаша. Он потянулся за пазуху, как вдруг порыв ветра бесцеремонно выбил ставни одного из окон. Пламя облизывающее горящее масло, хищно задрожало, разбрасывая сполохи света и усиливая пляску теней на стенах. Мальчишка чуть не вскрикнул от неожиданности, насилу совладав с собой. Подскочив к окну, он снова выглянул наружу, еще более неуверенно, чем ранее. Никого. Только безразличный ветер постукивает ставнями. Заперев окна на засов и дважды его проверив, горе-колдун вернулся к ритуалу.

Он никак не мог решиться. Наконец, рука снова юркнула за пазуху, доставая оттуда небольшое продолговатое яйцо. Подняв его перед глазами, взгляделся в скорлупу. Свет от пламени горящего масла, едва заметно, но все же просвечивал содержимое — крошечную змейку. Облизав пересохшие губы, Клетус подковырнул скорлупку ножом, аккуратно выливая содержимое яйца в чашу по центру. Вытерев вспотевшие ладони о штаны, мальчишка затаил дрожащим голосом ни то песню, ни то заговор.

Дай мне силу морской пучины,
Чтоб разить врагов клинком,
Дай мне ловкость урагана,
Править буду я в небе ночном.
Подари мне мудрость солнца,
Чтобы забыть его на век.
Сделай мое тело камнем,
И холодным словно снег.

Произнеся последние слова, отрок подбросил над головой костный песок, который медленно опустился ему на волосы, плечи и зловещую фигуру в центре комнаты. Повисла звенящая тишина. Белоглазый почувствовал движение потусторонней силы, и даже на миг поверил, что явится некая сущность, которая одарит мальчишку своей мощью. Мальчишка не обладал даром к чародейству. Так что же это было? Приглядевшись к глазам Клетуса, чудь понял, что вспышка исходила прямо оттуда. Этому холеному садисту недоставало в жизни изюминки, острого перца. Он так хотел получить нечто большее, что сам того не осознавая пробуждал в своей душе такие потаенные уголки, в которые смертному не положено заглядывать. Решив, что настало время действовать, Гату решительно шагнул сквозь камень.

Мальчишка испуганно взвизгнул, когда прямо из центра фигуры, которую он начертал на полу, отбрасывая чаши с подношениями проступили черты жуткого лица. Бледная кожа, впалые щеки, и белые полные ненависти глаза с вертикальным зрачком.

— Ты призвал меня, червь, — с достоинством изрек Гату, глядя на трясущегося Клетуса. — Силы испрашиваешь?

Чудь достаточно поверхностно владел языком эллинов, поэтому старался не быть через чур многословным.

— Да-да, — с охотой закивал мальчишка, сверкая полнящимися надежды глазами.

— Нужна жертва, — все так же зловеще отозвался Гату.

Парень запнулся, растерянно глядя вокруг.

— Я... Это... Я... Вот, — он указал на разбросанные по полу ингредиенты своего

ритуала.

— Мало, — ответил Гату, хмуря брови и буравя мальчишку полным ненависти взглядом. — Отдашь четыре жизни или твою заберу.

— Конечно, — с готовностью ответил Клетус, елеинно улыбаясь, — Я добуду. У отца много рабов.

«Конечно, — мрачно подумал Гату. — Я в тебе и не сомневался».

— Мне не нужны жалкие рабы, — продолжил белоглазый. — Ты отдашь четырех дев с синими глазами, к которым ходишь. Мне нужны чужь!

— Э-э-э... Я не могу. Отец меня убьет, — начал было возражать мальчишка, но тут же смолк.

Вокруг его шеи обвилились толстые пальцы, оканчивающиеся острыми и твердыми когтями. Гату сжал горло Клетуса так, что тот захрипел, извиваясь, словно болотный уж.

— Я... смогу... — хрипел перепуганный мальчишка, бессильно стуча ногами по полу.

— Когда? — испросил чужь, слегка ослабляя хватку.

Клетус на миг задумался.

— Через два дня, — вспыхнув от радости, выпалил он. — Отец поедет в гости к своему побратиму в Сугдею. При усадьбе останутся два или три охранника. Я посулю им вина из отцовской кладовой, а когда они упьются, выведу твою жертву.

— Путь случится так. Приведешь их в полночь к красной скале, туда, где растет одинокое дерево у ручья, — мрачно ответил Гату, не выпуская его горла. — Если обманешь, я приду за тобой в любой дом или крепость и вырву ноги.

Не дожидаясь пока тот ответит, белоглазый растворился в камне. Клетус не знал, что за ним все еще наблюдают. Завалившись на спину, он рыдал, время от времени срываясь на безумный и истерический смех. Его атласные шаровары были мокрыми.

Прошло два мучительно долгих дня, и, наконец, небо окутала заветная ночь. Чужь успел предупредить родичей о времени избавления и теперь еще больше волновался. К тому времени Гату провел вот уже две недели прячась в пещере у берега моря с момента, как совершил подземный переход из лесов в землях русов. Он вдоволь напился силою, каждый день поедая мясо, ягоды и фрукты. Решимость наполнила сердце жгучим пламенем. Белоглазый не сомневался, что мальчишка придет. Подозрения имелись к его человеческой душонке. Не раз и не два, чужь убеждался, что иные саму смерть готовы обмануть, лишь бы заплатить фальшивой монетою.

Придя на место заранее, Гату замер в тени. Прижавшись к земле, он слушал. Ручей бил прямо из скалы, уносясь в низину. Его течение перекатывало мелкие камешки среди которых имелись вкрапления благородных, как их называли люди, или кровавых, как их называл чужь, металлов. Белоглазый издали почуял перестук копыт двойки лошадей, запряженных в телегу. Он ждал, замерши словно камень. Ждал, когда телега остановилась. Ждал, когда Клетус спрыгнет наземь, выводя четыре чужьских дев, привязывая их к одинокому дереву.

Такому щенку не тягаться с белоглазым. Он давно заметил тех, кто пришел до него. По обе руки от поляны, на которой остановилась телега в кустах схоронились отцовские мордороты. Клетус не обманул, приведя обещанное, но зачем-то хотел переиграть сущность, сулившую силу.

Гату спокойно появился из мрака, решив не тратить силу на ненужное представление. Дав перетрухавшему мальчишке себя оглядеть, он медленно проговорил:

— Ты исполнил свою часть сделки. Я дам тебе силу этой горы.

— Постой-ка, — вдруг заговорил Клетус, словно найдя в себе храбрость. — Вы что-то очень похожи с этими бабами. Ты что, тоже чужд?

— Да, — спокойно ответил белоглазый.

— Сделка отменяется, — лихо заявил мальчишка и, сунув большой и указательный пальцы в рот, свистнул.

Воины отца Клетуса ринулись сразу с двух сторон. В их руках были кистени и булавы.

«Живым хотят взять. Прослышали о белоглазых кладоискателях. Тьфу».

Их девять человек, не считая мальчишку, который тотчас отскочил к телеге, подхватывая лук. Гату резко метнулся в сторону, опираясь на обе руки и ноги и прыгнул на первого противника. Ударив нападавшего в грудь, он смял мужчину, покотившись с ним кувырком. Вскочив на ноги, белоглазый ухватил поверженного за ногу, и с размаху швырнул о скалу. Послышался глухой удар, наполнивший мир омерзительным хрустом. В тот же миг на шею Гату прилетел аркан. Чужд ухватился руками за веревку, дергая на себя, она поддалась, но лишь на аршина два-три. Свободным концом была привязана к дереву. Не успел белоглазый сообразить, что нужно бежать вперед, как на шею упали еще два аркана. Он было дернулся, не успел. Сразу четыре мужика налетели на него охаживая кистенями и дубинами. Гату оставалось лишь отмахиваться, раздавая тяжелые удары направо-налево.

Вот один караим, замахиваясь палицей, несется на него и отлетает, схватившись за голову. Другой бросается в бой и оседает, держась за живот. Как вдруг тело Гату пронзила резкая боль. Глянув вниз, он увидел оперение стрелы, что засела в боку. Мальчишка мерзко лыбился, застыв на телеге и накладывая следующую на тетиву.

И тут небо пронзил гром. Вернее, для них это показалось громом. То взвыли от ярости жёны Гату. Их голоса были низкими и могучими, под стать владычицам гор. Они в миг разорвали путы, коими их привязали к деревьям. Растерянные бойцы, только и успели обернуться, как на них налетел ураган из острых зубов и когтей. Уступавшие своему мужу в силе, девы могли дать фору ласке в ловкости и скорости. Клетус, едва справившись с оцепенением от увиденного, снова вскинул лук, выискивая новую цель. Это стало его последней ошибкой. Гату, рванул арканы на себя, ревя, как сама преисподняя. Вырванные с корнем деревья взвились в воздух. Стегнув со всего маха, Гату ударом ствола дуба выбил почву из-под ног у заносчивого мальчишки, опрокидывая того на спину. Вокруг кипел бой. Не обращая внимания на потерявшего сознание юнца, белоглазый, снова рванул к себе путы, высвобождая шею.

На него снова набросились на этот раз трое. Один атаковал со спины, метя в затылок окованной бронзой булавой, другой выхватил саблю, и наплевав на приказ хозяина, рубанул наотмашь, метя в висок. Третий раскачивался из стороны в сторону, сжимая копье, готовый добить задетого врага. Гату поднырнул под клинок, хватая бойца за запястье обеими руками. Раздался хруст, который тотчас перерос в неистовый и жалобный вопль. Воин с копьем растянулся в выпаде, но тотчас отлетел в сторону. Одна из чудских дев прыгнула ему на спину, вгрызаясь в шею. Удар булавы обрушился на голову Гату. Тот развернулся, видя, как бледнеет лицо атакующего. Он выронил оружие и скуля от ужаса побежал прочь. Чужд не стал его догонять. Все было кончено. На поляне остались пять трупов и оглушенный мальчишка, остальные скрылись.

Гату обернулся к жёнам. Его губ снова коснулась улыбка, такая редкая и такая дорогая. Они степенно подошли к нему, обвивая руками, словно плющ оплетает ствол могучего дерева.

— Камень слабеет, Гату, — заговорила старшая из жён по имени Шерра. — Нам нужно вернуться, как можно скорее. Ты готов?

— погоди, у меня остался должок, — ответил белоглазый оборачиваясь к Клетусу, который искусно делал вид, что уже мертв.

— Ты хотел силы, человеческий мальчик, — обратился к нему Гату, поднимая с земли, словно пушинку. — Я дам тебе силу, но ты не заплатишь за нее тем, что украл твой отец. Плата будет куда выше.

Прижав вяло сопротивляющееся тело лицом к скале, Гату замер, закатив глаза и зашептал. Его левая рука, сжимавшая шею мальчишки, подрагивала, а правая начала тускло светиться, совершая пассы над головой Клетуса.

Расправь свои крылья,
И вытяни шею,
Глаза распахни,
Покорившись злодею.
Покройся броней,
Что откована ветром,
Ползучая тварь,
Что проклята светом.

Клетус закричал от боли так жалостливо, что иной бы его тотчас пожалел. Иной. Не Гату. Он видел изнанку его сердца. Такие, как он не меняются. Они всегда хотят большего. Они живут лишь для того, чтобы брать. Брать грубыми руками, не испрашивая. Мальчишка извивался, корчась в муках. Он катался по земле, выгибаясь так, словно уже не имел костей. В сущности, так и было. Его руки отсохли и отвалились. Ноги сплелись в хвост, срастаясь. Рёбра пробили спину, разворачиваясь в обратную сторону. На поляне в свете звезд замерло омерзительное окровавленное существо. Злобно зашипев, Клетус, юркнул в сторону и взмахнув крыльями устремился ввысь. Молодой аспид умчался искать убежища, чтобы зализывать раны.

— Гату, нужно идти, — настойчиво прошептала Шерра, касаясь его плеча.

Рядом встали остальные жёны. Самая младшая Вия держала на ладони крошечную ящерку. Близнецы Мита и Ресу принесли мотылька и хвой можжевельника.

Белоглазый зашел в ручей, опускаясь на колени, касаясь лбом бегущей воды. Жены встали вокруг него поочередно поднося ритуальные дары. Затем они положила руки на его спину. Две на плечи, две на бедра и закрыли глаза.

Объятые тьмой, распоясанной ночи
Немертвые камни годами храня,
Род чуди блюдет плодородие края,
Сквозь пыль от веков, сединой от огня.
Даруй мне покров, что согреет могила,
Даруй мне тропу, что сведет напрямик,
Я сын твой от первого племени мира,
Я кровь твоя, твердь, заплутавший блудник.

Далеко на многие версты в караимских степях была видна вспышка света, за которой последовал грохот, вызванный горным обвалом. Красная гора лопнула от мощи, что ударила в нее. От силы, кою несли в себе древние и странные нелюди, звавшие себя племенем чудь.

Глава 14. Любой силе есть цена

— Лютка! Давай к нам! Ну что же ты? Люта!

Подружки стояли возле огромного костра, махали ей руками, смеялись и подначивали ребят, которые прыгали через огонь. Туда-сюда сновали ряженые, пахло свежими лепешками и жженым деревом. Кто-то слегка толкнул Люту плечом, и она очнулась. Звуки хлынули на нее, окатив как колодезной водой из ведра.

— Люта! Милослав прыгает, иди сюда, быстрее!

Девушка крепко зажмурилась. Они все мертвы. Мертвы же? Или то было дурным сном? И хазары с наместником, и смерть Милослава, и Хатум с Радиславой, и туда же гадкую Белояру. Отец жив, здоров, а тетка не убивала маму. Ничего этого не было. Она просто спала и видела очень страшный сон, навеянный нечистью. Веки осторожно открылись вновь, и с облегчением Люта поняла, что все еще на площади, вокруг гуляния, люди счастливые... и Милослав.

Люта сделала шаг, сначала один, очень неуверенный, а ну как все растает пред глазами. Не растаяло. Следующие шаги были уверенней и быстрее. Расстояние до любимого сокращалось. Вот он распахнул объятия, все вокруг хихикают, девицы краснеют, парни фыркают и подначивают друга, а ей все равно. Окунуться б с головой в эти надежные руки, вдохнуть запах родной и навсегда так и остаться.

— Так останься, — промолвил мягким голосом Милослав, глядя нежно на возлюбленную.

Она что, вслух сказала? Стыдно-то как. А и ладно, пусть знает, как сильно она его любит. Обнял ее Милослав крепко-крепко, вдохнула Люта родной запах... и ничего не почувствовала. Ее как по темечку чем-то тяжелым огрели. Любимый всегда пах сеном и свежим хлебом, а этот пахнет прахом. Пылью, будто ковер старый встряхнули. Попыталась Люта отстраниться, а объятия только сильнее сомкнулись, аж кости затрещали. Завозилась она, запищала, мол, отпусти, да толку никакого.

Остановилась Люта, дыхание перевести, сделать хоть малюсенький глоточек воздуха, а то сдавил все нутро Милослав поддельный. А то, что он поддельный девушка уже не сомневалась. Поняла она неожиданно, что тишина стоит мертвая вокруг. Даже треска от поленьев в костре не слышно. Повертела головой и застыла, затаив дыхание. Стоят все кругом и дети, и взрослые, на нее смотрят, а глаза пустые, страшные.

— За что, Лютонька? Почто ты убила нас? — Милослав так нежно сказал ужасные слова, что Люта вздрогнула и подняла взгляд на парня. А у того порез на шее и кровь сочится алая, на рубашку льется, окрашивая, и дальше вниз, туда, где тела их соприкасаются, вот-вот и кровь до нее дотронется. Люта заизвивалась в холодных, словно камень какой, руках. Попыталась кричать, но даже слова выдавить из себя не смогла, а круг из людей сужаться начал. Голова Милослава в руки ей упала, кровь на землю хлынула сквозь дрожащие пальцы. И зазвучали слова:

— За что, Люта? Ты убила нас, Люта. Убила нас! Убила! Убила! Убила!

— Нееееет!

Девушка и не заметила, как проснулась. Она сотрясалась от рыданий, катаясь по траве. Дышалось с трудом, грудь болела, а сердце ныло словно об него ножи точили.

— И все же, что она в тебе нашла, — задумчивый голос Ягини раздался совсем

рядом. — Ни силы воли, ни ясности сознания. Только и мечтаний тех, как бы с мужиком пообжиматься. Селянка.

Презрительному хмыканью вторило громкое конское ржание. Это Тодорка топтался рядом и наблюдал, как госпожа воспитывает глупую девицу.

— Все лучше, чем в одиночестве жизнь куковать и с конем разговаривать, — выдохнула Люта, гундося. Тишина стала ей наградой. Девушка повернула голову в сторону Ягини и столкнулась с задумчивым взглядом зеленых глаз.

— Дерзость — признак скудного ума, Люта. Вставай, пора по душам поговорить.

Ягиня развернулась спиной, чтобы уйти к избушке, но была остановлена вопросом:

— Сон ты на меня навела? — угрюмый тон не оставлял сомнений — Люта злилась.

Женщина встала в пол-оборота, разглядывая будущую ученицу.

— Даже если и я, то все одно — ты не справилась.

— А зачем мне справляться? Зачем мне вообще чему-то учиться? Кто меня выбрал? Оставьте меня в покое, какая вам разница, что со мной будет?! — Люта забрасывала вопросами Ягиню, не замечая, как голос становился все громче и громче. Ее взгляд метался от Ягини к Тодорке, от Тодорки к деревьям, от них до травы. Она не могла остановиться, все кричала и кричала, покуда не охрипла вовсе. Крики сменились тихими всхлипываниями.

— Успокоилась? Сон навела не я, а Лихо, вон он кстати, прячется промеж кустов. Напугала нечисть завываниями, почище упыря стенала. Ежели соизволишь пройти к дому без криков и дурнины, то все и объясню. Вот же послала нелегкая.

Когда Люта устало опустилась на ступеньки избушки и привалилась к перилам, Ягиня всунула ей в руки горячий отвар и присела рядом. Помолчали. Отвар пах душицей и мятой. Вдохнув несколько раз в себя аромат, в голове Люты прояснилось.

— Лихо и правда есть? — шмыгнула носом девушка.

— Есть, — кивнула Ягиня. — И банники есть, и лешие, и дивьи-люди, и все, про кого ты когда-нибудь слышала.

— А зачем он сон на меня навел?

— Я попросила. Хотела глянуть насколько ты внушению поддаешься.

— И как?

— Паршиво. Готова меня слушать?

Люта кивнула и сжала крепче в ладони кружку. И хотелось бы ей не слушать, да выбора не было.

— Уж не знаю за какие такие качества и заслуги выбрала тебя Морана, но мое дело маленькое. За лето ты возьмешь от меня все знания, что я тебе дам, будешь слушаться как мать свою, делать все, чего бы я не попросила. А я дам тебе надежду.

— На что?

— На воскрешение тех, кого любила и на месть тем, кто виноват.

Деревянная кружка глухо стукнула об лестницу, остатки отвара растеклись по юбке Люты.

— Да как такое возможно?

— Это я расскажу тебе позже. Не готова ты еще, — Ягиня сурово сдвинула брови и будто старше сделалась. — Но вернуть то, что утеряно помогу, а заодно отомстить супостатам за гибель невинных.

— Каких невинных? — захлопала ресницами Люта. Погиб один Милослав. Радислава не в счет, как и Хатум, а Белояре за отца Люта и сама уже отомстила.

— Так ты же не знаешь, — протянула Ягиня и зашла в избу. Вышла она с тарелочкой, на которой яблоко каталось. Люта ахнула:

— Да не уж-то и правда существуют предметы волшебные?

— Существуют, — хмыкнула Ягиня в ответ на такой чистый восторг. — Попроси тарелочку показать селение твое.

Люта дрожащими руками приняла тарелочку. Все еще не решаясь сказать просьбы, она несколько раз катнула яблоко по поверхности, и что-то для себя решив, выпалила:

— Блюдце, покажи мне Глиски!

На глазах изумленной Люты, яблочко катнулось пару раз туда-сюда, после ускорило и на дне тарелки начала проступать картинка. Люта чуть из рук не выронила волшебный предмет. Уж сколько сказок ей рассказывали, а все не верилось ей в чудеса. Но вот же, в руках теперь держит самую настоящую сказку. От восторга девушка забыла на картинку смотреть, а когда очнулась от тычка в бок и присмотрелась, так и поплохело ей.

Ничего от Глиски не осталось. Все пожгли, а что не сгорело, то развалили. И тела, тела, тела. Лежат не шевелятся: дети, женщины, старики. Кое-как совладав с голосом, Люта прошептала:

— Блюдце, покажи отца.

Если бы не Ягиня, валяться бы блюдцу в траве вместе с яблочком. Люта завывала как волк в полнолуние, надрывно, до хрипоты. Голова отцовская на пику насажена посереде площади.

— Держи себя в руках! — рявкнула Ягиня, с силой дернув девушку за косу. Люта вздрогнула и очнулась. Вокруг нее круг выжженный образовался, лестницы пожгло, траву перед крыльцом, а Ягине хоть бы хны.

— Я для чего избу починяла, чтобы ты мне ее тут же развалила? Тарелку дала не для гнева тебе, а чтоб поняла, есть кого возвращать, есть кому мстить, Люта. Один вопрос: хватит ли тебе на это смелости?

— Хватит, — прохрипела Люта и повторила громче. — Хватит!

— У всего есть цена. Какую заплатить готова за знание?

— Любую.

Ягиня криво усмехнулась и подошла вплотную, чуть ли не носами соприкасаясь.

— Даже жизнь отдашь?

— И думать не буду.

— А жизнь дитя нерожденного?

Люта поморгала и сделала шаг назад. Одно дело, свою жизнь класть на алтарь, другое чужую.

— Это ж чью?

Ягиня положила ладонь на живот Люты и слегка надавила. Девушка в ответ похолодела, не уж-то понесла-таки от сволочи хазарской.

— А вот эту. За все платить надо. Особенно за жизни, что вернуть хочешь. А за них платить другой жизнью надо. Покуда не заключила договор со мной, есть для тебя шанс замуж выйти да дитя родить. Ежели примешь знания, так и ходу назад не будет. Останешься одна.

От сердца отлегло, речь шла только о возможном ребенке. Люта призадумалась, сцепив ладони на животе. Детей она хотела и мужа хотела, да только где все теперь? С головой, отрубленной лежит в траве. Среди домов, сожженных валяется. Из-за нее Глиску разорили, из-за нее отца погубили. Значит и платить тоже ей.

— Отдам.

— Так тому и быть.

Когда Люта вся в думах и заботах ушла в избу, Ягиня мягко потрепала вороного коня по холке. Ее прищуренный взор обратился в даль, а кривая улыбка застыла на устах. Иногда, чтобы добиться нужного ответа, можно недоговорить или же чуточку приукрасить правду.

***

Люта еще раз проверила хорошо ли выходит кинжал из ножен, на месте ли мешочек для трав и продолжает ли смотреть на нее Ягиня тем самым пронизывающим душу взглядом, который девушке приходилось терпеть вот уже как целый месяц.

— И чего стоим? Тодорка, подтолкни ее, что ли.

Услужливый конь пихнул мордой в спину Люте и фыркнул, мол, иди уже, а то ни тебе, ни мне покоя нет.

— Да иду уже иду. А там точно неопасно? — осторожный взгляд в сторону ночного леса и вот в лоб уже прилетает скорлупка от ореха.

— Я тебе сохранность обещала? Не обещала, а вот ты папоротник на Ивана Купалу достать обещала. Изволь исполнять обещанное.

Ягиня мерзко улыбнулась и с грохотом закрыла дверь избы, оставив снаружи раздосадованную ученицу. Люта сама не поняла с какого дуру решила папоротник проклятуший срезать. Все Ягиня эта, на слабо взяла, а она как негораздка [14] повелась. А кто его знает, есть этот папоротник вообще. Яга только улыбалась загадочно и подначивала, мол, сама увидишь.

Люта топнула в раздражении ногой в лапте, в который раз поправила кинжал с мешочком на поясе и ступила в мрачный лес. Не был он ночью дружелюбным. Днем даже Лихо, вечно заседающий в кустах, не пугал, но ночью... Не хотелось бы наткнуться на одноглазое страшилище, который и людей не брезгует отведать.

До поляны с папоротником, на кою указывала Ягиня в памятный день спора, было недалеко. Люта, уже выучившая ближайший лесок шла уверенно, стараясь не оборачиваться и не прислушиваться к шорохам в лесу. Оборачиваться нельзя — иначе папоротник не явится, а если прислушиваться к шорохам, то и сердечко может не выдержать.

Злобное рычание мало было похоже на лесные шорохи, оттого прислушаться все же пришлось. Люта застыла столбом, боясь пошевелиться лишней раз. Не волк же это в самом деле. Не лютуют они летом, не нападают на людей.

«Волки летом не нападают», — еще раз повторила самой себе всем известную истину девушка для пущей уверенности. Жаль волку то нельзя было сказать, не понял бы. Оставалось только просить всех богов разом, чтобы хищник либо сам ушел, либо вперед выступил. Собственные глупые мысли вызвали смешок, от которого рычание стало громче и страшней.

Плюнула Люта на все, да и побежала. Смелость — это хорошо, но не тогда, когда за спиной пастью лязгают. Выбежала она на полянку, наткнулась на что-то впотьмах, запнулась и грохнулась со всей дури на землю. Рычание за спиной перешло в скулеж.

«Тьфу ты, опять вся в синяках да царапинах буду!», — не к месту подумалось девушке.

Она повертела головой из стороны в сторону, чтобы понять, что помешало ее побегу, как увидела валяющийся на земле нож, а в трех шагах от него, прижавшийся мордой к траве огромный волк. Желтые, светящиеся в ночи глаза, сверкали злобой и отчаянием одновременно. Когда Люта подобрала нож с земли, волк злобно выверился и сделал

небольшой подскок вперед, скаля острые клыки.

— Это хочешь? — помахала она у него перед мокрым носом лезвием. — А вот не отдам! Так и останешься во второй ипостаси до конца дней своих, чтобы неповадно было на девиц честных нападать! Ножик поди у ведьмы забрать не просто.

Волколак, а это был именно он, огрызнулся, клацнул клыками и уселся на зад, отвернувшись от Люты. Подумаешь, решил развлечься, чего ж сразу так жестоко поступать с бедным несчастным оборотнем.

— Нож воткну обратно в землю, если папоротник поможешь найти и клятву дашь верности, — ответила Люта на его выпад, со знанием дела подбрасывая волшебный ножик в ладони.

Волколак прищурил взор и присмотрелся к девушке.

— И одарю честь по чести.

Помотал головой, как бы размышляя идти на сделку или нет, встал махнул хвостом в знак согласия и потрусил к Люте.

Девушка, не теряя времени, мазнула ножом по ладони и подставила ее под морду волколака. Тот обнюхав ладонь, слизал кровь. Глаза мигнули красным, и волчья морда опустилась пред Лютой в покорном поклоне. Нож воткнулся обратно в землю уверенной рукой, и девушка отошла в сторону. Волколак перекувыркнулся через нож и тут же стал мужчиной.

— Смотрю, девицы нынче совсем бесстыжие пошли, хоть бы ойкнула что ли.

— Было бы отчего ойкать, — брякнула Люта в ответ, заставляя взрослого мужика покрыться красными пятнами не то со стыда, не то от гнева. Хорошо в темноте не видно. Чтоб волколак бабы смущался, когда б такое было!

— Ну что ж, — рыкнул он. — Раз отныне я помощник твой верный, так говори, чего надо.

— Ничего, — пожала плечами Люта и добавила, — пока что. Как будешь нужен, позову.

— Как звать-то меня знаешь? — хитро прищурился волчара, облизываясь и окидывая жадным взглядом девичью фигурку.

Злость, забытая за спокойный месяц, вновь подняла голову. Взгляд черных глаз потяжелел и обжег волка почище железа каленного.

— В твоих венах отныне кровь моя, нечисть, — от фразы сказанной спокойным тоном, волка согнуло пополам. Ему показалось, словно бы наизнанку его выворачивают, тянут внутренности все.

— Ведьма, — прохрипел он. — Мораны служанка. Вот же угораздило.

— Слуга нынче ты, хвостатый, а я жрица Великой Матери, душ собирательница. Покуда кровь моя в тебе, даже и не думай предать меня, не то смерть будет долгой и мучительной. Ежели урок тобой усвоен, то я жду свой папоротник. Как величать-то тебя?

— Грул, — буркнул он недовольно и пошевелился, ожидая повторную боль.

Отпустило.

Люта вновь взяла в руки нож и что-то пошептав над ним, отдала волколаку.

— А вот и дар мой. Заговорила я вещицу волшебную, чтобы возвращалась она к тебе, куда бы ты не пошел и кому бы в руки она не попала.

Грул с сомнением посмотрел на Люту, повертел ножик в руках и воткнув его в землю, вновь перекинулся в животную ипостась. Принюхался и куда-то потрусил, перед этим, мотнув мордой в нужную сторону, мол, за мной идем.

Когда Люта довольная вернулась к избе вместе с папоротником ее встречали все те же Ягиня и Тодорка.

— Видишь, Тодорка, честным волколакам уже нельзя в лесу поохотиться, злые ведьмы запугивают и помощь вымогают.

Конь в ответ на это согласно заржал, кося лиловым глазом в сторону Люты.

— Сам виноват, — буркнула девушка. — Нашел где кормиться и кого запугивать. Будто не знает чей дом тут стоит.

— Может и не знает, — спокойно ответила Ягиня. — Ты что же думаешь, я всем вокруг рассказываю, где жрицу Мораны воспитываю. Иди вымойся, а то вновь стала похожа на чучело.

Люта с трудом удержалась, чтобы в спину женщине язык не показать. Когда она сделала так в первый раз, язык завязался узлом буквально. Неделью так ходила, только и могла, что мычать. А кушать-то как неудобно было!

Схватив сменный сарафан, Люта убежала к речке, где быстро сполоснула и себя, и одежду, измазанную в грязи и траве. Уже сделав шаг к берегу, она почувствовала, как кто-то держит ее за щиколотку. Как не завизжала, девушка сама не поняла. Пожалуй, удержала только мысль о Ягине, которая на любой ее писк, слезы или жалобу добавляла туманов и наказаний.

Вода зарыбила и на поверхность всплыла голова, а за ней и шея с голой грудью.

— Русалка? — воскликнула Люта, присматриваясь ближе, но нет. Выплывшая на утопленницу не походила. — А... берегиня. Плыви давай отсюда.

Обиженный взгляд резанул по сердцу. И чего она в самом деле грубо так. Берегини ведь добрые, зла никому не желают, только предостеречь хотят. Потому Люта и слушать их не хотела. От чего они ее предостерегут? От смерти? Ее Люта не боялась, она ей служила.

— Не слушай Ягиню, Люта, — голосок берегини журчал словно ручеек. Волосы украшенные речным жемчугом, сверкали в свете луны, кожа мерцала ровным таинственным светом, а капельки воды на ней напоминали драгоценные камни. — Она ведь тебя к злу ведет. Душу твою разделит и свет, что остался в тебе заменит на тьму. Не верь ее сладким речам, мертвых не вернуть.

Люта не на шутку разозлилась. Отмахнулась от девицы, отвернулась и пошла к берегу, не слушая стенаний.

— Много вы знаете! Предостережения свои надо было раньше делать! Когда были живы селяне в Глиске, когда Мирослав живой был, когда я крови и зла не видела! А сейчас, тьфу, блажь все это!

Она не слушала больше причитаний речных дев и уговоров. Быстро отжала платье, оделась, да и убежала в сторону избы, попутно убеждая себя, что сделала правильный выбор. Руку помощи ей не берегини протянули, а Морана. И Ягиня.

***

— Готова к обряду? — Ягиня смерила взглядом ученицу. За несколько месяцев Люта заметно окрепла. Из затюканной, со страхом в глазах и обреченностью, бледной моли, превратилась в статную девушку. Взгляд светился уверенностью и, стоит признать, капелькой жестокости. Тут Ягиня довольно улыбнулась про себя. Жестокость возвращается не отношением к человеку, а дозволенностью делать жестокость самому, не опасаясь наказания. Девочка усвоила уроки и правила мира: не ты, так тебя. Осталась последняя черта, за которую Люта должна была шагнуть.

— Готова.

Они пришли на ту самую поляну, где Люта впервые срывала папоротник на Ивана Купалу. Этот папоротник пошел на особые зелья, которые, как сказала Ягиня, пригодятся Люте в будущем.

В землю были вбиты светочи, они образовывали ровный круг. Люта вступила в его середину, предварительно сбросив с себя всю одежду. Мягкая трава щекотала стопы, от огня шло тепло, отчего становилось жарко. Лето в этом году, даже ночами, было особенно знойное.

Люта протянула руки запястьями вперед и Ягиня резанула по ним кинжалом, сначала одну руку, потом другую. Заунывная песнь на столь древнем языке, что уже давно забыт, затянула девушку в состояние забытья. Ей казалось, что все вокруг плывет, огоньки светочей мелькали перед глазами, сливаясь в единый хоровод. Слова песни гремели в ушах, отдаваясь в груди и спускаясь ниже, к самому сосредоточию женской силы, выжигая внутренности дотла, вырывая яростный крик боли. Когда воздуха в легких перестало хватать, а ноги подогнулись от усталости, песня оборвалась, а светочи потухли. Люта упала на траву, испустив облегченный вздох и погружаясь в спасительный сон. Уже засыпая ей вновь послышалась песня, но это был чужой голос, не Ягини.

«Гамаюн?» — мелькнула мысль и сознание покинуло ее.

— Люта! Иди к нам! Скорее! Ну чего же ты?

Милослав такой красивый, счастливый, любящий. Люди празднуют, все дома целые. Это сон или все взаправду? Хотелось бы, чтобы взаправду.

— Люта?

— Отец...

— Чего праздновать не идешь, девочка моя? — ласковая улыбка на таком знакомом лице внезапно исказилась гримасой боли. Миг и голова уже на пике, а на землю капает кровь.

Кап... кап... кап...

Она больше не боится.

Она знает, что это не сон.

Вокруг пожарище и пахнет горелым, от дыма першит в горле, словно бы и правда это площадь Глиски.

Черные колдовские глаза внимательно взгляделись в родное лицо. Люта протянула руку, нежно провела кончиками пальцев по застывшей в предсмертной муке щеке отца.

— Я верну тебя, вас всех. И отомщу.

Люта открыла глаза на той же поляне, прикрытая собственным платьем, рядом пристроилась Ягиня. Вездесущий Тодорка безразлично жевал траву, периодически притоптывая копытом, ему было все равно на человеческие горести, мечты и чаяния. Пахло медом. Люта втянула в себя этот аромат, выгоняя из ноздрей память о сгоревшей деревне.

— Я справилась, — ровно сказала она, не глядя на Ягиню.

— Можно и так сказать, — ответила женщина, жуя травинку. — Через три дня отправишься в путь, но прежде узнаешь, что тебе искать надо. Иди в избу.

Уже такой знакомый, успокаивающий отвар, ткнулся в руки по возвращению домой. Да, Люта уже могла называть домом это странное прибежище, где была она, Яга и конь. Она хотела называть его домом. Аромат душицы и мяты пощекотал ноздри, медку бы еще, да не балует сладким наставница.

— Отправишься утром, дам тебе с собой клубочек. Шепнешь ему, кто тебе нужен, он к нему и приведет. Человек тебе нужен особый, и не человек вовсе, а чудь. Не смотри на меня так, Люта. Не легенда это и не сказка. Такой народ существовал, осталось только от него одно название, да парочка живых. Чудь приведет тебя к камню. Ангатиром зовется. Силами обладает огромными, что мертвых поднимать, что живых успокаивать. И только чудь одни и знают где камень этот. Но только не отдадут они тебе его и не приведут за ручку. Уж очень народец упрямый. Ну да ничего и на них управу найти можно. Когда отправишься в путь шепну я тебе секрет их, который мало кто знает, а там сама разберешься, зря что ли я время на тебя тратила.

Спустя три дня Люта пустилась в путь. Яга и правда шепнула ей на ухо секрет, вот только что делать с ним, Люта пока не знала, но у нее впереди был длинный путь, так что время на раздумье имелось. Уже выходя из леса, чтобы попасть на главный тракт, Люта услышала тихий клекот. Она повернула голову вправо и увидела на ветке ближайшего дерева необычную птицу. Тело было птичьим, а вот голова человеческая, женская.

«Гамаюн-таки», — в ужасе подумала Люта и ускорила темп, старательно зажимая уши. Но не успела...

Куда б не завела тебя дорога,

Повсюду ждет тебя одна тревога.

И боль, и кровь, и смерть — твоя заслуга.

И цель твоя ничтожна — что за скука.

Ты та, что горе принесет

Тому, кто смог бы разделить с тобою долю,

Что горше уготованной тебе одной лишь боли.

Осталось сделать шаг, но вот куда:

Направо — ждет тебя тоска,

Налево — будешь сеять смерть сама ты,

Назад — в землю ляжешь рядом с теми, кого спасти изволила ты невзначай.

Ну а вперед шагнешь — так обретешь ты, столь долгожданный и желанный всем покой.

Глава 15. Твоя смерть

Подземный переход дался очень тяжело. Гату питался силой, что давали жёны, но того все одно не хватало, чтобы протащить пятерых до самого дома. Земля приняла чуждые тела и выпустила, едва их связь стала нарушаться.

Белоглазый так и не смог подняться. Каждое движение причиняло боль. В глазах сверкали безумные звезды. Перевернувшись на спину, он ощупал бок. Переломленное древко стрелы глубоко засело. Шерра опустилась рядом с ним на колени, осторожно касаясь краев раны. Кровь больше не шла, но началось воспаление. Пробитая кожа потемнела. Черная густая жидкость, выходящая из отверстия при малейшем надавливании, исторгала смрадный запах.

— Змеёныш отравил стрелы, — тягуче протянула Шерра, пригнувшись.

— Надо было его прикончить, — отозвалась Вия, сжав кулаки. — Я сделаю повязку из трав.

— Это не поможет, — Шерра лишь покачала головой, изучая края раны. — Нужна ворожея. Он потерял много времени. Почему ты не сказал сразу? Ты же должен был почувствовать.

— Мы спешили, — прошептал Гату.

Его лицо осунулось, под белесыми глазами запали синие круги, на лбу выступила испарина. Голос Гату заметно ослаб. Пересохшие губы лопались при каждом движении рта. Мита и Ресу проворно поднялись, выпалив хором:

— Мы приведем помощь. Пахнет дымом. Рядом селение!

Шерра призадумалась. Ее волосы золотистыми волнами спадали на плечи и грудь, наполовину скрывая своеобразное, но без сомнения прекрасное лицо. Сапфировые глаза, не мигая, смотрели на жуткую рану мужа. Из-под верхней губы торчали два острых клыка, придававшие ее образу звериной стати.

— Если ворожея побоится идти с вами в лес, мы только потеряем время. Его у нас и без того не осталось. Мы отнесем мужа.

Она осторожно и очень нежно коснулась щеки белоглазого.

— Гату, придется идти к людям. Яд очень сильный. Гадёныш явно не сам его сварил.

Белоглазый не ответил. Он провалился в сон. Губы едва шевельнулись, но никто не услышал и звука. Сознание ходящего уносило прочь от тела, пронзая барьеры земных законов. То, что чудь сейчас видел, нельзя было назвать сном. Грезы не бывают столь черны и полны отчаяния. Даже кажущийся бесконечным жуткий кошмар однажды проходит. Душа сбрасывает оковы власти мрачных видений, очищаясь. А Гату смотрел в бездну, у которой не было конца, края и даже имени.

Он стоял на краю обрыва. Внизу — kloкочущие языки земных недр, раскаленная лава, пожирающая скалы. Над головой — неистовый вихрь, заполняющий горизонт от края до края. Исполинская воронка, грозящая сожрать все сущее. Гату смотрел перед собой, словно не замечая того, что мир вот-вот будет поглощен. Он оставался недвижим даже когда за спиной появилась черная тень. Белоглазый чуял ее, но ничего не предпринимал. У тени не было лица. Безлика она была не потому, что скрывалась, а от того, что не осталось в том существе ничего кроме ярости и злобы. На черном пятне сверкали лишь два красных полных ярости глаза. От макушки к ногам тени спадали извивающиеся как черви волосы цвета

воронова крыла, окутывая силуэт подобно прогнившему могильному савану. Грянул гром. В тяжелых небесных раскатах слышались голоса богов. Их гнев сотрясал землю.

Гату резко обернулся, перехватывая выброшенный вперед кинжал. Он сжал предплечье убийцы, опуская глаза вниз. Опоздал. Удар бы стремителен, как росчерк молнии и неотвратим, как судьба. В глазах стало тесно от рези. Голова упала на грудь. Темнота.

Он снова стоял на краю обрыва. Клокочущие языки земных недр, хищно поднимались заполняя голодную бездну пламенным океаном. По спине пробежали мурашки. Тень медленно кралась за спину. На этот раз Гату попытался обернуться сразу. Ничего не вышло. Тело наполнилось тяжестью, словно стало стократ тяжелее. Движения выглядели медлительными и слабыми. Сверкающий росчерк проклятого металла пробил плоть прежде, чем белоглазый успел помешать.

«Кто ты?».

Молчание. И резкая боль, вспышкой пронзающая все тело, разрастаясь подобно лесному пожару.

Раскат грома грянул, аж земная твердь затряслась. На лицо упали тяжелые капли дождя. Лава у подножия скалы зашипела, исторгая облака пара. Гату снова стоял на самом краю, глядя в бездну. Тень за спиной замахивалась для удара. Не обращая внимания на убийцу, белоглазый шагнул вперед. Кинжал нашел лишь пустоту. Тело вспыхнуло, как солома, мгновенно чернея от сажи. Он кричал от боли, но ветер относил слова прочь.

«Гату, опасайся людских ведуний и ворожей. Ты слишком доверчив. Я вишла в твой пояс свою любимую иглу. Однажды она отведет от тебя злые чары, — в голове зазвучали слова Шерры, сказанные несколько лет назад. — Храни ее, а она сохранит тебя. Но коли смерть будет дышать в затылок, рвани и кинь по ветру! На конце той иглы будет спать твоя смерть».

Он стоял на краю бездны. Грохот в ушах заглушал шаги за спиной. По щекам стегал бешеный ливень, волосы липли к спине, а твердь под ногами стонала в мучительной агонии. Пальцы скользнули за пояс, нащупали тайник, надрывая нитки. Гату почувствовал укол. В ладони лежала игла из темного металла, а подушечка безымянного пальца кровила. Вспышка молнии, отразилась в его глазах, по спине снова пробежали мурашки. Белоглазый не глядя кинул иглу в пропасть, разворачиваясь к убийце. У самого лица застыла тень, победоносно сверкая краснющими очами, полнящимися голодной ненависти.

Кинжал вошел в живот Гату по самую рукоять. Чудь замер, вслушиваясь в свои ощущения. Тень застыла напротив. В следующий миг она закричала. Этот вопль был полон ярости и негодования. Он был пропитан бессилием и скорбью. За спиной белоглазого ревела лава, в воздух взлетали пылающие камни закипающего бедствия мира. А Гату смотрел на обмякшую тень, что упала к его ногам. В пляске теней начали проступать очертания.

«Что это, палач?».

Белоглазый заворуженно следил за убийцей, не видя, что за спиной пронесся могучий селезень. В клюве его была зажата игла.

«Гату, почему я не могу больше дышать?».

«Гату, ты должен мне».

Мир вспыхнул. В ушах застучали кузнечные молоты. Тело согнулось пополам. Из глаз прыснули горячие слезы. Хватая ртом воздух, чудь жадно глотал воду из миски. Убрав ее от лица, он понял, что сидит. По коже еще бегали мураши, а мышцы сводило судорогой. Незнакомая женщина приложила ладонь ко лбу белоглазого грубо и бесцеремонно.

— Жарит будь здорово, — пробормотала она, забирая миску. — Но это хорошо, значит дух начал бороться.

— Где я? — пробормотал чудь, борясь с головокружением.

— У меня, — ответила женщина и расхохоталась. — Нет, это ж надо такому приключиться. Даром я что ль всю жизнь корячилась! Ох и заживу теперь.

— Что со мной случилось? — Белоглазый не мог разделить ее веселья, с трудом соображая, как оказался в незнакомо месте.

— Уж не чудо приключилось, — хохотнув ответила бабонька, стуча ножом по доске.

Он сидел на лежанке из соломы. Рядом печка. Добротно сложена, домовою поди аки петух ходил от восторга. Окна есть на бревенчатых стенах, не землянка, стало быть, изба. На стенах множество полок с кадками, крынками. Развешана всякая всячина, тут тебе и грибы, и ягоды, и корни.

— Ведьма ты, что ль? — Гату снова попытался внести ясность в положение.

— Иди ты, — буркнула женщина, не оборачиваясь.

Нож размеренно стучал по доске. Она нарезала кубиками репу. А еще пахло травами и выпечкой. Белоглазый тотчас почувствовал, что заурчало в животе.

— А-а-а! Жракать-то хочет, нутрина! — она опять засмеялась. — Точно говорю, поправляешься. Гату, ты должен мне...

Женщина обернулась, цокая языком, глядя в потолок. Ей было около сорока лет. Русые волосы, в которых уже начала пробиваться седина. Широкие бедра и такие же широкие плечи. Бабонька была коренаста и походила скорей на лесоруба, чем на ведунью. Ее зеленоваты глаза светились азартом. Она явно была довольна собой.

— Должен будешь мне самоцветов всяких. И жемчуга речного, да поболее! Он мне дюже люб. Бусы сплету, буду такая вся ходить, да женихов охмурять! Га-га-га! — женщина вновь расхохоталась, да так, что даже закашлялась. — Да шучу я! Чего пыришься? Ну током не про камушки шучу, само собой. Их ты мне отсыпаешь не скупясь, чудь белоглазая.

— Звать-то тебя как? — спросил Гату, понимая, что на предыдущие вопросы она не ответит из вредности.

— Щепетуха я, — с достоинством ответила женщина, упирая руки в бока. — Ведунья местная. А мы древляне, чтоб ты знал. Тебя бабы синеглазые приволокли полудохлого.

— Давно?

— Недавно. Месяц назад то бишь.

Гату дернулся, словно плетью огрели. Да в сердцах сплюнул под ноги.

— Эй-эй-эй! Ишь ты разошелся! Поплюй мне тут! Сейчас прочь выставлю.

— Прости, хозяйка, — ответил Гату. — Для меня худо то, что сказала ты. Где родичи мои?

— Про-о-о-сти, — передразнила его Щепетуха. — Лечишь их, окаянных, выхаживаешь, ночами не спишь, а они на пол харкают. Думаешь, ты на пол мне плюнул? То ты мне в душу саму плюнул, так и знай, чудь ты белоглазая!

Гату резко поднялся. Голова все еще кружилась, но он справился. Лопатки уперлись в потолок. Ведунья немного присмирела, но виду не подала, все же ответив:

— Бабы твои на улице. Месяц назад встали по углам моей избы, стало быть, и стоят пыряты. Убрал бы ты их уже по добру по здорову. Народ у нас терпеливый, да токмо бабы твои уже всем по самое, значит, горло поперек.

— Чем же тебе мешают девы зрящие? — спросил Гату, ухмыляясь.

Он чувствовал себя прескверно, но все же в тело начинала возвращаться сила. Очнувшись ото сна, Гату не сразу вспомнил, что с ним случилось. Чего-то он и не знал, в забытьи провалившись.

— Ха! Вы только посмотрите на него! — заносчиво выпалила Щепетуа, делая вид, что злится. — Где это видано, чтобы на улице и денно и ночью стояли бабы аки столбы на капище? Так ежели б они просто стояли там. Они же пырятся! Сверкают в ночи синими зенками своими. А мы к такому не привыкли. Ко мне селяне ходить из-за вас бояться стали. Ладно бы бабы твои еще просто стояли да пырились, так они иногда шептать начинают!

— Зрящие девы у стен дома — это добрый знак и удача роду на два колена, — ответил Гату. — Они гоняют ночную нечисть, да удачу наводят. Хранили они покой мой, да твою избу.

— А я просила о том? А?

Понимая, что с ведуньей без толку спорить, Гату еще раз поблагодарил хозяйку и вышел прочь.

— Далеко не уходи. С тобой староста побалакать просился. Я пошлю за ним! — прокричала в след Щепетуа.

Оказавшись на улице, Гату тотчас наткнулся на Миту. Дева просияла, сверкнув глазами. Подойдя к мужу, она встала на цыпочки и поцеловала его в лоб. Гату ответил тем же. Подошли Шерра, Ресу и Вия, обнялись. Им было, о чем поговорить, но место не располагало к беседе. Вокруг тотчас начал собираться народ, едва Гату на порог вышел. Селяне повыскакивали из избушек и землянок, собираясь, как на ярмарку. Сами пришли, да деток приволокли. Эка невидаль, пятеро чудей пожаловали, да самый главный белоглазый не издох!

Меж тем, люди не выказывали ничего дурного. Иные просто смотрели, да улыбались, болтая между собой. Другие подходили, мужики в основном, по плечу Гату хлопали, представляясь. Белоглазый было, осерчав по началу, немного смягчился. То были простые люди, бесхитростные труженики. Разве ж можно их винить, что из домов повыскакивали, увидав чужь белоглазую? Это раньше чудской род в города людей часто захаживал, дары привозил, да чудеса показывал. Прошли времена те. Память быстро повеветрилась. Иные и не знают теперь, кем они приходились роду чуди, кой выродился.

Расталкивая мужиков появился староста. Статный такой, широкоплеч, да высок. Усы и борода чернющие, ни волоска белого! А глаза меж тем хитренькие, хоть и беззлобные.

— Рады гостям дорогим, — приветствовал староста, даже поклонившись. — Хоть и давно ты, мил человек, к нам пожаловал, да током все беседую меня обижал!

Староста заржал, аки конь, своей шутке, а окружающие тотчас подхватили. Отсмеявшись, он нахмурил брови и продолжил:

— Тишило я, староста местный, а мы — древляне, народ мирный, да себя уважающий. Изволь, гость дорогой ко мне зайти, за здравие, стало быть, откушать, да за исцеление.

— Я — Гату, — ответил белоглазый, склонив голову, как сделал сам староста. — Спасибо за приглашение. Меня одного зовешь, али родичей моих тоже?

— Всех зову! Всех, конечно же! — закивал староста, явно почувствовав себя неловко. — Ты не подумай, что я женщин твоих не уважил! Мы им и кров, и пищу, а они молчат у тебя. Так тут и стояли, как подпорочки...

— То они удачу и благо на деревню наводили, да от нечисти болотной защиту заговаривали, — подала голос Щепетуа, высунувшись из оконца. — Каждый знает, что

чудские зрящие жены в селении к удаче и счастью!

— А я знал! — замахал руками староста, недобро зыркнув на ухмыляющуюся ведунью. — Я-то знал, люди вы чудские! Я своим так-то все это время и сказывал: вам защиту дают, дурьи вы головы! Сходите, поклонитесь чудским заступникам!

Пока староста расхваливал себя и свое селение, Гату с женами следовали за ним. Белоглазый сразу приметил, что дела у древлян не особенно-то и ладилась. То тут, то там попадались избы с опаленными бревнами. Дома были отремонтированы, но не выглядели новыми. Одежды селян по большей части тоже смотрелись простенько. Ни вышивки тебе, ни украшений каких, все серое, едва не дырявое. Мужиков было едва ль не вдвое меньше, чем бабонек и очень мало детей.

«Их кто-то разорил, — догадался Гату, прислушиваясь к своим ощущениям, ступая по земле. — Никак хазары тут лютовали, али еще какая погань земная, да человеческая».

Оказавшись в доме, Тишило усадил гостей за стол, который уже накрыли. Надо сказать, что для дома старосты угощения были весьма простенькие. Тарелки с ухой, да одна на всех сухая краюха хлеба. У такого хозяина и угощаться было постыдно. Уж не остался бы кто-то из домочадцев сегодня без трапезы. Но и отказать гостеприимству, да еще и старосты тоже никак нельзя было. Откушав, Гату поблагодарил Тишило, да сказал прямо, как на духу:

— Нас тоже разорили три луны назад. Жен моих в невольники угнали, насилие отбил. Спешим, мы, староста. Земля родимая зовет, не кричит едва ль. Ответствуй, чего тебе за вашу доброту надобно. Отплачу. Тебе ж известно, кто такой чудь белоглазый.

— Известно, — не стал спорить староста, явно довольный, что не пришлось ходить вокруг, да около. — Селение наше пожгли, людей порубали, деток многих сокрали, все и сам видишь ты. Помоги нам, Гату, как за себя, да людей ради прошу. Помоги, милый чудь, вернуться нам к жизни людской! Живем же, что собаки побитые. Все ведь забрали, твари раскосые! Ежели мы до осени амбары не набьем, то поляжем от голода. Сажать — нечего. Дичь бить на шкуры почти некому. Кузнеца своего нет, мотыги да серпы поправлять, поверишь ли?! Умираем, мы, Гату! Наживу издохнем, ежели до осени пропитания не сыщем.

— Каменьев хочешь? — спросил напрямик белоглазый.

— Хочу, — не стал лукавить староста. — Нам бы нанять себе варягов дружину в охрану, оружия, инструменту там сям наторговать, да зерна купить чужого. Да еще, чтобы хватило той милости години на четыре, глядишь и выживем.

— Я слаб после хвори. Силы вернуть можно, но это не быстро. Будь по-твоему, Тишило староста. Добудем для вас каменьев. Но девы мои сейчас же уйдут. Они в таких делах не помощницы, а земля родная давно по ним плачет. Согласен?

Староста, не раздумывая, хлопнул по протянутой ладони, едва не поранившись об огромные когти, до того рад был. Прощаться долго не стали. Гату отвел жен за частокол на границе деревни, обнял каждую, в лоб поцеловал, да сказывал:

— Идите лесами. К людям не выходите. Я приду к вересени [15]. Убаюкайте его. Не дайте проснуться лиху.

Девы покорно кивнули и двинулись прочь. Шерра обернулась. Ее глаза задержались на муже. Губы чуть расступились, являя острые клыки.

— Приходи домой, Гату. Мы тоже по тебе тосковали. Не впускай в сердце чужие горести. Помни что я тебе сказывала.

Вскоре их спины скрылись за ветвями деревьев. Гату немного постоял, призадумавшись. Сунул руку за пояс, да не нашел ничего. Пропала игла, Шеррой вшитая. Сон ли то был, иль

взаправду меж грез сокрылась?

Глава 16. Зубы, когти да желтый туман

Люта подкинула в ладони клубочек и еще раз внимательно его осмотрела. Нитки как нитки. Волшебством не пахнет, не светится аки солнышко и не разговаривает человеческим голосом. Положи в корзинку с другими клубками и тут же потеряешь.

«Но Ягиня как-то находит! Как? — Чтобы точно увериться в своих выводах, Люта лизнула клубочек. — И на вкус — нитки».

Глупо хохотнув, девушка покачала головой, какой только дурастью не начнешь страдать, от страха и неизвестности. То, что ей страшно, Люта признала за день до ухода от Ягини. Ей всучили в руки клубочек с наказом:

— Не потеряй!

— Разве вещи волшебные могут потеряться?

Взгляд Ягини дал понять, что лучше бы глупые вопросы потерялись вместе с Лютой, а вот волшебные вещицы всегда найдутся, на то они и волшебные. Женщина только проворчала:

— Они могут не подчиниться, будешь раздумывать, укатится от тебя и ищи потом свищи. Как воспользуешься клубочком, шепни ему домой возвращаться и отпусти, дорогу сам найдет.

Люта тяжело вздохнула, сжав клубок в ладошках, словно согреть хотела. Ягиня может и не хотела выспрашивать, чего пригорюнилась ученица, да не помогло, Люта продолжала горестно вздыхать и ходить хвостом за женщиной.

— Ну чего еще?

— Страшно.

— От чего? Раз страшно, так иди топись, мешать не буду, клубочек только верни, — Ягиня потянулась было за вещицей, но Люта тут же отпрыгнула и помотала головой.

— Ну нет, с клубочком все веселей.

— Топиться? А ну верни!

— Тьфу! Да при чем здесь это? Не собираюсь я помирать. В пути, говорю, веселей. А страшно от неизвестности. Чего там ждет меня? Я ж мир и не видела. Только и того, что родное селение, да соседнее, а после стан хазарский. Какие там люди? У кого помощи просить? Кого опасаться? Кому доверять?

Ягиня отложила в сторону щетку, которой расчесывала спутанную гриву Тодорки. Ее вмиг посерьезневший взгляд заставил Люту сильнее сжать клубочек и настороженно сделать шаг назад. Последний раз, когда Яга смотрела на нее так, девушка плакала от боли и ощущения, что ее кости ломают, что тот хворост для костра.

— Доверять? Смотри-ка чего удумала. Доверять она собралась. Заруби себе на носу, на косе, а лучше в темечко вбей: доверие — путь к предательству. Тебе могут клясться, могут обещать, могут всеми силушками честность свою показывать, но суть одна, чуть что не так, спиной повернутся, а все обещания и клятвы трухой осыпятся. Пойми, Люта, люди везде одинаковые, видят, что не похож ты на них — изгоняют. Потому вот наказания мои: помощь тебе не нужна, — я достаточно вложила в тебя сил и умений. Опасаться нужно всех, даже зайца на поляне — зубы у него мощны. Доверять никому нельзя. Ищи не помощника, а союзника, да не забудь клятву взять, того лучше, если найдешь на него управу и сможешь управой этой давить в нужных местах.

— Так-то ж угроза! Зачем запугивать, когда подружиться можно. Сам ведь добровольно сделает все.

Ягиня с какой-то странной усмешкой, в которой злоба с гордостью перемешалась, окинула взглядом ученицу и протянула:

— Надо же, а как невинность-то строишь, а сколько коварства! Я не добро во плоти, Люта, сама знаешь, да только и у тьмы есть свои правила и честь. Это свет может дружить, а потом делать так как хочет, хоть спину казать, хоть попой вертеть. Тьма говорит честно: «Я тобой воспользуюсь, возьму то, что мне нужно и уйду, но и ты в накладе не останешься». Потому не ищи друзей, ищи союзников. А страшно всегда будет. Мне вот сейчас очень страшно, что, если ты не сойдешь с этого места, мои высаженные семена так и не взойдут. Брысь!

Люта вздрогнула от голоса Ягини, раздавшегося в голове. Надо же, уже два дня не слышала этой ехидны, а будто бы и не уходила. Девушка наконец вышла на главный тракт, и пора было определяться с направлением, а не предаваться воспоминаниям. Тут бы еще с предсказанием разобраться, угораздило же на птицу треклятую нарваться и ладно б путное чего сказала, так нет же, навела тумана и была такова. Еще раз примерившись к клубочку, Люта поднесла его к губам и шепнула:

— Покажи путь до жен зрящих.

***

Две седмицы пути прошли до того спокойно и мирно, что Люта было заскучала. Люди на тракте попадались на диво дружелюбные. Ее даже на телеге немного прокатали и в небольшом селе, чуть ли не три домишка, покормили и выспаться дали. Клубочек послушно замирал, когда девушка переставала следовать за ним и дожидался, покуда не возобновиться путь. По началу, когда попался ей первый путник, Люта испугалась, а ну как увидит клубок волшебный, но нет, виден он был только девушке.

Люта не знала сколько еще ей предстоит пройти и как далеко жены те, на которых Ягиня указала. Приходилось усмирять нетерпение и раздражение от безызначности и невозможности что-либо изменить. Не придумали еще волшебство такое, чтобы рраз! и ты уже там, где надо.

Неожиданно впереди послышались крики и непонятно было то ли о помощи зывают, то ли убивают кого. Люта ушла с дороги, чтобы обойти то, что ее никак не касалось. Не с руки было вмешиваться и внимание к себе привлекать лишней раз. Она придерживалась одной и той же истории: к сестре иду. А там уж люди сами все додумывали. И то, что разлучили сестер в детстве или, что сестра замуж вышла, — богато воображение людское, только волю дай.

— Ты у меня ща увидишь, так увидишь, шлында! Уважу тебя и по хребту, и по башке твоей божедурьей! А ну пшел отседова!

Женский басовитый голосок перемежался мужскими криками и глухими ударами. По мере приближения громкость голосов увеличивалась, а частота ударов учащалась. Когда Люта подобралась совсем близко, она чуть не расхохоталась, вовремя зажав рот ладонью.

Девушка, рук не достанет обхватить, гонялась за двумя мужичками и поколачивала их крепкой палкой. Доставалось бедолагам знатно. Они бы и хотели от нее деру дать, да палка слишком длинная была, а удары точными, не успевали ни уклониться, ни устойчиво на ноги встать.

— Ворье паршивое! Руки ноги есть, дык пахать иди! А он, ишь, ворует! Ща я тебе

ручищи-то твои и пообрубаяю!

Тут девица остановилась дыхание перевести, да оглядеть лежащих и стонущих воров, как разглядела Люту.

— Ой! Милая, постой! Иди сюда!

Люта нехотя сделала шаг к воинственно настроенной девушке. Хотела же подальше держаться, да любопытство не одну кошку сгубило. И чего ей надо, палку подержать что ль? Или мужиков, чтоб синяки ровней ложились?

— Слышь, постой здесь пяток минуточек, стогая до поля, там мужичье посевами занимается, кликну. Посторожи ворье, а я с подмогой вернусь. Держи, шоб знали, сволочи!

Толстую палку всучили в руки Люте и, подхватив корзину со снедью, ускакали в сторону леса. Палка тут же была брошена на землю. Два мужичка хитро посмотрели на тоненькую Люту и потихоньку начали вставать.

— Сидеть, — ледяным тоном ответствовала она им, и оба с перепугу опустили на зады. — Мне палка не нужна, я вас и так удержу, ежели что.

Следить за мужиками было не с руки. Клубочек подпрыгивал в нетерпении, и сама Люта понимала, что время утекает сквозь пальцы как вода. Жены могут уходить все дальше и дальше, а то и совсем скрыться. Сунула она руку в сумку заплечную нащупала порошочек заветный. И ей сторожить не надо, и мужики никуда не денутся. И покуда не опомнились побитые, подошла к ним Люта быстро, наклонилась и дунула в лица обалдевшие.

Как закатились их глаза и раздалось мычание несмышленное она глядеть уже не стала, тут же развернулась и ушла. Не хватало ей еще знакомиться со всем ближним селом.

Не прошагала она и каких-то пять десятков шагов как со спины раздалось:

— Стой! Да стой же ты, вертлявая! Ух, ото ж скелетина, а вона силищи в ногах сколько.

Люта чуть не завyla обессиленно.

— Чего тебе? — буркнула она подкатившейся шариком девушке. Большая корзинка бухнулась на землю, вывалившись из рук, внутри что-то возмущенно хрупнуло. Русая коса растрепалась, лицо покраснело как кафтан праздничный, потом разит так, что не продохнуть. Люта аккуратно начала делать шажочки, чтобы хоть ветер в другую сторону подул, от нее подальше.

— Дык чего ж сбежала? За мужичков спасибо, чегось только ты с ними сделала, палкой небось отдубасила, да? Как блаженные, тудить их растудить. Но ничего, разберутся. Я ж отблагодарить тебя хотела. Может молочка тебе, али хлеба. Смотри какая худая, кушаешь небось плохо, по лаптям вижу, что в дороге долго. Вот и зашла б, а я тебе новые дам.

Люта осоловело поморгала и сделала два шага от девки, пока та тараторила, будто семки щелкала. Что вижу, то и говорю.

— Не надо. Ни лаптей, ни хлеба, ни молока. Идти мне пора. Прощай.

— Да ну стой же ты! Куда так торопишься? К родственникам что ль? Или к жониху? Ну так и сказала б! Я ж с добром!

Люту аж скрутило от напоминания лишнего. Повернулась она резко к девице, глазами чернящими сверкнула и процедила.

— А ну пошла в свое селение и нечего тут выznавать разнюхивать. Тебе чего от моих бед? Уходи, и чтобы не видела боле!

От девки отвернулась с каким-то облегчением и чувством вины, за что тут же себя отругала. Нечего цацкаться со всякими дурами приставучими.

— Ой ты ж бедная... — провзло чудо у нее за спиной и тут же крупные ручищи

сомкнулись вокруг Люты. Ее слегка приподняли над землей. Удушливый запах пота врезался в ноздри, от тесных объятий стало нечем дышать. Люта замотыляла ногами в воздухе.

— Отпусти! — прохрипела она.

Ее ту же выпустили, но крупные ладони остались лежать на плечах и развернули Люту лицом к хозяйке.

— Чо, помер что ль, жоних? — участливо и на диво проникательно промолвила девка со слезами в голубых глазищах. — Прости, дуру! Я ж не со зла. Слышь чо, проси чо хошь! Все сделаю!

— В покое меня оставь! — гаркнула Люта напрямик в рожу девке.

Той хоть бы хны. Отмахнулась как от мухи.

— Не, не оставлю я тебя. Придумала, с тобой пойду. Батька с мамкой поймут, снеди взяла, так шо дело решенное.

Корзинка взвилась вверх и вновь осела на ручище девки. Люту затрясло. Уверенное рябое лицо вызвало прилив необъяснимой ненависти. И если бы в руки клубочек не ткнулся, ей-ей, не жить толстухе. Внезапно девушка успокоилась и глубоко вздохнула. Вспомнились слова Ягини: «Ищи союзников». Люта прищурилась, еще раз осмотрев девку.

«А может и пригодится. Ежели что и на жертвенник сойдет», — злобно подумала она и перекинула черную косу с одного плеча на другой.

— Зовут тебя как?

— Дык Латута я!

— Оно и видно, — пробурчала себе под нос Люта и двинулась вслед за нетерпеливым клубочком, раздавшийся сзади топот и пыхтение, отбросили надежду на то, что Латута передумает.

***

— А чегось мы тут делаем? — шепотом спросила Латута, глядя, как ее спутница водит по речке рукой, что-то нашептывая. — Так ты ведьма шоль?

Неугомонная девка, казалось, не боялась ничего. Ни зверей диких, ни очей черных Люткиных. Ее громкий раскатистый бас отпугивал всех, кто имел хоть какие-то нехорошие планы на девушек. За одну луну Латута осточертела так, что еще немного и Люта задушит нахалку.

— Да замолчи ты уже! — шикнула она на девку, вновь сосредотачиваясь на видениях.

Покажи мне водица быстрая,

Покажи мне водица чистая,

Куда девицы-красавицы путь свой держат?

Где жены чудские свои стопы ставят?

— А чось за жены такие? — вновь встряла Латута, отчего Люта ругнулась и хлопнула ладонью по воде, вызвав брызги.

— Отойди отсюда! Мешаешь ведь, — вызверилась она на девку. Та послушно отошла и замерла в сторонке, при этом вытягивая шею и стараясь разглядеть, чего там интересного деется.

Сложно сказать почему Люта не прогнала странную деревенскую дурынду. Ну какой прок от болтливой растяпы? Что не ляпнет, хоть стой, хоть падай. Но почему-то не погнала, хоть и могла, наверное. И не сказать, чтоб видела в ней Люта нечто родное или о себе позабытое. Да только на душе стало спокойнее. Открытая нараспашку аки амбар Латута, создавала необъяснимый словами уют. Простая, в доску своя, она стала напоминанием о

другой жизни. Жизни, где есть место мечтаниям, не знавшей зла, молодой девушки.

Люта вновь и вновь повторяла заговор, плавно ведя рукой по воде, создавая круговорот, не отрывая взгляда от закручивающейся воронки. Когда глаза уже начали слезиться, картинка проявилась. К величайшей радости девушки и не малому удивлению, женщины, которых она искала, были недалеко. Они шли сквозь леса, обходили стороной поселения, но то на руку Люте и было. Прервав закрученный поток воды, она поднялась и направилась к Латуге.

— Дай хлеб и пяток яиц, — протянула она руки.

— А зачем?

— Затем, — огрызнулась Люта. — Хочешь идти спокойно, надо лешего задобрить.

— А! То дело доброе, — кивнула Латуга и вручила Люте запрошенное. Какой бы доброй толстуха не была, а над снедью тряслась, что конь над отборным овсом. Прижмет корзинку к груди необъятной, глазищи выкатит и грудным голосом вопрошает, за какой такой надобностью снесь нужна. Только Латуга решала, когда и сколько они едят. Люта диву давалась, как та разъелась с таким-то порядком.

Девушка подошла к ближайшему пню и положила на него подношение. Отойдя на пару шагов, она проговорила:

— Дядька Леший, помоги мне, не откажи в просьбе. Задержи четырех девиц, запутай дорогу им, а я в долгу не останусь, где надо деревце подлечу, куда не надо стопу свою не опущу.

Спустя не долгое время, показались прыдущие заячьи уши. Латуга сзади охнула и грузно опустилась на траву, когда косою подскочил к пеньку и сгреб еду одним махом. Подпрыгнул, лапами стукнул и ускакал. Лес закрипел, зашуршал, словно бы весь в движение пришел. Люта довольно улыбнулась. Никуда не денутся от нее женушки.

— И вправду, ведьма, — протянула Латуга сзади.

Люта обернулась с насмешливой улыбкой на губах.

— Что, готова домой возвращаться?

— Еще чего! — вскинулась Латуга. — Я можа всю жисть мечтала с ведьмой туда-сюда ходить, да ворожбу творить. Нет уж, остаюся я!

Люта только хмыкнула на такое упрямство.

— Даже если скажу, что Моране Черной служу?

Латуга громко сглотнула, но тут же упрямо заталдычила:

— Черная, белая, серая. Я в глаза людям гляжу. Добро у тебя там, хучь кому служи, все одно доброй останешься.

— Ну-ну, — задумчиво промолвила Люта и кивнула Латуге следовать дальше. — Идти пора.

***

Лес шумел, будто бы вокруг развернулась самая настоящая буря. Ветви ходили ходуном, то и дело надламываясь. Чудские девы медленно продирались сквозь чащу. Клонясь к земле от резких порывов ветра, они практически ползли, двигаясь так, словно карабкались по лестнице вверх.

— Не понимаю, — пробормотала одна. — Правильно ведь идем, не уж-то хозяин леса разозлился на нас за что-то? Чем не понравились ему?

— И ведь не трогаем ни веточки, ни животинки, Шерра — вторила ей другая. — Пошто дорогу нам путает?

— Попросили его, — процедила сквозь зубы Шерра, ухватившись за еловый ствол. — Мы здесь не одни!

Странный смех пробежался по округе, заметавшись в кронах деревьев. Звонкий и мелодичный, но в то же время злой. Даже свозь бурю его слышно было. От этого смеха девушки выпрямились и обернулись, спинами друг к другу, готовые защищаться, если надобно будет.

— Кто ты? — молвила Шерра, вертя головой из стороны в сторону в попытках высмотреть того, от кого сердце льдом покрывалось.

— Рано тебе знать это, — крикнул кто-то хрипло и новый порыв ветра донес до них дымок, окутывающий словно змей добычу.

Точно туман, он стелился над колосьями трав, увлекаемый ветром.

— Дыхание василиска, — прошептала Вия, вскидывая перед собой руку, но было поздно.

Мита и Ресу не сговариваясь подпрыгнули, хватаясь за ветви, но высоко забраться не успели. Туман двигался все время меняя направление, опережая движения, и мгновение спустя, две девы свалились наземь, да так и застыли.

Шерра было попыталась отпрыгнуть в сторону, метнувшись с места прыжком, которому бы позавидовала белка, да оступившись при приземлении, упала. Полоснув ногтями грунт в бессильной ярости, она опустила ладони на лицо и замерла.

Буря ревела почище обезумевшей от голода стаи волков. Но когда Люта вышла из тени леса, будто сама тенью являлась, ураган смолк. Тяжелый взгляд черных очей замораживал душу, заставляя сердце биться рвано, испуганно. Чудские жены окаменели, и пальцем пошевелить не можно. Только глаза бегают, спасения ища. А ну как жрица Черной Матери решит на алтарь их положить. Не надо было знаться провидцем, чтобы понимать, — перед ними жрица самой смерти.

— Ну-ну, не пугайтесь. Ничего я вам не сделаю, — промолвила жрица, тонко улыбаясь. — Разве что косы ваши прекрасные слегка подрежу. Надо же мужу вашему весточку отправить. А не поймет, аль не поверит, вот там и посмотрим, что еще можно у вас одолжить.

Вия могла только обессиленно наблюдать, как девица приближается к лежащим на земле сестрам, а после и слышать, как отрезает локоны волос, ступая размеренно и не торопливо.

Серый волчище, выскочивший на поляну, вызвал мысленный горестный вздох. Волколаки до крови больно жадные, а уж чудская и того слаще всех. И уж как не была зрящая уверена в силе мужа, да только все одно боялась за него.

Кувыркнулся тот через нож, воткнутый в землю и в молодца превратился. Невзрачного, такого увидишь, не запомнишь. Серый весь какой-то, худющий, разве что глазища желтые сверкают.

Люта меж тем срезала три пряди, направляясь к Шерре. Она была очень довольна собой, аж светилась.

«Ловко я их, даром теперь не мне быть добычей, да чужой узницей, — подумала она, ступая, едва не подпрыгивая от радости. — В руках вы моих, теперь все получится».

Подняв глаза на Шерру, Люта было раскрыла рот, чтобы отпустить очередную напыщенную прибаутку, да едва язык не прикусила. У самой теперь сердце замерло. Ладони Шерры медленно отпрянули от лица, а сыра земля, которую чудская дева зачерпнула, золой

истлевшей осыпалась.

— Как? — только и успела пробормотать Люта, прежде чем Шерра прыгнула.

Люте показалось, что в тело врезался каменный таран. Ребра налились железом, вот-вот лопнут, а горизонт качнулся, переворачиваясь. Затылок земли коснулся, а лица чужое дыхание. Люта, растратив весь запал, с ужасом смотрела в сапфировую бездну хищных глаз, нависших над ней, да на острые клыки, так не по-человечески торчащие из-под верхней губы.

Волколак, опомнившись от неожиданности да оторопи, коя и его взяла, с размаху вонзил нож в землю. Перекинувшись в волка, он ринулся в бой, понимая, что опаздывает. Лапы оттолкнулись, посылая тело в полет. Шерра приняла его удар. В последний момент отскочив в сторону, она залепила волку по затылку, разрывая шкуру острыми когтями. Волколак взвыл, да тоже в долгу не остался, хватив деву зубами за ногу. Воспользовавшись моментом, Люта вскочила, шаря ладонями по земле в поисках кинжала. Рукоять легла в ладонь, послушно и нетерпеливо.

Шерра с волколаком уже катались клубком, осыпая друг друга ударами и укусами. Пыль стояла коромыслом, а чудь и зверь рвали друг друга с такой стремительностью и яростью, что не подступиться, не понять, кто, где, не то, что ударить.

— В сторону, — кричала Люта, судорожно роясь в походном мешке. — В сторону! Она живая нужна!

Волколак извернувшись, как змей, отскочил. Шерсть дыбом, из пасти слюна с кровью в перемешку стекает, а сам дышит тяжело, да глазами водит из стороны в сторону. Шкура в нескольких местах пробита и кровит. Шерра же ждать была не намерена. Она сделала то, что от нее не ждали вовсе, развернулась и дара деру, несколькими прыжками разорвав дистанцию. На плече и бедре ее были глубокие раны, левый глаз заплывал от ушиба.

Резко развернувшись, чудская дева припала к земле, будто кланялась. Раны на руке коснувшись, окропила горячей кровью обе ладони и опустила их на почву. Волколак метнулся вперед, уже понимая, что добра жать не приходится. Люта что-то кричала ему в след, но уже и себя не слышала. Твердь застонала, да как грохнула. Разрывая дёрн и пробивая насквозь мох, в воздух взмывали камни, паря вокруг Шерры. Дева закрыла глаза. Ее губы распахнулись. Люте показалось, что она услышала тяжелый вздох.

Камни полетели вперед подобно стрелам. Первый же булыжник огрел волколака по морде, второй врезался зверю в плечо, едва не перебив лапу. Взвизгивая от боли и скуля, оборотень развернулся и помчался прочь, подвывая побитой собакой. Люта стояла не жива, не мертва, вжимаясь в спасительный ствол дуба, по которому с другой стороны, будто град стучали камни. Когда грохот стих, она метнулась к замершим девам. Приставив нож к шее лежащей на земле Ресу, она прокричала:

— Только попробуй еще раз, сестричка кровью у тебя на руках умоется! Выходи! Кому говорю? Выходи, чудь поганая!

Подскочивший волколак, сжал челюстями шею другой сестры, с ненавистью взирая на идущую прямо на него Шерру. В ней уже с трудом можно было узнать еще час назад прекрасную и задумчивую деву. В порезах, ссадинах, в земле измазанная, волосы спутались, глаза горят яростью, аж всю колотит при каждом шаге. Ступает аки зверь, на руки и ноги опираясь. Утробно рыча, Шерра приблизилась, не спеша сдаваться.

— Хорошая девочка, — пробормотала Люта, хорохорясь — А теперь не делай глупостей. Меня послушай.

Вытащив свободной рукой из сумки крошечную шкатулку, Люта бросила ее в ноги чудской деве.

— Под носом себе мазни, и как они застынешь. Кровь это тоже остановит, ежели тебя то беспокоит. Я дурного вам ничего не сделаю. Мне нужен ваш муж. Поболтать хочу с ним за жизнь, да застать никак не могу. А за вами он придет.

— Придет, — ответила Шерра, не глядя подняв шкатулку и запуская в нее палец, которым прочертила под носом. — Не сомневайся, придет.

По ее телу пробежала дрожь, словно волна мурашек от пят до макушки. Шерра вытянулась и застыла. Медленным движением головы, она обратила взор к волколаку, прошептав напоследок:

— А тебе он вырвет ноги.

Люта тяжело вздохнула. Подойдя к чудской деве, она осторожно до неё дотронулась. Вроде и правда застыла. Обойдя Шерру, Люта уставилась на нее, восхищенно взирая снизу-вверх. Коснулась пальцем острых клыков. Затем срезала лоскут волос, аккуратно закручивая в кольцо.

Волколак в мужичка перекинулся, подошел охая, да прихрамывая, опасливо на Шерру поглядывая.

— А может, лучше жируха сходит к этому, мужу их, тобишь?

— Испугался? — хихикнула Люта.

— Ты мне говорила, девок идем ловить, — он нервозно покосился на застывшую словно камень Шерру. — Ежели девки такие нынче пошли, то я с этим промыслом завязываю.

Ничего не ответив, Люта подставила ему под нос локоны девичьи и что-то пробормотала. Тот раз понюхал, два, кивнул в ответ, забрал локоны, перекувыркнулся в обратку и убежал, только лапы и видели.

— Ну что же, — протянула девица, оглядывая жен, словно полотно с красотами вытканное. — Осталось только ждать.

Глава 17. Красота любит жертвы

Кузнечик скакал по стеблям травы, раскачиваясь при каждом новом прыжке. Гату вытянул руку, подставляя насекомому длинный коготь. Кузнечик послушно запрыгнул на бурую скалу, так кстати образовавшуюся перед ним. Белоглазый внимательно следил за каждым его движением, осторожно поднимая ладонь. Оттолкнувшись легко и непринужденно, стрекозел взмыл в вышину, увлекаемый ветром.

Гату отдыхал. Вот уже вторую луну он работал не покладая рук, поднимая потоптанное хозяйство древлян. Селяне относились к нему хорошо. Невзирая на то, что Гату жил в доме старосты, к нему нет-нет, да и заживали с гостинцами. То бабоньки пареной репы принесут, то мужики вяленого карася подбросят, а уж как пошли грибы да ягода, отбоя не было от этих дарителей. Белоглазому льстило внимание, хотя он и понимал истинную цель своих благодетелей. Чудя холили и лелеяли как дойную корову-кормилицу. Потчевали, ухаживали, но по зиме, коли нужда припрет, запросто могли бы и зарезать. Гату это не обижало.

Разве ж можно винить того, кто не чаёт зиму пережить. Это чудь скитался по земле как перекасти-поле. Его домом знался весь мир, и в то же время этого самого дома у белоглазого не было. Он часто и подолгу рассуждал на этот счет. Хорошо коль есть куда воротиться, когда ждет тебя родной очаг, теплый обед, мягкая постель. А коли нету всего этого, и то ладно. Ежели нет края родного, то нет и изгнания из него.

Полвека Гату скитался под звездами. Полвека искал он родичей и племена иные, что по крови ему равнялись. Иногда находил. Порой уже одни могилы каменные. Случалось и такое, что наткнулся на своих, да те сторонились белоглазого, почитая за прокаженного. Все от того, что чуяли в нем сородичи что-то, что и в страшном сне человеческому сыну не привидится. Носил на своем сердце клеймо белоглазый, что и за сотню лет не сотрется. Тяжелое бремя тащил на своих плечах Гату. Несправедливое и страшное.

Некогда его род был могуч, многочисленен, знал почет, да уважение среди соседей и за тридевять земель, окрест края родного. Беда пришла их же силою оплаченная. Чудь всегда слыли лучшими старателями. Мать-земля давала им все, чего желали дети ее благодарные да послушные. Вгрызались они в твердь, извлекая на свет уж какие сокровища да чудеса. Легенды ходили об их мастерстве, богатстве сказочном. Но однажды чудские старатели откопали то, чему не следовало на свет Ярило али звезд благосклонных являться. В тот день штольни наполнились криком и ужасом, кровью да отчаянием.

Под земной твердью в неприступной скале спало нечто. Никто не знал имени того создания. Раскопали чудские старатели полоза, чье тело было, что добрая река, — конца и края не видать. Ожил полоз и кверху заскользил, стены штольни ломая, словно скорлупку хлипкую. Сказывали такое, что уж на что тварь была жуткой, даже солнце не рискнуло взойти на день следующий. Мрак весь мир сковал, погибель суля детям земным. Бежал род человеческий, птицы да звери. Да что там люди, нечисть лесная да болотная уж на что бесшабашная, дак и то по норам да весям попряталась, развязки страшной ожидая.

И тогда вышли чудь горем опоясанные, всем миром вышли на бой с полозом, все как один, плечом к плечу встали. Ох, и тяжело пришлось им. Гиб чудской люд десятками, землю мать телами устилая, аки ковер погостовый. Полоза не брали ни топоры, ни мечи, ни копья. Стрелы от его шкуры только отскакивали, лишь щекоча змея проклятущего. А полоз жрал их,

ломал, калечил, в сырую грязь вбивал. Когда от великого племени осталась горстка шаманов, ходящими звавшимися, те встали насмерть и шагу более мерзкой твари не сдавая. По их пятам шли девы священные, их жены и матери — зрящие. Положив ладони на плечи мужей, они отдавали себя, всю свою силу и жизнь защитникам передавая. И тогда на остриях копий чудских вспыхнули алмазы злые, хищные, да дюже острые. Пробили чуди шкуру зверя неистового, к земле пригвоздили его.

Как не кололи да резали, — живет исчадие недр, не испускает дух. И тогда первомать Кая, старшая роду чуди, руки простерла на раны полоза, разверзла плоть, да сердце червя вырвала. Есть зло, кое не надобно пробуждать. Есть двери, кои нельзя затворить. Но можно подпереть, засовов навесить да забыть. Авось, канет в лету? Чудские девы из тех, что в живых остались заклили проклятое сердце полоза, в камень его обратив. Застыл червь поганый да издох. Тело его лоскутами распалось, кровь зеленая шипящая залила землю несчастную, пороча да отравляя. Сердце полоза, в камень заклитое, в самую глубокую штольню забросили. Завалили ходы и город свой с землей сровняли. Даже название его со всех карт вымарали, чтоб никто и никогда не нашел больше того ужаса.

Но умны были чудские предки, прозорливы да в силах своих расчетливы. Едва сердце полоза похоронено, а уж легенда родилась — вернуться на свет суждено твари подземной. Ничто не удержит зло. Вернется однажды гад пробужденный. Да только без тела. А значит искать будет змей себе пристанища. Так вот, чтобы спал полоз, род чуди, пробудивший его, клятву дал сам себе — до скончания дней своих и дней детей, и дней детей от детей бдеть покой камня проклятого, кой Ангатиром назван был. Их сердца на веки с камнем стали связаны. От того, зрящие девы чудские не могли покидать края родные. Без их тепла и заботы, беспокойны сны у камня проклятого.

Шли годы, а род чуди редел, будто болезнь какая его скашивала. Деток меньше нарождалось, а взрослые слабли. Шаманы забывали предков заветы да бывшие знания, старатели искусство свое понапрасну растрчивали да корысти людской все чащи поддавались. Ходящие в земли далекие отправлялись, да так и не возвращались. Так и случилось, что Гату да девы его едва ль не последними из рода, что полоза сразил, жить и остались.

Из дум, белоглазого вырвал окрик веселый, да залихватский:

— Здоров будешь, чудь дорогой!

Гату так и лежавший на траве, приподнялся на локтях, взглядываясь в лицо говорившего. На полянку вышел мужичек. Щупленький, кривенький, невзрачный, как галька речная. Копны волос на челе, что твой стог сена. С неохотой встал Гату, все так же пристально на незнакомца взирая, да вымолвил:

— И тебе не хворать, ночной охотник.

— Экий, ты шустрый, — ответил мужик, зубами оскалившись. — Узнал, стало быть. А как, ежели не секрет?

— Запах, — буркнул Гату. — Чего ты хочешь?

Мужичок помялся, а у самого глаза словно виноватые.

— В общем, тут какое дело... — начал он, аккуратно подбирая слова. — У тебя жены есть, четыре девы красные, аки солнышка. Так вот я знаю, кто их похитил.

Гату аж пот прошиб.

«Как похитили?».

«Опять?».

«Да что ж за люд-то пошел?! Житья же не дают!».

— Говори быстрее, — рыкнул обычно спокойный Гату. — Что стряслось?

— Они в плену у одной ведьмы. Ее, значит, Лютой ключут, — волколак вздохнул, едва ль не слезу вот-вот пустит. — Я и сам у нее в услужении не по воле доброй. Вот... тебе просила передать.

Белоглазый принял сверток. В нем лежали четыре локона. Поднес он их к губам, запах вдохнул. Признал.

— Что она хочет?

— Чтобы ты сам пришел. Токо с ним очно, стало быть, буду говорить. Так повелела сказать.

Гату призадумался. Долг древлянам он не выплатил. Староста рассчитывал на помощь, да так радовался искренне, когда согласился чудь. Но девы снова в плену, камень этот еще, будь он не ладен. Каждую ночь кошмары насылает, будто уже пробудился окончательно. Белоглазый все гадал, почему на сердце дурно, что его дух тревожит. Вот загадка-то и нашла отгадочку.

— Приведешь к ведьме этой?

— Приведу, — кивнул мужичок. — Токмо путь не близкий, лучше прямо сейчас и отправиться.

— Не могу, — покачал головой Гату. — На меня люди рассчитывают. Нуждаются во мне. Пойду к старосте Тишило. Он хороший человек, будет добр, поймет мою нужду.

На том и порешили. Волколак в селение не пошел, у леса чуди остался дожидаться. Гату шагал, голову повесив.

«Как им сказать? Как забрать надежду, как пламя вспыхнувшую?».

Постучавшись в дверь дома старосты, Гату вошел хмурый, что грозная туча. Староста по-своему это истолковал.

— Хворь напала, Гатушка?

— Идти мне от вас надо, Тишило... — ответил белоглазый, не привыкший ходить вокруг, да около. — В беду мои жены попали. Вызволять надобно. Не серчай да лихом не поминай, но ухожу я.

— Ну, что ж... — раздосадовано протянул староста. — Надо, так надо. Дай хоть в дорожку тебе чего соберем.

— Не надо. И на том спасибо, что понимаешь меня, да не обижаешься.

— И слышать ничего не хочу, — бросил староста, замахав руками. — Что люди скажут, коли узнают, что от Тишило гость дорогой с пустыми карманами ушел? Посиди, я ща.

Белоглазый покорно присел на лавку, не желая обижать хозяина. Тишило выбежал во двор. Некоторое время его не было, а как воротился, с улицы крикнул:

— Гатушка, выходи, собрали мы тебе добра в дороженьку.

Едва белоглазый показался на пороге, замер, взирая на селян собравшихся. У кого вилы в руках, кто при мече, аль топоре. На крышах лучники сидят, стрелки на тетиву укладывая.

— Уж теперь ты не серчай, Гатушка. Я ж с тобой, как с родным, а ты вона как. Ну, тогда и мы вона как. Не хошь по добру, будем, значит, по принуждению. Доработает, сколько было условлено. Потом иди, хоть на все четыре стороны!

Гату ничего не ответил, только подумал.

«Вот же дурень. Всю деревню пригнал. Детьми да бабами ты от меня закрываешься? Думаешь, не стану при них вас крушить да ломать? И правда не стану. Да токмо не

удивительно теперь, что вас хазарин так посек. Видимо, было за что».

Белоглазого связали по рукам и ногам, все время держа наготове оружие. Меж тем, плотники работали, как муравьи. Для чуда клетку навесную строили, боясь к ночи не поспеть.

«Какие вы, оказывается, старательные можете быть! Диву даюсь, — думал Гату, с усмешкой поглядывая за их работой. — В деревне забор починить не поспевали, а тут целый дом для меня справили за день».

Дальнейшие дни стали для него сущим рабством. Утром едва живого Чудя выволакивали из клетки, которую на ночь поднимали над землей. Накормив жидкой кашей, разбавленной опилками, его вели на речку, где Гату искал для селян золото. На обед не водили, сами при том меняли караул. А уж сколько людей его охраняло. Нет бы работать такой сворой, эт нет, лучше смотреть, как другие за них работают. К ночи его приводили в деревню, кормили той же утренней холодной кашей и поднимали над землей в клетке.

Когда небосклон заволакивало мраком, Гату по долгу стоял, ухватившись за решетку, и глядел вдаль.

«Где вы, мои милые, любимые? Не обижает ли вас ведьма проклятая? И что ей, заразе лесной, от меня-то надо?».

Иногда Гату слышал, как через деревню крался волколак, что принес послание. По началу белоглазый надеялся, что оборотень сможет его тайком выпустить, да скоро от этой мысли отказался. Мужичок был дюже робок, супротив охраны, которую Тишило приставил к чуду. Всегда кто-то бдел покой пленника, костер рядом с клеткой поддерживая.

Сидя одной лунной ночью, Гату с удивление заметил дочку старосты, которая кралась через двор. Подойдя к клетке, она переполошила стоящих в карауле мужиков.

— Златка, ты чего тута шарить?

— Поесть вам принесла молочка с пирожками.

— Ух ты ж, умница какая! Не даром у тебя папка такой счастливый ходит. Дочка у него — речное золото!

— Опустите клетку, я Гату тоже угощу.

— Не положено, Златонька, — возразил ей чернявый охранник. — Это ж чудь. Он земли ежели коснется, нам всем тут несдобровать.

— Не опускайте до самой земли. Пирожок ему дам, да подымите сразу. Не по-нашему это есть, когда другой впроголодь живет да на нас же и трудится.

Мужики в бородах почесали, покумекали.

— В принципе можно. Мы ж тоже не звери какие.

Когда клетку опустили, Злата осторожно просунула руку через решетку, опуская на ладонь Гату два пирожка.

— Не гневись на моего тятеньку, — молвила она тоненьким голоском. — Он человек не жадный и добрый, просто очень за нас боится. Он же староста, кому как не ему за все ответ держать.

— Не буду, — кинул чудь, принимая угощение. — Спасибо тебе.

Так и повелось, стала Златка к чудю по ночам иногда захаживать. Всякий раз приходиться не удавалось, батька иногда подолгу не спал, а порой запирал дочь безо всякого на то повода. Отчего он то делал? Да кто ж знает. Только вот однажды ночью заместо дочки, сам явился да с пол деревни с собой привел. Все кричал, пальцем в клетку тыча.

— Сюда его давайте! — ревел староста, обливаясь слезами. — Сюда, говорю! Опускайте

эту клетку окаянную! Сюда его!

Гату с удивлением понял, что староста навзрыд рыдал, волосы на себе рвал да вопил как раненный. Едва клетка земли коснулась, да открыли ее, чудя выволокли да так лупить начали, что тот уж решил «все, вот и пожил я». Староста на силу остановил разъяренную толпу, которая уже прилаживала к столбам веревку с петлей.

— Что ты с моей Златкой сделал, морда белоглазая? Что ты с ней сделал, сучий ты сын, отвечай?!

В сонме выкриков и ругательств, Гату никак не мог понять, что происходит и чего собственно от него хотят. Тишило вопил как ополоумевший. Он спрашивал и снова орал, не давая ответить. Тряс кулаками перед рожей и рвал на себе рубаху. Вдруг Гату почувствовал на себе чей-то взгляд. Было такое мерзкое чувство, будто змея по шее проползла, холодная да склизкая. Подняв глаза, он уставился на жену старосты Устинью. Красивая, лет на двадцать старосты младше. Губы полные яркие, словно малина, глаза большие и ясные, чистый изумруд. Кожа белая, морщин не знавшая. Женщина смотрела на чудя, едва скрывая торжество.

«Чему же это ты, девица радуешься?».

Наконец в веренице ругательств и побоев, Гату сумел до старосты докричаться.

— Какая вина на мне, Тишило?

— Дочь моя мертва!

— Я все время на виду у всех! Ты ж сам знаешь?

— Дак, а кто тогда? — возопил староста, чудя за грудки хватая. — Отвечай! Все видели, что она по ночам к тебе еду носила! Рассказали мне поганцы, заразы, сволочные паскудники, неблагодарные!

— Тишило, позволь мне увидеть ее.

— Потешаться своей работе будешь?

— Ну так убивай! — взревел чудь, глазами сверкая. — Убивай, ты же за этим пришел.

Что ты со мной лясы точишь?

— Ладно, — промычал Тишило, слезы утирая. — Пошли, гад. Посмотрим, что ты мне скажешь, а я на рожу твою бесстыжую погляжу.

Толпа двинулась за старостой, который безостановочно плакал, не стесняясь селян да не скрывая чувств. Он был убит горем. Дойдя до родного терема, Тишило поглядел на него, словно не узнав. Староста смотрел на дверь, не решаясь войти. Там лежала его дочь. Неживая.

— Иди, — прошептал Тишило, всхлипывая. — Я не могу.

Гату кивнул и вошел в дом. Пройдя через горницу, он свернул к печи, туда, где любила спать Злата. Еще когда белоглазый жил у старосты, девчонка часто просила его посидеть с ней вечером да рассказать сказку, пока та засыпала. Добрая она была, такая чистая и светлая. Там Гату и нашел ее тельце. За печкой. Лежит, ручки на груди сложила, а глазки и губки нитками заштопаны. Присмотрелся чудь к стежку да внутри весь сжался, от ярости закипая.

— Тишило! — крикнул Гату, выглянув на улицу. — Поди-ка со мной.

— Ежели ты что удумал, выродок... — прохрипел староста севшим голосом.

— Поди, поди, — поманил чудь. — Я ослабший, сам знаешь, ежели что, ты со мной справишься.

Староста обернулся на толпу, застывшую подле него.

— Дом окружить. Ежели закричу, ломитесь во все двери и окна. Чудя убить на месте.

Злобно зыркнув на белоглазого, староста, покачиваясь, будто был пьян, нырнул в дверной проем. Гату вошел следом и едва не врезался в Тишило. Тот замер, не в силах идти дальше.

— Надо... — шепнул Гату. — Иди, коли хочешь узнать, кто это сделал.

Староста совсем оробел. Ноги трясутся, руками шарит перед собой. Упал он на колени, зарыдал. Да так и поплелся к телу своей ненаглядной доченьки. Сел рядом да гладит ее. Ладонки сжимает, дует на них, словно оживить надеется.

— Почему ты решил, что это я с ней сделал?

— Все знают, что у вас так мертвецов хоронят. Глаза да губы зашивают, чтобы покойник из земли не воротился, дороги не увядав, да спросить не можа.

— Это байки, которые придумали для вас, чтобы вину на других скидывать, — белоглазый покачал головой. — Так ведьмы молодых девушек губят, чтобы время да красоту их забрать.

— Как это? — староста аж побледнел со страху. — Это что ж... Щепетуха, мать ее за ногу... Мою Златоньку?

— Ты на стежок посмотри.

— А что с ним? — хлюпая от слез, прошептал окончательно запутавшийся Тишило.

— Не признаешь? На сарафан жены своей молодухи посмотри. Справно она вышивает, ни с чем не спутаешь.

Староста выпучил глаза да затрясся весь.

— Она же не мать ей, верно сказываю? — продолжил Гату. — Мачеха?

Тишило не ответил, побагровел словно вареный рак.

— А-а-а-а! — заревел он, выбегая во двор. — Ах ты сука такая! Ах ты ж лихо! Бельмс на жизни моей! Убью! Убью, гнида собачья!

Гату устало облокотился на стену и закрыл глаза. Шум снаружи дома начал удаляться. К крикам добавились истошные вопли женщины, которую тащили на казнь. Постояв немного, приходя в себя, белоглазый вышел на улицу. Никого.

— Вот ты и заплатил себе сам, староста, — пробормотал в пустоту Гату, и опустив руки наземь тихонько побежал прочь.

Когда он вышел к лесу, от тени деревьев отделился силуэт, похожий на волчий, увлекаая за собой.

Глава 18. Зарок

На поляне было необычайно тихо, разве что хрупнет где-то ветка под зверем или же подаст голос птица. Даже ветер и тот стих, поддавшись лесному безмолвию и покою, не колыша и листочка на дереве. Люта запрокинула голову и посмотрела вверх, невероятно синее безоблачное небо затопило сознание, развеивая тяжесть последних дней, проведенных в бесконечных наставлениях и учебе. Пахло душицей и мятой, Яга снова заварила свой травяной чай. Иногда Люте казалось, что в нем есть что-то еще, потому что как бы она не старалась, а у нее не получалось заварить такой же. Уж сколько не выспрашивала, все без толку, не признается старая.

Девушка прикрыла веки, наслаждаясь теплом и коротко рвано выдохнула. Не получалось дышать глубоко и ровно, боль в боку не давала сосредоточиться. Хоть сколько Ягиня говорила ей, мол, научись дышать, боль и перестанешь чувствовать, да только как тут дышать научиться, когда, что ни движение, так будто режет кто на живую. Люта слегка пошевелилась и тут же поморщилась. Ну вот что ты будешь делать с этой напастью! И надо же было так неудачно упасть с Тодорки.

Девушка, крича и держась за отбитый бок, поднялась с травы и медленно побрела в дом.

— Что, сильно жизнь побила? — насмешливо отозвалась Яга от печи. Она подхватила чугунок с отваром и поставила его на подоконник остывать.

— Не жизнь, а Тодорка, — проворчала в ответ Люта, глубже вдыхая аромат трав.

— Ой ли! Тодорка ее тут катает, а она еще и жалуется, — Яга замахнулась полотенцем на ученицу, глядя как та, охая и подвывая, пытается отскочить.

— Говорила же, нечего мне на лошадей влезать, вот не умела и не надобно!

— Откуда ж знать тебе, что надобно, а что нет? Сказано будешь учиться, значит будешь.

Люта на это только фыркнула, опасливо косясь на полотенце в руках наставницы. А ну как превратит это полотенце в змеюку и кинет в ученицу, она и не такое может. Девушка опустила на скамейку, облокотилась на бревенчатую стенку и вытянула ноги.

— Скажи, Ягиня, а могло быть так, чтобы не стала я такой?

— Эт какой?

— Убийцей.

Яга грохнула глиняной кружкой по столу и раздраженно обернулась к ученице. В глазах женщины сверкнули молнии.

— Эк как ты заговорила, убийцей! Не стала бы убийцей, стала бы мертвой! Уж выбирай, чего тебе больше надобно.

— Но Морана отметила меня, значит зло во мне, так? — Люта говорила тихо, глядя себе под ноги, не поднимая глаза на рассерженную наставницу. Стыдно было и за то, что делала и за то, что должна будет сделать, но должна ли?

— Отметила она тебя уже давно, — истерзанное полотенце шлепнулось на стол, а удивленный взгляд Люты наконец-то был направлен на Ягиню.

— Не правда, сама я ее впустила и силы эти от нее получила, иначе давно б уже колдовала направо и налево. Я ж помню, помню, как Броня сказала мне помолиться Моране и сила ко мне придет. Я ж с дуру так и сделала!

Вскрик Люты оборвался звонкой пощечиной. Девушка схватилась за ужаленную щеку и поджала губы, со злостью глядя на Ягиню.

— Придти-то пришла сила, да не Мораны, глупая ты девица в голове водица! Сила рода пришла к тебе, твоего рода. Все женщины в роду были с силами, у кого меньше у кого больше, все они Моране молились с детства, да на тебе прервалось все.

— Как так прервалось?

— Так сама же знаешь, как. Что тебе тетка сказала перед смертью, ну-ка вспомни.

«И мать твоя померла не сама. Ужо я подсобила...».

Вновь Люту злость взяла жгучая. Быстро боль да обида забывается, когда живешь в покое да сытости, вот только нельзя забывать, не ей уж точно.

— Ежели не померла бы мамка твоя, так и молилась бы с ней вместе Моране Черной Матери. И сила бы проявилась раньше, и знала бы науку колдовскую, а не сейчас заглатывала бы все скопом, до каши склизкой в голове. Пойми, Люта, все, что происходит с тобой — твоя судьба. Не быть тебе женой, не быть матерью, не быть простодушной селянкой, не про тебя все это. Вот только не потому что Морана тебя отметила, а потому что ты свой выбор сделала, и не спорь!

Ягиня прикрикнула, видя, что Люта уже готова возмутиться, мол, да как же так, сама говоришь — судьба такая, а тут же противоречишь.

— Тебя кто заставлял кости окроплять да в верности клясться? Верно, никто. Ты выбрала путь мести, а не смерти, так будь добра идти по выбранному пути с достоинством, а не сомнениями.

— Ведьма, просыпайся, ведьма я тута поесть поляночку наметала, а ты все бормочешь тут чегось, да мечешься аки в бреду каком. Ведьма!

Громкий бас раздражал слух, а крепкие руки трясли что есть мочи Люту, которая из всех сил цеплялась за сон и аромат душицы и мяты, пропитавший все избушку Ягини. Но неугомонная Латуга трясла так, что и душа могла ненароком вылететь из тела.

— Да отстань ты! — ругнулась на попутчицу Люта, отмахиваясь от назойливой девки. — Встаю уже.

— Ну ты и спать, — протянула Латуга, плюхаясь обратно на бревно перед небольшим костром. — Я уже и умылася, и кушать приготовила, и девок энтих обсмотрела в который раз, а все одно не пойму, на кой они тебе. Да ты кушай, давай, чего моргаешь?

Люта на очередную бессвязную тираду только вздохнула тяжело, в очередной раз представив, как отрезает девке говорливой язык, и не спеша отправилась к речке. Хотелось не просто умыться, того лучше поплавать, да только вряд ли время у нее есть на то, кто знает, когда гость дорогой пожалует.

Обратно вернулась быстро, оглядела поляну, гость не прибыл еще, зато девка толстая опять скачет вокруг застывших жен. И неймется же.

— Отойди от них, Латуга, — спокойно попросила Люта, беря в руки лепешку и надкусывая.

— Дык думаю, можа покормить бедолаг, а? Расколдуешь их на пяток минуточек, а я быстренько им скормлю чегось. Помрут же еще.

— Не помрут. Они под заклятием этим могут годами лежать и ничего им не станется.

— Ох ты ж батюшки, — запричитала девка и опустилась остороженько рядом с Лютой. — Я вот чо думаю, ну пошто они тебе, болезные? Они ж зла никакого не сделали, ну отпусти бедненьких. Можа муж энтот и за так тебе поможет. Не все ж злыдни какие.

Люта проглотила кусок лепешки, отхлебнула водицы и медленно подняла взор на Латуту, пристально глянув той в глаза. Простодушная девица поежилась, уж вроде и не боялась ведьму, а в такие вот мгновения хотелось убежать с криками прочь.

— Тебя то волновать не должно. Ты пошла за мной, не спрашивая ни кто я, ни куда иду, а значит молчи и выполняй то, что прошу, а ежели не можешь, так уходи, я не держу. Не было еще человека, который за так бы мне помог, всем надо было чего.

— А я? — Латута так проникновенно сказала это, что Люте на мгновение стыдно стало, но только на мгновение.

— Так ты ж сама сказала, что с ведьмой путешествовать мечтала. Значит и со мной пошла не за просто так.

Латута примолкла и сникла. В сторону жен она больше не смотрела, разве что бросала на Люту взгляды беспокойные и виноватые, отчего девушке хотелось весело фыркнуть и засмеяться. Надо ж быть такой дурой бесхитростной.

Внезапно лес встрепенулся, весь зашевелился, прокатился ветер, приподнял подол платья, взлетел повыше, взъерошил волосы черные и шепнул на ухо Люте, отчего улыбнулась она и встала, расправляя юбку смятую. Пожаловал гость дорогой.

Сдержанный рык и испуганный возглас Латуты, а после и ее обморок, подсказал, что гость явился пред очи ясные. Когда из-за деревьев на поляну выступил чудь про которого так много Люте рассказывала Ягиня, девушка на миг даже дыхание задержала, так любопытно ей было. Поначалу подумалось, что и не человек он вовсе: ручища могучие ниже колен, патлы седые спутанные на плечи спадают, а глазища-то как сверкают со зрачком вертикальным, будто змеюка какая. Чудь белоглазая. В миг в памяти слова Ягини пролетели птицей испуганной:

— *Попадется синеглазый, говори с ним быстро да движений резких не делай, а не то догонит в миг и разорвет, что и не было. Ежели все равно ринется на тебя, порошок держи в кулачке дурманный, подберется, а ты ему в морду дуй. Понятно?*

— *Понятно. А ежели не синеглазый попадется?*

— *А ежели не синеглазый, то обратно я тебя не жду.*

«Не синеглазый, — как-то обреченно подумала Люта. Не стоило сомневаться, что с еето удачей непременно белоглазый прискачет. — Вот же волчище...».

Сам волколак нигде не виднелся, даже хвост не промелькнул, вестимо надеялся, что чудь под шумок освободит серого от повинности служения. Ну да не на ту напали.

— Убьешь — с женами своими можешь попрощаться! — через чур громко прокричала Люта, выдав с головой свой страх. Она дернулась было в сторону окаменевших на земле женщин, но остановилась.

Чудь замер, глядя словно сквозь нее. Нельзя было во взгляде том разобрать эмоций и желаний. Он молчал, но молчание то было красноречивее любых ругательств. Люта почувствовала трепет перед древней, чуждой ей силой. Она словно смотрела в темный омут лесного пруда, ни дна не видать, ни того, что во мраке скрывается.

Люта сделала шаг назад и показала чуть подрагивающей рукой на статуи.

— Заклятие на них только я снять могу, так что говорить со мной тебе придется, а то и что скажу исполнять.

— А ты выросла, — наконец, проговорил чудь низким тягучим как сосновая смола голосом.

Видно было, он торопился и путь его сильно измучил. Под глазами пролегли тени, от

тяжелого дыхания грудь медленно поднималась и опускалась, словно бы через силу выталкивая воздух из легких и вбирая его обратно. Он был не просто худой, а изможденный работой ли или едой скудной, кто поймет, да только все равно сила чувствовалась в нем не дюжая. Было в нем что-то такое... Будто на зверя дикого смотришь. Едва ль подбородком поведет, а такая животная грация. Сразу понятно, ежели прыгнет, за порошочком-то рука не успеет метнуться.

Люта прищурилась, недоумевая, откуда бы знать ему выросла она или нет, ежели видятся впервые. Сцепила руки на груди и строго посмотрела прямо в страшные глазищи чуди. Не время предаваться сомнениям или жалости, на поиск другого такого времени нет совсем, да и кто знает, найдется ли, Ягиня говорила кучка их осталась.

— Чего тебе надобно, жрица?

— Ангатир.

— Ангатир, — медленно повторил за ней белоглазый и почему-то хмыкнул.

Теперь он смотрел на нее иначе. От ярости и сосредоточенного вызова и следа не осталось. Но что же это? Жалость? Госка?

— Дев чудских отпусти. Ни к чему тебе пленники.

— Приведешь к камню, отпущу, а пока что будут они для меня заверением, что выполнишь ты свою часть уговора.

Гату вздохнул и отвернулся, глядя на своих жен.

— Тебя когда-нибудь обманывал чудь?

Люта несколько смутилась. На все вопросы и требования белоглазый отвечал непроницаемым спокойствием. Он то ли жалел ее, решая, убить или нет, то ли собирался отговорить.

— Я не торговаться тебя позвала. Цена вот она, перед тобой, за услугу кою ты мне окажешь.

— Не могу я камень тебе отдать, как не понимаешь? Ты вообще представляешь, что просишь? Иная бы на твоём месте просила самоцветов, да речного золота, а ты что? В наместницы темных богов метишь? А не тонка ли шея лебединая для такого бремени? Ноженьки не подломаются?

Люта было собиралась что-то ответить, но чудь продолжил, медленно шагая к ней навстречу.

— Ты задумала выпустить в мир великое зло. Все мое племя полегло, чтобы эту гадь впотьмах штолен упрятать. Думаешь, одна сдюжишь с ним управляться? Девочка, иди к речке да погляди на себя! Куда ты лезешь?

Разозлилась Люта, выхватила кинжал из-за пояса и тут же подскочила к женам чудским. Склонилась над одной из девиц, занеся острие над самым глазом открытым и взглянула на чудь исподлобья.

— Значит умрут они, белоглазый. Наставлять да стращать меня не надобно! Зла и без камня в мире этом полно лукошко, уж мне можешь не рассказывать. Одну убить успею, а остальные так камнем навсегда и останутся, никто их не расколдует. Так что выбор твой не велик. Либо помогаешь, либо в одиночестве подыхаешь.

— Опусть кинжал, ведьма. Не понимаешь ты, чего просишь. Не даст тебе камень ни богатств, ни силы, одно горе принесет и еще большее горе тем, кто дорог тебе. Ежели не для себя камень тот ищешь, так тем более прекрати. Не может быть добра от той пакости, что ото всех спрятана.

Кинжал опустилсЯ чуть ниже, чуть ли не до яблока глазного. Кадык чуди дернулся, глаза немного расширились, а зрачки вертикальные, казалось бы, совсем в нитку сузились.

— Не твоего ума дела, зачем камень надобно достать мне, — процедила Люта. — Знаю, женами ты не пожертвуешь, а значит приведешь к камню. Когда в руках моих Ангатир окажется, тогда и жены твои обратно вернутся. Таково мое условие и другого не услышишь. Чтоб мне пусто было! Чтоб не сносить мне головы! Да закляни меня река, да услышьте горы, оттаять женам чудским только на мою просьбу твоим согласиeм. Решай, белоглазый!

Чудь замер, пристально разглядывая девушку, что так опрометчиво занесла кинжал над одной из жен. На лице его отразились все муки выбора и можно было бы упрямиться до последнего, да только и так от народа его крошки остались.

— Жалко тогда передумал, — угрюмо промолвил белоглазый, покачивая головой, — на полянке-то...

Люта не поняла, о чем толковал белоглазый. Только еще больше осерчала.

— Ну?

— Ладно, сходим за камнем. Будет тебе Ангатир, хоть и предупреждал я.

— Клятву дай.

Чудь возмущенно вскинулся, да только черные глаза смотрели неумолимо. Он кивнул на кинжал в руке девушка.

— Ты купец, тебе в грудь бить. Давай зарок.

— Я — Люта, дочь Любомира. Клянусь, как только получу камень, Ангатиром чудским племенем названный, так жен твоих расколдую, белоглазый.

Люта прочертила лезвием по ладони, оставляя узкую кровавую дорожку. Сжала кулак до боли, аж костяшки побелели. Из кулачка на траву несколько алых капель упали. Затем Люта убрала кинжал и медленно встала, отходя от окаменевших дев.

— Как звать тебя? — обронила она, ожидая от белоглазого ответной клятвы.

Какое-то время мужчина молчал, слышно было только тяжелое дыхание. Кажется, незнакомец словно сомневался, стоил ли говорить имя врагу своему.

— Чудь белоглазая, — мстительно буркнул он, с вызовом буравя жрицу взглядом.

— Мне нужно имя, чтобы принять клятву, — упрямо процедила сквозь зубы Люта.

— Я — Гату. А клятвы ты от меня все одно не получишь. К камню приведу, но отдать не обещаю. Не в моих это силах. Я — ходящий, а они, — он кивнул на дев, — зрящие, тобишь хранительницы. Ты пленила их, что теперь с камнем станется, даже мне не ведомо.

Люта кивнула, делая вид, что соглашается с его доводами. В глубине души она рычала от недовольства. Все с самого начала пошло наперекосяк. Сперва дева старшая, дикая, аки рысь, чуть ее не подрала. Теперь этот явился, муженек-пирожок, смотрит как на червя, разговаривает как с душой. Ничего-то он не обещает, хоть ты режь его, упрямый как баран.

«Ладно, что вести согласился да зарок потребовал и то неплохо, — подумала Люта, стараясь гнать хмурые мысли. — Все одно на крючке он, хоть и морду воротит».

— Когда выступаем? — деловито осведомилась Люта, делая вид, что все идет по ее плану.

— Мне ждать нечего, — пожал плечами Гату. — Сейчас и пойдем. Да только так ты до камня не дойдешь.

Стараясь совладать с эмоциями, Люта глубоко вздохнула, а затем выдохнула. Чудь будто специально над ней издевался, бросаясь ничего не говорящими фразами, заставляя переспрашивать.

— Так это как? — только и смогла из себя выдать Люта.

— Идти далече, на север. Много верст... Зиму там встретим. У тебя ни одежды, ни снаряжения, ни спутников толковых.

— Мне никто не нужен, — заносчиво ответила Люта, да только чудь и слушать не стал, головой качая.

— На севере нурманы хозяйничают, а при тебе волчок малахольный, да баба падучая, это раз. Идти по двадцать верст в день придется, ты то не сдюжишь, это два. В дороге дичь бить не всегда сподручно, то я привыкший впроголодь, коли нужда, а вы сразу костями ляжете, это три.

— Ты что-то предлагаешь? — устало протянула Люта.

— Наемников возьми, пару телег при лошадках да снеси, чтоб не выть волком.

Люта замолчала. Ей стыдно было признаться, что обо всем этом она совершенно не думала. К тому же не было денег, чтобы расплатиться за охрану и провизию. Чудь мгновенно оценил ее замешательство.

— Понятно, — протянул Гату, вздыхая. — Чему-то кроме как убивать да языком молоть как помело, тебя Ягиня научала?

— Откуда ты... — начала Люта, но Гату отвернулся, проходя мимо.

Застыв подле своих жен, он коснулся чела каждой, прижимаясь лбом ко лбу. Задержавшись напротив Шерры, чудь что-то шепнул ей. Люте удалось расслышать только обрывок фразы:

«... береги их...».

Люта хотела было возмутиться, что белоглазый не посвящает ее в свои планы, да скоро так и застыла, зачарованно наблюдая за диковинной ворожкой чуди. Гату сорвал охапку зеленого мха. Осторожно отщипывая растение, он положил его в рот каждой деве. Надорвав сосновую кору, Гату выскоблил смолу и принялся мазать женам веки, предварительно закрывая им глаза. Уложив чудских дев рядом друг с дружкой, Гату сел у изголовий. Нежно потрепав их поочередно по волосам, белоглазый замер. Он дышал все медленнее и медленнее. В какой-то миг Люта поняла, что не слышит ничего в мире кроме его дыхания и стука чудского сердца. Гату закрыл глаза и затаил странную не то песню, не то заговор.

В старой штольне ветер свищет.

Нету больше никого.

Спят кроты, уходят мыши,

Тьма клубится глубоко.

В потолке зияет пропасть,

Очи темные крадя.

Воеет в стенах старой штольни

Тень, на цыпочках бродя.

Нету ей пути на волю,

Для судьбы одна лишь пыль.

Видит вместо солнца пропасть,

Вместо сердца стонет гниль.

Люту аж передернуло от слов Гату. Он шептал их так нежно, словно убаюкивал ребенка, но по спине девушки побежали мурашки. В стороне кто-то ойкнул и зашуршал. Латута, придя в сознание, уж не была рада тому. Безвольно перебирая руками, она пятилась, слясь отползти как можно дальше, что-то бормоча. Ее мелко трясло, а взгляд был прикован к

фигуре Гату. Чудь простер руки над женами. Их тела медленно уходили под землю.

Закончив обряд, Гату поднялся и обернулся, проведя взглядом по лицам девушек так, словно бы не узнавал их.

— Пора идти, — наконец выговорил он, и развернувшись пошел прочь, не оглядываясь.

Глава 19. В путь

Как ни странно, именно Латуга освоилась в обществе чуди быстрее других. Простодушная селянка, едва смекнув, что от громадного чудовища не исходит опасности, начала донимать того расспросами. Люта вполголоса посмеивалась, довольная тем, что внимание сельской дурынды переключилось на новое диво дивное, однако чутко внимала всему сказанному белоглазым.

— А хде вы енто, ну, живете-то, а?

— В землянках, — флегматично отвечал чудь, не отрываясь от высматривания потенциальной опасности.

Гату всегда был осторожен. Оказавшись же в обществе ведьмы и волколака, который вернулся едва они тронулись в путь, чудь стал мнительным. Он не разрешал разводить огонь, ругался, если кто-то ломал веточку на дереве или неаккуратно наступал на траву. Не прошло и часа пути, как Люте прилетело за то, что она в задумчивости пожевав травинку, сплюнула ее наземь.

— Ты чего добиваешься? — зашипел чудь, подскакивая к девушке, глядя с прищуром и подозрительно. — По следу нашему кого пустить хочешь? Нет? Тогда это что?

Он указал на пожеванную травинку.

— Травинка, — ответила Люта, уже жалея о своем поступке.

— Тогда, чтобы всем нам не тратить время, давай ты сразу до ветра сходишь, да потом по деревьям подарков для белок развесишь?

Латуга весело загоготала, но увидев, что чудь и не собирался смеяться, проглотила вырвавшуюся смешинку. Люта же проигнорировала замечания, продолжая закипать.

«Кто тут кого пленил я его или он меня? — гневные мысли метались в голове девушки, подобно молниям. — Строит из себя лешего! Тоже мне, следопыт выискался!».

— От тебя смердит темной силой, — проговорил чудь, не собираясь отступать. — Если ты будешь неосторожна, за тобой увяжется такая хмарь, какую Ягиня тебе и в кошмарах не показывала. Мы не на прогулке и чем дальше, тем будет хуже и опаснее.

— Хо-ро-шо, — сквозь зубы процедила Люта, поднимая травинку и убирая ее за пояс. — Теперь ты доволен?

— Нет, — абсолютно серьезно ответил Гату. — Ты ее выкинешь, стоит мне только отвернуться. Ешь.

— Еще чего! — заносчиво выпалила Люта, окончательно выходя из себя. — Не дожدهшься!

— Ешь, — холодно прорычал Гату, надвигаясь на девушку.

— Тебе надо ты и ешь!

— Да ладно вам! — вмешалась Латуга, вставая между чудью и Лютой. — Эка невидаль, травинка это ж что? Это пустяк.

С этими словами Латуга выхватила травинку из-за пояса Люты и одним махом скомкав, проглотила.

— Опрометчиво, — покачал головой Гату, но не став вдаваться в подробности, двинулся в путь.

Волколак, все время наблюдавший за происходящим, подошел к Люте, осторожно шепнув:

— Вообще-то он прав, так-то... Я бы взял след, если бы наткнулся на такую оплошность посреди леса.

— Сговорились что ли? — выпалила Люта, презрительно сощурившись.

— Дело в твоей крови, — ответил волколак, пожав плечами. — Такие как я ее чувствуют за версту.

— А другие? — заинтересованно осведомилась ведьма.

— Не знаю, но, наверное, тоже. Это особый запах.

— Как это? — не поняла Люта.

— Ну, — протянул волколак подбирая слова. — Понимаешь, я перевертыш, теперь моя жизнь принадлежит ночи. Люди — это создания дня. А ведьмы, жрицы, вы аккурат посерединке, значит. Входи и к тем, и к другим, со всеми своими знаете.

— Но ты тоже можешь войти в людское селение, как человек, — возразила Люта.

— Так-то оно так, — кивнул волколак, почесав за ухом. — Да только то, все одно обманом будет. Не может волк среди стада овец жить, да своего зная. Не протянет долго.

Он кровожадно ухмыльнулся, сверкнув желтыми глазами. Люту слегка передернуло, но девушка постаралась не подать вида, что впечатлена его гримасой. Коротко кивнув, она показала, что разговор окончен, чуть ускоряя шаг, чтобы остаться наедине с мыслями.

«Жрица неумеха! — кляла она себя. — Даже пес шелудивый тебя поучает».

Тем временем Гату постепенно взвинчивал темп. Ему явно не нравилось, что спутники много болтают. То и дело он опускался наземь, принохиваясь и прислушиваясь. Иногда белоглазый пробовал землю на вкус, пережевывая так задумчиво и медлительно, словно пробовал заморское яство. Латута смотрела на него во все глаза, каждый раз спрашивая:

— Ну, чегось? Порядком все?

Гату чаще всего не отвечал, лишь иногда кивая. Задержавшись у одного мощного и древнего дуба, он простоял рядом так долго, что Люта уж собиралась окликнуть.

— До деревни недалече, — сообщил чудь.

— Верно, — кивнул волколак.

— Мне надобно переодеться, — продолжил Гату, обращаясь к Люте. — Если кто спросит, я твой дед, слепец.

— Как угодно, — ответила жрица, едва сдержавшись, чтобы не ответить колкостью.

Чудь развернул до этого сложенный за спиной плащ, накинув его на голову, так, чтобы капюшон скрывал лицо. Ступни с острыми и толстыми когтями, Гату обмотал материей. Сразу сгорбившись, словно его и правда перегнуло под тяжестью лет, он пристроился позади Люты.

— К чему это все? — поинтересовалась жрица, украдкой поглядывая на белоглазого.

— До деревни недалече, — повторил чудь, добавив. — В лесу охотники. Чую. Нашего брата вы люди по-разному встречаете. Кто хлебом, солью, а кто стрелой, да арканом.

— Может обойдем стороной это селение?

— Нельзя, — прохрипел Гату понизив голос. — Это радимичи. Они известные труженики, еду продадут без вопросов. У них же ты наймешь соколиного охотника.

— Это еще зачем? — спросила Люта, мысленно желая выдрать себе волосы от стыда.

— Сокол видит далеко, никто и ничто от него не укроется.

— Дык, как он будет нам о том, чаво увидел сказывать? — влезла в разговор Латута.

— Он своему охотнику будет сказывать, — Гату лишь пожал плечами, словно такое было в порядке вещей. — У сокола и охотника, его приручившего, особая связь.

— Вообще-то я про такое слышал, — задумчиво пробормотал Грул.

— Звериное начало не только в тебе сильнее человеческого, — пояснил Гату. — Вы даже не знаете насколько близки к земле, а все бежите от нее. Избы свои поднимаете, словно сторонитесь, позабыв, кем были раньше.

— Да, все так, — многозначительно ответил волколак, довольно ощерившись. — Городские ну совсем неженки!

На том и порешили. Скоро лес кончился, открываясь полям, кои еще недавно были покрыты деревьями. Огромные вырубki были засажены пшеницей и льном. Меж полей, согнувшись в три погибели, трудились бабы, дергая ботву с грядок. Люта диву только давалась сколько же всего тут росло! Малина, капуста, свекла, репа, горох! Стебли и листья жирные, выхоленные. Сразу видно, работники любую букашку сдувают, да поливают трижды, а то и четырежды на дню.

Едва завидев странную группу людей, им навстречу выдвинулись два всадника. Красивые да статные парни, при луках, уже наизготовку взятых, да при мечях. Осадив коней, едва не врезаясь в прищельцев, парни развернули животин, перегораживая дорогу.

— Здоровы будете, люди добрые, — залихватски крикнул рыжеволосый и по виду лихой мужчина. — Какими судьбами в наши мирные веси?

— И вам не хворать, добры молодцы, — широко улыбаясь отвечала Люта, глядя парню в глаза.

Уж на что и раньше Люта была хороша собой, да получив темное начало Мораны матери, стала и вовсе неотразима. Такова выпала ей судьбинушка, что девка и думать забыла о себе в таком качестве. Что красива она, да любым здоровым мужиком, стало быть, желанна. Молодец, что до этого помалкивал, тотчас грудь колесом выпятил, усы погладив, молвил:

— К кому-то в гости приехали али напасть какая пригнала?

— Окольной тропой мы, — ответила Люта, переводя взгляд на второго молодца. — Я деда к родичам на север сопровождаю. Помирать собрался, а все твердит к отчому дому костями лягу, не оставлю своей головы на чужбине.

— А, так вы словене, значит? — тотчас подхватил нить разговора первый парень, недовольный тем, что внимание столь справной девицы от него отвлеклось.

— По дедушке, — уклончиво ответила Люта. — Найдется ли у вас чего на продажу? Телегу бы нам, да припасов в дорогу.

— Найдись-то, найдется, — кивнул молодец. — Как же вы в дорогу-то с пустыми руками отправились?

— Лихой люд обобрал в пути, — вдруг ответил Гату.

Его голос был по обыкновению низок и скрипуч. Говорил он медленно и негромко, но все тотчас замерли.

— Не держите на дороге старика, — продолжил белоглазый, хрипло. — Чем платить есть, я от разбойников кое-что да утаил.

— Идите, конечно, дедушка, — закивали молодцы, наперебой вызываясь проводить.

— Ступай, внучка, — шепнул Гату, осторожно толкая Люту в спину.

Их провожали заинтересованными взглядами, но не долго. Поняв, что это всего-навсего четыре не самых удачливых путника, бабоньки опускали головы обратно в грядки.

Чичерск на Соже был, пожалуй, самым большим городом, какой Люта видела в своей жизни. Частокол имел двойной периметр. Между стенами возвышались дозорные башни, на

которых скучали лучники. Местами бревна были покрыты копотью, а где-то даже порублены. Тем не менее, все было отремонтировано и смотрелось грозно. Городок явно бывал в руках неприятеля, но жителям каждый раз удавалось его отстоять.

Узкие улицы полнились от народа. Мостовая была выложена бревнами, так плотно подогнанными друг к другу, что и зазора не видать. Все о чем-то хлопотали. Над головами стелился дым от множества печей. Пахло жареной рыбой, выпечкой и соленьями. То тут, то там под навесом стояли бочки с квашенной капустой и прилавки с потрошёной рыбой, здесь же под потолком рыбу вялили. Вообще местные извлекали всю мыслимую пользу из того, до чего могли дотянуться.

Люта заметила, что на улицах шныряли далеко не одни только местные. Попадались и зажиточные купцы, которые степенно вышагивали в сопровождении подручных, внимательно осматривая предлагаемую снедь.

— Они прибывают на кораблях с реки, — шепнул Гату. — Радимичи первыми снимают урожай нового лета. Нам туда!

Чудь снова толкнул Люту в спину по направлению к рядам со скотом. Пегие кони с расчесанными и блестящими на солнце гривами топтались в загоне, по соседству блеяли козы, тут же стояли клетки с тетеревами и рябчиками. Люта, разинув рот, глядела на ручных медвежат и корзинки с ужами, гусей и откормленных поросят.

— Милочка, посмотри какие у меня птички! — крикнул краснолицый мужичок, улыбаясь беззубым ртом. — Все как на подбор красавцы.

В его клетях были черные как смоль вóроны. Птицы были необычайно спокойны, но одного взгляда каждой хватало, чтобы наводить ужаса. Они выглядели умными и мрачными. Люта тотчас пожалела, что не может взять себе такого.

«Выучить бы его! Только чему? Ворожбе, вестимо! Ни в жисть тому быть, чтобы пропадала такая тьма, наверняка, все понимает и многое знает».

Проходя мимо веселого краснолицего мужичка, она только вежливо покачала головой, улыбнувшись. У следующего прилавка скучала пожилая женщина. Рыжеволосая настолько, что ее локоны казались пунцовыми, она нагадила Люту весьма недружелюбным взглядом, ничего не сказав. Баба явно не видела в малахольной девице своего покупателя. В клетях торговли сидели небольшие, но статные птицы. Рябой окрас и загнутый клюв с желтизной, карие, суровые, словно принадлежащие воину глаза.

— Соколики, — охнула Латута.

Гату осторожно коснулся руки Люты, останавливая девушку.

Торговка слегка оживилась, впрочем, не выказывая особого восторга от внимания потенциальных покупателей.

— Продаете? — осведомила Люта.

— Муж натаскивает, тут ничего не продается.

— Нам... — Люта осеклась. — Мне нужен охотник при соколе. Есть у тебя кто на примете?

— Может и есть, а кто спрашивает? — нагло поинтересовалась баба, подбоченясь.

— Добрые люди испрашивают, — проскрипел Гату из-за спины Люты.

Девушка почувствовала, как чудь что-то положил ей в ладонь, подталкивая к прилавку.

— Мы найдем охотника при соколе. Работа до листопада, но плата хорошая.

Люта не глядя передала женщине то, что получила от белоглазого. Раскрыв ладонь, баба присвистнула. В ее руке, переливаясь на солнце, лежал изумруд размером с сосновую

пишку.

— Это задаток. По окончании дела, я дам такой же, — сообщил Гату и выжидающе замолчал.

— Эх, пришли бы вы неделей раньше! — посетовала баба, разглядывая камень и натирая его краем передника. — У меня шестеро позавчера в леса ушли. Теперь явятся не раньше новой луны. Хотя... Вы можете к ним в сторожку наведаться. Они туда ночевать нет-нет да заходят. Дед, ты по лесам как? Ходок?

— Сдую, — проскрипел Гату. — Сказывай как идти.

— Это парням моим отдашь, — сообщила женщина, протягивая Люте какой-то предмет. — Они поймут, что я приняла оплату.

В ладони жрицы оказалась вещь напоминающая медальон. Это был вырезанный из дерева круг, в центре которого нарисован глаз.

Пока баба описывала волколаку, как пройти к охотничьей сторожке, белоглазый коснулся спины Люты, увлекая ее в сторонку.

— На нас пялятся?

— Да не особо. Народу прорва сегодня, никому нет дела.

— Это хорошо, — Гату вздохнул, кряхтя, как всамделишный дед.

«Спина небось уже затекла играть согнутого старикашку», — догадалась Люта.

— Сейчас пойдем к плотнику, телегу надо, чтобы справили на заказ. Ты в лошадях понимаешь?

— Нет, — нехотя призналась Люта.

— А Латуга?

— Я да! — с готовностью закивала, подскочившая девушка. — Я завсегда! Я их просто обожаю, так бы и жила с ними вовек!

— То, что нам надо, — ответил Гату.

Люте показалось, что она уловила смешок в его голосе.

— Выберешь двух кобылиц. Смотри на зубы и копыта. Подкованных не бери, сведем к кузнецу сами. Смотри, чтоб ни одного седого волоса в гриве и хвосте, не стесняйся поковыряться.

— Может, волколак лучше справится? — с сомнением протянула Люта, глядя на то, как сверкала глазами от важности своей задачи Латуга.

— Его нельзя пускать близко к лошадям. Могут признать зверя. Тогда тут такое начнется... Того и гляди, до меня тоже дойдет.

— Да что ж вы людей-то все так да растак! — затянула любимую песню Латуга. — Я смотрю, тут каких чудес только нет! Наверняка и к чуди они привычны.

— Латуга, ты уразумела свое поручение? — проигнорировав тираду размякшей от новых впечатлений девушки, осведомился белоглазый.

— Уразумела, — с обидой протянула та.

Чудь не ответил, лишь подтолкнул Люту в спину. Девушка нервозно дернула плечом. Ей уже до дури надоело подобное обращение. Не успев попасть в ее руки, чудь принялся вести себя так, будто он главный. На все вопросы и просьбы отвечал, как Люте казалось, либо снисходительно, либо не так как девушка ожидала. А еще все время путал и нагонял страху.

К исходу дня из северных ворот Чичерска выехала телега, запряженная парой пегих кобылиц. На облучке сидел согнувшийся под тяжестью лет старик, лицо которого скрывал капюшон. Позади него на подстилке из соломы довольно восседали две девицы, да

щупленький мужичонка. Волколак рассеянно жевал полоску солонины, похлопывая ладонью по мешку молодой репы. Здесь же лежали несколько свертков с вяленным мясом, бочонок с капустой, да дюжина подсушенных караваев. Сама телега была новехонька и даже не скрипела. Гату очень придирчиво проверял покупку, пробуя колеса на прочность, но все же остался доволен.

Латуга восхищенно вертела в руках новенький полушубок и вязанные перчатки, Люта примеряла валенки, и то и дело заматывалась в шерстной шарф. Глядя как девки довольны обновками на грядущие заморозки, волколак посмеивался, то и дело подмигивая Латуге.

Когда над миром разлились сумерки, а городок остался далеко позади, Гату избавился от плаща, скатав его и убрав за спину. С наслаждением распрямившись, он спрыгнул на землю и поцеловал ее. Не обращая внимания на притихших спутников, белоглазый, в несколько прыжков оказался на ветвях могучего вяза. Люта никак не могла поверить, что все происходящее с ней — явь. Она в компании одного из самых древних и загадочных существ, ехала на край света, чтобы украсть сокровище его народа — могущественный Ангатир. Словно услышав ее мысли, Гату обернулся. Их глаза встретились. Уже в который раз Люта подивилась тому, что в них увидела. Белоглазый не выглядел рассерженным, не смотрел на нее с ненавистью, хотя имел на это полное право. Он был собран и напряжен как тетива лука, готовая метнуть острую колкую смерть. Спустившись наземь, чудь сообщил:

— Заночуем здесь.

— Тебе надо спать? — подивился волколак.

— Им надо, — ответил Гату, привычно не отвечая на поставленный вопрос. — Разведи костер и поставь котелок с водой греться.

Не дожидаясь ответа, чудь развернулся и исчез в кронах деревьев. Волколак рассержено глянул на Люту.

— Что? — потупив глазки, ухмыльнулась жрица. — Ты его слышал.

— Когда это я вам в услужение нанимался? — пробубнил волколак, тотчас принявшись собирать хворост.

— Если хорошо поможешь, я не только верну тебе клятву, но и вознагражу, — обронила Люта, придумывая, чего бы такого посулить оборотню.

Волколак что-то пробубнил в ответ, но девушка его уже не услышала, отошел далеко. Гату вернулся, когда костер сладко почмокивал горящими поленьями, разгоняя подступивший мрак. Над огнем испуская пар покачивался котелок с водой. Латуга дремала, привалившись щекой к плечу Люты. Жрица поначалу было осерчала на это. Мало того, что девица была дюже тяжелой, так еще и позволяла себе лишнее. Но, посидев, так и не решилась ее оттолкнуть. Спокойнее что ли стало от тепла доброй деревенской болтушки.

Волколак, помаявшись от скуки, отправился гонять в ночи зайцев. Оставшись наедине с белоглазым, ведьма немного напряглась. Оба молчали. Обстановка вроде бы располагала к беседе, сон никак не шел, но о чем можно говорить с тем, чьих родичей ты удерживаешь силой?

— Как ты узнал про Ягиню? — решила наконец Люта.

— Что именно? — помедлив, ответил Гату, словно не сразу сообразив, что обращаются именно к нему.

— Ты спрашивал, чему она меня учила, кроме как убивать.

— Это не было вопросом, — после недолгой паузы откликнулся чудь. — И так вижу, что ничему.

Люта лишь на миг захотела огрызнуться, поскольку чудь привычно не ответил на вопрос, но сказывалась усталость.

— Так как ты узнал, что я у нее училась, Гату?

Чудь поднял на девушку свои жуткие глаза. В них отразилась тоска и какое-то новое чувство. Но что это?

«Словно отец смотрит», — промелькнуло в мыслях Люты.

— Ты не первая, кого она отправила за Ангатиром, — ответил белоглазый, когда Люта уж отчаялась что-либо услышать. — Я встречал иных ее учеников. Вы по-особенному пахнете. И, конечно, сила. У каждого она была своя, но я чую касание Ягини. Она заносит червоточины в ваши сердца.

— И много их... было?

— Порядком, — кивнул Гату. — Таких, чтоб моих жен пленили встречаю впервые.

Люта прикусила язык, не зная, что сказать.

— Я дала клятву и могу повторить ее вновь. Им ничего не угрожает. Моя ворожба сойдет, как только ты отдашь камень. Мне... правда жаль, что пришлось так поступить. Но у меня нет иного пути. Нет выхода. Это ты живая легенда, бродящая по лесам и горам от Озерного края до Гостеприимного моря. А я простая девушка, которая попала в беду.

— Не пытайся мне ничего объяснить, — покачал головой Гату. — Мы не станем от этого друзьями. Каждый сделает то, что должно. Коль встала на путь зла, иди, не сворачивая, иначе будет еще хуже, чем прежде.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — заносчиво прошипела Люта и, грубо сбросив с плеча охнувшую Латуту, отвернулась. — Хватит лясы точить, спать давно пора.

Чудь промолчал.

Глава 20. Словно тень от беды

До охотничьей сторожки не так и далече было, да только Люта все одно умаялась. Не столько тряска в повозке, сколько осуждающий взгляд белых глаз не давал ей покоя. Уж посмотрите-ка на него, друзьями они не станут. Больно надо! Нет друзей у нее, есть союзники, да как Ягиня завещала — с клятвой данной на крови. Жаль легче от таких убеждений не становилось. Казалось, укоряет белоглазый ее за все и ни за что разом. Вроде только водицы попила и тут же на гляделки эти наткнулась и вина наваливается удушливая. Сходила до ветру, вернулась и вновь буравит глазами своими, следит значит, — а ну как вытворит ведьма чего. Каши наварила, травок чуть для аромата добавила, все, не ест ничего, хоть ты тресни, подойдет, только если первым кто отведаст. И молчит, разве что на вопрос ответит, али поругает опять за незнание. А за что такая немилость? За жен что ли? Так им-то сейчас хорошо, лежат в землице, отдыхают, а Люте приходится Латуткину дребедень выслушивать и под неусыпным надзором заверять себя, что все верно делается. А верно ли?

В те времена, казалось бы, не такие уж далекие, а все же прошедшие, когда с Ягиней день-деньской она проводила в учебе да разговорах, хотелось бросить все. Очередное понукание, или удар по рукам хлесткой плетью за ошибку, или пощечина за неосторожно сказанное слово вынуждали спрашивать себя: а зачем все это? «Ради того, чтобы вернуть утраченное», — отвечала самой себе Люта. «Но вернется ли оно?» — ехидно спрашивал тот самый голос, что вовремя одергивал, да совесть пробуждал не ко времени уснувшую. И тут Люта молчала. Потому что, если задать этот вопрос Ягине, опять получишь болезненный тычок, а то и еще одну ночь бессонную в приготовлениях колдовского варева или заучивания черных ритуалов. А уж как руки болели после выписывания закорючек на земле, для тех самых ритуалов. Руны противные долго еще в страшных снах восставали. И все же Люта продолжала свое обучение, а после и путь. Не для себя, для Глиски, для отца и для Милослава. Так она говорила себе.

По словам белоглазого до сторожки всего ничего оставалось, совсем в этом уверились они, когда стрела просвистела чуть ли ни перед самым носом волколака. Подпрыгнул серый, тут же метнулся назад, порывивает, хоть и в человеческом обличии шел, глазами так и рыщет, и нос смешно дергается.

— Так, — Гату спрыгнул с облучка, разогнувшись во весь не малый рост. — Плохо нанимателя встречаете, охотники. Или вы не охотники никакие, а лихой люд?

Его глаза нехорошо сверкнули. Лошади остановились, подчиняясь рукам белоглазого. Люта с Латуткой примолкли, а волколак рядом примостился, опершись на кузов.

Из-за деревьев, на свободное пространство, вышли двое, один мужик в летах, а другой пацан совсем, молодой, лет пятнадцати отроду. Они настороженно смотрели на путников, держа в руках луки и стрелы, однако ж под взглядом чуди натягивать тетиву снова не посмели. Впрочем, Люта не сомневалась, стоит что не верное сделать, стрела быстро прилетит туда куда ее пошлют.

— По лесам мирные люди редко шастают, особливо, когда время к ночи, — справедливо заметил мужик в летах. — Грибов почитай не осталось, да на охотников вы не похожи. А ты и вовсе не человек, как я погляжу.

— Ежели не человек, то стрела за место приветствия, выходит? — проскрипел в ответ белоглазый, делая несколько шагов навстречу.

Мальчишка, видя такое дело, дернулся было прицелиться, да старший мужичок остановил его, опустив руку на плечо.

— Я знаю, кто ты, — сообразил наконец охотник. — Подземный владетель северных гор.

— Значит не прав ты был, в человека моего стрелу пуская? — обронил чудь, продолжая медленно идти навстречу.

— Выходит так, — осторожно заметил мужик, бледнея.

— Люта, знак, — гаркнул Гату, оборачиваясь.

Жрица подошла, недовольно поглядывая на белоглазого.

«Вот как специально же! Что я, служанка ему, по щелчку пальцев подскакивать?!».

Приняв от Люты медальон, полученный в городе, чудь протянул его в раскрытой ладони охотникам. Старший вещицу тотчас признал. Убрав за пояс, он с интересом оглядел гостей.

— Хех, ну и рожи у вас, скажу я, — сообщил он, снова поднимая взгляд на Гату. — Куда ж вы, такие красивые уши наострили?

— На север, — ответил чудь, и глазом не моргнув. — Нам обещан соколиный охотник.

— Ладно, идем, нечего на дороге балакать. Я Любич, а это внучок мой Лель.

До сторожки и впрямь пару верст оставалось. Стояла она на небольшой полянке, маленькая, приземистая, сразу видно, только по надобности живут там, но крепкая. Рядом со сторожкой горел костер, над которым висел котелок. Вокруг сгрудились четверо мужчин, в трех шагах поодаль стояла жердь, вбитая в землю, а на ней, переступая лапами и периодически что-то клекоча переминались соколы. Гордые птицы, заслышав чужие шаги, повернули головы, да так и остались недвижимы аки идолы. Зорко следят хищные глаза, каждое движение примечают. Мужики у костра встрепенулись, особенно увидав Люту.

— Светозар, тут тебя требуют, — окликнул одного из сидящих Любич, сбрасывая на землю заплечный мешок, и аккуратно снимая с лука тетиву. — Ужо очень ты нужен с соколом своим.

Светозар оказался высоким, настолько высоким, что Люта макушкой еле-еле до плеча ему доставала. Телом он был крепок, словно дуб могучий, но движения его при этом отличались какой-то легкостью. Он спокойно поднялся с бревна, сделал пару шагов в сторону путников и остановился напротив Гату, с интересом вглядываясь в лицо незнакомца. От белоглазого не укрылось легкое разочарование богатыря, видать не встречал он еще кого-то крупнее себя.

Остальные удостоились лишь беглого взгляда, разве что на Лютке взгляд сощурился, будто бы не понравилась ему картина.

— Ну, — выдал он, понукая объяснить, чем же он может быть полезен. — Почему меня, батька?

Последние слова по-видимому были адресованы Любичу. Тот извлек из-за пояса амулет, переданный торговкой и ловко подкинул его товарищу.

— При деньгах, стало быть, — хмыкнул Светозар, возвращая вещицу Любичу.

— Нужен нам соколиный охотник. Идти далеко, — проскрипел Гату. — Сам гляди, девки две со мной, молодухи совсем, а бойцов один и тот хлипкий.

Светозар скосил взгляд на волколака и понятливо кивнул.

— Так и я не воин.

— А то мне и не надо, рать на рать сечься, — в том ему ответил Гату. — А вот ежели ты на землю сверху будешь смотреть, так-то оно помощью будет лучшей. Много на пути всякой

пакости поджидает. Дорогу-то я знаю, а вот спутники мои не ходоки по чащам. Заплачу щедро, ты уж не сомневайся.

— Да я не сомневаюсь, — весело заметил охотник. — Кабы не продешевить, вот думаю. Парень еще раз хмуро оглядел честную компанию.

— Странные вы какие-то...

Гату хотел что-то ответить ему, да только замер, словно по темечку кто тюкнул. Страшный вой раздался из чащи леса, отчего даже волколака передернуло. Соколы, что до того спокойно на жердочке сидели, заклекотали разом и, расправив крылья, тут же взмыли в небо крича и нарезая круги над поляной. Латутка охнула и в Люту вцепилась мертвой хваткой, да так, что та, привычная к боли, поморщилась и попыталась отцепить дуреху от себя. Охотнички все как один подорвались, за оружие похватались, а белоглазый ринулся в сторону повозки и ухватил за поводья взбеленившихся коней. Он обернулся к Люте с Латутой и зарычал:

— В повозку и уезжайте, быстро! Разберемся и найдем вас.

Латута без возражений кинулась на облучок, Люта хотела было за ней последовать да уперлась:

— Я ж помочь могу!

Силища у белоглазого немереная, был бы чуть грубей, так бы и сложил пополам и на телегу кучкой, ломая сопротивление и не слушая возражений.

— Себе помоги, дурная, против упырей нет у тебя силы.

— Так и у вас ее нет!

Гату только устроил усилия по запихиванию возомнившей себя воительницей ведьмы. Люта сдалась, покорно залезая на телегу. Латута тряслась, что бульон мясной застывший на холоде, но поводья держала крепко, терпеливо дожидаясь покуда Люта усядется. Кони рвались подальше о поляны, но сильные руки их сдерживали и не давали пуститься галопом, да и самоубиение то было, нестись ночью по лесу. На мгновение все будто застыло, мир замер и... начался кошмар.

Их было трое. Трясаясь из стороны в сторону, будто озноб бил, к сторожке бежали три упыря. На коже еще не было следов разложения плоти. Совсем свежие. Они были мужчинами. Тот, что двигался по центру — длинноволосый, лет пятидесяти при жизни. Волос черный, а глаза карие. Борода по грудь, да клыки во весь рот, острые, что копыя. Кривые, растут невпопад, но до чего же много! Справа от него согнувшись и зло щерясь бежал парень, бывший при жизни помоложе. Кудрявые когда-то белоснежные локоны слиплись от земли, губы лопнули от того в какую чудовищную пасть превратился рот. Третий же был самый жуткий. Огромный, одной руки нет, зато другая, что доброе бревно. Шея рассечена, словно ему голову при смерти срубило, да теперь рана была заштопана. Глаза навывкат злобные, изо рта пена сочится, с могильной гнилью перемешиваясь. Живот распорот, аж кишки по земле волочатся. Да только вот прыти ему все это не умаляло. Быстрые, как стрела, выпущенная с тетивы, сильные, словно медведь проснувшийся не ко времени и жаждущий крови, упыри мчались рвать вожделенную горячую плоть.

— *Днем ты их не встретишь, света боятся, а ночью не скроешься и не убежишь.*

— *Так как же справиться с ними?*

— *Голову рубить да огнем жечь. Только вот, покуда замахнешься, они тебя схарчат и не подавятся.*

Люта слепо зашарила по дну повозки, силясь найти сумку с травами и порошками. Из-за

этого она чуть привсталала, пытаясь в темноте хоть что-то разглядеть.

Стрелы взвизгнули, впиваясь в гниющие тела. В ответ лишь злобное рычание. Охотники метнули опять. И вновь только рев, да клацанье мощных челюстей. Гату, взревев для остротки, ринулся в бой, метя в однорукого. Подскочив к упырю, он с размаху огрел мертвеца ударом наотмашь. Тот отшатнулся, но устоял. Челюсти клацнули у само лица белоглазого. Чудь едва успел уклониться, так стремительно упырь бросился в атаку. Сгребая Гату единственной рукой за волосы, он силился цапнуть того за шею, чтобы закончить все одним махом. Белоглазый сжал горло мерзкой твари, стараясь разорвать ткани. Толстые когти погрузились в плоть, как вдруг бежавший первым черноволосый старик, развернулся и кинулся к чудю, впиваясь Гату в плечо.

Стелы вжикнули в последний раз, прежде, чем третий упырь добежал до охотников. Над поляной раздался душераздирающий вопль. Один из охотников катался по земле, стуча ногами и дико крича. У него была откушена рука по самый локоть. Жуткие клыки распорили плоть и сломали кости, в мгновение ока. Кровь толчками выходила из обрубка, заливая зеленую траву багровой росой. Несколько капель, попали на лицо Латуты и та взвизгнув, стеганула поводья и пустила коней в галоп. Телега дернулась и Люта кубарем слетела с нее в обнимку с сумкой, больно ударившись об землю. Охая и подвывая, она отползла в сторону, взглянула на поле битвы и чуть не упала в обморок.

Оторвавший руку охотнику вурдалак уже разрывал живот другому. Мужчина был еще жив и пытался оттолкнуть от себя чудовище, истерично визжа от боли и страха. Не обращая на его потуги внимания, вурдалак одним махом вырвал у несчастного печень, плотоядно глянув на остолбеневших от ужаса людей, он с удовольствием откусил кусок. Вдруг прямо в его левый глаз вонзилась стрела. Она вошла в череп мертвеца едва ли не по самое оперение. Светозар стоял широко, расставив ноги, и натягивал громадных размеров лук для нового выстрела. Другой мужичок и Лель взревели, подбадривая друг друга, и кинулись добивать упыря.

— Куда?! Стой! — в отчаянии возопил Любич, но было поздно.

Оказавшись рядом с упырем, охотники атаковали с двух сторон нанося удары короткими топориками. Мертвец и не думал останавливаться, словно стрела лишь подогрела его жажду до чужой муки и плоти. Перехватив топориче Лель, он дернул рукоять на себя. Парнишка к своему счастью не успел понять, что было дальше. Жуткие челюсти сомкнулись на его шее, в три укуса отделяя голову от тела. Озверевший от горя Любич бросился на упыря, не слыша окрики Светозара. Упырь крутился словно пес, хватая зубами каждого, кто приближался. Лишился руки мужичок, что вместе с Лелем попытался добить полуночную тварь, сложил голову Любич, так и не достав ненавистную тварь рогатиной.

Люта поняла, что ее всю трясет. На ее глазах единственные оставшиеся в живых Гату, Грул и Светозар, держали оборону и даже умудрялись отвечать двум живучим мерзким существам. Третий, однорукий прежде, теперь валялся разорванной кучей неподалеку, но даже отсюда видно было, как куча все еще шевелиться.

«Сжечь надо, а не то встанет вновь, да сильнее, чем был», — подумала Люта и похлопала себя по поясу.

Обругав себя распоследними словами Люта сбросила с себя оцепенение и продолжила ковыряться в мешочках. Темнота — не зги не видно. Бросив беглый взгляд на побоище, она вновь застыла. Впервые пришлось увидеть, как дерется белоглазый, сколько в нем мощи и силищи. Волколак только и делал, что огрызался, да мог разве что тяпнуть упыря, покуда по

загривку не получил и заскулив, не отпрянул, обернувшись вновь человеком. Светозар так и стоял поодаль, пуская горящие стрелы, когда возможность на то была. Жаль только пусть это и сдерживало нежить, да только так же и злило сильнее. И все же Гату их сдерживал. Его тело покрылось укусами и ранами, но чудь словно бы не чувствовал их. Подобно ветру он был везде и всюду, хватал, бил, рвал и швырял.

Встряхнув головой, Люта возобновила поиски. Отыскать нужный порошок в мешанине вещей, да еще и в темноте, оказалось сложнее, чем она думала. Упыри снова взревели, чем отвлекли ее. Девушка вскинула голову и охнула. Мертвецы узрели Люту, которая свалившись с телеги была видна как на ладони, и удвоили усилия, кидаясь на Гату в неистовой злобе, только бы добраться до нее. Руки Люты затряслись, ей стало страшно так, как никогда не было даже в стане хазарского наместника. Там на нее не бросались чудовища с зубами, что острее любого кинжала. В чувство ее привел крик Грула:

— Ведьма! Очнись, дело плохо!

Девушка пришла в себя и, мысленно выругавшись, вывалила содержимое сумки на землю и разворошила все, что там было, чуть ли не носом тыкаясь, пытаясь определить, где нужный порошок. Наконец мешочек, что она так яростно искала, ткнулся в ладонь и она крикнула:

— Грул! На них сыпани и огнем, огнем их!

Мешочек полетел прямиков к волколаку, тот по началу растерялся, но поймал. Развязав тесемки, серый подскочил ближе к драке метя в упырей. Они не понимали, что внутри. Не могли понимать. Не должны. Но повинуюсь какому-то темному наитию упыри, скакали из стороны в сторону, то тесня Гату, то запрыгивая на него. Грул мгновение замер в нерешительности, а потом начал сыпать на кого попадет. Едва колдовской песок коснулся кожи белоглазого, того дугой выгнуло. В остервенении схватив обоих упырей за горло, чудь отшвырнул их прочь. Оперся руками о землю и прыгнул в другую сторону.

Тут только стрелы горящие свистнули одна за другой, Гату на силу успел на землю пасть, чтоб не задело. Громыкнуло так, словно гроза разразилась. Упыри зажглись как факелы, раздирающий душу вой огласил всю округу. Они носились кругами и стенали, жуткими заунывными голосами, сталкивались и ревели. Когда же колдовское пламя, вгрызаясь все глубже, уничтожило их мышцы, они поползли, щелкая челюстями. У Люты онемели коленки. Мертвецы двигались прямо на нее. Из темноты возник Гату. Мощным ударом ноги, он развалил на костяшки сначала одного, а затем и другого.

— Фух, — Грул мешком свалился на землю, все еще сжимая опустевший мешочек в кулаке. — Знаешь, Лютка, баба ты дурная, но местами полезная.

Люта хотела было ответить на мерзкую шуточку, но вымученный стон Гату заставил всех вздрогнуть и подскочить. Первым к нему кинулся Светозар, подхватывая и не давая упасть. Белоглазый к тому времени уже настолько истек кровью, что был весь багровый аки идол Одина на варяжском капище. Несмотря на боль, он только отмахивался от попыток помочь ему, пока Люта раздраженно не вызверилась:

— Тебе еще клятву выполнять, помрешь, сам знаешь, чего будет!

— Угрозы твои, что вода — все сквозь пальцы, — устало буркнул Гату, но отпихивать руки с тряпицей, вымоченной в зелье, прекратил. Когда мокрая ткань аккуратно прошлась по длинным кровоточащим бороздам, оставленным упырями, чудь зашипел, борясь с желанием сжать хрупкую шею ведьмы до хруста в позвонках.

— Терпи, — отрезала та и добавила: — И дыши глубоко.

Ей было и смешно и грустно смотреть на попытки белоглазого сохранить свою гордость и нежелание принимать именно ее помощь. Кровь все же остановилась. Порезы были глубокими и их пришлось зашивать. Когда с лечением было покончено, а чудь забылся ни то сном, ни то полудремой, Светозар хмуро оглядел честную компанию.

— Знал ведь, не чисто с вами что-то. Этот, — он мотнул головой в сторону сопящего Гату, — диво подземное... Чудь белоглазая.

Он замолчал. Потом вновь поднял глаза, и в них отразилась злоба. И горе.

— Ты, — тут он взглянул на Грула и скривился, — оборотень, нежить как есть, а ведь они товарищи твои!

Светозар указал на остатки упырей. Грул нахмурился и обиженно фыркнул. Охотник был прав, говоря это, но не совсем.

— Упырем и человек стать может, и колдун проклятый, не наговаривай на меня, охотник. То, что волколаки становятся восставшими мертвецами, то редкость, потому, как и самих волколаков разумных не так чтобы много.

— Все одно — нежить ты. А эта, — тут внимание уж на Люту перекинулось. — Можно было бы думать, что знахарка ты, да глаза твои чернющие еще до упырей в дрожь бросили. Ты словно черная вдова смотришь, будто не беда ты сама, а ее отражение, ее горесть... Тень от беды! Ведьма, как есть ведьма. Пришли сюда, разворошили гнездо осиное, а теперь, чего я в городе скажу? Вы гляньте на это, что женам и детям их говорить? Что матери Леля сказать?

Светозар указал на растерзанные тела охотников, на лежащего в крови мальчишку пятнадцати лет отроду и запустил руку себе в волосы. В глазах мужика блеснули слезы.

— Уж сколько охот с ними отходили, Леля еще на руках нянчил, а стоило только вашей братии появиться и вот оно, что стряслось. Эх!

Он махнул рукой и отошел от Люты и Грула подальше. К нему, на выставленную руку, опустился сокол и что-то клекоча и пуша перья, ткнулся клювом ему в плечо.

Люта угрюмо взглянула на Светозара, но говорить ничего не стала. А чего тут скажешь, ну ведьма, ну черная, прощения просить не будем. А что до охотников... Она оглядела поляну и тяжкий вздох вырвался из груди. Еще одни смерти, еще один дар Черной Матери, еще один камень на сердце.

Волколак почесал затылок, оглянулся и спросил:

— Слышь, а толстуха-то где?

Люта ойкнула и обернулась, глядя по сторонам. Латуты не было. Поискав в округе, нашли-таки. Девка отъехала недалеко, колесо телеги застряло в яме, а кони, все еще запряженные убежать не смогли. Сама Латута сидела на облучке, все так же сжимая поводья и боясь лишний раз пошевелиться.

— Латута, прекращай трястись, давай, закончилось уж все давно, а ты вцепилась в поводья как в хлеб последний.

Кое-как уговорили девку вернуться на поляну, только одним и надавили, что Гату раненный, телега нужна. Вытащил Грул колесо с ямы и поводья у Латуты отобрал, еле пальцы, похолодевшие, разжав.

Вернувшись на поляну, Люта цацкаться не стала, а толкнула застывшую девку в плечо и буркнула:

— Помогай, убраться надо.

На эти слова, ее прожег взглядом Светозар. Люта только плечами пожала.

— Не оставлять ведь их вот так. Надо сжечь, вместе с поляной и сторожкой. Не то привлечем другую нежить.

— А сторожку почто? — возмутился Светозар.

— А ты сюда возвратиться сможешь? — парировала Люта.

Уборка, как и сборы прошли в тишине. Никому не хотелось говорить, да и говорить было нечего, а обвинять и ругаться можно до скончания лет, толку только от того никакого. Гату погрузили в телегу. Латута бледная и какая-то даже схуднувшая враз, брела, всхлипывая и растирая по щекам слезы вперемешку с грязью. Люта копалась в сумке, пытаясь вновь уложить все так как было и проверяя не перемешались ли порошочки, что очень полезными оказались. Мертвые ее мало волновали, разве что, если они не нападали. За их спинами горела поляна и сторожка. Перед тем как поджечь сторожку и тела, Люта поклонилась лешему прося прощенья, дары оставила поодаль на пенечке и попросила присмотреть за огнем, чтобы дальше не кинулся. Леший ответил ей тихим шелестом листьев и ласковым ветерком по щеке.

На развилке Светозар остановился и посмотрел туда, где каких-то несколько часов назад у костра с друзьями сидел да байки травил. Сердце в груди сдавило, аж в голове помутилось. Приняв какое-то решение, он сделал шаг в сторону родного города, но тут же замер.

— Они тебя винить будут, — услышал он хриплый полустон полушепот белоглазого. — Ты единственный остался живой и невредимый, а сторожка сожжена, казнят тебя Светозар за то, что ты не совершал.

— Люди правду узнают, — упрямо возразил охотник.

— Правду... — протянул белоглазый и нехорошо засмеялся, покашливая. — Людям нет дела до правды. Ты станешь козлом отпущения. Они проклянут тебя и изгонят... Если конечно не посадят на кол.

Охотник, провел по лицу ладонью, взглянул в небо, туда, где парил сокол и как-то зло и обреченно выдохнул:

— Дорого вам компания моя обойдется, ой дорого.

Глава 21. Козни судьбы да пустые оправдания

Во мраке металась смутно различимые силуэты. Он слышал то чужой шепот, то порой смех. Тела будто не существовало. Точнее оно словно жило отдельно от Гату. Белоглазый отчего-то видел себя со стороны. Он застыл на дороге, не в силах сделать и шага. Ноги утопали в глине, размокшей от дождя. Шаг. Другой. Ступни проваливаются по щиколотку, а затем и глубже по колено. В голове дурно. Мысли как ночные мотыльки мчатся прочь в поисках пленительного света. Но в этом месте не было света. Только бордовые всполохи, на мгновение озаряющие окрестности. Гату попытался вытащить ногу из глины, но та затвердела, став прочна подобно камню.

Слуха снова и снова доносились обрывки фраз, очертания мыслей и идей, тусклые образы, выцветающие под нестерпимо бушующим ветром. Он почувствовал песок на губах. Дождя как не было, ливень сменился горячей бурей. Волосы трепетали от каждого порыва ветра. В глаза то и дело попадали раскаленные песчинки, заставляя жмуриться. Гату закрылся ладонью, а когда отвел руку в сторону, увидел прямо перед собой Миту. Ее бил озноб, на лбу выступила испарина. Глаза были красные то ли от слез, то ли от того, что она не спала несколько дней.

Дева стояла напротив, глядя невидящим взором сквозь мужа. Ее губы лихорадочно шептали, двигаясь так быстро, будто она говорила скороговорку. Гату потянулся, чтобы коснуться ее щеки, но едва его пальцы дотронулись до кожи девы, она перестала дрожать и застыла. А потом закричала. Истошно, истерично, так громко, хотелось зажать уши, пав ниц.

— Они не простят, не простят, не простят! — зашипела Мира, хватая Гату за шею и заглядывая в глаза, обезумевшим взором.

— Кто?

— Они, они, они... — слова эхом отдавались прочь, затем возвращаясь стократ громче.

— Что не простят? — попытался наугад Гату.

— Нет пути, нет пути, нет пути, нет пути! — новый поток слов, подобно всплеску на гладкой воде, разошелся рябью в черном провале пропасти странного места, в котором очнулся белоглазый.

— Мита, я приду за вами, — прошептал чудь, обнимая жену.

Она не ответила. Ее тело осыпалось прахом, уносимым ветром. На ладонях белоглазого остались лишь белые хлопья пепла, который, впрочем, также стремительно ускользнул. Гату с силой дернул ногой, вырывая плоть из объятий камня, и чуть не упал. Его больше ничего не удерживало. Ступни холодил лёд. Он стал посреди подземного озера. Холод мгновенно начал подниматься по ногам, подчиняя мышцы и суставы. Тело перестало слушаться.

«Как же хочется спать», — даже пронесшись в голове мысли отдавали холодом и казались покрытыми инеем.

Запредельным усилием подчиняя собственные ноги, Гату сделал шаг. Затем еще один. И еще. Поверхность льда теперь казалась обжигающе горячей. Белоглазый сделал еще пару шагов, чувствуя, как рвется кожа на пятках. Еще шаг. Ноги не слушаются. Что было мочи он дернулся вперед, отрывая ногу и упал. Его голени остались стоять вмёрзшими в лёд. Встать на культю, оканчивающуюся ужасными ранами ниже колен, Гату уже не смог.

Цепляясь когтями, он пополз вперед, извиваясь, словно болотный уж.

Раздался треск. Прозрачный иссиня-сверкающий лед расходился паутиной трещин, хрустя в преддверии разлома. Гату ускорился, работая руками все быстрее, как вдруг замер, почувствовав на истерзанном теле воду. Он медленно погружался в ледяной омут. Белоглазый, не обращая на это внимания, работал руками, силясь доползти до берега, которого все еще не видел. Чудь прекратил старания лишь когда полностью скрылся под водой. Опора внезапно исчезла. Он замер, не понимая, идет ли ко дну. В следующий миг, Гату мог бы поклясться, что уже не понимал, где дно, а где поверхность. Вокруг плясали мириады сверкающих кристаллов и льдинок. Мимо проплывали слепые, оцепеневшие не то от сна, не то от холода рыбы. Он почувствовал прикосновение. Оглянулся.

Реса казалась спящей. Её веки были опущены, грудь не поднималась дыханием, только губы шевелились, беззвучно шепча. Волосы девы, распущенные словно лучи солнца, мерно покачивались. Гату приблизился вплотную, хватая жену за талию и вдруг до него донеслись слова. Они зазвучали прямо в голове, перетекая медленно и тягуче, словно мед.

— Она мертва, мертва, мертва, мертва!

— Кто?

— Там пусто, пусто, пусто, пусто...

— О чем ты?

— Мне холодно, холодно, холодно, холодно...

Талия Ресы выскользнула из его рук, как рыба из неумелых рук. Тело девы, так и не открывшей глаз, начало медленно погружаться в чернильный мрак омута, а Гату наоборот подхватило течением, выбрасывая на поверхность. Колени коснулись берега. Ноги снова были на месте. С трудом поднявшись, белоглазый осмотрелся. Озеро за спиной исчезло. Под ногами был коричневый камень, по сторонам отвесные скалы. Мимо проплывало облако, обволакивая колени. Воздух был влажным.

«Тяжело дышать, — пронеслось в сознании. — Как же высоко!».

Осторожно приблизившись к пропасти, он заглянул за край. Пустота. Внизу ничего, сверху одна лишь тьма. Не глядя нацупав камешек, Гату бросил его в бездну, вслушиваясь. Он долго и тщетно ждал. Звук от удара так и не вернулся. Гату подобрал еще один, но на его кисть легла чужая ладонь.

— Его имя, имя, имя, имя! — прошептала Вия, заглядывая за край обрыва.

— Ты его знаешь?

— Вспомни имя, имя, имя! — повторяла, не обращая внимания на мужа, дева.

— Никто не скажет, никто, никто, никто, — севшим голосом прохрипела Вия, припадая лбом к холодному камню. — Ключ к его сердцу, сердцу, сердцу...

Ее прервал громовой раскат. Вспышка молнии на миг ослепила обоих. Был слышен удар, а затем грохот обвала. Гату изо всех сил тер глаза, но видел лишь разноцветные сполохи искр, танцующих, закручиваясь по спирали. Понимая, что не в силах что-либо сделать, белоглазый подчинился, следя за их пляской. Закружилась голова, а вскоре подступила тошнота. Лишенное тела сознание устремилось прочь. Показавшиеся тяжелыми, словно небеса, веки захлопнулись с чудовищным грохотом. Кисловатый привкус во рту. Спать. Спать. Спать.

Он лежал неподвижно. Вокруг лишь тьма. Нет звуков. Нет ничего. Стало жарко. Тепло накатывало волнами, приятно щекоча кожу. Запахло паленым. Гату почувствовал, как волоски на теле начинают воспламеняться. Новая волна тепла стала по истине

испытанием. Он вздрогнул от боли, словно к коже прижали раскаленную в кузнечной печи заготовку. Открыл глаза.

Бушующее пламя окутывало несуществующий мир. В нем горело все. Леса, горы, даже реки. Горели волосы и кожа, горели мышцы и кости, а Гату стоял, зачарованно созерцая. Грунт под ногами взорвался, исторгая поток раскаленной лавы. Когда дым рассеялся, белоглазый увидел Шерру. Старшая жена стояла лицом к нему. Ее волосы уже начали заниматься от пламени. Кожа темнела от сажи. Было видно, что деве больно. Ее выдавали губы. Она их прикусила, силясь вытерпеть испытание. Капелька крови скользнула по коже, чертя алую извилистую линию на подбородке.

— Они хотят жертву, жертву, жертву, жертву! — слова Шерры рубили словно ударом меча.

— Девчонку?

— Кровь земли, дыхание шторма, сердце огня, обещанье реки, реки, реки, реки... — слова Шерры, отражаясь в сознании Гату, связывались друг с другом в рисунок.

Он видел картины, но не мог их описать и истолковать. Образы были туманны и пугливы, они растворялись, едва Гату пытался обратить на них взор. Белоглазый обнял жену. Ее лицо приблизилось. Глаза вспыхнули далекими звездами. Губы Шерры коснулись его губ. Тела вспыхнули, как сухие дрова. Когда боль от огня стала нестерпимой, Гату лишь крепче прижал жену и зажмурился. Но руки оказались пусты...

Проведя ладонью по лбу, он смахнул выступивший холодный пот. Открыл глаза. Над ним текла река из белоснежных облаков по голубеющей дали спокойного неба.

— Чудь проснулся, — донеслось сбоку. Кажется, голос принадлежал волколаку. — Ну ты и спать, я тебе скажу! Я как-то столько провалялся, когда нахлебался прокисшей медовухи. Думал, издохну по утру, а оказалось второй день валялся в снях!

— Вестимо тара для закваски-то была плохо помыта, — со знанием дела, тотчас вступила в разговор Латута. — Я как-то тоже, значит, решила бражку поставить, шобы мужичка одного, ну, того, самое.

Она весело заготовала, толкая жрицу локтем в бок.

— Великие силы, зачем ты проснулся, Гату? — взвыла Люта, меча раздраженные взгляды на деревенскую болтушку. — Она всю дорогу молчала, пока ты дрых!

— Ну, и, что тот мужик? — не обращая внимания на Люту весело подхватил нить беседы Грул.

— Сначала-то он мою бражку нахваливал, а как до дела опосля дошло, потерял всяческую, как енто говаривал наш воевода? Ах, да, вот, значит, потерял всяческую боеспособность! — она залилась гоготом, краснея ни то от стыда, ни то от веселья. — Глазищи выпучил и тикать за сеновал! Благо портки ужо спущены были!

Грул с радостью поддержал толстуху лающим смехом, весело подмигивая Люте. Светозар же, сидящий на облучке, веселости спутников не разделил. Он оглянулся, косо глянув на обоих, и шикнул:

— Хватит вопить на всю округу! Накличете беду, не до смеху будет.

Гату сел, растирая затекшие мышцы. Раны очень быстро заживали, в некоторых местах даже корочка начала отваливаться. Осмотрев себя и так, и сяк, чудь хмуρο глянул на Люту, коротко обронив:

— Тебе сказали лежать. Зачем ты полезла?

— Упрекаешь? — тотчас взвилась Люта, огорошенная таким выпадом. — Это у тебя на

родине заместо спасибо, я так понимаю?

— Кровь ли ты пролила? — не уступал Гату. — Иль они за мной может приходили?

— Что ты имеешь ввиду? — сощурившись прошептала Люта, оглянувшись, слушает ли их Светозар.

Охотник никак не реагировал на беседу, оставаясь собранным и чутким к дороге, но было видно, что он будто подобрался, следя за мыслью белоглазого.

— Они ж тебя, как увидели, словно с цепи сорвались. Даром и так были дюже бешеные, а как ты на телегу забралась, чуть ли не через голову мою на тебя полезли.

— Может они молодую кровь любят... — протянула ведьма, несколько растерявшись.

Гату только покачал головой, закатывая глаза.

— То тебе не купцы в корчме, им все одно чья кровь и сколько ей лет. Думай, кто мог наслать на тебя мертвецов по следу.

— Да никто, вроде...

— Вроде? — белоглазый сощурился, неотрывно глядя на Люту. — То есть ты даже этого не знаешь?

Жрица хотела бы сказать ему пару ласковых, да только в пору было локти кусать. Ведь, казалось, прав чудь, как всегда. Но кто мог сотворить такое? И главное, зачем?

«Среди живых у меня врагов будто и не осталось... Белояру лесные духи подрали, дочку ее Радиславу я сама... Изу-Бей мертв. Хатум... Тоже на том свете лепешки печет... Вроде и некому».

— Вроде и некому, — сообщила Люта, поворошив память. — Все, кто могли худа желать, мертвы уже.

— Вот так совпадение, — мрачно заметил чудь, и не дожидаясь реакции Люты, добавил. — Иными словами желающих тебя на тот свет отправить пруд пруди, ажно не сосчитать.

На этот раз Люта не утерпела, и меча глазами молнии, вспыхнула, аки факел.

— Тебя послушай, все же просто в жизни. Вот тебе черное, вот тебе белое, а посередке, значит, и не бывает иных цветов, ой да складно-то как! Хорошо быть перекаати-полем белоглазым. Никому-то ты не служишь, пропитание на зиму добывать тебе не надобно, не надобно работать, спину согнув, да хозяйство вести, будь оно проклято! Захотел, руку в землю, хватъ — вот тебе и драгоценны камушки. Вот тебе богатство! Руку протяни свою. А рука-то посмотри дюже сильная, тяжелая. Кто на такого позарится? Кто худо замыслит? Ни лиха, ни лешего же не боятся так! Живешь, словно бог, по земле ходящий, горя не зная! А жизнь, она, Гату, такая ведь мерзкая, что и не снилось тебе. Она полна горя и разочарования. Она подлая и бесчестная! Она одна и та, словно хлеб черствый, тошнотворная!

— А то окромя тебя не страдает никто? — Гату был как всегда спокоен и смотрел на Люту, как на ребенка нерадивого. — Иль ты думаешь, каждый кому кто дурное что сделал, темным богам в ноженьки бежит кланяться? Смотрите, какая я особенная, именно меня вы спасти обязаны! Не то жизнь несправедливой мне покажется.

— Меня у отца хазарин, как кобылу данью забрал. На глазах жениха покрыл, как рабыню. А ему голову отрубил и мне отдал. И жизни той у меня было от удара сапога, до удара палки. Травили, словно мышь под полом. Терпеть мне надобно было, скажешь? Простить может их, не разумеющих, что больно делают? Что жизни не лишили, а судьбу забрали, о таком слыхивал? Нет их больше, ни хазарина, ни жены его, ни служанки, ни ее матери.

— Ты им отомстила? По глазам вижу, что, да. Тогда к чему все это? Куда тебе еще силы черпать? Исправить, что думаешь? Так то несбыточно. Жизнь мать дает, а не смерти прислужница. У каждого есть выбор, есть жребий, что не судьба, а сам кидаешь. Ты могла сохранить себя. На зло всем. На погибель этому проклятому племени. Не предать своей души. Не впустить черное в себя, в душу свою. А ты убила, Люта. Не только их, себя ты сама и погубила. Теперь остановиться не можешь. Как хворь моровая по головам скачешь, покоя не зная. И все и всегда теперь будут у тебя виноватыми. Потому, что не ты хазарина убила, выходит, а он тебя. Что бы в жизни твоей не случилось, какую бы черную жатву бы ты над другими не справила, всегда говорить станешь: «Это он виноват! Из-за него я такая!». Навсегда он с тобой, вот тут, — чудь указал пальцем на грудь Люты. — Под самым сердцем будешь носить его, всякий раз доставая наружу вместо совести.

Люта как-то враз успокоилась, будто и не было перепалки, будто по голове ее кто родной погладил и легонько в спину подтолкнул, мол, не тушуйся, ты не виновата.

— А ты? — уронила веско Люта. — Твои-то руки не меньше в крови, а может и того поболее? Они снятся тебе, белоглазый? Те, кого ты убил во имя справедливости и защиты жен? Ах да, говорила мне Ягиня, вам ведь чудям все-то можно, все-то прощается, главное других поучать и смотреть мудрыми глазами. Себя-то сохранил? Морана — то и есть смерть, Гату. Все через нее пройдут, для каждого у ней слово ласковое отыщется. Значит и ты ей послужил на славу.

Повисло неловкое молчание, ей-ей небеса разверзнутся и прогремят. Светозар вдруг встрепенулся, на облучке привстал, да в даль небесную вглядывается. Вскоре раздался клетот да крыльев шелест, сокол вернулся. Легко порхнув на протянутую кисть охотника, птица уместилась, разглаживая клювом перья. Светозар нагнулся к соколу, будто вслушиваясь.

— Навстречу нам всадник мчится, — проговорил охотник, не поднимая головы. — Побит, в синяках и крови. Безоружен. Лошадку загнал почти.

Спутники переглянулись.

— При доспехах? Конь боевой? — спросил чудь.

— Нет, — ответил Светозар, помолчав. — В рубахе простой да на кобыле пашей.

— Ох, никак лихие люди купцов порезали, — воскликнула Латута.

— Или Кривичи с Полочанами опять повздорили, а этот за подмогой скачет к родственникам, — предположил Грул.

«Нам-то какое до него дело, — подумала Люта, следя за остальными. — На каждый караул не набегаешься!».

— Он бежит оттуда, куда мы движемся, — проговорил Гату, глядя на Люту будто бы опять мысли ее прочитал. — Нужно испросить, что за напасть приключилась.

— И накормить, — сердечно заметила Латута.

Всадник появился нескоро. Люта в тайне надеялась, что они уже разминулись, когда услышала топот копыт. Пригнувшись к конской шее, навстречу скакал молодой парень. Светловолосый, голубоглазый, сказать по правде, для девок такой одно загляденье. Да только вот глаза его были полны страха. Едва завидев едущих навстречу людей, молодец чуть из седла не выпал. Руками размахивает, кричит что-то.

Поравнявшись с повозкой, парень несколько растратил прыть, встретившись глазами с Гату. Но тотчас переборов по первой всколыхнувшийся в душе страх, он соскочил наземь, низко поклонился и молвил:

— Люди добрые! Чудь, дорогой, заступник земной! Не оставьте в беде! Не дайте сгинуть людям хорошим!

— Что стряслось, малый? — бросил ему Светозар, хмурясь.

— Я купецкие товары вез на ярмарку. Ничего особенного. Мед, да пушинка, будь она неладна. Разбойники нагрянули, как снег на голову!

— Так радуйся, что голову сносил, — тотчас отвечивал Грул. — Мы-то как твоему горю поможем? Иди к своему старосте, да с воеводы испрашивай, почему леса от лихого люда не очищены.

— Да пропади они пропадом, товары проклятые! Они сестру мою забрали с собой! Мы вместе ехали. Обесчестят же, убивцы! Поломают мою Белянку.

— Это худо, что уж сказать, — протянул Грул. — Да токмо снова скажу, мы-то как тебе в том деле поможем? Чай не рать же, супротив... Сколько их там, говоришь?

— Человек двадцать, наверное. Да я в село и скачу, да токмо не успею же до ночи. А они же ночью ее... — он недоговорил, все и так было ясно.

Гату и Светозар переглянулись. Люта только молчала угрюмо, с неодобрением поглядывая на спутников.

— Посмотрим, что там за лихие разбойники, — ответил белоглазый, почесывая свежие шрамы.

Глава 22. Все они одинаковые

— Нечего лезть нам, куда не следует. Время только зря теряем, ежели так будем каждого встречного спасать, так ни в жизнь не доберемся до цели, а зима на носу совсем. Чего делать будем, когда холода нагрянут? Ни запасов, ни припасов, только и всего, что одежонка теплая. А ну как ловушка это? А если...

Белоглазый резко обернулся, встретившись с жрицей взглядом.

— Великие силы, ну не девка, а заноса трескучая, хуже комара над ухом! Мы все равно пойдем. Ты же жрица, так? В голову не приходило, что иногда нужно и добро творить? Ты бы пошла в речку на себя поглядела, всю рожу перекосило, ажно треснет сейчас. А на руки глядела? Под ногти заглядывала? Нельзя по земле ходить, как хворь ненасытная. Хочешь камень мой? Ты его получишь. Да только вот не сносить тебе головы, покуда дойдем, если так и будешь свою злобу, как с ведра расплескивать. Сила — силой, а добро всегда возвращается сторицей. И тебе почиститься давно пора, кисель свой багровый разбавить, да остудить.

Гату долго терпел. Уж от кого от кого, так от Люты старческого брюзжания не ждал, а поди ж ты! Совсем девчонка, даром, что коса ниже попы, а умишка да терпенье с ноготок. Разве что сам белоглазый, пусть и раздражался от ворчания бабского, да только ухо все одно остро держал. Люд он разный бывает, чудь-то всякого на своем веку повидал.

Светозар вновь отпустил сокола и тот свободно парил над головами путников, то улетаю чуть вперед, то возвращаясь и что-то клекоча. Люта заметила, что Светозар иногда вел себя как-то странно. У него действительно была связь с гордой птицей. Еще до того, как сокол на плечо ему опускался, охотник знал о том, что впереди их ждет. Он будто бы замирал на мгновение, а взгляд мутнел и устремлялся в одну точку. Лютка может и не заметила бы, коль не видела подобного раньше.

Было ей лет восемь, решили они с другими девицами погадать на суженного ряженного, побежали клевер четырехлистный искать, чтобы имечко-то суженного узнать вскоре. Искали долго, а нашла Любаша, схватилась за клеверок да так и застыла. Смотрит глазами белесыми вдаль, губы одни только шевелятся беззвучно. Уж испугались тогда девки не на шутку и давай трясти статую живую. Очнулась Любаша, посмотрела на взъерошенных подруг, улыбнулась и проблеяла, аки дурочка:

— Чего это вы, смешные такие?

Ей-ей напомнил Светозар Люте подружку из детства. Разве что после дурачка не строил, но вид, будто бы нужно ему сокола послушать, делал. Этот еще, с сестрой похищенной. Оказалось, Братислав звать его. Не нравился он Люте, было что-то в глазах его недоброе, скользкое, хитрое. Да только кто ж ее, жрицу смерти, слушать будет. Вокруг же одни чистоплюи! Девушка хмуро обвела взглядом попугчиков и потерла плечо, где под рукавом платья шрам был. Он все еще давал о себе знать, то зачесется, то заноеет, будто бы свежий совсем. Наивность дорого может обойтись, уж этому Ягиня ее научила.

— *Убей его.*

От спокойного тона наставницы Люту передернуло. Стоящий перед ней на коленях парень крепко зажмурился и замычал сквозь тряпицу.

— *За что? Не сделал он мне ничего, заблудился просто, — буркнула Люта, непокорно встряхнув косой.*

— Сейчас не сделал, потом сделает, — заупрямилась Яга. — Сделаешь? Как только отпустим тут же за подмогой побежишь да с дружками вернешься, так?

Ведьма зыркнула на бедолагу, от чего тот повалился на бок, с такой готовностью головой замотал, чтобы доказать, мол, да чтобы он, сдал, да не в жизнь.

— Отпусти его! Опойть же можно. Травок дадим успокаивающих и память путающих, да и пусть бежит себе. Не вспомнит даже, а коли вспомнит, так не поверит себе ж, — взмолилась Люта.

— Эх ты, добросердечие никого еще не спасало, дура. Селянам, что в лоб, что по лбу, сейчас друг, а скажешь, чего не по нему, так врагом мигом воротисься.

— Я и не увижу его больше, отпусти.

— А знаешь, Лютка, ты моя сердечная, будь по-твоему! — хихикнув ответила Ягиня, одарив ученицу ледяным взглядом.

Люта на то лишь плечами пожала. Пусть живет. И уж так суждено было выпасть на судьбе, что повстречались они. Случайно. А может и нет. В тот день молодая жрица по обыкновению собирала травы в закатных сумерках. Закрывающиеся бутоны иван-чая, да сулькавицы, жимолости болотной, да мятной павилики, годились для ритуальных отваров лишь сорванные на последних лучах солнца. Напитавшиеся силы за день, не успевшие ее отдать земле во мраке ночи, они были дюже хороши для создания различных мазей и эликсиров. Люта ползала на четвереньках, разглядывая полузакрытые бутоны цветов, как вдруг услышала женский крик.

— Да кто ты такой, чтоб меня поучать? — визжала неизвестная, судя по голосу совсем юная девушка.

— Я-то, кто? Щас ты у меня узнаешь, кто, стыдоба гулящая!

— Рот свой поганый прикрой, Ерёмка! — вступил новый голос.

— Да, что ты с ним говоришь? — заговорил третий мужчина. — Он твою бабу оприходовал, твою честь изуродовал! Сносишь? Может еще водички им поднесешь? Гляди ж, запыхались! А? Сносишь, тютя?

Тот, что подстрекал неизвестного к расправе, явно был зол похлеще товарища. Люта бы, может, и мимо прошла. Ну, подумает, диво, подгулял кто-то! Да только новые голоса зазвучали.

— Ерёмка, давай, не тушуйся! Отходи его как надо, — вторили новые голоса. — Никто не узнает!

— Я всем расскажу! — прокричала девушка.

— Расскажешь, что? Что по лесам в чернике подол задираешь? Тебя бабы камнями забьют, будешь жить в хлеву, да дерьмо за лошадьми убирать!

— Ну все, молись, тварь! — прорычал некто, по-видимому тот самый Ерёмка.

Женский крик огласил окрестности истошно и душераздирающе тяжко.

— Не надо, ребятушки! Заклинаю, не губите его! То я же! Ну, пожалуйста!

Люта замерла, слушая жалостливые мольбы девушки. Сердце екнуло. Не выдержала. Побежала на крики, ажно запыхалась, когда на самосуд человечий выбежала. Трое молодых парней дубасили четвертого. Тот уже был на земле. Пока били только ногами, без оружия, но лупили от души. Рядом на земле ползала зареванная девчонка, пытаясь схватить кого-нибудь из обидчиков своего любовничка, но ее всякий раз отталкивали.

— А ну-ка, брысь! — крикнула Люта, стараясь, чтобы голос прозвучал грозно. — Судить кого удумали? Так в деревне старосте сказывайте, что дурного он сделал! А коли

стыдно, так прикуси язык и за женой смотри лучше!

Парни, что пинали несчастного, аж остановились, переглядываясь. Послышались смешки. К Люте подошел высокий молодец, краснолицый, волосы белые, что снег, красив, но по лицу видно — зол душой, едва ль не на две головы выше ее.

— Это что тут за мурашка носопырку задирает? — весело проговорил он, вставая вплотную и нависая над девушкой. — Солнышко, я ж тебя сейчас отилепаю.

— Руку поднимешь, без руки и останешься, — гордо ответила Люта, выдерживая его взгляд.

— Ой, ну раз так, то ухожу! — замахал руками детина, притворно пугаясь, чем вызвал хохот дружков. — А ты ничего такая! Справно балакаешь, да и с виду хорошенькая. Откуда будешь, милая?

— Не твоего ума, родненький, — ядовито огрызнулась Люта, и обернувшись на лежащую на земле девушку, добавила, — Шла бы ты поскорей да друга своего сердечного забрала.

— Ты храбрись да не заговаривайся, луковка, — заявил стоящий рядом парень, в котором Люта тотчас узнала спасенного однажды от Ягини. — Сказал Алешка же, отилепают!

— А ты уже и смел стал, я погляжу? — протянула Люта. — Позабыл, как листочком на ветру трясся? Хороши травки были... И память потерял, и совесть.

Люта проигнорировала очередную угрозу, и не дожидаясь ответа, направилась к девушке. Пройдя мимо краснолицего, она протянула руку девице, уверенно поднимая ту с земли.

— Идите уже. Кончилось все. Помяли слегка, и хватит. То ж и справедливо, если на чистоту, — сказала Люта, как вдруг почувствовала боль.

Веселый до этого парень ухватил ее за ухо, да так крепко, что не вырвешься.

— По добру не понимаешь, мышка-норушка?

Ох и полыхнула тут жрица. Как лягнула подлеца, в пах метя. Да тот так высок был, что не попала. Однако ж, парень ухо выпустил. Едва Люта развернулась, как хлесткая пощечина врезалась в её щеку. Она повалилась на землю, не веря в происходящее.

«Ты поднял на меня руку?»

«На меня?»

«НА МЕНЯ, МРАЗЬ?»

Злоба подобно яду, прыснула в вены Люты. Она вскочила, не помня себя. Глаза в миг почернели, словно луну тенью сокрыло. Кулаки сжались, да руки затряслись.

— Эй, ты чего? — испуганно проблеял парень, даже отступив на шаг.

Люта уже не походила на божью коровку. Как и на кузнечика, мурашку и вообще тщедушную и миловидную девчушку.

— Никто не смеет поднимать на меня руку! — прорычала она и закричала.

Закричала Люта так, что у парней перед ней стоящих, ушла земля из-под ног. Они попадали, закрывая уши руками. Кто-то было хотел бежать, но неистовый вопль жрицы лишил сил и духа.

С земли раздался девичий испуганный визг, а парни и головы не смели поднять. Ухмылки скабрзные вмиг с лиц слетели, а рты пооткрывались, да слова оттуда не вылетело ни одного. Дохнуло мертвенным холодом, сковывая обидчиков по ногам и рукам, не давая и глазом моргнуть. Люта достала кинжал из-за пояса и зло полоснула по ладони, красные

капли оросили траву под ногами.

Неистова Мара, яви свою кару,

Открой ледяные очи, приди в темной ночи,

Серпом жизнь секи, да тонки нити рви,

Гневная Мати за все воздати,

Гой! Черна-Мати! Гой-ма!

С последним восклицанием по молодцам словно мороз пронесся, инеем покрывая, замораживая, в глыбы льда превращая. Так и застыли они навсегда статуями ледяными посередь поля. Оглушительный визг пронесся и всколыхнул стайку птиц, что гнездилась на ближайшем дереве.

— Ведьма! Ведьма черная!

Девушка, что до этого молча таращилась на происходящее, подхватила своего милого любовника, и так драпанула, что только пыль столбом, да пятки в лаптях мелькают.

— Дура! Я ж тебе жениха нового спасла, заместо муженька обрыдлого! — крикнула ей вслед Люта и сплюнула.

«Ничего оклемается, поймет, что так и лучше им», — сказала сама себе Люта и устало раскинулась на траве.

Сил не оставалось, все в колдовство да злость ушло. Говорила ей Ягиня, не пускай в ход чары, когда сердце беспокойно, иначе все на злость ту и спустишь. С холодной головушкой ворожить надобно, чтобы знала сила место свое и расходовалась с умом.

Люта зевнула и так удобно ей стало, да хорошо, что уснула она, а проснулась от криков. Голову приподняла и тут же подскочила, как ужасенная. Селяне, толпа целая с вилами и топорами, перли в ее сторону. Раздавались крики, особенно один выделялся, визгливый такой, напоминающий недавно спасенную бабенку.

— Говорю вам, убила парней наших, мужа моего Ерёмушку в лед превратила, ведьма проклятущая! Вон они стоят горемычные аки столбы какие. Ой, что деется-то! Под носом самым упыриха живет!

Люта от злости чуть было в ответ не заорала, что, мол от шеболды слышу, да не ко времени то было. Оглянуться не успела как зажатая, что в тисках, в толпе оказалась. Уж на всех селян ее сил точно не хватит. Думала все, конец ее пришел, уж на болотах страшно так не было, как пред этими оголтелыми. Но нет, судьбе не то угодно было. Ржание конское прогремело похлеще боевого клича.

Тодорка влетел в толпу, как таран, копытами путь прорубая, а кого и попросту кусая. Если б не он, гореть ей на костре. Да только успели ж паршивцы ножиком по руке чиркнуть в надежде остановить. Прискакала на коне к избушке. Волосы дыбом, кровь по руке стекает и икота от страха испытанного. Яга тогда только хмыкнула, слушая жалобы Люткины на несправедливость, злобных молодцев и глупых, да к тому же слабых на передок селянских баб.

Встряхнув головой, жрица отогнала воспоминания. Глядя на голубоглазого, светловолосого парня, что зазывал спасать свою сестру из плена разбойников, она отчетливо помнила этот невинный взгляд девушки, а после ее же злость и гонение Люты с вилами. Чем чище и искренней старается выглядеть человек, тем черней у него за душой.

«Интересно, а селян, что зло ото дня ко дню делают да вины своей не ощущают, Гату как обозвал бы? Наверное, оправдал, то ведь селяне, они все оправдывают злыми происками ведьм, да нечисти, а не своими поступками».

Как сказал Светозар, до разбойников оставалось всего ничего. Спрятались они в лесу и вроде как даже клетку сокол разглядел, да только неясно в ней ли девица, али где.

— Слышь, белоглазый, давай сползаю туда и обратно, — дернул Грул за рукав Гату. — Меня они не увидят и не учуют, а я тенью метнусь, гляну. Может и сдюжим чего.

Гату обвел тяжелым взглядом всю компанию. Люта стучала по траве носком лаптя, всем видом недовольство показывая, Латута мух считала, ей все ни по чем, а вот Светозар хмуро смотрел в ответ.

— Чего думаешь? — спросил чудь у охотника.

— Чего-чего, — пробурчал тот в ответ. — Девку жалко, то всем понятно, но ежели там целый стан разбойничий, то не справимся. Тебе сил набраться бы, хоть и заживают раны, да бойня та знатно подкосила. На баб надеяться, пусть одна из них и ведьма, себя не уважать, волколак и тот на мече легко осядет, как на него сразу толпой попрут. Вот и получается, что сил тех сокол поклевал да сплюнул. Даже десять разбойников и то проблема, а там кто знает сколько их на самом деле.

— Верно, — обронил Гату и кивнул волколаку. — Проверь, ежели что ночью пойдем, может и выгорит схитрить как.

— Отравить, к примеру, — буркнула Люта под пристальным взглядом Гату и тут же отвернулась, мол, ну, нет так нет.

Волколак вернулся, когда солнце стало клониться к горизонту. Вышел из леса человеком, будто и не оборачивался, и напрямком к Гату на поклон. Люту это в особенности злило. Идут по ее наущению, а главный этот белоглазый, чтоб его нечисть сжевала и выплюнула.

— Много их там, больше десятка в самом стане, девка в клетке, прав был сокол. По лесу расставлены ловушки, там еще шесть человек, чуть что сразу знак дадут, напрямки точно не получится. Их бы отвлечь чем. Вон, той же Латутой, чем не баба для привлечения внимания?

Латута грозно показала кулак волколаку, в ответ тот оскалился.

— А это идея, — Светозар задумчиво окинул взглядом дородную девку, та аж зарделась вся. — Я не о тебе Латута, я об отвлечении. Костер разожжем в нескольких местах, им так и так проверить надобно будет, для того разделиться придется, а значит часть с лагеря уйдет. Гату с Грулом могут за девицей двинуться, они тихие, просочатся и не заметишь, а ежели заметит кто, отбиться и убежать смогут.

Вперед тут же вышел Братислав и стукнул себя кулаком по груди.

— Я с вами пойду, моя сестра испугаться может, — он словно бы виновато на Гату взглянул и продолжил: — а меня увидит, тут же в спасение поверит.

Гату на мгновение замешкался. Одно дело волколаку довериться, сработались уже, да и договор держит Люткин от предательства, другое дело парень незнакомый и очень уж настойчивый. Гату отмахнулся от дурных мыслей, таким макаром скоро в Лютку, брюзжащую превратится, и будет всем в нос тыкать неверием.

— Добро, ждем ночи и расходимся. Латута с Лютой и Светозаром огни на разных сторонах разводят, мы ждем отхода караульных.

Так и поступили, разве что Лютка, как в сторонку они отошли со Светозаром и Латутой, в руки сунула им порошочки очередные и наказала в огонь сыпануть, да самим не дышать, не то спать будут аки младенцы в обнимку с разбойниками. Светозар по началу головой замотал недовольно, да Люта шикнула на него:

— Не травлю я никого, уснут они, а утром проснутся будто и не было ничего. Какая

никакая, а помощь. А ну заварушка начнется, так хоть часть спать будет сном младенческим.

На том и порешили, разойдясь в три стороны.

Первый костер Светозар зажег, сыпанул порошка Люткиного нехотя, закрыл лицо тряпкой и побежал обратно в лагерь, второй догнала его Лютка, а Латуту так и не дождались.

— Вот дуреха! — выругалась Люта, нервно меряя шагами землю. — Говорила же, не дыши! Вот как чуяла, что лопухнется.

— Идти за ней надо, — Светозар внимательно посмотрел на Люту и наклонил голову в бок. — Впрочем, не подруга она тебе, не уж-то дело есть до девки?

— Не подруга, — кивнула Люта и остановилась. — Но из вас из всех она единственная, кто со мной добровольно и бескорыстно пошел, а значит в спину не ударит.

С этими словами девушка шагнула в темноту леса, туда, куда ушла Латута. Селянка лежала недалеко от костра, раскинув руки и ноги, и громко храпела. Люта подкралась поближе, хоронясь за деревьями и думая, успел кто из караульных дойти сюда или же и не дойдут вовсе. Уж как бы не напороться. Кто-то тронул ее за локоть, и девушка чуть не заорала на весь лес, благо выдержка была, да и Светозар то оказался. Он напряженно обвел глазами пространство и, вытащив стрелу из колчана, кивнул Лютке, мол, иди, прикрою.

Люта выползла из укрытия и маленькими шажками, постоянно оглядываясь, двинулась к Латуте. Сонный порошок к тому времени уже весь выгорел и опасности не представлял. Девушка нагнулась над селянкой, что-то пробормотала и дунула с ладошки в лицо. Храп усилился, отчего Люта скрипнула зубами. Вновь повторила наговор и дунула еще одну порцию порошка в лицо. Ничего. Латута разве что почесалась во сне и рукой махнула, будто бы отгоняя муху надоедливую.

— Ах ты ж...

Люта замахнулась и отвесила звонкую пощечину Латуте, отчего та, всхрапнув, подавилась и пришла в себя. Вместе с этим тренькнула тетива и Люта услышала, как сзади что-то мешком свалилось на землю. Громкий окрик Светозара заставил поторопиться.

— Бегом отсюда, они не уснули! Поднимай ее давай!

— Издеваешься? — гаркнула Люта в сторону Светозара, но тот уже не ответил, а только выскочил из-за кустов, с натянутой тетивой и бешеным выражением лица.

Из темноты на свет костра выступили пятеро. Поигрывая топорами, да кистенями мужики двинулись к гостям не спеша нападать. Светозар не решался метнуть еще одну стрелу, от всех не отобьешься. Пусти стрелу в одного и пока будешь новую натягивать, тебя порубают, только и слышали.

— А чой-то деется, а? — пробасила Латута, сонно шлепая ресницами.

— Ой дурааа, — протянула Люта, сжимая ремень сумки и думая, чего делать. Силу-то применить она может, да только дальше-то что, без сил сутки будет валяться, в прошлый-то раз худо было с тремя селянами еле справилась, а тут пятеро молодцев да с оружием. Начни колдовать, закончить не успеешь.

— Делай уже что-нибудь, — процедил Светозар, не отрывая взгляда от разбойников, каждого пытаясь прицелом охватить. — Ты ж ведьма.

— И что ж мне теперь, всех убивать что ль прикажешь? — огрызнулась Люта. — Так, то не ведьмина работа.

Волчье рычание заставило всех на полянке замереть. Ощерившийся волколак выступил вперед и грозно зарычал на разбойников, показывая аршинные клыки. Те было разделиться

хотели, как вдруг затрещали сучья, закачались деревья. И тут уж такое на полянку выскочило... Косая сажень в плечах сказать, то ничего не сказать. Глазющи белые, сверкают хищно. Руки, что бревна, а на концах пальцев острые когти. В крови по локоть. Гату тяжело дышал, вздымая грудь, и прохрипел низким и тяжелым голосом:

— Покладай оружие, лиходейцы. Не то лежать будете, как дружки ваши, кто цел, кто по частям.

— Чудь белоглазая! — возопил один из разбойников, да деру дал.

Тренькнула тетива, посылая стрелу промеж лопаток беглецу, взвизгнула Латута, рыкнул Грул, на одного из противников с грозным клетотом свалился сверху сокол и завертелось. Одно было хорошо, разбойники растерялись от яростного сопротивления. Бой, что и боем не назовешь, а скорее перепалкой и неразберихой, закончился быстро. Стрелы Светозара нашли новые цели. Гату ухватил за горло сразу двоих душегубов, да о земь приложил так, что те больше и не встали.

— Чего там с Беляной этой, — устало спросила Люта у волколака, помогая подняться с земли Латуте. — Жива?

— Путем всё. Мы же здесь, — язвительно ответил Грул и покачал головой. — Ежели вечно влипать так будешь, однажды поляжем.

— Это я-то влипаю! — взвилась Лютка, тряся за волосы Латуту. Та ойкала и рыдала, будто луком кто в лицо тыкал. — Да если б не эта, сидели б в лагере и горя не знали! Кто ж думал, что настолько дура она!

— Прекрати! — прикрикнул на Люту Светозар. — Ужо, ежели спасать пошла, то неча и винить. Пойдемте отсюда, а то, кто его знает, чего тут еще водится помимо разбойников да волколаков.

Люта отпустила селянку и, злобно фыркнув, устремилась в сторону лагеря, не глядя на идущих сзади. До чуткого слуха донеслось:

— Слышь, Светозар, чо, правда, что ль спасать пошла девку? Сама что ль?

— Ну.

— Вот то весть какая! Кажется, знаешь человека, а оно потом вона как оборачивается. Чудеса!

Хохот волколака и виноватое шмыганье Латуты окончательно уверили Люту — спасать более она никого не будет.

Глава 23. Ночь темна и тёмн мир

— Много-то ты волколаков видала! — хмыкнул Грул, рассеянно пережевывая откушенный кусок яблока. — Я так-то мужик, прежде всего, а мужику нужно есть.

— Так чего ж ты не охотишься? — не унималась Латута. — Гату тебя раза в три больше, а не ест столько же! Мы едем далече, а ты всю снесь изведешь до сроку.

— А куда путь держите? — встрепенулся Братислав. — В гости к кому, али свататься? Никто не ответил. Появившаяся пауза выглядела странно. Люта поскребла лаптем доски телеги и нехотя ответила:

— В гости.

— Гату в свои края пригласил, — добавила Латута.

Тут на нее обернулись и белоглазый, и жрица.

«Ты что, белены объелась? Болтаешь, что корова языком!» — читалось в глазах обоих.

— Вы серьезно? — протянула Беяна, даже хватаясь за голову.

Гату почему-то не понравилось ее изумление. Возможно потому, что он в него не поверил. Вообще она была довольно миловидной и даже приятной девчонкой. Семнадцать лет от роду, а такая хозяйственная, да хваткая. Еще и с братцем товары возить не боялась. Хотя тут скорее, недалекая, потому как, без охраны возить что-то, стоящее денег, это как с кукушкой в «когда я помру» играть — выиграть невозможно. У нее были голубые доверчивые глаза, веснушчатые и всегда румяные щечки, губки-бантики и светло-русые волосы. Беяна не заплетала кос, предпочитая давать им волю.

— Чудь не принимают гостей уже очень давно, — ответил Гату, чтобы прекратить поток опасных и ненужных вопросов. — Мы едем по делу. Это все, что вам стоит знать.

— Эх! Жаль. А я с отрочества мечтал побывать у вас, — расстроено заметил Братислав.

— С отрочества, — хмыкнул Грул. — А щас-то ты уже мужик, вона аж три колоска бородачи торчат.

В глазах юноши сверкнул металл. Он ничего не ответил, но глянул очень нехорошо. Желваки заиграли, а рот растянулся в струну.

«Ишь ты, как нам не нравится, — заметила Люта про себя. — Рожа-то злющая какая стала, гляди лопнет».

— Да не обижайся ты на него, — хихикнула Люта, следя за реакцией парня. — Без доброй бороды тоже мужики бывают. Лет до десяти так точно!

Грул довольно залаял, а Люта внимательно следила за реакцией Братислава. На этот раз тот совладал с собой лучше. Даже засмеялся для вида.

«Но токмо для отвода глаз, — подумала жрица. — Что-то с тобой не так, мальчик».

Беяна почувствовала напряжение и принялась его снимать, как могла. Весело толкнув брата локтем в бок, она подмигнула Светозару и запела:

Ка бы я была царевна в белокаменных палатах,

Завела себе служанок, эдак тыщу, может две!

Чтоб они при мне стирали, стряпали, носили воду,

Чтоб венки цветов сплетали, по мою одну угоду.

Ка бы я была б воитель в булатовых крепких латах,

Я бы рать водила к морю, чтоб ромею не зевати!
Чтобы стольный град в осаде, мне одной склонился в ноги,
Чтоб мой щит с гербом из солнца украшал его чертоги!

Ка бы я была невеста в сарафане дюже красном,
Закатила бы пирушку, чтоб на все края гремела!
Чтобы только на рассвете, повставал бы люд усталый,
И продолжил веселиться, пить и петь мотив удалый.

Ка бы я была русалкой с серебристыми устами,
Стала б путников красивых поджидать на перепутье!
Чтобы те едва увидев, хороша как дочь речная,
Навсегда б в меня влюблялись, от желания сгорая!

— А ты, как я погляжу, спесивая девушка, — съехидничала Люта, все же улыбнувшись.

Ей и правда понравилась и сама песня, и новая попутчица. На фоне Латуты, Беяна выглядела словно русалка. Открытая, на грани того, чтобы показаться распутной, она вела себя смело и непринужденно. То и дело дерзко постреливая глазами в окружающих мужчин, Беяна без тени стеснения кокетничала с ними. От чего-то особое внимание она уделяла Гату. Девушка постоянно терлась подле него, а когда не была рядом, то и дело окликивала, что-то спрашивая.

«Заигрывает с этим? — Люта даже поежилась. — Нашла к кому липнуть!».

Несмотря на то, что у нее не было повода для ревности, жрица снова и снова ловила себя на том, что испытывает похожее чувство. Она постоянно себя одергивала от того, чтобы начать соревноваться с новенькой за внимание белоглазого и вечно хмурого молчуна.

— Наш батюшка так и говаривал, — кивнул Братислав, — Не бывать тебе, говорит, Белка моя за мужем, за приличным человеком! Только ополоумевший такую шепутню к себе в избу пустит.

— А мне обычного и не надо, — сверкнув очами, заметила Беяна. — Обычное оно как несоленый суп. Раз поешь, два, а на третий вылить захочется!

Так разговорами, байками, да прибаутками путники и ехали до темна весь следующий день. Брат с сестрой оказались полезны. Беяна непрестанно пела, веселя себя и окружающих.

«Это ж надо так куражиться, словно не она еще вчера в плену душегубов лесных была!» — подумал Гату, наблюдая за девушкой на привале.

Та, заметив его взгляд, обворожительно улыбнулась, не отводя глаз.

«Первый раз жалею, что чудских жен в камень заклала, — пронеслось в голове Люты. — Сейчас бы сюда его клыкастую. Ох и поглядела бы я, как эта улыбочка превращается в кровавую кашу!».

Они остановились неподалеку от полузросшего лесного пруда. Лягушки от души надрывались, перекрикивая друг дружку. Словно чувствуя скорое замирание на период зимних холодов, квакушки спешили вдоволь рвать глотку, разгоняя объятия подступающей ночи. Светозар за день изловчился подстрелить рябчика, другого же сбил его верный сокол. Пока Грул и Братислав возились, собирая дрова и разводя костер, он неспешно оципывал птицу. Вездесущая Беяна вызвалась обработать птицу самостоятельно, но Светозар только качал головой.

— Да я столько раз и глухаря, и рябчика щипала, что и не упомнишь! — не унималась Беяна. — Уже ль не доверяешь?

— Доверяю, — спокойно отвечивал охотник, — да токмо дичь взял я, а значит и готовить, как мне по нраву.

— А разница? — вступилась Латута. — Что так, что эдак, все одно птичка — мясо.

— Хех! Сразу видно селянку, на репе да капусте возвращенную! — оскалился Грул. — Мясо мясу рознь. Вот, помню, случай был. Волколаки стаями-то не живут, чай не волки мы. Но порой все же собираемся. Не важно зачем, не про то рассказ. Дык, вот, устроили мы с корешками как-то облаву по новой луне, стало быть...

Поняв, что едва не ляпнул лишнего, волколак тотчас исправился.

— На разбойничков-душегубов, ясное дело. У-у-у, какая там банда была. Все деревни окрест в страхе держала.

— Ну-ну, — хмыкнула Люта, но слушать продолжила.

— Так вот задрали мы, значит, человек восемнадцать. А один там был, не поверите, арапчонок.

— Это кто? — опешила Латута.

— Ну, такой смуглый, как головешка. Говорят, племя ихнее где-то далече за горами обитает. Мне дружок так и сказывал, арапчонок это, заморское чудо, стало быть.

— Иди ты! — буркнула Латута.

— Да чтоб мне пусто было! Черный как смоль! Так вот подходит ко мне парняга из наших, Градька, и говорит, мол, надо его по-особому сожрать, а то всякое удовольствие пропадет.

— Так, завязывай со своими байками, — хохотнул Светозар. — А то как бы не вышло, что тебя давно вздернуть следует.

— Да там не про то... — попытался оправдаться Грул, но его прервал тихий, но твердый рык Гату.

— Полно, языком чесать. Уже сумерки, проверь что вокруг, нет ли кого поблизости.

— Так сокол же смотрел, — недовольно протянул волколак, вставая.

— Ты еще посмотри, — бесстрастно заметил Гату.

Недовольный тем, что не дали дорассказать историю, Грул обернулся волком и умчался в ночь, только и видели. Снова повисла тишина. Костер мягко потрескивал, освещая лица сидящих подле него. Ох и разношерстная подобралась компания. Между ними не водилось ничего общего. Они даже не были друзьями, как и не знали друг друга, но каждого к пламени этого огня привела судьба. Внезапно сокол всполошился, ероша перья.

— Опасность? — тотчас отреагировала Латута, заранее бледнея.

— Нет, — ответил Светозар, успокаивая своего пернатого товарища. — Летучие мыши на охоту вышли. Вон, глянь порхают. На свет потянулись.

Люта тоже задрала голову, глядя в темную синеву неба. Вскоре она заметила крошечную точку. Та двигалась не как птица, а походя по движению скорее на бабочку.

— А чегой-то они едят? Мошек поди? — спросила Латута, замороженно следя за ночными охотниками.

— Я слыхала, они кровь пьют. Вот так заснешь, не к месту сказано будет, под деревцем. А тебя хватить и высосут! — прошептала Беяна и щипнула Латуту за бок.

— Иди ты, — беззлобно отмахнулась девушка, натужно улыбнувшись, хотя было видно, что ей не по себе.

— Это враки все, — заявил Светозар, насаживая разделанных на куски рябчиков на палочки. — Они питаются жучками, мотыльками, пауками, личинками. У них и зубов-то нет.

— Не всегда, — обронил Гату, следя за языками пламени. — На каждый род бывают исключения.

Белоглазый говорил вполне серьезно. Уютное тепло костра щекотало вытянутые и уставшие за день ноги. В памяти всплыл один эпизод из юности. Можно сказать, из детства. Как же давно это было? Вроде лет тридцать назад, а теперь казалось, что все триста.

«Сколько ж воды утекло с тех лет... — подумал Гату, рассеянно подкидывая веточки в огонь. — Сколько шагов отмеряно».

По меркам людей Гату тогда был молодец в самом рассвете сил, а у его народа это еще зналось за младенчество. Непоседлив был тогда белоглазый, до познания мира охоч, да жаден. У чуди не принято ограничивать детей. Они росли в стае, но и сами по себе, одновременно. Ходили под землю и лес, в горы, да на болота. Гату родился с белыми очами, чего не случалось многие луны. Не было пределу радости и счастью племени. Ведь вышел на свет он не один. Мать разродилась двойней. Гату и Кано. Едва успев подрасти, мальчишки принялись исследовать земли, что лежали вокруг. Когда непоседливые будущие шаманы заглянули под каждый камешек, да в каждое дупло, их взор устремился дальше. Они рвались навстречу таинственному миру, полному чудес и новых открытий.

Как-то раз братьям довелось набрести на разоренную деревеньку, стоящую в предгорьях. Едва юноши вошли в селение, навстречу вышел старец. Годы согнули его спину, выбелили усы и бороду, а глаза лишили ясности. Но как бы не был стар, тот несчастный, он сразу понял, кто перед ним стоит.

— Миленькие вы мои, чудские заступники, не оставьте на погибель! Смилюйтесь над людьми, смиренными и добрыми. Помогите нам! — взмолился старец.

— Что за беда у вас стряслась? — отвечивал Гату.

— Аспиды люд изводят, — горько прошептал старик. — Сначала думали один поселился, поозорничает, да отводится. Да видать стая целая! Через день по душе уносить стали! Девять! Девять кровиночек наших забрали и это за две-то недели.

— Вы их видели? — подал голос Кано.

— Нет, зато слышали, как их крылья шелестели в ночи. Такие мощные взмахи... Нет в мире птиц таких, чтобы так хлопали!

— Аспид, — уверенно кивнул Кано, бросив взгляд на брата.

— Мы поищем гнездо и отвадим, — проникновенно сказал Гату, беря старца за плечи, когда тот уже и в ноги плюхнулся. — Аспид только чужь послушает. А коль нет, то мы с братом с него спросим, в миг отвадится и дороженьку позабудет.

Старик долго еще благодарил, обливаясь слезами счастья и избавления, а братьев уже и след простыл. По началу искали в горах, однако ж все пещеры выглядели пустыми и не обжитыми. Не один перевал излазили — все тщетно. Нет и не было тут аспидов! Когда совсем отчаялись выискать коварных змеев, братья решили устроить засаду. Возвратясь в деревню, Гату строго-настрого заклил местных в ближайшие дни ходить на охоту, да по грибы-ягоды.

Принялись ждать. Первые две ночи никого не появлялось. Братья бдели по очереди, не смыкая глаз, следя за темными небесами, прячась в стогу сена. На третью ночь, едва солнце за горизонт нырнуло, началось. Сперва послышались мощные хлопки кожистых крыльев.

Как Гату не старался вглядываться, ничего было не видеть. Горы и горы, спокойные вершины в небо смотрят. А меж тем хлопки крыльев все ближе и ближе да громче. Тут-то Кано и охнул, хватъ брата за плечо, да в другую сторону указывает. Обернулся Гату, да так и замер, глазам не веря.

То, что летело к селению, едва не задевая верхушки деревьев, не было аспидом. Больше всего существо походило на огромную летучую мышь, только с корову размером. Толкая гигантское тело вверх на каждом махе, она издавала тяжелые хлопающие звуки. Даже издали было видно, что толкать такую тушу ой как не просто. Это существо не могло существовать по всем законам мироздания. Не жить, и не нежить. Чудовищный выродок, что наводил ужас на округу.

— Мы с ним не справимся, — резонно заметил Кано. — Надо узнать, где оно спит. Может удастся приручить?

— Приручить? — ужаснулся Гату. — А кормить такое чудовище чем? На него дичи не напасешься. Даром эта тварь на людей охоту начала?

— Не горячись, братец. Для кого-то и мы с тобой чудовища.

— Делать-то, что будем?

— Следить. Коли селяне не дураки, будут по домам сидеть. Тварь полетает, да не солоно хлебавши уйдет. Тут-то мы за ней и пристроимся.

Вдруг послышался девичий крик, быстро перерастающий в вой. Кричала совсем молодая девчушка. И чего она только в такой час на улице делала? Задаваться этим вопросом было не ко времени, да и не к месту. Громадная летучая мышь невероятно проворно для своей комплекции повернула, метя на звук, и сложив крылья, камнем устремилась вниз! Гату понял, что нужно действовать немедленно. Тело само подалось вперед, выбрасывая себя, словно лук стрелу. Прыжок на крышу. На соседнюю. Еще один и...

Гату врезался в черную мохнатую тушу в самый последний момент, сбивая вбок. Девчушка так и застывшая, словно обледеневшая, визжала, обливаясь слезами, но не могла даже пошевелиться от страха. Обескураженная от того, что жертва не попала в когти, летучая мышь врезалась в пристройку к кузнице, ломая перегородки и крышу. Натужно ворочая тяжелым телом, она развернулась, опираясь на широкие крылья. Огоньки глаз горели красным пламенем, и было в том взгляде столько досады и ярости, что Гату сам едва не застыл, как вкопанный.

Припав к земле ладонями и лбом, чудь хотел было воззвать к силе рода, но почему-то отлетел в сторону. Брат оттолкнул его в последний момент, и длинные как мечи когти летучей мыши нашли лишь пустоту. Кано не успел отскочить сам и тварь сжала его тело, грозя переломить. Гату, взревев похлеще медведя, бросился на противника, запрыгивая мыши на спину. Он был вне себя.словно обезумивший берсерк, Гату рвал кожистые крылья, превращая их в лоскуты.

«Она слишком сильна и проворна. Сначала ее нужно замедлить и лишить возможности взлетать».

Кано, пришедший в себя, вгрызся в сжимающие его лапы, силясь их разжать. Мышь визжала от боли, проливая горячую кровь. В ее воплях уже не было хищной злобы. Какие-то букашки нанесли ей урон, наверное, впервые за долгую жизнь. Они совсем не боялись, рая ее драгоценное тело! Разжав лапы, мышь толкнулась от земли, пытаясь взлететь. Не смогла, крылья больше не могли цеплять воздух. Зато надоедливая букашка свалилась.

«Сейчас я разорву ее на части! Мокрое место останется!».

Челюсти клацнули, едва не зацепив Гату, но тот проворно отскочил, двигаясь вокруг колодца. Вдруг резкая боль заставила мышь взвизгнуть, оборачиваясь. Кано, подхвативший кузнечный молот, обрушил его на хребет твари. Челюсти вновь клацнули, но братец тотчас отпрыгнул назад, маня за собой. Тяжело и неуклюже поворачиваясь, мышь прицелилась и прыгнула вперед! Она должна была накрыть мерзкую букашку и разорвать. Но что-то дернуло назад, да так сильно, что тварь вмазалась мордой в землю, глотая пыль. Когда мышь оставила Гату, тот накинул на ее лапу цепь от колодца.

Хрипя и заливаясь оглушительным визгом, тварь силилась встать, но уже не могла. Повыскакивавшие отовсюду люди, лупили ее всем, что под руку попало. В ход шло все: вилы, топоры, дубины, коромысла, ножи, да просто кулаки.

— Дык, какие такие-то исключения-то, ась? — спросила Латуга, по-видимому уже не в первый раз.

Отойдя от воспоминаний, Гату рассеянно поднял на нее взгляд, не сразу поняв, что обращаются к нему.

— Забудь, — мрачно ответил белоглазый. — То дела минувших дней.

— Наверное, — добавил он очень тихо, немного погодя.

Глава 24. Даже у смерти есть красота

Остановившись у переправы, чудь замер, выжидательно глядя на брата с сестрой. В этом месте Славутич замедлял течение, что позволяло пересечь реку на плоту. На берегу были построены деревянные мостки с креплениями для лодок. Они казались ветхими, доски местами прогнили, но судя по следам на песке было видно, что сюда регулярно прибывают люди.

— Полочане на западе, а наш путь лежит на север, — грянул Гату, взглядываясь в лица попутчиков. — Пора прощаться.

— Как быстро течет время... — протянула Беяна, награждая белоглазого мягкой улыбкой. — Еще столько песен не спето!

— Да и лодочника нет, нужно в Вышки за ним сгонять, — кивнул Братислав. — Все одно это по пути, так что рано прощаться.

— Нам по пути, мы к вам и направим, — возразил Гату, следя за глазами парня. — Скоро город, я буду прятаться. Чудь нынче по-разному встречают, лучше вам при мне не отвечать. Мало ли, что люди подумают. Мы-то уйдем, а вы тут торгуете.

Братислав мельком глянул на сестру, словно ища поддержки. Кажется, его красноречие истощилось, но расставаться с попутчиками ему отчего-то не хотелось. Вдруг Беяна ойкнула, указывая на водную гладь. Темные волны несли обломки деревянных конструкций, корзины, колеса и тела...

Светозар отложил верный лук, отстегнул пояс с мечом и зашел в воду по грудь, взглядываясь во влекомые течением предметы, а потом поплыл. Едва охотник погрузился в реку, мощными гребками толкая тело вперед, как сокол взвился в небо, оглашая округу хищным клекотом, да так и умчался прочь на север. Поняв, куда направляется товарищ, Гату последовал его примеру, коротко бросив:

— Стойте, не рыпайтесь. Сейчас разберемся.

Никто не был против, в особенности Грул, который с видимым отвращением поглядывал на воду. Светозар рискуя попасть в течение, изловчился ухватить за ворот плывущее мимо тело мужчины, Гату мигом оказался рядом, помогая вытащить убитого на берег. Человек был одет не бедно, добротная красная рубаха, пояс с серебряной бляшкой, богатые ножны для меча, без одного. Ниже его левого плеча зияла колотая рана, оставленная широким клинком. Мужу было под сорок лет. Светозар бесцеремонно обшарил его одежду, засовывая ладони во все карманы, наконец, найдя кое-что интересное. Небольшой предмет представлял собой подобие печати на длинной ножке. На гербе были скрещенные топор и меч под двумя солнцами.

— Гербовое клеймо, — резюмировал Светозар, ткнув мертвеца пальцем в грудь. — Это купец из кривичей.

— Что же с ними случилось? — запричитала Латута, сокрушенно прижимая платочек к груди.

— Может, на пороги налетели, — предположил Братислав, разглядывая рану. — Не обязательно, чтобы это было от меча. Для клинка слишком широкая рана. Он мог от удара упасть на сломавшуюся рею или еще чего.

— Пороги могли разбить ладью, да только я сомневаюсь, чтобы из местных сыскался такой кормчий неумеа, который своей реки не знает, — возразил Гату. — Рана и правда

широкая, но я знаю тех, кто носит такие грубые мечи.

— Кто? — охнула Латута.

— Викинги, — проговорила Беляна, и было слышно, что голос вечно веселой девчушки задрожал.

Словно в подтверждение ее слов, с неба подал клич сокол, пикируя к своему хозяину. Светозар коснулся клюва птицы, осторожно поглаживая, словно успокаивая. Повернувшись к товарищам, он молвил то, что по правде сказать, слышать вовсе не хотелось:

— Нурманы, Смоленск жгут.

— Много? — отозвался Гату.

— Восемь драккаров стоит на реке.

— А это много? — встряла Люта, чувствуя нервозность от того, что не знала, как себя повести. — Как проще обойти?

Светозар почмокал губами, прикидывая.

— В Вышках сейчас наверняка пусто. Кто мог, уже умотали на тот берег, поэтому переправа для нас и ребят, — он кивнул на брата с сестрой, — заказана.

— Значит надо идти через лес.

— Люта, через лес тоже не получится. Там до Заволочья рукой подать. Мне туда хода нет, — возразил Гату.

— Это с чего это? — изумила Люта, даже просияв. — Уже ль всеильному Гату где-то не рады?

— Не в этом дело, — хмуро ответил белоглазый, вздыхая. — Там родичи жили. Они ушли под землю.

— Так вы все ходите, разве нет? — вступился Грул. — Ты же вроде и сам ентот, как там, ходящий, во!

— Они не так ушли. А насовсем. Мне нельзя туда вот и весь сказ. Вам не понять, — ответил Гату и отвернулся.

Было заметно, что разговор его сильно тяготит. Чудь явно не хотел рассказывать о чем-то таком, что для его племени было не самой радужной страницей.

— Ну, как веревочка не вейся, а другого-то пути нет, — возразила Люта. — На запад через реку никак, на Восток через лес никак, ничего и не остается, выходит.

— Остается. Идем на север, как и шли, — сообщил Гату.

По глазам его попутчиков, словно волна реки, пробежала рябь. Все притихли, прикидывая, шутка ли это? Да только не имел обыкновения белоглазый шутить.

— Совсем с умишка скатился? — вспыхнула Люта, подскакивая к чудю. — С сотней викингов собрался хлестаться? У нас такого уговора не было!

— Город сильно поврежден? — спросил Гату, оборачиваясь к Светозару, проигнорировав выпад Люты.

— Пока нет, только солому под стенами жгут, еще не занялось.

— Значит они пришли недавно, — задумчиво протянул Гату. — Смоленск так просто не отдадут, нурманы застрянут недели на две, а то и больше. Люта, нужна твоя помощь!

Жрице даже по началу показалось, что закружилась голова. Белоглазый сам просил, да еще и лично ее! Никак нынче звезды с небес посыпятся?

— Что ты хочешь сделать? — спросила Люта, стараясь сдержать победоносную улыбку.

— Нужно самое мощное сонное зелье, какое у тебя есть, на вроде того, что вы в костер

кидали у лагеря разбойников.

— Второй раз такой фокус не сработает, — покачал головой Светозар. — Викинги не пойдут смотреть на ночные огоньки. Они не дураки.

— Я знаю, — кивнул Гату. — Поэтому понадобится именно зелье, а не порошок, чтобы подмешать его в их воду или пищу.

Люте все меньше нравилось происходящее. Отойдя от первой радости, что белоглазый наконец-то нуждался в ее умениях, она чувствовала, что план чюдя пахнет безумием.

— Допустим, кое-что есть, я смогу приготовить достаточное количество на такую ватагу. Как ты собираешься подмешать его им в пищу?

— Нам понадобится человек среди них. Кто-то кто вхож к викингам, кого они почитают, — ответил Гату, глядя на Грула.

Светозар тоже обратил свой взгляд на Грула, хмыкнув:

— А может сработать. Если не перетрухаешь, тебя там на руках носить будут!

— И речи быть не может, — пролепетал волколак, выпучив глаза. — Вы совсем рехнулись? Меня же на мечи поднимут и шкуру спустят.

— Нет, не спустят, — покачал головой белоглазый. — Викинги почитают волколаков. Среди них попадается ваш брат, еще их зовут берсерки. Они не посмеют убить волколака во время осады. Побоятся испугнуть удачу. Твое появление посчитают за добрый знак.

— Я не пойду, — упрямылся Грул. — Даже если они меня не убьют сразу, то как я у всех на виду буду травить такую ораву?

— Тут уж придется тебе попотеть, ничего не попишешь, — пожал плечами Гату. — Надо идти.

— Я не пойду, — твердо процедил волколак, ощерившись словно разгневанный пес.

— Пойдешь, — голос Люты прозвучал как приговор. — Клятву давал помогать, значит пойдешь. У нас нет другого пути, ты сам слышал.

Волколак в гневе выгнулся дугой, словно собирался обратиться в волка, да так и застыл, зло глядя на Люту. Его ноздри раздувались от тяжелого дыхания, а из уголка рта потекла слюна. Приблизившись вплотную к жрице волколак едва не коснулся ее лба своим, процедив сквозь зубы:

— Будь по-твоему, ведьма.

Глянув на Гату, он добавил:

— Когда все закончится, надеюсь ты свернешь ей шею, или это придется сделать мне.

— Полно, Грул. Мы все будем рисковать, — осадил его Гату. — Не забывай, там люди за стенами. Им нужна помощь.

— Ой, да пошли вы все, — бросил волколак, уходя к реке, и принялся демонстративно намываться.

— Так, что ты задумал? — осведомился Светозар, с интересом следя за Гату.

Тот лишь сверкнул глазами и принялся рассказывать.

Сумерки опустились на засыпающий лес, скрадывая от глаз очертания и тени. Течение Славутича превратилось в темную непроницаемую мглу, на которой отражались горящие в ночи костры. Восемь драккаров причалили, наполовину высунув своим морды на гальку берега. Их пугающие хищные морды, неотрывно следили за заревом, что занималось над Смоленском. Крепкие стены все еще не поддавались. Защитники пресекали попытки поджечь частокол, заливая пламя водой. Викинги на это отвечали лишь довольным ревом. Они знали, что скоро город начнет нуждаться в пресной воде, которую попросту выливают

на стены. Смолочане отвечали им ругательствами и одиночными стрелами.

Тем не менее, по эту сторону частокола тоже кипела работа. Отовсюду стучали топоры. Нурманы валили лес для постройки лестниц и тарана, жгли древесину на угли, которыми забрасывали город из катапульты. Их грубые и жесткие голоса громогласно оглашали окрестности. Казалось, им нипочем усталость и время. Они были уверены в себе и своих силах, как и в то, что за стенами ждут богатства и слава, женщины и бессмертие.

У одного из самых пышных костров восседали четверо покрытых шрамами и татуировками ветеранов. Пышные синенные усы, плетеные в косы бороды, бритые черепа. Они походили друг на друга, словно братья одной дикой звериной стаи. В ночи раздался волчий вой. Вояки переглянулись, тотчас обменявшись одобрительными кивками.

— Вер тихх, хер ек ком! — гаркнул один из воинов, вскидывая над головой огромную секиру.

Остальные дружно расхохотались, вторя товарищу:

— У! У! У-у-у!

Грул в обличии волка, выскочил перед их костром, оскалив пасть и снова что есть мочи завыл. Викинги довольно взирали на зверя. В отблесках пламени костра он отбрасывал тень, в которой угадывались очертания человека. Воители так были заморожены явлением волколака, что не заметили сокола, который едва слышно шелестя крыльями пронесся мимо. Крючковатые лапы разжались, сбрасывая подле Грула его верный нож, который воткнулся в землю. Оскалившись в последний раз, он для острастки рыкнул, демонстрируя окровавленную пасть и кувыркнулся оборачиваясь.

Стараясь ступать твердо и глядеть на викингов как можно более нагло и свирепо, Грул подошел к костру, кивая на свободное место. Те не были против, довольно щерясь. Сидящий слева нурманин, сунул в руки волколаку кожаный бурдюк. Судя по запаху там была медовуха.

— Скол! — пробасил викинг и товарищи тотчас его поддержали.

— Скол! — провозгласил Грул, прикладываясь к горлышку, окровавленными губами.

Дождавшись, пока почетный гость утолит жажду, старший из четверки, викинг, с пытливыми светло-голубыми глазами осведомился:

— Твой род... руса... при жизнь?

— Руса, хотя я и сейчас жив, как видишь! — ответил Грул, ухмыляясь в ответ.

— Хочьейшь за них просить мир?

— Волк не просит за добычу, — холодно заметил гость.

— Ха-ха-ха! — разразился нурман, к нему присоединились спутники. — Хороший сказат, ночной кхотник!

— Когда зайдете внутрь? — и глазом не моргнув, бросил Грул, кивая в сторону города.

— А-а-а... — прокряхтел нурманин, подбирая слова. — Через два зафтра... да, через два я зайдем. Кхочешь с нами?

— Да, — кивнул Грул, оскалившись. — У меня здесь должок. Надобно вернуть!

Викинги переглянулись, зыряка друг на друга с неподдельным азартом.

— Ты с нами! — рыкнул вожак. — Скол!

Они снова выпили. К костру то и дело подходили другие люди, кто опрокинуть бурдюк да поглазеть на волколака, иные прибывали с донесениями. Когда новые друзья достаточно осоловели, Грул потрянул головой, коротко бросив:

— Пройдусь.

До него уже никому особо не было дела. Хмель стер впечатления от встречи с ожившей сказкой. К тому же викинги не были людьми, которых можно надолго увлечь чем-то сильнее, чем выпивкой или резней. Скользя по ночному лагерю, Грул устремился к драккарам. Здесь тоже горело несколько костров, но стоящие на страже своих судов не пьянствовали. Напрасно волколак ждал, растворившись в ночи, нурманы несли дозор, как надо. Вдруг, один из сидевших у костра воинов встал, устало разминая спину. Коротко бросив что-то на своем наречии товарищам у других драккаров, он не спеша побрел в сторонку. Отойдя шагов на десять, мужчина стянул шаровары, усаживаясь.

Подкравшись сзади, Грул подхватил камень и от души саданул нурмана по затылку, надеясь не убить. Парень оказался не робкого десятка и даже попытался обернуться, но второй удар его все же свалил. Воспользовавшись отсутствием стража, волколак скользнул в воду. Оказавшись подле оставшегося без охраны драккара, он, кряхтя и извиваясь, забрался на борт. Как и ожидал Гату, съестные припасы хранились здесь. Бочки с лососем, солонина и конечно же медовуха, три бочки. Рядом с волколаком, по деревянной палубе брякнул упавший с неба предмет. Грул замер. Звук падения колбы показался оглушительно громким. Сокол принес зелье. Вслушиваясь в ночной дебош нурманов, волколак замер, тяжело дыша. Сердце стучало, норовя пробить грудную клетку.

«До чего же страшно, мать твою раз так! — подумал Грул, украдкой выглядывая из-за борта. — Вроде тихо все».

Откупорив каждую из бочек, Грул влил туда содержимое Люткиной колбы для колдовской дряни, стараясь не вдохнуть эту мерзость. Тем временем у костра, подле другого драккара, стоящий на страже викинг, забеспокоился.

— Асмунд? — бросил он, взглядывая в ночь. — Асмунд!

В ответ никто не ответил. Нурман что-то буркнул сидящим неподалеку товарищам и те, оголив оружие подошли. Посовещавшись, они двинулись в сторону, куда недавно ушел Асмунд, то и дело вертя головами и оглядываясь.

Понимая, что это его единственный шанс, Грул перекувырнулся через борт, проплыл вокруг следующего драккара и залез в него с другой стороны. Прделав фокус с бочками вновь, он снова спустился в воду, как вдруг послышались крики. Голоса викингов казались рычанием похлеще его собственного и не предвещали ничего хорошего, хоть Грул и не понимал их слов. Стараясь выкинуть из головы все происходящее, он проник в следующий драккар, снова добавляя зелье в бочки.

Послышался топот множества ног. Новые крики и проклятия оглашали окрестности. В руках выбегающих к реке викингов были факелы, разгонявшие тьму. Трясаясь от страха, как лист на ветру, Грул опять спустился в воду и подплыл к очередному драккару. Изо всех сил заставляя себя игнорировать крики, волколак методично взобрался на палубу, поочередно опрокинув колбу с ведьмовским зельем в бочки. Внезапно на его плечо легла чья-то ладонь. Грул хотел было дернуться в сторону, но сильные руки сгребли его в охапку, как соломенное чучело, словно он и вовсе не имел веса. На него взирал по истине великан. Рыжие косы спадали на покрытую буграми мышц грудь, запястья закованы в медные браслеты, суровые глаза смотрели с ненавистью, суля смерть.

Раздавшийся во мраке легкий свист показался Грулу знакомым, как вдруг в шею викинга вонзилась стрела. Нурман даже не сразу понял, что произошло. Выпустив волколака, он ощупывал древко, не веря в произошедшее. Вторая стрела ударила его в висок, лишая мучений. Грул вздрогнул, чуть не потеряв равновесие. Его передернуло, едва не

СТОШНИВ.

«Спасибо, Светозар!».

Схватив тяжеленное тело, волколак потащил его к борту. Парень был неподъемным. Кряхтя и пыжась, Грул в какой-то момент даже решил, что не сможет его поднять, но отчаяние и страх сделали свое дело. Мертвец рухнул в воду, вызывая чудовищный всплеск. Не дожидаясь пока прибудет подмога, Грул прыгнул следом. Мертвеца следовало оттолкнуть подальше от берега, чтобы его приняло течение. Несмотря на то, что в воде викинг не казался таким тяжелым, это стало еще тем вызовом. Грул то и дело хлебал накатывающие волны, рискуя закашляться. Силы покидали его тело, из которого к тому времени окончательно выветрился выпитый хмель.

Мертвеца мягко обняла волна, унося прочь. Славутич не брезговал ни славом, ни нурманом, ни печенегом принимая всех. Волколак из последних сил начал грести к берегу. Едва руки коснулись травы, он с удовольствием рухнул, как никогда радуясь земле под ногами. Когда к нему подошли, он устало перевернулся лишь для того, чтобы потерять сознание. Тяжелый молот опустился на голову, едва не раздробив кость.

— Не зашиб? — пробасил воитель, бесцеремонно хватая волколака за подбородок. — Вроде нет. Черепушка цела.

— Отнеси его к Бьерну. Пусть сам решает, что делать с этой падалью, — ответил первому грубый голос.

Гату мрачно выслушал доклад Светозара.

— Значит он успел влить зелье в бочки половины драккаров, — заключил белоглазый. — Не так чтобы совсем скверно.

— Честно говоря, это уже не важно, — возразил охотник. — Половина в нашей ситуации это все равно, что ничего.

— А что будет с Грулом? — спросила Латуга, тревожно вглядываясь в лицо Гату.

В ночной дымке, да еще и при отсутствии света, его глаза казались особенно зловещи.

— Они не убьют волколака сразу. Не должны. Но точно будут пытаться.

— Это была твоя идея, — напомнила Люта, как ни в чем не бывало.

— Моя, — согласился Гату, — и я вытащу его!

— Нельзя расходовать силу понапрасну! — оскалилась Люта. — Хочешь под землю уйти? Чтоб потом неделю быть не полезнее этой?

Она кивнула на Латугу.

— Постойте, — проговорил Светозар, глядя в пустоту. — Мой сокол... Там что-то происходит... Нурманы готовят церемониальный круг. Грула растянули за руки, привязав к столбам!

— Они готовят ему кровавого орла, — прорычал Гату, вскакивая.

— С кораблей катят бочки с медовухой, — продолжил Светозар, глядя невидящим взором.

Охотник был собран, взирая на мир через очи своего сокола. У него даже закатились глаза. Это зрелище весьма нелицеприятно смотрелось. Беляна отшатнулась, в который раз кляня себя за то, что не могла привыкнуть.

— Бочки с нужных кораблей?

— Да, с первых двух!

— Возвращай сокола, нужно срочно передать послание кривичам! — гаркнул Гату. — Люта, ты умеешь писать?

— Лагута, принеси бересты, — обронила Люта, добавив, глядя на белоглазого: — Что нужно писать?

— Пусть приготовятся выйти за стены и напасть!

— Так они тебя и послушали! — хмыкнула ведьма, качая головой. — Они и не подумают ничего делать.

— Выбора нет, — отрезал Гату. — А у Грула нет времени. Ждите здесь. Светозар, сбереги их. Если я не вернусь, поход окончен. Помоги детям вернуться.

— Сделаю, — с готовностью ответил охотник, положив руку на плечо белоглазому.

— Вы с ума посходили?! — в один голос возопили Беяна, Люта и Братислав.

Но Гату их уже не слышал. Опустившись на руки, он мчался прочь, утробно рыча, нагнетая в себе ярость. Оказавшись в лесу, чудь опрометью бросился собирать ритуальные предметы. Хвоя, лягушка, мотылек... Еще бы пепел... Леший с пеплом, нет времени! Прочертив вокруг себя линию, Гату, смазал лицо пылью с крыльев насекомого, пожевав сосновую хвою, сплюнул на руки содержимое рта, растирая по телу. Осталась лягушка. Она взирала на него, не понимая своей роли в предстоящей ворожке. Чудь лизнул спину квакушки, осторожно ее отпуская. Его тело вздрогнуло, кожи коснулось холодное марево, покалывающее, подобно морозному дыханию. Опустившись на колени, чудь коснулся лбом почвы и зашептал древние слова, которые понимала только мать-земля.

— Я сын твой от первого племени мира, я кровь твоя, твердь, заплутавший блудник, — слова утонули в треске, обваливающихся камней.

Тело Гату рухнуло вниз, увлекаемое невыносимому смертным силами. Он закрыл глаза, всецело предоставляя себя холодному миру подземной жизни. Сердце забилося медленнее, а мысли перестали быть лихорадочны и хаотичны. Ему нужно было это пройти сейчас. Люта не понимала самой сути. Лишаясь силы, Гату её получал. На совершенно ином уровне. Там, где нет понятия силы и мощи. Это было сродни душевному откровению или даже исповеди. Чудь открывался земле, создавшей его народ, лишней раз доказывая их единство. Он ступал сквозь твердь, не как гость, а хозяин.

Послышались крики, изумленных людей. Со всех сторон пылали факелы и костры. Из развернутой плоти земли, на глазах ошарашенных викингов, которых к слову, мало чем можно было удивить, наружу выползло нечто. Разогнувшись, Гату грозно глянул на застывших перед ним людей, и что было мочи заревел. Растянутый на жертвенном алтаре Грул, вскинул голову, как и все взирая на чудя. Он молчал, но глаза сверкали от радости.

Гату поднял руку, указывая перстом на того самого нурмана с пытливыми светло-голубыми глазами, который угощал волколака медовухой. Викинг понял, что странное существо указывает именно на него, но не ступешевался и выступил вперед.

— Ты замарал себя и свое воинство позором, лишив свободы сына леса, — рыкнул Гату, не заботясь о том, понимают ли его все здесь стоящие воины.

Викинг помолчал, вглядываясь в таинственного незнакомца.

— Я знаю, кто ты, — наконец ответил он, опираясь обеими руками на огромных размеров обоюдоострую секиру. — Ты чудь. Земляной рус. Так?

— Ты замарал себя и свое воинство позором, — повторил Гату, оставив вопрос викинга без ответа, и прокричал, обращаясь к толпе. — Кто смочит позор конунга?!

Послышался раздраженный гул. Все происходящее не вязалось с веселым кровавым зрелищем, к которому готовились нурманы. Поблизости стояли бочки с медовухой, которую должны были щедро разлить по кубкам, пока пленник воет от боли. Теперь же какой-то

странный земляной гость, что-то кричал, тыча пальцем в их командира.

— Конунг замарал вас позором, — повторил Гату, надрывно крича. — Он хотел казнить волколака! Этот пленник волколак. Он не сказал вам? Конунг хотел забрать его силу себе, выпить его кровь. Кто смает позор своего конунга?

— Хорош плотку драть, — гаркнул здоровенный детина, ступая в свет костров, подле круга с пленником. — Дерись со мной.

Гату глянул на светлоглазого конунга.

— Если твой воин проиграет, ты отдашь мне волколака.

— Ты шаман, он викинг, — парировал конунг. — В этом бою нет чести.

Он обернулся, ища глазами кого-то.

— Рагнар! Берси! Гутфлит! Ингунн! — выкрикнул он на своем языке. — Покажите земляному червю, где его место.

Народ расступился, пропуская в круг четырех нурманов. Один был низкорослый, с черной как смоль шевелюрой. В его руках было два топора. Следом появились еще два воина. Один при мече и щите, другой в обеих руках сжимал молот, который по размерам мог бы поспорить с добрым бревном частокола Смоленска. Последней к ритуальному кругу вышла женщина. Она была очень красива. Русые волосы со лба к затылку сплетались в две косы, которые встречались на спине в одну. Высокие скулы и узкий подбородок. На щеках вытатуирована вязь из рун. Серебристо-голубые глаза. Когда она вышла в круг со всех сторон послышались одобрительные возгласы и свист. Ее лицо казалось отстраненно холодным и в тоже время девственно чувственным. Рот слегка приоткрылся, демонстрируя идеально белые и ровные зубы. В руках она держала длинное копьё с листовидным наконечником.

— Скол! — провозгласила воительница, отхлебывая медовухи из чарки.

Ее тотчас поддержала толпа, скандируя одно лишь слово:

— Скол!

Медовуха полилась рекой, зрители довольные тем, что обещанное веселье обещает быть еще жарче, принялись опрокидывать дно кружек один за другим, а Гату приготовился к отчаянному бою. Его противники двинулись в стороны, окружая чудя.

— Братья, не бойтесь смерти! — крикнул чернявый, бросаясь в бой.

— Один, отвори врата Вальхаллы! — вторил ему второй и третий нурманы, увлекаясь следом.

Гату встретился глазами с воительницей.

— Смерти нет! — крикнула она, и бросилась на белоглазого.

Чернявый с разгона хотел нанести удар из прыжка, но в последний момент откатился в бок, обходя чудя. Он специально бросился в бой первым, чтобы отвлечь от нападения Берси и Гутфлита, которые атаковали одновременно. Щит столкнулся с кулаком Гату. Послышался треск, и половина деревянного круга отлетела в сторону. Нурманин схватился за предплечье, взыв от боли. Рука явно была сломана.

Его товарищ оказался удачливее. Ударом молота, он едва не поразил чудя в голову, желая покончить с противником одним ударом. Белоглазый увернулся, но не успел ответить, поскольку в его грудь летело копьё. Кувыркнувшись назад, он едва не лишился головы снова. Черноволосый Рагнар атаковал со спины, круговым взмахом секиры едва не перерубив шею Гату. Он потерпел неудачу лишь потому, что враги столкнулись. Кувырок чудя пришелся как раз ему под ноги и удар ушел в сторону.

Мгновенно вскочив на ноги, Гату схватил упавшего викинга за ногу, раскручивая вокруг

себя и швырнул в бегущих навстречу Берси и Гутфлита. Оба рухнули как подкошенные, не ожидая ничего подобного. В этот момент перед Гату снова оказалась Ингунн. Она двигалась пригнувшись, ощерившись словно рысь. Копье в замахе за спиной, ноги переступают уверенно и методично, словно она танцевала.

Выпад! Гату снова отскочил, не успевая перехватить оружие.

Выпад! Копье чиркнуло по бедру, оставляя кровавую дорожку.

Ингунн победоносно ухмыльнулась, как вдруг замерла. Ее тело изогнулось, и она упала, заливаясь кашлем. Гату взирал на происходящее также изумленно, как и все окружающие. Меж тем, кашель воительницы перерос в стон. Она вдруг вскочила, дико крича, и принялась царапать свое горло. Безумно визжа, женщина рвала свою же кожу, совершенно не заботясь о том, что это ее убьет. Ото всюду слышались крики, но в голосах этих не было ярости, а только... страх и боль.

На глазах Гату один за другим нурманы падали наземь, заливаясь кровавой рвотой и ревя, словно бешеные волки. Понимая, что не время разбираться в происходящем, белоглазый опрометью бросился к Грулу. Мужик был на грани умственного помешательства. Даже выдавший виды волколак взирал на происходящее с ужасом.

— Какого лешего тут творится? — прохрипел он, облакачиваясь на Гату, когда чудь снял его с жертвенного алтаря.

— Кажется, наша жрица перестаралась, — бросил белоглазый, сам трясясь от страха. — Ходу! Ходу! Скорее!

Его крики уже можно было не скрывать. Нурманы изрыгали кровавые фонтаны из глоток. Те, что впали в это состояние первыми уже начали превращаться. Их глаза, заливали белесые бельма. Кожа в мгновение ока чернела, будто выгорая. Еще недавно могучее воинство гнило заживо, надрывно визжа. Отупевшие и обезумевшие от боли живые мертвецы, хватались за оружие, убивая друг друга. Они улюлюкали, словно видели перед собой сокровенную Вальхаллу и дрались. Дрались с остервенением и безумием нечисти.

Гату взвалил Грула на себя и побежал, что было мочи прочь от этого жуткого светопреставления. Со стороны Смоленска протрубил сигнальный рог, следом за которым, перекрикивая гвалт, стоящий над лагерем викингов, слышался клич, выходящих под стены ратников:

— Ру-у-у-усь! Бе-е-е-е-й!

Глава 25. Не верить, не молиться, не жалеть

Пожалуй, более смурного дня для Люты не было с той поры, когда Изу-бей увез ее из отчего дома, надругался, а после отрубил голову жениху, чей образ она с детства в сердце лелеяла. Гату не стал отводить ее в сторону, он не стал выговаривать ей как обычно, воспитывая и поучая, словно дитя неразумное. Белоглазый кричал, распугивая птиц и зверей, заставляя съезживаться даже Светозара. Латута и та зад свой трясущийся спрятала за деревом, впрочем, безуспешно.

— Дрянь черная! Ведьма сумасшедшая! Ты что творишь, ты кем себя возомнила, смертью самой?! Так косу чего не возьмешь, да в открытую махать давай, чтоб не обманывался люд, глядя в глаза твои бесчестные! Я, о чем просил тебя, о чем, спрашиваю?!

— Сонное зелье ты просил, — промолвила Люта, помертвевшими губами. Ее будто все силы разом покинули. Стояла, что на площади перед казнью, камней не хватало в руках разгневанного люда и по лбу, по лбу мерзавку. А чего мерзавку-то? Чего на этот раз сдюжила не так? К груди будто кто головешку прямиком из огня приложил, уж так ужалило. Злые слезы в глазах закипели, да не пролились, не увидит чужь слез ее. Только и может, что грязью поливать, винить во всех грехах да бедах. Ведьма черная, ведьма гадкая, ведьма, ведьма... Ведьма!

— Не травила я никого! Слышишь, не убивица я! Ведьма — да, душ собирательница — да, но не убивица! Не душегубка! Не в этот раз уж точно. Не знаю отчего нурманы те померли.

— Замолчи, умолкни, ведьма, — прорычал Гату. — Зелье ты дала, от него нурманы и загнулись. Твои руки прикоснулись к смертям и отправили их в чертоги Мораны. Знаю, — покуда Грула вытаскивал — ты молилась, приносила жертву своей богине, да смеялась над доверчивостью моей, так? Не видать доброты тебе от меня, и доверия не видать. Кому хочешь молись, кому хочешь верь, а на меня даже смотреть не смей.

Люта обвела взглядом поляну. Грул лежал рядом с костром и угрюмо разглядывал проплывающие облака. Ему все еще было не хорошо, пусть и волчье нутро быстрее восстанавливалось нежели человеческое. На Люту он не смотрел с момента появления в лагере, натерпелся. Светозар хмуро рассматривал стрелы, ковыряясь в оперении, ему все не нравилось с самого начала. Не только Люта, но и вся компания, что подобралась, будто в наказание ему за смерти товарищей охотников. Латута так и стояла за деревом, оттуда доносились всхлипы и утробное сморкание.

Взгляд ведьмы остановился на брате с сестрой. Братислав что-то тихо шептал Беляне, стоя рядом с лошадьми и поглаживая их по гривам. Можно было бы отвести взор и возразить Гату, вступить с ним в жаркий спор, кричать еще громче, но счастливый блеск в глазах Беляны заткнул рот Люты и потушил головешку в груди, оставляя легкое тление.

Ей нужен совет.

Девушка отвернулась от белоглазого и сделала шаг в чащу. На руке сомкнулась огромная ладонь и сжала до хруста костей.

— Куда собралась? Мы не закончили разговор. Покуда не объяснишься, никуда не денешься.

— Отпусти, — Люта посмотрела Гату в глаза и дернула запястье из железной хватки. Острые когти черкнули по белоснежной коже, оставляя красные линии с маленькими

каплями крови.

Он не стал делать еще одну попытку остановить ведьму, а просто махнул рукой, мол, да иди ты, пропащая, отвернулся и побрел в другую сторону. Люта, перед тем как нырнуть в густые и такие гостеприимные объятия леса, последний раз обернулась и бросила взгляд туда, куда устремился Гату. За ним след в след, чуть ли не вприпрыжку побежала, подобрала юбку, Беяна. Люта тяжело соглотнула, и отведя тяжелые ветви куста в сторону, исчезла в лесной темноте.

Ей нужна была Ягиня. Она хотела услышать насмешливый тон, что лучше всего приводил ее в чувство и помогал думать. Она отошла как можно дальше от стоянки и упала на колени прямоком в листву. Руки очистили небольшую полянку, кинжал расчертил руны на стылой земле. Люта сделала глубокий вдох, успокаивая рваный стук сердца, и шумно выдохнула, делая надрез на ладони и окропляя рисунок кровью. Лезвие сделало круг и воткнулось в точку замыкающую линию. Покуда она не прервется, связь будет держаться. Рука с раной зависла над рунами, черный камень на кольце полыхнул тьмой, проявился серп Мораной дарованный, шепот пронесся меж деревьев, посылая отчаянный зов помощи:

— Ягиня, услышь меня! Приди на зов, не откажи в помощи. Не сдюжу я...

Несколько соленых капель сорвалось в круг и впиталось в благодарную почву. Порез на руке забился, будто кто пальцем надавил и поковырялся, отчего девушка зашипела, борясь с желанием сжать ладонь в кулак и отпрянуть, баюкая и лелея рану.

— Чего ты там не сдюжишь, — раздалось ворчание прямоком из камня на кольце.

После гибели Хатум кольцо никак не проявляло себя и Люта думала, что стало оно бесполезной побрякушкой, да только Ягиня поколдовала над ним, расщедрилась для ученицы, каплю своей крови пожертвовала да подсказала, как связаться с ней в случае чего. Надолго сил кольца не хватит, но перекинуться парой слов и того не мало.

— Все не так идет, — выпалила в отчаянии Люта. — Только и вышло, что жен чуждых пленить, а дальше, хоть топись!

— Дура, — рявкнула Ягиня. Голос звучал глухо и хрипло, но злость слышалась, да и камень полыхнул чернотой так, что девушка вскрикнула от пронзившей ладонь боли. — Не важен путь, каким ты идешь, важна цель. Если ты приближаешься к ней, значит все идет как надо.

— Меня обвинили в том, чего я не делала!

— Так разберись! — от гневного окрика с веток повспархивали стаи птиц, мимо пробежавший заяц дал такого стрекоча, что пролетел смазанным пятном. — Я тебя не ныть учила, паршивка. Где вы?

— У кривичей мы, рядом со Смоленском, — прохрипела Люта. Держать руку над рунами становилось все тяжелей, ее словно вниз тянуло с каждой минутой сильнее. Боль уже была похожа не на биение сердца под кожей, а на разъедающий яд. Так больно!

— Будь осторожна, дальше земли Чернобога, люд ему там поклоняется и нечисть. С Мораной связь ослабнет, как и со мной. И еще...

Неожиданно кинжал, что замыкал круг связи, упал на бок, резкий ветер толкнул Люту в грудь и опрокинул на спину, листья, подхваченные дуновением, запорошили руны. Девушка чертыхнулась и встряхнула ладонью с кольцом. Боль прошла, осталось только небольшое жжение. Очевидно связь с Ягиной прервалась и восстановить силенок не хватит, и так долго продержала.

Люта провела тыльной стороной ладони по лбу собирая влагу, что выступила от

неимоверных усилий. Чего-то не успела ей Яга сказать, а значит ожидать можно что угодно. Она усмехнулась, вспоминая презрение в голосе наставницы после ее жалоб и это гадкое: «Так разберись!». Знать бы еще с чем разбираться.

Впрочем, стоит начать с начала. Люта медленно брела обратно в лагерь, снимая слой за слоем с воспоминаний. Вот Гату попросил ее дать сонное зелье, вот она поняла, что ежели и давать, то только лучшее, а готового нет, значит надо делать, а времени мало. Вот она просит Лату с Беляной помочь собрать нужные травы да корешки. И все вроде бы в порядке, она проверила, что ей принесли и ни в чем ошибки быть не могло, так почему сонное зелье превратилось в...

Люта остановилась как вкопанная, между бровей пролегла складка, ладони сжались в кулаки. Спустя два удара сердца Люта услышала смех, но не сразу поняла, что он принадлежит ей, в груди клокотало и она никак не могла успокоиться, усмирить эту щекотку внутри, от которой на глазах выступили слезы, а душа сжалась в испуганный дрожащий комок.

— Дура! Дура наивная! Ведьма недоученная! Девка без роду и племени! Нашла кому довериться.

«Доверие — путь к предательству».

— Когда ж я тебя слушать научусь, Ягиня, — прошептала, на силу успокоившаяся Люта.

Девушка обняла ствол ближайшего дерева и прислонилась лбом к коре. Несколько глубоких вдохов и выдохов помогли обрести давно потерянное равновесие и покой. Ухала сова, слышался треск веток и шорох листьев, стрекотали сверчки и дурманяще пахло мхом, землей и древесиной.

Когда она стала такой потерянной? Когда встретила его, белоглазого? Ужель так почву из-под ног выбил своей моралью, глазами упрекающими, будто отец с того света пришел и пальцем погрозил, будто Милослав укоряюще глядит с небес, будто все, кто умер по ее вине смотрят прямиком в душу и не дают забыться, претвориться обычной девчонкой, что пустилась в приключения, отказавшись как все детей рожать да нянчить. А ведь нужно-то только камень забрать, так чего ж все так сложно стало. Почему на ее совести снова смерть, боль и ярость. Стоило только поверить на чуточку, что нужна, что не так уж и плоха, как по носу опять получила. И это он-то ей про недоверие сказывал, мол, нельзя так, людям-то не доверять, а сам...

Люта решительно оттолкнулась от дерева и вернулась в лагерь. Как только нога ступила на поляну, взгляд нашел Беляну и Лату. Первая о чем-то довольна Гату вещала, что угрюмой горой нависал над костром, а вторая над волколаком хлопотала, то горяченького ему, то под голову чего помягче. Спелись.

— Латура, Беляна, — окликнула Люта девушек и как только те вскинули головы, обращая взоры к ней, продолжила: — Вы где травы собирали?

Латура задумчиво губешку пожевала да и махнула рукой вправо.

— Ну дык, где сказано было. Вышла, значитца, из леса и вот там вот в поле набрала травок запрошенных, сама ж проверила. Я все как надобно насрезала.

— А ты? — Если на Лату Люта не смотрела, покуда слушала ответ, то в Беляну взглядом уперлась как ногой в камень речной для равновесия. Фыркание волколака и смурные взгляды Гату со Светозаром она игнорировала. Разве что Братислава в поле зрения держала, кто знает, чего вытворит, чтобы сестру защитить.

— Там же, — хмыкнула Беляна, не отводя взора от черных глаз ведьмы.

— Да не уж-то? — протянула Люта и сделала еще шаг вперед. И так у нее плавно получилось, так проникновенно, что улыбка Беляны стала тусклей. — А покажи, где собирала. Пойдем, Беляна, глянуть хочу, где буркуна ты мне нарвала, что он и так будучи сам по себе ядовитым, стал смертельным. Чего притихла, Беляночка?

Громкий голос Люты перешел на змеиное шипение, а с последними словами подскочили все на поляне, особенно Беляна, да не от страха, а от возмущения.

— Ты в чем обвинить меня пытаешься, ведьма? Гату, усмири попугчицу свою, не то патлы все ей повыдергиваю со злости. Ишь, чего удумала, на меня записать мертвых, когда сама в крови по колено танцует.

— Замолкни! — рявкнула Лютка и ринулась в сторону наглой девки, да Светозар перехватил поперек живота, дернув на себя и припечатав к груди, руки держа в хватке грубой, чтобы колдовать не вздумала. Да только разве ж остановишь ведьму, ежели в огне ненависти она горит.

Костер, рядом с которым Беляна с Гату стояли, полыхнул на три аршина ввысь, что всем отпрянуть пришлось, закрывая лица руками.

— А ты меня не затыкай! — закричала взбеленившаяся Беляна, испуганная силой Люткиной. — Сама виновата, говорить надо было, что с могил срывать цветы нельзя!

Вся поляна замерла, даже Люта и та застыла в руках Светозара, судорожно хватая воздух ртом. Тяжелый голос Гату разрезал тишину:

— А ты-то откуда знаешь, чего и откуда срывать нельзя?

Беляна закрыла рот руками, глаза бегали от Гату до Лютки и обратно, рядом, как по волшебству, Братислав нарисовался, да и закрыл собой сестру непутевую.

— Гату, не сердчай. Вам она зла не желала, токмо нурманам поганым. Сиротами мы из-за них остались. Вот Беляна и... — парень бросил острый взгляд за плечо, глядя на притихшую сестру, — воспользовалась возможностью... отомстить. Нас бабка, ведунья деревенская приютила, ничему не учила, да Белька сама нахваталась того сего. Видимо тогда и запомнила, что ежели сорвать травку с могилы, так та любое зелье в яд превратит. Прости ее, она ж девчонка совсем, не умеет еще думать.

Последнее слово Братислав произнес с тяжелым выдохом, как с плеч груз скинул.

— Смотри на нее, белоглазый, смотри! — очнулась Люта. — Вот тебе и ведьма паршивая, вот тебе и убивица, да не та! Не всех-то собак на меня скидывать и смотреть как на погань у ног твоих. Ты ж один у нас беленький да чистенький, ты ж один можешь людей прощать, да казнить, а остальные порченые, что....

Звонкая пощечина разнеслась по всей поляне, в который раз погрузив ее в ошеломленное молчание. Латута так и держала поднятую ладонь, которой только что ударила Люту. Слезы раскаяния потекли по полному лицу, еще миг и девка заревела в голос:

— Прости, Люта, да токмо ты так кричишь страшенно-то, горюшка-то сколько в тебе! Не надо так!

Она ринулась вперед, и опешивший Светозар выпустил из рук Люту, которая, обмякнув, повисла уже в руках Латуты. После удара по щеке силы ее покинули окончательно, перегорела от макушки до пят и так все безразлично стало, словно и не ругалась мгновение назад. Крепкие руки сжали девушку с такой заботой и материнской нежностью, что захотелось расплакаться как в детстве. Ей что-то шептали, гладили по волосам и укачивали, не давая и на секунду остаться одной покуда в беспамятство не провалилась, погружаясь в глубокий сон.

Гату был зол и на себя, за то, что, не разобравшись, на Люту набросился, и на Беляну, что так нагло воспользовалась доверчивостью его, вокруг пальца обвела всех, и на Лютку, которая того пуще мысли ему путала и планы, и смуту в душу вносила, без того истрепанную. Разобраться бы, да нет сейчас слов приличных, так, чтобы понятно всем все стало, а потому лучше помолчать, с мыслями собраться, а там видно будет.

Спала Люта беспокойно. Ей снилась боль, а еще туман, в котором она брела на ощупь, боясь сделать шаг и сорваться в пропасть. Она не могла понять куда ей идти и кого искать. Внезапно поверхность под ногами содрогнулась, туман рассеялся, а перед девушкой взметнулось черное пламя. Оно шипело и жалило, и как бы не пыталась отойти от него Люта, а все одно доставал и больно хлестал по рукам, ногам, платью, оставляя порезы и ожоги.

Она точно знала, что ей нужно туда, за этот огонь, но ее не пустят, а потушить черное пламя не сможет. Божественный то огонь, не по зубам он ей, никаких знаний не хватит.

— Уходи, жрица, не место тебе на моих землях!

Голос, что, казалось, звучит отовсюду придавил к земле и заставил уткнуться носом в поклоне. Хлестнула плоть из черного огня, совсем рядышком с щекой Люты, заставляя дрожать и желать смерти.

— Я должна, — просипела она, поражаясь собственной наглости. Уж лучше б молчала.

— *Ежели ты жрица жены моей, не значит то, что можешь слово молвить, — продолжал греметь голос, щека Люты расплющилась по полу, из носа потекла кровь, она почувствовала, что еще чуть и кости затреещат от давления, а после рассыпятся в труху. — Знай свое место!*

Вопреки страху и незавидному положению, в душе Люты загорелся костер злости. Тетка указывала, хазары указывали, Радислава язык ядовитый точила об нее, Изу-бей как хотел пользовал, белоглазый вечно недовольство выказывал. Всем-то она поперек горла, всем неудобна, а ей-то они все по нраву должны быть, всем-то угождать она должна!

— Я-то свое знаю, — Люта насилу щеку оторвала от земли, встав на руки и пошатываясь под давлением, чувствуя, как рот и подбородок заливают кровь, хлынувшая из носа, — и камень заберу!

— Ведьма, очнись, слышишь меня, очнись!

Люту трясло так, словно она на телеге по кочкам скачет. На силу глаза разлепила, а над ней Гату навис и мотыляет, что куклу тряпичную, только и дело, что голова качается туда-сюда. Все столпились, как у смертного одра, смотрят на нее, будто ожидая, что сейчас-то и отбросит копыта, с надеждой так.

— Не помру, не дождетесь, — хрипло рассмеялась ведьма, отталкивая руки белоглазого от себя и кое-как приподнимаясь на локтях. — Чего надо?

— Дык кровь-то кровь у тебя пошла, ведьмочка, — опасно проговорила Латуга, протягивая тряпицу мокрую. — От криков твоих проснулись все, а ты мечешься, землю ногтями шкрябаешь, а потом кровяца как хлынет, тут-то и давай будить тебя, а ты никак не просыпаешься...

— Поговорить надо, белоглазый, да только отойти я сейчас не смогу, ноги не держат, ты уж попроси этих, — Люта мотнула в сторону честной компании головой, — чтоб делом занялись, а мы потолкуем.

— Нет уж, — пробасил Светозар. — Ты при всех давай говори. Мы вместе идем, значит и толковать вместе будем. Доболтались уже в тихую, чуть вусмерть не разругались.

Люта обожгла лучника жгучим взглядом, отчего он только хмыкнул, мол, не боимся мы, пуганные. Покряхтев и усевшись удобней, Люта окинула всех мрачным взглядом и наткнулась на Братислава с Беляной. Беляна вызывающе вздернула подбородок и сложила руки на груди, всем видом показывая, что и не подумает уходить, и вину не чувствует, а кому надо тот пусть, что хочет, то и делает.

— Ваше дело. Впереди земли Чернобога, — скупно буркнула Люта, глядя только на Гату. — Для нас это означает проблемы, потому как я, — она ткнула себя пальцем в грудь, — Мораны жрица, а ты, белоглазый, со мной идешь, как и они все.

— Так Чернобог же муж ейный, — брякнул волколак. — Ну, Мораны же. Чего это он недоволен будет?

— Муж с женой не всегда в мире живут, — Гату тяжело вздохнул, устало проводя ладонью по лицу, как бы пытаясь смахнуть с себя все, что накопилось за не такой уж и долгий поход. — И тут не в том дело, куда мы идем, а зачем.

— Зачем? — встряла Беляна, ожидая, что вот-вот, да и выдадут тайну мрачные путники.

— За надом, — рявкнула на нее Люта, но осеклась под суровым взглядом Гату.

— Выбора все одно у нас нет, но хоть настороже будем. Дорога легче не станет, это точно. Встать сможешь? — обратился он к Люте, которая улеглась обратно и прикрыла глаза. Ее рука пошарила по земле и нащупала рядом сумку, она покопалась там и вытащила мешочек, принюхалась, призадумалась, чего-то вспоминая, и кинула в руки Латуте.

— Завари, выпью и встану, может, даже сил хватит Беляну удушить, — черные глаза сверкнули из-под приоткрытых ресниц и нашли смешливую девку, что за плечом брата схоронилась. — В следующий раз не пожалею, Беляна, слышишь? Можешь не верить, можешь молиться своим богам, да только не пожалею.

— Прекрати, — одернул ее Гату и отошел в сторону, подавая пример остальным. Пора было собираться в путь. Предстоял дневной переход подалее от разворошенного муравейника под Смоленском, а после их ждали земли, что не сулили никому добра.

Глава 26. Колыбель прощения

Беляна болтала пуще прежнего. Её рот не затыкался ни на миг, словно девушка боялась любой передышки. Присмирившая по первой, она старалась вернуть расположение спутников, все время заполняя разговорами. Дюже милостивая да сердечная Латута с радостью ей поддакивала. Толстуха вообще не любила скандалов и свар, а потому с готовностью помогала замять произошедшее.

Светозар, хмуро наблюдавший за всем этим представлением, как-то окликнул Гату и вполголоса сказал:

— Надо гнать брата с сестрой. Девки друг другу не спустят.

— Знаю, что не спустят, — ответил чудь, немного погодя. — А варяги не простят смолянам столько убитых.

— Нурманы сами за смертью пришли. Убивать, грабить, уводить в рабство, — парировал Светозар.

— Так-то оно так, да и не так вовсе, вроде бы, — обронил Гату, оглядываясь на Беляну.

— Объясни, — охотник выглядел изумленным.

— Это не мелюзга какая-то была, варяги при конунге пришли. Резня резне рознь, — ответил Гату, встретившись глазами с Светозаром. — Пободались бы да разошлись, друг другом довольные. И руки размяли и на откуп сторговались.

— А ежели нет?

— То мы не узнаем больше. Смоляне сами не дураки подрасться, то все знают. Да токмо слыхивал я и другое о них. Нет согласия там и уже давно его нет. Всего восемь драккаров супротив Смоленска. Не мало ли, как по-твоему?

Светозар задумался. Восемь кораблей, немногим меньше сотни воинов. Выглядело действительно не шибко внушающе.

— Не понимаю, — признался он. — Ежели ты говоришь там конунг был, то почему так мало? Из малокровных что ль?

— Я думаю, они заранее обо всем сговорились — конунг и смолянский староста, али воевода, али из немирных купцов кто, поди ж знай. Нурманы нападают, берут город в кольцо, жгут, да не особо усердствуя. А когда до драки бы открытой дошло, неугодных свои и выдали. Викингам богатство, да потеха ратная, а заговорщикам воинское подспорье для делишек своих.

— Круто ты завернул, чудь, — хмыкнул охотник, но все же задумался. — Не шибко-то ты в людей веруешь?

— Слепо верят лишь те, кто от правды бежит, — было ответом.

Поняв, что продолжения не будет Светозар снова нахмурился. Он никак не мог привыкнуть к обыкновению белоглазого говорить так, словно лишь его слова истина, и иного сказу быть не может.

— А брата с сестрой все же гнать надо, — напомнил охотник.

— Пусть идут с нами, ежели им то угодно, — пожал плечами Гату. — Сами путь выбрали.

— Не понимаю я тебя, — посетовал Светозар. — То никому не доверяешь, то абы кого, да еще после такого за собой тащишь.

Чудь немного помолчал, снова обернувшись к Беляне. От охотника не укрылось, что

белоглазый изменился в лице. Его словно что-то угнетало, ни то печаль или быть может... сложное решение? Беяна весело щебетала, то и дело бросая колкие взгляды на Люту. Та же шагала, вздернув подбородок, едва ль не спотыкаясь.

Меж тем началось редколесье. Укромные чащи, скрывавшие путников все это время, оставались позади. Ястреб парил в небесах и вроде бы ничего не сулило бед, однако ж все подобралось, словно эту самую беду учуяв. Внезапно погода испортилась. Поднявшийся ветер стал лишь первым предвестником этих перемен. Вскоре небо стянули тяжелые грозные тучи, то и дело искрящиеся сполохами молний.

— Эка Перун разохотился, — посетовал Братислав обманчиво уверенным голосом. — Переждать бы где, пока копыта его не полетели.

Но спрятаться от дождя, который таки ударил, было негде. Капли срывались с небес сплошной стеной, словно и не дождь это вовсе, а небожители лили на землю воду из исполинского ведра. Не обращая внимания на возражения спутников, которые уже были готовы хоть под телегу схорониться от такой напасти, Гату гнал отряд вперед. Набросив поверх головы плащ, чудь упрямо топал, держа лошадь под уздцы. Кобылицы то и дело фыркали и рыпались, но крепкая хватка белоглазого не давала разгуляться.

Люта была вне себя от злости. Все планы, все чаяния, все летело в тартарары. Они либо сбились с пути, либо вот-вот сойдутся, Гату как белены объелся, едва ль на людей не кидается, Белка эта еще шалопутная, чтоб ей пропасть! Сжимая и разжимая кулачки, девушка шагала, то и дело сбрасывая налипающие на лицо волосы. Наконец, не выдержав, она догнала Гату, одернув того за меховую оторочку на запястье.

— Нужно сделать привал! — заявила жрица.

— Место найдем — сделаем, — даже не глянув на нее, ответил белоглазый.

— Ты, по-моему, не шибко-то ищешь, — заметила Люта, добавив: — Нужно спрашивать лешего.

— Не нужно.

— Нет, Гату, нужно! — вспыхнула Люта, окончательно выходя из себя. — Дороги нет! Куда идем — не ведомо! Не ровен час, нарвемся на разбойников или того хуже дружков вчерашних варягов. Надо переждать бурю.

— Место найдем — сделаем привал, — нехотя ответил Гату. — Я не заплутаю.

— Понятно, — буркнула жрица, и отстав от чужа, начала ворожбу.

Не останавливаясь, стараясь шептать так, чтобы ее не подслушали, Люта бормотала себе под нос заговор, а пальцы быстро-быстро шевелились, будто перекладывая в ладонях мелкие камешки.

Хозяин дубрав и властитель опушек,
Лесной господин, свое слово яви,
Дорогу открой сквозь ненастья, тревоги,
На ложе из листьев и трав приведи.

Люта повторяла слова снова и снова, но не чувствовала отклика. Леший то ли не слышал ее, то ли не хотел отзываться.

«Странно, никогда такого не было, чтоб совсем отказывал», — подумала Люта, но упрямо продолжила допытываться.

Когда уже стало казаться, что ее так никто и не услышит, по левую руку вдруг померещилась пещера. Вспышка молнии на миг осветила округу, и Люта успела запомнить путь к темному провалу, лежащему между огромных валунов.

— Там пещера, можно переждать непогоду, — крикнула Люта, обращаясь к Гату, но нарочито так, чтобы слышали все. — Если так будет продолжаться, нас смоеет в Славутич! Надо переждать.

— Не подходящее место! — буркнул Гату, как всегда не оборачиваясь.

— А по мне самое, что ни на есть подходящее! — вновь выкрикнула Люта. — Кто хочет обсохнуть и отдохнуть, идите за мной!

Латуга неуверенно, но все же потянулась за жрицей, боязливо поглядывая по сторонам. Светозар, который уже битый час тащился, согнувшись в три погибели, пряча за пазухой сокола, тоже не возражал, молча свернув с пути. Даже Грул, что так и лежал в телеге, встрепенулся.

— Давай отдохнем, чудь! Сил нет это терпеть. Я тут уже с яблоками плаваю, едва ль не тону.

— Ну, будь по-вашему, — устало ответил белоглазый и повернул лошадей.

Люта шла первой, едва не подпрыгивая. Эка невидаль, согласился белоглазый. Никак начал угадывать кто тут кого понукать может и будет. Оказавшись у входа в темный провал между валунами, жрица немного замешкалась. Оглянувшись в поисках поддержки, она вдруг поняла, что никто не собирается лезть туда первым.

«Тоже мне мужи, ни поддержки, ни души», — мстительно подумала Люта и наощупь полезла внутрь.

Руки вслепую шарили по камням, то и дело натываясь на какие-то гладкие предметы. Те были отшлифованы до идеально ровной поверхности, как бывает с камнями в ручьях. Осторожно проползая на четвереньках, Люта двинулась вглубь пещеры, касаясь стены. Пахло сырой землей, а еще было тепло. По первой ей показалось, что это после дождя кожа так реагирует на отсутствие ледяных капель. Света по-прежнему не было и приходилось все делать на авось. Позади кряхтели попутчики, да фыркали лошади, оставшиеся снаружи. А ход уходил все глубже, тут-то Люта и поняла, что ей не показалось. Действительно из пещеры — ни то норы, откуда-то из мрачных земных недр, веяло теплом.

— Не ходи дальше, — окликнул ее Гату, и Люта в глубине души его за это поблагодарила. Лезть дальше уже совсем не хотелось.

Кожи на руке коснулась шерсть. Жрица едва не взвыла от неожиданности, но тотчас смекнула, что это Грул перекинулся в волка и полез разнюхать, что и как.

— Гату, где мы? — обронила Люта. — Что ты видишь?

— Это заброшенное капище, но похоже давно опустевшее, — ответил тот.

— Может уйти? — буркнул Светозар.

Судя по шуршанию, он впотьмах пытался нащупать в походном мешке огниво и лучину. Вскоре и правда полетели искры, высекаемые кремнем о кресало. Лучинка вспыхнула, гневно подрагивая. Даже она успела подмокнуть, но все же горела. Люта почувствовала, что в животе у нее похолодело, но первый испуг тотчас сменился торжеством, когда она услышала, как охнула Беяна. Под ногами лежали кости, при том не только звериные.

Робкий огонек вырывал из лап тьмы пространство пещеры, украшенное на весьма специфический манер. Птичьи черепа, лежащие вдоль стен, перемежались с человеческими. На земле под ногами, сплошь и рядом валялись кости. Все они были отполированы до блеска, словно хозяин места сделал это нарочно. На стенах красовались довольно необычные рисунки. В образах, оставленных неизвестным творцом, не угадывались ни человеческие, ни звериные лики. Но все были разными. Объединяло изображения лишь одно — они казались

до жути пугающими. Люта задержалась у одной картинке. На ней было существо, похожее на волка, но стоящее на двух ногах. У зверя было три глаза и через чур вытянутая морда. В одной лапе существо сжимало странное оружие похожее на косу, в другой колокольчик.

— Что за жуть-то такая? — проблеяла Латута, стуча зубами ни то от страха, ни то, еще не отойдя от холода.

По началу никто не ответил, как вдруг за спиной селянки пророкотал утробный голос белоглазого.

— Давно сгинули, а ты ж гляди, селянка несведущая и то тотчас признала. Только не жуть это, а жуть.

— Никогда не слышала, — протянула Люта, зачарованно разглядывая рисунок.

— Так про них сейчас и не сыщешь того, кто б слыхивал, — ответил Гату, на удивление спокойно. — То дети старых богов, вы и имен-то их выговорить не сможете.

— Здесь остаться можно? — Люта не выглядела напуганной, но всем своим видом старалась показать, что готова ловить каждое слово Гату, боясь спугнуть его откровение.

— Я уже говорил, место мне не нравится, — подумав, ответил белоглазый, и сам внимательно осматривая рожу древней твари. — Да только раз уж сунулись, ничего не поделаешь. Ворожила?

Люта не сразу поняла, о чем идет речь и, что обращается белоглазый к ней. Спohватившись, она потупила глаза, но все же твердо ответила:

— Да. Лешего просила об убежище.

— Он тебя не слышал.

— Откуда знаешь?

— Сам пытался дозваться, — ответил Гату, глядя на Люту испытующе. — Ты не почувствовала ничего странного?

— Вроде и нет... — протянула жрица, собираясь с мыслями. — Тихо тут и тепло. Меня словно поманило что-то.

Послышался шорох, сопровождающийся клацаньем когтей по камню. Грул вернулся, и обратившись в человека, тотчас выпалил:

— Место как место. Внизу колодец с родниковой водой. Кто бы тут не жил, он явно сюда не захаживал многие лета.

— Пойду воды набрать, — тотчас вызвался Братислав, но белоглазый опустил руку на его плечо, останавливая.

— Снаружи набери, ручейков от дождя бежит много, — покровительственно пророкотал чудь. — Тут лучше не пить.

— Так Грул же ска... — начал было Братислав, но Гату молча развернул его, подтолкнув к выходу.

— Снаружи.

Уставшие и мокрые люди не сговариваясь начали рассаживаться. Латута осторожно осведомилась, нельзя ли прибрать кости, но Люта лишь покачала головой. В глубине души она уже не рада была тому, что завела отряд в эту пещеру. Капище явно оставили многие годы назад. Здесь не чувствовалось присутствия нечисти. И все же что-то было не так, да только вот что, никак не удавалось понять и осознать.

Побросав мешки с поклажей, путники улеглись кто на что, один за другим проваливаясь в сон. Живительное тепло прогоняло тревогу, заставляя рассудок подчиняться пленительной дреме. Ну, кости и кости, подумаешь...

Когда девушки и Братислав вовсю захрапели, Грул и Светозар, переглянувшись, посчитались кому первому тянуть дозор. Выпало Светозару. Охотник спокойно, как всегда, принял жребий судьбы, присев у входа в пещеру, облокотившись спиной на камень. Сокол взгромоздился ему на плечо и принялся чистить перья, словно не собираясь оставлять хозяина на произвол скуки в ночную пору. Грул долго ворочался, пока наконец не забылся тревожным сном.

Было очень тихо, если не считать шумом нескончаемый барабан капель снаружи, да отдаленные раскаты уходящей грозы. Гату сидел напротив изображения жуди, думая о чем-то своем. Наконец, кивнув охотнику, он мотнул головой в темный провал пещеры, шепнув:
— Гляну на этот колодец. Будь на чеку.

Он видел во тьме так же ясно, как днём. Ступая по земле, чудь дивился тому, что все время ловит себя на мысли, что уже видел это место. Проход и правда выглядел знакомым. Недолгий спуск привел Гату к выложенному камнями колодцу. Это явно было рукотворное творение. Заглянув внутрь, белоглазый уставился на свое отражение в темной воде. Поверхность выглядела спокойной и гладкой как зеркало.

В ночи мелькали факелы. Десятки дрожащих тревожных огней. Чудскому народу нипочем было освещать себе путь, да только несли факелы не за светом. Земляной народ шел творить судилище. На глазах всепоглощающего пламени они собирались явить подземным заоблачным и предзвездным богам свою правду. Гату шагал среди многих, боязливо озираясь. Его то и дело касались чужие руки. Кто-то похлопывал по плечу или взъерошивал волосы. Его подбадривали, непрестанно торопя.

Ком подкатил к горлу. Он неосознанно потянулся рукой, тотчас ощутив боль. На шее остался свежий и очень болезненный синяк. Даже отпечатались пальцы душителя. Молодой ходящий все еще не мог поверить в то, что с ним происходило сейчас, и чуть не произошло этой ночью.

Траурная и скорбная процессия тем временем спустилась по узкому коридору под землю. Гату шагал очень медленно. Он не хотел видеть того, чему должно было случиться. Он противился этому. Он не смел это принять.

В факельном кругу застыли его ближайшиe родичи. Семеро чудских дев и двое ходящих — отец и дед. Они смотрели на него тепло и в то же время грозно. Гату даже нутром чувствовал тяжесть, словно сами небеса обрушились на его молодые и еще не привыкшие к такой ноше плечи. В центре круга зиял провал в земле — тёмный колодец, выложенный круглым камнем, а рядом лежало тело, связанное по рукам и ногам.

Кано заметил брата и выпучив очи заревел, брыкаясь, пытаясь встать. Пути крепко держали его тело, однако ж ему удалось перевернуться, поднявшись на колени. Глаза братьев встретились. Они были так похожи. Белесые, словно молоко очи. Одинаковые прямые и острые носы. Серебристые пепельные волосы. Дети рода. Близнецы.

«Что же ты наделал».

«Не надо, брат!».

Отец и дед подошли к Кано, подхватывая его под локти, и поставили на ноги. Несмотря на все происходящее, он пытался держаться. Гордо вскинув подбородок, Кано уставился на отца, в надежде, что тот дрогнет. Не тут-то было. Мужчины замерли, глядя перед собой, не обращая внимания на пленника. Настал черед матери. Послышался шелест ее шагов, степенных и мягких. Женщина с лазурными чистыми, словно летнее небо глазами, остановилась подле юноши. Опустив ладони на его щёки, она поцеловала сына в

лоб, а потом с чувством плюнула в лицо. Отвернулась и пошла прочь. Отойдя на три шага, женщина оглушительно взвыла. О, сколько отчаяния и скорби брезжило в этом кличе. Мать не просто прощалась с сыном, она словно вырывала из себя часть, ту, что дала ему жизнь. Это был полный боли и ненависти вой, в котором не чувствовалось ничего живого. Так кричат неистовые духи и потерянные души. Вторя ей, принялись визжать другие женщины, а пространство пещеры подпевало им эхом, стократ усиливая и без того жуткий звук.

Гату подошел к брату на негнущихся ногах и выдернул у того изо рта кляп.

— Гату, это было наваждение! Ты же меня знаешь! Я бы никогда...

— Кано, не надо, — прошептал в ответ брат, дрожащим от подступающих слез голосом. — Все кончено.

— Гату, не надо! Я молю! Брат! Милый брат! Не надо! Заклинаю тебя!

Брат не отвечал, приняв тело пленника из рук отца и деда, он развернул его лицом к колодезю. Ноги Кано подкосились. Парень упал на землю, извиваясь, силясь отползти, не переставая крича:

— Братик! Миленький! Не надо! Пожалуйста, Гатушка! Не надо!!!

Он не выдержал. Слезы хлынули из глаз. Рыдая навзрыд, Гату схватил брата за грудки и несколько раз ударил кулаком по лицу. Брызнула кровь из разбитого носа и рта, а Кано кричал, не замолкая:

— Гатушка! Заклинаю тебя! Пощади, меня. Братик мой! Братик мой любимый, единственный! Пожалуйста, Гатушка не надо!!!

Он бил брата снова и снова в надежде, что тот замолчит, а потом упал ему на грудь, заливаясь горячими слезами. Их глаза встретились в последний раз. Вплотную. Пот одного смешался с кровью другого, слеза к слезе, лоб ко лбу. Взревев, как раненный медведь, Гату вскочил и поднял тело брата. Он шагнул к колодезю, чувствуя, что ноги вот-вот подкосятся. Кано отчаянно боролся, извиваясь, как уж. Брат уже не мог его держать. Не было сил. Руки разжались, и тело рухнуло в темные воды подземного колодца. Всплеск был такой силы, что на лице Гату остались капли. Ему показалось, что из пучины на него в последний раз глянул брат.

Белоглазый очнулся, вздрогнув. Он стоял на коленях перед колодцем, глядя на свое отражение. Вокруг было тихо, как в могиле. Поднявшись на ноги, он почувствовал головокружение. Руки тряслись, а грудь вздымалась, выгоняя наружу тяжелые стоны. Гату облизал намокшие губы, почувствовал солоноватый привкус собственных слез. Когда он вернулся наверх, Светозар опасно на него покосился, но так ничего и не сказал.

Присев подле Люты, чудь некоторое время разглядывал ее лицо, будто силился в нем рассмотреть что-то известное только ему. Рука сама потянулась к голове жрицы, осторожно касаясь волос. Он гладил ее с внезапной нежностью и трепетом, боясь разбудить и потревожить. Гату еще некоторое время вглядывался в лицо Люты, а потом прикрыл глаза и тотчас провалился в мертвецкий сон.

Латуа бежала по деревне, то и дело спотыкаясь о камни. Ее лицо горело от стыда и обиды. Дыхание давно сбилось, а грудь вздымалась от ежесекундных всхлипываний. Позади слышались озорные крики и гиканье. Невзирая на усталость и очередной раз упав, девчонка рванула из последних сил к родной избе. На пороге стояла мать. Надежда отступила, когда Латуа увидела выражение её лица. Взгляд матушки был красноречив и не сулил защиты.

— Ну, что, допрыгалась? — ледяным тоном процедила та сквозь зубы. — Мало что

страхолюдина, мало что криворукая, так еще и на передок слаба!

— Матушка, — взмолилась Латута, косясь за спину, где уже столпилось с десятков сверстников, тычащих в нее пальцами. — Это враки все! Мы ж не похоти ради, мы жениться будем.

— Ну ты и дура! — злобно бросила мать. — Жениться она будет! Что поженихал он тебя на сеновале, то да, да токмо за такую корову и стога сена опосля не дадут.

— Матушка, — завывала Латута, заливаясь слезами. — Да как же... Да что же ты смной...

— Не матушка я тебе, блудовница ты обрыдлая! — крикнула женщина, замахиваясь на дочь подвернувшейся под руку метлой. — Прочь с глаз моих, позор семьи!

Сотрясаясь от всхлипываний и закрыв лицо руками, она пошла прочь. За спиной все так же гикали и кричали, понося ее по чем свет. Латута шла, трясясь от обиды. Она пыталась отмахиваться, хотела найти в себе силы, что-то сказать, но слова пугались во рту, выплевывая слоги в бессвязную кашу. Она икала, то и дело заходясь в рёв. Девушка шла версту, а может и все три, куда злобный и потешающийся гомон не исчез вовсе.

«Надумала себе, дура... Корова... Жирная! Жирная! Жирная!!!».

В глазах уже было сухо. Слезы словно навсегда кончились, оставшись позади с криками осуждающей толпы сверстников. Сама того не заметив, Латута оказалась на берегу лесного пруда. Да и не пруд то был, а одно название. Можно сказать, крошечное оконце в болотной топи. Латута уставилась на себя, глядя на отражение. Веки распухли, щеки краснющие и пухлые. Как же она ненавидела свои полные щеки. Нога сделала полшага вперед. Кончиков пальцев коснулась вода. Еще шагок вперед и вода скрыла ноги по щиколотку. Ну же... Всего еще один и все закончится. Всего один шаг. Латута замерла, долго глядя на свое отражение.

— А, подумаешь, дело большое! — вдруг воскликнула девушка, уперев руки в бока. — Было б о чем столько судачить! Не шибко-то мне и понравилось. Не мужик — комар с кривым хоботком!

Повернувшись спиной к болоту, Латута уверенно зашагала к деревне, на ходу подобрав корягу поувесистей.

Вспышка молнии озарила пещеру. Соколок забеспокоился, переставляя когтистые лапки, но гром пришел очень нескоро. Гроза уходила далеко на восток. Дождь мало-помалу стихал. Светозар то и дело осторожно просовывал руку наружу, набирая пригоршню капель. Обмакивая лицо, он с удовольствием растирал кожу прохладной водой. Мягкая, едва видимая глазу дымка, змеей клубилась со дна пещеры. Водяной пар тянулся от теплой земли, взбираясь на колени и плечи почивших путников.

— Гостомysl! Эге-ге-гей! Спляши-ка, братец ты! — выкрикнул юноша в красной расписной рубахе. — Гляди, Фронька за дубоногого не выскочит!

— Сам напросился, — хмыкнул чернявый парень, сверкнув карими глазами. — А ну, дайте места для плясу! — Он весело гикнул, проскакывая в круг празднующих.

Ох и задал же тот молодец дрозда! Ноги взлетали, едва ль не до плеч, руки, что живые, выписывали такие кренделя! Парень плясал от души и душой, кидая озорные взгляды на Фроньку, которая, рдея от удовольствия и смущения, взирала на него.

Правда был на той свадьбе и тот, кто так же сорвал невинный взгляд девичий. Только не было радости в его сердце, а одна черная зависть. Глядел он на Гостомысла и Фроньку, а сам побелел, уже ль и не дышал вовсе. Улыбку на рожу натянул, весело ему, мол, а у самого

под полой плаща кулаки сжались, да зубы скрежещут.

Гуляние пошло далеко за полночь. Молодежь никак не могла стихнуть, и когда жениха с невестой отвели в терем за скреплением семьи, стало быть, все как один ринулись к реке. Гостомысл гнался за хихикающей Фронькой, притворно стараясь ее догнать.

— Забодаю, защекочу! — весело кричал он в след любимой.

Та в ответ хихикала и на бегу корчила рожжицы. А меж тем река уже была совсем близко. Кто-то попрыгал прямо в одежонке, а кто аккуратно разулся да покидал рубахи. Фронька засмуцалась, но все ж поглядывала на своего Гостомысла игриво.

— Пойдем, милая! — шепнул ей чернявый парень, хватая за талию.

— Куда хватаешь? — возмущилась его милая, еще более зардевшаяся румянцем. —

Смотрят все!

— И пусть смотрят! — возразил юноша. — Все ж празднуют!

— Я так не могу, — упрямо ответила девушка.

— Хочешь, пойдем, вон, — парень махнул рукой — за просеку! Там никого, а мы поплаваем в чем мать родила, — игриво добавил он.

— Хочу, — сверкнув глазами явила девица, и они бросились бежать, уже не крича, а украдкой озираясь. Не идет ли туда же кто?

Зарев(16) месячино выдался жарким. Даже по ночам стоял тягучий и потливый зной. Молодые бежали, не в силах надышаться ветром, сбивая ступнями уже выпадающую росу на стеблях трав. Их сердца бились друг за дружку, а чарующее обаяние вседозволяющей ночи лишало страхов и стыда.

— Отвернись, Гостюшка! — шепнула девушка, задрав подол, скидывая сарафан.

— Ла-а-а-дно, — протянул парень, поворачиваясь спиной.

«Все равно ж все увижу, да пощупаю», — подумал он про себя.

Гостомысл нетерпеливо переменился с ноги на ногу, а милая все не звала обернуться.

— Ну что, можно уже? — наконец выпалил он, боясь спугнуть благолепие момента.

— Можно, — ответил мужской и очень знакомый голос.

Сердце упало от неожиданности. Он оглянулся, кидаясь на голос, но не успел сделать и шага. Стоящий вплотную к нему ведун, держал у губ ладошку, с которой дунул в лицо Гостомыслу какой-то отравой. Жутко защипало глаза. Парень, костеря Белозара, ихнего ведуна деревенского, начал отчаянно растирать веки. Резь только усиливалась, ничем не открыть! В голову что-то ударило. Юноша повалился наземь, размахивая руками, слясь достать обидчика. Чья-то сильная и грубая нога уперлась ему в грудь. К шее приставили холодный и хищный металл ножа.

— Чего тебе надо? — выдавил из себя Гостомысл.

— Пасть открой, — злобно бросил Белозар.

В открытый рот полилась какая-то вязкая и кислая гадость, скулы свело от отвращения, но вместо того, чтобы выплеснуть отраву наружу, кадык вдруг сглотнул. По горлу разлилось странное тепло. Оно двигалось подобно лесному пожару, проникая во все члены и уже скоро тело пылало невидимым огнем. Гостомысл распахнул глаза и вскочил, аки ужасенный. Ведуна и след простыл, а нутро жгло все сильнее. Парень начал судорожно срывать с себя одежду, а когда остался голым, понял, что и то не помогло. Жар стал настолько нестерпим, что хотелось на живую сдирать собственную кожу.

Кажется, он кричал, корчась в мучениях, катаясь по отчего-то ставшей острой траве. Все причиняло боль, даже незримые касания ветра. Вдруг он услышал сдавленный

всхлип. Остановился. Привстал на четвереньки. На него смотрела изумленная Фроня. Глаза девушки расширились от ужаса, руки дрожали, прижатые к груди. Гостомысл кинулся к ней, но отчего-то не мог встать прямо. Спина не слушалась. И тогда он поскакал прямо так, как был на четвереньках.

Девушка дико закричала и кинулась прочь. Она опрометью бежала туда, где не стихал гомон их друзей и сельчан. Бежала нагая, словно позабыв и стыд, и совесть. Белозар бросился за ней, не понимая, что происходит. Он кричал ей в след, но изо рта почему-то вырывались бессвязные хрипы. Фроня споткнулась и упала, да так и замерла. Ударившись головой о камень, она лишилась чувств. Гостомысл замер над ней, пытаясь растормошить.

«Фронечка, милая, очнись! Что же ты!».

На лбу любимой набухла большая шишка с кровоподтеком. Кровь алой струйкой скользнула вниз по щеке. Ему отчего-то захотелось слизнуть ее. Едва язык коснулся кожи, а во рту разлился железный солоноватый привкус, Гостомысл вздрогнул. Ничто на свете не было милее и желанней этого вкуса. Рот наполнила слюна, а он с ужасом уставился на свою милую.

«Да что ж это делается?» — промелькнуло в голове.

Фроня приоткрыла глаза. Ей хватило одного взгляда на него, чтобы мертвецки побледнеть. Рот раскрылся, но не послышалось крика. Она была так напугана, что уже не могла кричать.

— Фроня, это я! Что с тобой? — пытался сказать парень, но отчего-то ничего не выходило. — Это я — Гостомысл! Это я! Гостомысл!

Ничего не выходило.

Собравшись изо всех сил, он сжал челюсти, стараясь унять полнящее тело желание снова ее лизнуть, и прохрипел.

— Го-строо-сл!

Девушка только мотала головой.

— Гор-р-р-сл! — снова попытался парень, чувствуя, как ярость наполняет сердце от бессилия.

— Гр-р-р-л! Гр-р-л! Гру-у-ул! — заревел он так, что весь берег стих. — Грул! — ревел он, стараясь заглушить самого себя.

Отовсюду слышались крики. Люди бежали кто куда, указывая на него пальцами. Их вопли сплелись воедино, а сердце Гостомысла билось все быстрее, разгоняя просыпающуюся кровь охотника. Хищника. Ночного убийцы. Его морды коснулось дыхание девушки, лежащей снизу. Ноздри щекотнул запах ее кожи. Теплой. Мягкой. Податливой.

Опустив взгляд, он ее уже не узнал. Как и не узнал самого себя, вгрызаясь в горло и захлебываясь горячей кровью, хлещущей во все стороны.

Грул тихо постанывал в тревожном сне, то и дело ворочаясь. Светозар поглядывал то на него, то на остальных. Никто в этом месте не нашел себе покоя. Все то и дело всхлипывали, постанывали, да перекладывались, хоть и не открывая глаз. Охотник прождал до первых лучей рассвета, так и не разбудив Гату. Когда тот очнулся, тотчас упрекнул за это.

— У нас тяжелая дорогая. Почем геройствуешь зазря? — зевая спросил Гату. — Я могу дольше вашего не спать.

— Да что-то не хотелось, — уклончиво ответил Светозар.

Белоглазый оглядел посапывающих, просыпающихся спутников, как вдруг взгляд остановился на пустом лежаке, который с вечера занимал Братислав. Парня не было.

— Куда? — обронил Гату, оборачиваясь на Светозара.

— К колодцу пошел, — кинул тот.

— Я же сказал не пущать, — охнул Гату. — Давно ушел?

— Да спали все, я разбудить вас не хотел, — ответил Светозар, хмурясь. — А ведь порядком уж нет его... Задремал что ль там?

Белоглазый уже не слушал его, бросившись в глубь пещеры. Только проснувшись Беяна удивленно шарил глазами, ничего не понимая. Наконец сообразив, что к чему, она прыснула вслед за чудем, побежала вниз да так и налетела на его могучую спину. Гату замер, глядя на черный провал, заполненный водой. Рядом с мертвыми камнями кладки колодца на земле лежала деревянная фигурка Велеса, которую Братислав носил на шнурке на шее.

Глава 27. Шишок

— И явился пред Мораною муж могучий на коне вороном, в одной руке череп животного, на другой ворон сидит, злобно зыркает. Ничего не успела сделать богиня-мать, схватил Чернобог ее, поперек коня закинул, да и деру дал, только копыта и промелькнули, огонь высекиш.

— Не уж-то Морана за себя постоять не смогла?

Ягиня усмехнулась. В зубах у нее торчал колосок, в руках она держала маленькую деревянную фигурку лошади, которую сама же только что вырезала.

— Что, Тодорка, похож на тебя? — она прищурилась, вытянула руку с лошадьёю вперед и подвела к жующему траву коню, как картинке, сравнивая. Люта всегда подозревала, что Тодорка не прост, претворяется неразумной животинной, а на деле не глупей хозяйки. Вот и сейчас, коняка фыркнул, топнул копытом и помотал башкой.

— Ну и гуляй отседова! — беззлобно выругалась Яга, выкидывая деревянную лошадку в костер. Лютка только ахнула. Красивая ведь была фигурка, чего ж жечь-то сразу. — На чем там я остановилась... ах да. Морана за себя постоять могла, да за мужа, Даждьбога боялась, знала, что Чернобог сильнее. Хотя все равно от беды не уберегла.

— Убил что ль?

— Нет, на страдания обрек. Распял того на Мировом Древе, чтобы кровь животворящая стекала в Подземный мир и питала его, укрепляла тамошних обитателей.

— А что же Морана?

— А что она, ей и того хуже пришлось. Силушку Черна-Матери Чернобог выпивал, что водицу студеную, с большой охотой, и вызволить некому было ее. Да случай помог. Пришел Велес спасти Даждьбога, а Чернобог очень уж любил выходить в мир Яви в человечесем обличи, да не простом, тогда-то и подловил его Велес, да и рубанул то обличие секирой своей двузубой. Тем и воспользовалась Морана. Ослаб Чернобог после удара, не успел вовремя вернуться в мир Нави и остановить пленницу. Скрылась ото всех Черна-Мать, и никто не знает где она да куда подалась, редко-редко являет себя, вот как с тобой получилось, когда избрала она тебя жрицей своей.

— И не уж-то не искал ее Чернобог? — Люта угрюмо рассматривала ночной лес, что завораживал чернотой бездонной и так и упрашивал ступить в самую гущу, суля защиту. Да только знала она, то морок. Ступишь — пропадешь.

— Да как же не искал! Все искали, но хорошо схоронилась Морана, уверившись, что только на себя надеяться и может.

— Понимаю, — вздохнула Лютка под насмешливым взглядом Ягини. Она тоже только на себя и могла надеяться. Никто ее не спас от Изу-бея, ни отец, ни Милослав, только сама и смогла убежать от ужаса и боли.

— А что же, Чернобог Моране совсем-совсем не понравился? — задала вопрос и тут же пожалела Люта, детским он каким-то получился, глупым. Так потому и получила гадкое в ответ:

— А тебе наместник хазарский, чего ж, тоже совсем-совсем не понравился?

Воспоминания мелькали у Люты в голове, вырываясь яркими, а иногда словно бы ожившими картинками. Всполохи огня плясали в отражении глаз, делая взгляд поистине колдовским. Наткнись она на кого сейчас и тот отпрянет да богов всех позовет в помощь.

Уж как мечталось Гату, да и всей честной компании, что позади горести и беды, а если и не позади, так хоть разногласия утихли. Да куда там. Уж как Беяна кричала, уж как рвалась к Люте с ножом наперевес, да только держал Гату ее крепко. Бесновалась она недолго, повисла на руках белоглазого, слезы глотая, да имя брата повторяя вновь и вновь. На силу встряхнули, идти заставляя. Нечего больше было делать в капище, а и того лучше подальше уйти, чтобы богам не вздумалось еще одну жертву взять в уплату.

— Братислав сам выбрал судьбу, — обронил Гату, когда Беяна, совсем умаявшись, уснула тревожным сном, свернувшись у огня калачиком. — Я тоже видел такое, что позабыть хотел. Колодец манил. Но нет в нем самом зла. В нас оно спит, в каждом.

— И я видел, — подтвердил Грул, а остальные отмолчались.

Да и что тут было говорить? Оправдывать себя? Хвалиться, что именно ты сдюжил, да превозмог наваждение? Сейчас, может и да. А потом что? Красноречивое молчание повисло над временной стоянкой. Путники стараясь не пересекаться взглядами разбрелись кто куда, дровишек подсобрать, отвара заварить, или вовсе прогуляться до ветру — лишь бы не разговаривать.

Погода уже не прояснялась, словно буря никак не хотела отпускать истерзанную землю. То и дело припускал дождь, а когда его не было завывал такой ветер, что едва ли не с ног валил. Шли по большей части молчаливо, мерзливо кутаясь в изодранные одежды. Беяна брела на редкость молчаливая и смурная, жалась ближе к Гату, как бы говоря, вот он мой защитничек единственный остался, его держаться и буду. На Люту волком глядела из раза в раз. Теперь былая неприязнь казалось легким ветерком в сравнении с бурей, что бушевала в её сердце.

«Это все она! Она специально! Она нарочно! Она! Это всё она!» — читалось в глазах Беяны.

В какой-то момент Люта поняла, что ей стало все равно. Ну зло таит девка и что? Пусть за спину встает тем, что до неё ожидают расправы над жрицею. Не одна она первая, и уж точно не последняя.

«Да и что она может? — как бы ненароком про себя думала Люта. — Днём сама распну, пусть только пикнет, мокрого места не останется. Ночью Гату не даст шалопутничать».

Спокойствие само отодвинуло весь мир от тревожного взора жрицы. Она вдруг поняла, что близится час её триумфа. Никто и ничто не встанет на пути к заветной цели. От того совсем в себя ушла ведьма, смотрела на огонь, что зачарованная, да перебирала, перебирала в памяти разговоры да дела свои и чужие.

— Чегось ты, ведьмочка совсем не ешь, — рядом плюхнулась Латута, чуть не опрокинув Люту с бревна. — Ты ж умаялась в конец, так и силушек не останется, а кто колдовать-то будет тады?

— Иди ты, Латутка. Нужно мне твое сочувствие, что дереву задница.

Где-то рядом раздался краткий рык волколака. Не любил он, когда девку простую обижали, прикипело волчьё сердце к ней. Но встречать не стал.

— И то правда, — Светозар задумчиво перевел взгляд с огня на Люту. — Чего удумала, ведьма?

И хотелось Лютке огрызнуться, да сил внезапно не осталось.

«Ужель вы стали такими боязливými? А меня ли вам надо опасаться? Я ли вам вред причинить успела? — мрачно подумала жрица, принимая уже как должное клеймо «ведьма», что бросал каждый, едва не сплевывая от отвращения. — Дождь пошел — ведьма».

виновата. Умер кто — снова ведьма. Яблоко зачервивело, обратно ж ведьма посулила. До чего же просто, до чего удобно, как по-житейски сообразно».

Люте показалось, что стало холодать. То ли и правда зима заявляла свои права все стремительней, то ли это дыхание смерти довлело над испуганными душами, которые тащились невесть куда. И то сказать, что ни день, то грызня. Все друг за дружкой стали приглядывать. Что ни рожа — все мрачные. Но как травить — всегда известно кого в первую очередь. Тут уж как не следуй завету Ягини, да душа и так в ключья, можно же хоть раз спокойно поговорить.

— Про Чернобога вспомнила и Морану легенду. Как похитил он ее да Дажьбога к древу словно бабочку приколот. Уж как Моране повезло сбежать-то от него, нам так не свезет.

— Когда это она от него сбегала-то? — Светозар до того удивился, что мигом с себя сонливость стряхнул, подобрался весь, напрягся, словно бы не про богов речь ведется, а про матушку с отцом родных.

— Ну так, когда Велес человечью личину его разрубил, ослаб Чернобог и сбежала Морана из клетки, — Люта тоже встрепенулась. Уж очень не понравился ей вид Светозара. Казалось вот-вот усмешка с губ его слетит.

— А клетка золотая небось была, — протянул Светозар, под хмыканье Грула. — Не сбегала твоя богиня, а вытурили её и много позже, когда в очередной раз вздумала мир яви изничтожить. Уж так Чернобогу это надоело, что выгнал он ее с Нави да запер в междумирье, чтобы боле не портила ни ему, ни людям настроение.

— Неправда!

Лютка подскочила с бревна так быстро, что чуть в костер же и не упала, если б не Латуга, так ходить ей без косы.

— Чернобог пленил ее, жену чужую! Силой увел! А Дажьбог и спасти не смог, никто даже пальцем не пошевелил. Это что же такое, еще и враки вон какие повсюду кажут!

Гату хмуро поглядел на разошедшуюся Люту, понимая, что не история Мораны жжет ей грудь и заставляет кричать, а ее собственная. Девчонку-то никто не спас, не уберег. Да только разные у них с Мораной истории. Белоглазый чуть не сплюнул от досады, уж как умеет Яга мозги песком посыпать, так то одной Моране и известно.

— Прав он, Люта, — тихий голос чюдя привел в чувство ведьму и заставил сесть на бревно обратно. Сама себе не поверила, а послушалась и хотела подскочить вновь, да тут уж Латуга удержала, все боялась, что в костер опять ведьма нырнет.

— То, что Чернобог похитил ее, то верно, да только не против Морана была, влюбилась она в Навьего Владыку, а тот взаимностью ответил, пострадал Дажьбог от обоих. Не собиралась Морана никуда сбежать, нравилось ей Навью править, да только ежели Чернобог хранил равновесие между тремя мирами, Моране то быстро наскучило. Раз взбаламутила вековые устои, два, на третий Владыка не выдержал, всяк терпению предел имеется. Пошто и твержу тебе уже не первый раз — хватит повторять за Ягиней как эхо её. Знания она тебе вложила в голову хорошие, да только не всё и так как ей удобней. А всё ради одного.

Гату умолк после длинной речи, и так понятно было, что сказать хотел да не при Белке. Та и для вида спать могла, а нечего ей в голову вкладывать не нужное. Люта отвечать не стала, что толку спорить, когда ты один против всех, проще при своем остаться. Разве что зерно сомнения все же улеглось в землю.

Утром небо вновь нахмурилось, собралось темными кучевыми облаками, грозя пролить

на головы путников еще больше воды. Вдалеке гремело, Перун по пятам шел, не отпускал, грозился копиями сверкающими, возникающими то там, то тут, высвечивая взволнованные, хмурые лица. С каждым шагом казалось, что на ноги надевают мешки с камнями, стопы вязли в размокшей земле, скудная дорожная еда оседала в желудках, но не приносила сытости. Уже перевалило за полдень, а они все шли за молчаливым чудом. Любые попытки нытья или же просьб остановиться, передохнуть пресекались. Привалы нынче делались только на ночь. Гату лишний раз не стеснялся напомнить, особенно Люте, что время на исходе, зима уже на пороге, еще немного и идти они не смогут.

Небольшое поселение появилось перед ними внезапно, словно из-под земли выросли соломенные крыши на бревенчатых избах, да покосившиеся частоколы. Путники остановились, всматриваясь в чернеющие провалы окон. Тихо. Так тихо, что слышно, как ветерок пошатывает скрипящие ставни. Куда-то подевалось привычное любому селению брехание собак, покрики гусей, да петухов. Даже лесные птицы смолкли, будто не хотели нарушать эту мёртвенную тишину.

— Что-то мне не нравится это место, — обронил Светозар, оглядывая покосившиеся домишки. — Куда все подевались?

— Придут, не сомневайся, — ответил Гату, цепко вглядываясь в дверной проем одной из хижин.

Люта проследила за взглядом чужака, заметив мелькнувший силуэт человека. Девушка почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Почему они прячутся? Что за напасть людей так скрутила? Вдруг в дверях снова появился человек, им оказался дряхленький старичок в летах. Выглядел он донельзя чудно. На ногах до того сношенные валенки, что даже пальцы торчат, одет в красную рубаху, вышитую желтенькими петушками, а на голове котелок! Люта сначала подумала, что это такой шлем странный, но пригляделась — нет же, ручки по бокам, и правда котелок. Задорно подпрыгнув, словно бывшая молодость вновь ударила в башку, старичок направился навстречу гостям, бормоча скрипучим голосом:

— Жаренные гвозди, жеванные лавки! У моей то бабки, выпали все зубы, черные змеючие жирные пиявки! Будет мне потеха, податься в лесорубы.

— И вам не хворать, — ошарашенно пробормотал Грул, наблюдая за безумным дедом, который подбоченясь застыл напротив него.

— Ежели то скучно, можно поглядати, у меня за лесом шесть медвежьих свинок! Месяц жибко жирный, надобно снимать. Я его нарежу, наделаю снежинок! — доверительно заявил дед, подмигнув Латуте.

Однако белоглазый смотрел на старичка, казалось бы, и без удивления вовсе. Люте тотчас подумалось, что он его знает.

— Здравствуй, Шишок, — улыбнувшись пробасил Гату, словно в подтверждение её мыслей. — Все сторожишь?

— На посту из веток, храбро, аки ёжик! Мне-то, что теряться, сбрую ветер носит. Я плотину строю, глотаю многоножек. Дерево не баба, жрать и пить не просит.

Путники переглянулись. Дед явно был совершенно безумен. Он шепелявил и свистел гнилушками редких зубов, то и дело подпрыгивал. Его передергивало и трясло из стороны в сторону. Но Гату это почему-то не смущало. Чудь обернулся к спутникам, мотнув головой по направлению к селению.

— Заночуем здесь.

— Ты ему доверяешь? — осторожно осведомился Грул, косясь на старика, который в

этот момент приставал к Латуге, заискивающе расшаркиваясь.

— Это Шишок, здешний сторож. Кроме него в деревне никого. Он... — чудь помедлил — не опасен. Во всяком случае не опаснее болотной гадюки.

— То есть ядовитый и может цапнуть? — уточнила Люта.

— Если его не трогать, то и Шишок не тронет, — пожал плечами Гату. — У нас один путь, и он через его деревню.

Больше чудь ничего объяснять не стал. Беяна как воды в рот набрала. Было видно, что она перепугана до одурения, едва ль не падает. Светозар отпустил верного сокола, да так и не придумал ни одного оправдания, супротив того, чтобы остановиться в странной вымершей деревне.

Шишок привел их в свою избу, бережно притворив дверь, висящую на единственной оставшейся целой петле. Внутри было натоплено, хотя запаха дыма не чувствовалось. Нехитрый быт его лачуги составлял крепкий дубовый стол и одна табуретка. Дед суетился, будто и правда пытался быть полезным. Он ненадолго исчез, а по возвращению притащил охапку сена. Еще с десятков раз старик сбегал туда и обратно, устилая весь пол покрывалом из сухой травы. Как ни странно, это придало уюта. Люта тотчас почувствовала, как на нее навалилась усталость. Привалившись к стене, она села и тихонько задремала. Сквозь чуткий сон, то и дело доносилось скрипучее бормотание странного деда:

— Коли хочешь ёрзать, не ложись на полку. Я-то парень видный, мне любая в пору. Только кости ломит, как сухую ёлку. На роже бородавки, як у мухомору.

Однако ж усталость брала своё, и скоро даже бессвязный поток слов сумасбродного хозяина улетел прочь. Люте снилась зима в родной Глиске. Кожу покусывал колючий морозец, но это не казалось неприятным. Наоборот, хотелось набрать пригоршню снега и растереть лицо, чувствуя, как горячие капли стекают по щекам. Вокруг неё играли дети. Они весело попискивали, бросая друг в друга снежки. Их щебет звенел так оглушительно и задорно, что улыбка сама по себе ниспадала на лицо. Того и гляди, кинешься следом за ними. На душе было тепло и спокойно. Никаких мыслей, только далекая зима из прошлого, иль может будущего? Один сорванец, погнавшись за другом метнул в него снежок, да попал в щеку Люте. Ей не было больно. Она весело рассмеялась и, притворно хмурясь, погрозила мальцу пальчиком. Да так и застыла на вздохе. Ребенок смотрел на нее темными провалами на месте глаз. Обычное детское лицо, а вместо очей дымная клубящаяся бездна. Люта вздрогнула и проснулась.

Изба оказалась пуста. Не понимая, пробудилась, али блуждает в новом сновидении, жрица поднялась, осматриваясь. Нет, кажется не снится. Или все-таки снится? С улицы доносились чьи-то голоса. Но что это? Треньканье балалаек? Дудочки? Как такое возможно?

Внезапно снаружи в избу просунулась голова Шишка, который, подмигнув, проскрипел:

— Кваса наварили, наловили жабок, каравай из шишек и жуков в придачу! Надевай кокошник и почище тряпок! Будем бесноваться, завлекать удачу!

Он исчез, как всегда оставив девушку в недоумении сказанным. Решив, что все происходящее все же не снится, Люта осторожно прильнула к двери, выглядывая. То, что творилось снаружи было под стать безумию Шишка. Раскрасневшаяся Латуга плясала в чем мать родила, то и дело перепрыгивая горящий костёр. Завидев Люту, она помахала ей как ни в чем не бывало, не останавливаясь ни на миг. Напротив неё выплясывал Светозар. Этот хоть и не был раздет, но веселился ничуть не меньше. Присвистывая и притопывая, охотник хлопал в ладоши, подбадривая Латугу. Рядом скакал Грул, то и дело взвывая в ночное небо

под одобрительные хлопки Светозара. Но даже не это заставило Люту замереть, разинув рот. На улице были люди. Селяне повылезали отовсюду, словно муравьи после дождя. Деревня будто очнулась ото сна.

Мимо пробежал мальчишка, шаловливо ткнув жрицу прутиком. Скользнула рыжая веснушчатая девушка, пританцовывая, размахивая белым платочком. Люта невольно улыбнулась, созерцая дым коромыслом. Как же это все? Заметив Гату, сидящего на крыльце соседнего дома, ведьма подошла, без присказок плюхнувшись на ступеньку рядом. Чудь глянул на нее белесыми зенками, ничего не сказав.

— Почему они прятались днём? — спросила Люта, зачарованно следя за танцующими и резвящимися людьми.

— Они не прячутся, — ответил Гату, подумав. — Просто приходят, когда Шишок позволит. — Чудь почесал за ухом и добавил. — Он их проводник, а сейчас и наш.

— Опять темнишь, чудь белоглазый, — хмыкнула Люта, поглядывая за Латутой.

— Они не живые и не мертвые. Их нет, но сейчас они есть, — медленно проговорил Гату, как и девушка, не пристально следя за резвящимися селянами. — В этом месте и деревни никакой нет уже очень давно.

Последние слова чудя огорошили жрицу. Она тотчас напряглась, чувствуя, как ледяная волна страха взбежала по загривку. Теплый ночной ветерок пахнул ей прямо в лицо ароматами полевых трав и свежескошенной травы. Словно бы из ниоткуда появился Шишок, пихнув Люте выдолбленную из дерева чашу. Девушка осторожно принялась. Грибной отвар. Она глянула на Гату, тот благосклонно кивнул в ответ на невысказанный вопрос. Люта пригубила немного. После многих дней пути под дождем отвар показался очень вкусным. Она сделала еще глоток. В ушах зашумело, словно ветер стал стократ сильнее. Шепот качающихся ветвей показался ей оглушительно громким. Люта потянулась сделать еще глоток, но Гату перехватил чашу, и забрав, приложился сам.

— Что ты имеешь ввиду? — обронила Люта, борясь с подступившим головокружением. — Как нет деревни?

Чудь осушил остатки чашки одним глотком, отбрасывая её в сторону.

— Приглядишься к ним, — сказал он. — Внимательней.

Но Люта уже и сама все видела. Скачущий веселый чернявый мужичек не обращал внимания на топор, торчащий из его спины. Веснушчатая девчушка повязала на шею платочек, скрывая темные следы от веревки. Стучащая в ложки бабка то и дело отмахивалась от мух, роящихся над огромной раной на темечке.

— Здесь все ненастоящее, — проговорила Люта, чувствуя, что её язык деревенеет и прилипает к нёбу. — Морок. Наваждение. Отравили...

— Кое-что настоящее здесь все же есть, — покачал головой Гату. — Мухоморный отвар и Шишок.

Люту очень сильно мутило. Рвотные спазмы подкатывали, но сил изрыгнуть проклятый отвар не было. Она не чувствовала ног и от того боялась встать, не рискуя упасть.

— Кто он такой? — прошептала она одними губами.

— Ещё не догадалась? — Гату говорил медленно и настолько спокойно, что, глядя на него, глаза сами закрывались, отдавая тело в объятия странной чарующей хмари. — Мы в землях тёмных богов. В иных местах в них утратили веру. Где-то даже прославляют иных. — Чудь закрыл глаза, делая глубокий вдох, а затем улыбнулся. — Это их вотчина, Люта. Они знают, зачем ты пришла.

— Меня убьют? Ты должен меня защитить. Ты поклялся... — отрешенно шептала Люта в ответ.

— Тебя не тронут, — Гату снова улыбнулся, вдруг протянул руку и откинул со лба жрицы упавший локон. — Они знают тебя получше, чем ты сама. Просто смотри и слушай. Иногда чтобы увидеть, не нужно задавать вопросы и искать. Если твоя судьба окончится здесь, ты это увидишь.

Люта постаралась выпрямиться, но плечи сами клонились вниз. Бессильно качнувшись, она уткнулась в бок белоглазого.

— Ты не сказал, кто такие эти селяне?

— Это сны Шишка. Когда он спит, они живут. Когда он бодрствует, они убегают прятаться. Так он думает. В действительности нет никакой деревни. Нет селян. Есть только Шишок. Хотя, наверное, и его тоже нет.

— Он один из тёмных богов?

Гату покачал головой, и опустив взгляд, принялся пристально всматриваться в глаза Люты.

— Разве он похож на бога? Нет. Шишок не бог. Он не леший, не чудь, не навь. Он словно камень, брошенный в воду. Камень давно на дне, а круги все расходятся. Его силу нельзя описать или измерить.

В отблесках пламени костра появилась Беяна. Она ступала уверенно и властно, словно хозяйка. Её ледяной взгляд коснулся Люты. Сколько же в нём было надменности и прямой угрозы. Люта вздрогнула. Ноги не слушались, руки повисли, что плети. Но тепло исходящее от Гату возвращало уверенность. При нём не посмеет. Меж тем, Беяна нахально застыла перед чудом, сверкая глазами и поманила.

— Пойдем, — молвила она сладким голосом. — Кто же киснет в такую ночь?

— Молоко у криворукой снохи, — тихо пробормотала Люта себе под нос, но Беянка даже и ухом не повела, словно не замечая её.

— Пойдешь, куда скажу? — осведомился Гату, вставая.

— С тобой пойду, — твердо ответила девушка, награждая белоглазого новой манящей улыбкой.

— Так тому и быть, — пророкотал чудь.

— Ушки на макушке, лысые сандали! — прокричал Шишок, выскочивший из-за избы. — Принесло к нам ветром, синемордых рыбок. Я ходил до речки, мало там улыбок!

Беяна удивленно обернулась на Шишка, потом вопросительно глянула на Гату.

— Гости пожаловали, Белка.

Люта вдруг прыснула, едва не закашлявшись от смеха. Она хохотала, не в силах остановиться, ажно живот скрутило от смешинок. Беяна смотрела на неё с плохо скрываемым отвращением. Латуга напротив, тотчас подскочила, хватая подругу под руки, помогая встать, а сама ржет, что твой конь.

— Сама ж сказала, — хрипела от смеха Люта, по комку выдавливая из себя слова. — Ведь никто ж не заставлял, дурёха! Сама сказала!

Уверенность в себе, как метлой смело с лица Беяны. Она побледнела, оглядываясь по сторонам. Затем вздрогнула. Отшатнулась. В круг света костра вышли три суровых воителя. На их головах были рогатые шлемы, плечи укрыты волчьими шкурами, поверх рубах кольчуги, на богатых поясах позвякивают мечи.

— Нурманы! — возопила Беяна, кидаясь к Гату. — Враги!

Белоглазый остался недвижим, только руку девушки со своего плеча снял, а саму оттолкнул. Беяна уставилась на него, непонимающе, в ужасе.

— Гатушка! — взмолилась она, падая на колени. — Да что же это?

Чудь глянул на викингов, те приветственно склонили головы и замерли в ожидании.

— Это она вашего конунга отравила. На ней и кровь его людей. — пророкотал Гату, не глядя на Беяну. — Забирайте. Она сама пойдет. Обещалась.

— Вот уж дудки! — взвизгнула Белка, оскалившись, аки рысь. — Ненавижу вас всех!

Крикнув напоследок, она опроретью бросилась прочь, скрывшись в темноте. Гату никак не отреагировал, сел на ступеньку и уставился в пламя. Викинги тоже молчали. Вдруг Беяна влетела в круг света костра, но с другой стороны деревни. Она застыла, с непониманием глядя перед собой. Обернулась. Ярость сменилась испугом. Девушка снова бросилась прочь, растворяясь в голодной тьме и мгновение спустя вновь выскользнула из-за угла с противоположной стороны. Взревев отчаянно и натужно, она побежала дальше. Беяна исчезала и каждый раз появлялась. Куда бы она не бросилась, мрак выбрасывал её обратно, не пуская в пленительные объятия всепрощающей ночи.

Каждый раз, когда Беяна появлялась или исчезала Грул провожал её плотоядным воем. Несчастливая бегала до тех пор, пока не упала. Ноги подкосились, руки перестали слушаться. Беяна застыла на траве, мелко подрагивая от слёз. Викинги подошли, спокойно поднимая беглянку. Та вскрикнула, пытаясь оттолкнуть сильные и грубые руки. Обернулась, ища глазами Гату.

— Умоляю, не надо! Гату! Не отдавай, родненький! Твоей буду! На веки! Все что пожелаешь делать стану! Умоляю, не отдавай!

Чудь медленно поднялся и подошел к ней. Подняв руку, он коснулся подбородка Беяны, заглядывая в глаза.

— Ничто и никогда не случается просто так. Значит не отплакала ты слез по Братиславу. Зовёт он тебя. — Гату мотнул головой. — Вон, этих прислал. Твоя судьба не в моей власти. А молить и не думай. Руки твои громче губ за себя сказывают.

Люта очнулась, когда первые лучи солнца бережно коснулись её щеки. Она заворчалась и поднялась на локтях, почувствовав, что ложе покачивается. Телега медленно тащилась по кочкам. Рядом лежали спящие Латута, Грул, да Святозар. Гату сидел на облучке, ласково почмокивая лошадам. Вокруг был сосновый лес.

Глава 28. Мертвая земля

Люта и не заметила, как изменилась погода. Она вообще уже мало на что обращала внимание, всецело положившись на спутников. Необъяснимая усталость наваливалась едва она открывала глаза. Руки и ноги казались тяжелыми, будто не своими. Ставшие привычными дожди прекратились, но от этого не было легче. По утрам изо рта вырывались облачка пара, а на стеблях травы поблескивал серебристый иней. Самым милым сердцу занятием теперь было разжигание костра. Глядя, как пляшущий колосок пламени занимается, душа наполнялась надеждой. Авось и в тело так же вернется тепло да силы? Тщетно. Сил становилось все меньше. Ведьма с сожалением вынуждена была признать, земля отторгала её. Лесные духи все чаще не откликались, а когда приходили лишь смеялись в лицо.

Тропы, по которым Гату вел группу, давно перестали походить на приличные дороги. Они то поднимались, то спускались, затем продирались через бурелом, а порой шли по колению увязая в болотах. Однажды чужд объявил то, что все очень боялись услышать — дальше телега не пройдет, как и лошади. Люта испытала решительное несогласие, да куда там спорить. И так было ясно, Гату прав. Но как идти дальше? Если все, что они вынесли до этого, оказалось не самым трудным, то как не упасть замертво в пути?

— Лошадок бы зарезать, — как бы невзначай, заметил Грул. — Дичи как нет. Верно, говорю, Светозар?

— Сокол даже мышей не может поймать, — подтвердил тот. — На многие версты один сухостой. Ни зайца, ни песка. Даже птиц нет. Если бросать телегу, нужны припасы и желательно мясо.

— Мяса не будет, — отрезал Гату. — Здесь нельзя проливать кровь.

— Если не пролить крови, то мы протянем ноги, — покачал головой Светозар. — Кого именно ты опасешься?

Гату помолчал некоторое время, хмурясь. Он взобрался на пригорок, вглядываясь куда-то в даль. Спустившись, чужд принялся молча распрягать лошадей.

— В молчанку играть будем? — Светозар начал несвойственно себе нервничать, но спускать чуждю не собирался. — Кого ты опасешься?

— Много кого, — ответил, наконец, Гату. — За ней... — он ткнул пальцем в сторону Люты, — по пятам идет какая-то тварь. Я наблюдаю это уже две ночи. То не упырь, но он двигается быстрее нас и хорошо прячется. Там, — чужд указал за спину, — как ты и сказал на много верст мертвая земля. Здесь не живут, кто питается корой и почками. Тут вообще не живут. Запах крови учуют в миг. В лучшем случае это будут дивьи. Разбудим один очаг — придется худо, два или три — нам конец.

— Эх, жалко все равно... — протянул раздосадованный Грул. — Столько мяса пропадёт.

— Не пропадёт, — покачал головой Гату. — Они будут пастись и топтаться, пока не накликают на себя беду. Когда за ними придут, мы уже будем далеко.

Понурое молчание встретило слова чуждя. Безрадостная перспектива кормить невесть кого, да еще и преследование. Люта подошла к белоглазому, но тот словно и не собирался что-то прояснить.

— Довольно спать, жрица, — молвил он. — Ты сюда по делу, аль запомновала? Скоро

тебе понадобятся все силы и мужество.

Люта только губу закусила от обиды. Гату не переставая огорошивал и удивлял. И нет бы хоть раз чем-то хорошим! Латута же горестно прощалась с поклажей. Она уже успела натянуть на себя оставшуюся одежду и теперь пыталась подычь все, что собирались оставить. Её лицо осунулось за время путешествия. Полные щеки впали, исчез румянец, а на лбу пролегла первая морщинка. Латута бросила озадаченный взгляд на Люту, прикидывая сможет ли та тащить узелок с яблоками. На себя уже взвалила таких два.

— Брось, — сказала Люта, покачав головой. — Пустое. Скоро нам не понадобится много еды.

— Енто почаму эта? — осторожно осведомилась Латута, непрестанно жуя.

— Чувствую, — бросила Люта, отвернувшись.

Ведьму не отпускали мысли о преследователе. Кто-то идет по пятам. Кого еще боги прислали по её голову? Да и зачем? Не уж-то страшно так, ежели камень в руки Ягини попадет. Не понимала Люта чего боги так переполошились. Ну будет камешек не в тех руках, что с того, будто гибель всех богов на кону, а не спасение людей. Люта потерла пальцем камень на кольце и досадливо фыркнула: не гнушаются боги смертями и подлостями, когда им надобно, и ей не стоит. Когда скорбная процессия, расставшись с лошадьми, двинулась в путь, Люта пошла последней. Зябко подергивая плечами, она то и дело оглядывалась в надежде первой разглядеть подступающую опасность. Глаз быстро устал. Природа казалось унылой и однообразно серой. Чащобы становились все непрогляднее. Подлесок скрывал ноги до колен, а порой и по пояс. Пару раз Люте казалось, что нечто касается её кожи. Что-то мокрое и холодное. Она старалась думать, что это всего лишь влажные корни или травы. Но страх уже крепко держал за глотку, заставляя думать лишь об одном, как бы подпрыгнуть да залезть на дерево.

Гату упрямо топал вперед, даже не глядя по сторонам. Время от времени он окликивал Светозара, спросить не видит ли сокол какой напасти, и получив отрицательный ответ, припускал еще быстрее. Чудь казался взвинченным до предела. То и дело белоглазый петлял, иногда принюхивался, касаясь древесной коры. Скоро сухостой сменился болотами. Великие силы, сколько же здесь было мха и клюквы! Все до единого принялись лопать налившись спелые ягоды, яростно пережевывая кислятину. Клюква была очень водянистая, но вкусная. Дабы никто не свалился в трясины было решено делать остановки, чтобы подычь несколько кустов, не разбредаясь.

Уже вечерело, когда Гату вывел спутников в место, отдаленно напоминающее поселение. Здесь не было избышек или хотя бы шалашей, зато остались покосившиеся столбы с идолами, изъеденные плесенью и древесными жуками. Чудь прошелся взад-вперед, а затем объявил, что ночь они проведут тут.

— Кто здесь жил? — осведомился Грул, принюхиваясь.

— Я, — неожиданно ответил Гату. — Место старое, мой народ давно его покинул.

— Почему вы ушли? — тотчас накинулась с расспросами Люта. — Это здесь пробудился полоз?

— Не здесь, — нехотя ответил чудь, словно жалея, что начал этот разговор. — Тут нашли последний приют мои родичи.

Люта не решилась спрашивать дальше. Лицо Гату было и без того темнее ночи. Но все же помимо любопытства, чаяния ведьмы занимало дело.

— Ты же не хочешь тут быть. Выберем другое место для ночлега?

— Не хочу, но так будет безопаснее. Под твоими ногами десятки подземных ходов, которые укрепляло мое племя. Земля зачарована. Нечисть не сможет подкрасться незамеченной, хотя... — он помолчал, почесывая в затылке, а потом добавил. — Много прошло лет. Я уже не чую былого запаха и кровь спит, не откликается. Но это все лучше, чем посреди болота. Снизу крепкая порода, ежели дивьи нападут, будет попроще.

— Я думала чуждые чары не рассыпаются и за век, — с интересом протянула Люта, все же поддаваясь наглой дотошности.

— Так и есть, — кивнул Гату, усаживаясь прямо на землю.

— Подожди-ка... Если ты тут жил раньше, до исхода племени... Гату, а сколько ты вообще прожил?

— Долго.

— Тебе пятьдесят? — не унималась Люта.

— Больше.

— Семьдесят? — присвистнув, бросил встрепенувшийся Грул.

— Больше.

— Дык эта скока же? — выдохнула Латута, выпучив глаза.

— Сто двадцать четыре года, — ответил Гату.

Он поднял взгляд, осматривая лица спутников. Этого не смог выдержать никто. Белые глаза чужда, казалось, буравят плоть, проникая в самую душу. Светозар отправил сокола в дозор, а сам принялся ломать хворост на костер. Грул ему помогал, для вида больше. Ежели вокруг дичи нет, то и смысла нет на нее охотиться, особенно после той жути, которую белоглазый то и дело нагонял. Люта с Латутой тоже не сидели сложа руки. Расстелив скатерть, они разделили нехитрый обед, чем боги были милостивы. В тот день боги были милостивы последней парой яблок, которые разломали напополам, да несколькими сухарями, вымоченными в котелке, чтобы создать хотя бы подобие похлебки. Когда пламя взвилось жадными лепестками к небесам, Гату отправился набрать еще хвороста, чтобы поддерживать огонь всю ночь, как он сам пояснил. Светозар было вызвался помочь, но чужд только рукой махнул, смотреть, мол, еще за тобой, кабы в топь не свалился.

Темнота мягко окутывала стоянку. Латута по началу привычно бубнила, разгоняя собственные страхи, да так и заснула, по всей видимости, позабыв бояться. Грул тоже не собирался упускать возможность подряхнуть, греясь у огня. Он улегся, вытянув ноги к костру и быстро забылся сном. С приходом ночи болото оживало незримыми до срока жителями. Протяжно кричала выпь, надрываясь так, будто осталась последней в своем роде. Вразнобой грохотали трескучие жабы, аляповатым хохотом перекрикивая друг друга. Порой раздавались всплески воды и бульканье, сопровождавшееся шипением. Люта была привычная к звукам на болотах, но все равно не могла заснуть. Мысли об очередной твари, что желала её смерти не отпускали. Сколько ведьма не пыталась внушить себе, что чужд мог ошибиться, ничего не выходило.

«Почему он решил, что тварь идет именно за мной?».

Ответа не было.

«Что он вообще такое знает про меня, что делает такие выводы? Или не про меня? Что он видел?».

И снова пусто.

Хлопая крыльями вернулся сокол, усаживаясь подле хозяина. Светозар мягко потрепал птицу, расчесывая перья на шее.

— Змеюку схарчил, — с гордостью поделился охотник. — Нашел-таки, чем закусить. Молодец, — он снова потрепал сокола. — Коли жрать нечего, то и змея прокорм, так ведь?

— Это уж точно, — кивнула Люта, чувствуя урчание в животе.

Белоглазый вернулся с огромной охапкой дров. Свалив их подле костра, он без предисловий велел всем спать.

— Завтра путь долгий. Отдыхайте. Я разбужу Грула ближе к утру.

Люта улеглась на бок, ничего не сказав. Сил не осталось даже на пару слов. Пламя костра с треском пожирало свой ужин. Взгляд ведьмы еще некоторое время гулял, беспокойными звездами сверкая в ночи, но потом усталость окончательно взяла свое. Она заснула.

Гату рассеянно переламывал поленья, то и дело укладывая их в огонь. Спутники посапывали рядом, забывшись после тяжелого дня. Белоглазый один не лежал, возвышаясь над стоянкой понурым холмом в отблесках света. Он чутко слушал окружающие звуки и принюхивался к запахам. Казалось, чудь собран, как и всегда, но только глаза выдавали его. Разум был далеко отсюда, но в тоже время он оставался именно здесь.

Во мраке холодной штольни шёл ожесточенный бой. Четверо мужчин из рода чудей с тяжелыми копьями наперевес теснили ораву диковинных существ. У некоторых из них была одна нога и рука, у других две руки и ни одной ноги, иные имели голову вместо тела, а конечности росли прямо из нее. Они визжали на удивление звонкими, можно было бы даже сказать, мелодичными голосами, все же оставаясь свирепыми и страшными противниками. Дивьи люди появились, словно дым из трубы. Ломая и круша стены тоннелей, которые годами рыли чуды, они хлынули напролом, круша все на своем пути. Дивьи не обладали такой чудовищной силой, как их противники, но брали числом и яростью. Они кидались в самоубийственные атаки, готовые погибнуть, лишь бы успеть вцепиться в горячую плоть зубами или когтями.

Один из чудских мужчин откатился за спину товарищей. Отбросив копье, он припал на колени, касаясь земли лбом. Его ладони легли на стены тоннеля. В следующий миг земля со стоном дрогнула. Камень ходил ходуном, с потолка сыпался песок. Стены возопили и начали смыкаться, давя дивий люд живьем. Хрустели кости, лопалась плоть, а дивьи гибли, раздавленные. Вдруг позади чудских защитников камень с треском раскололся. Новый поток омерзительных, оглушительно визжащих тварей, ударил им в спину. Ходящий не медлил и мига.

— Земля мать, прими детей своих, — прошептал он, проводя когтями по стенам.

Раздался треск, который заглушил даже крики дивей. Потолок обрушился, заваливая и чудей, и атакующих в общей могиле.

Гату отбивался сразу от пятерых тварей. То и дело ему приходилось сгибаться от боли. Под правым боком зияла глубокая рваная рана, из которой сочилась кровь. Отбивывая очередного противника, чудь поскользнулся, едва не упав. Ему удалось сохранить равновесие, но этого хватило, чтобы он ошибся. Дивья клекоча и разбрызгивая слюну, хватанул его за голень, вырывая кусок мяса размером с кулак. Боль затмила весь мир, а Гату закричал, не помня себя. Мерзкий недочеловеческий комочек злобы не успел откатиться, когда руки чудя схватили его. Гату рванул что было мочи, разрывая тварь на две равные и совершенно мертвые части. Но сбоку уже напрыгивал новый враг. Чудь отмахивался и дрался с остервенением, какое бывает, когда принимаешь последний бой. Он отчетливо понимал, что пропал.

Внезапно в наседавших на него тварей полетели острые и горящие камни. Десятки скальных осколков били в извивающихся от боли дивий, раня их, заставляя залечь, прячась между камнями у развернутых нор, из которых они появились. Гату обернулся и увидел мать. Она стояла посреди площадки, где чудь мгновение назад сражался. Вокруг чудской девы ревели пламя. Её руки черпали кровь земли — раскаленную лаву, что послушно хлестала в стороны, пожирая врагов. Влега глянула на сына в отчаянии, какое может испытывать только мать.

— Гату, скорее беги к роднику! — закричала она, безостановочно нагнетая жар вокруг себя. — Шерра приведет туда кого успеет. Вы должны бежать, сынок! Спаситесь ради нашего племени!

— Мама! — завопил Гату, бросаясь к ней, но натолкнулся на непроходимую преграду из ревущих камней. — Я тебя не оставлю! Уйдем вместе!

— Гату, я уйду сразу за вами! Быстрее! Ты теряешь время! Защити девочек! Спаси наш род! — прокричала Влега в ответ.

— Мама! Я не уйду без тебя! — упрямо, ответил Гату, чувствуя, как глаза наполняют слезы.

Он не ощущал ничего, кроме боли в сердце. Той, что пронзает насквозь, лишая воли и сил. Голова шла кругом, запрещая разуму принимать то, что происходило. Даже получившая страшную травму нога, не давала о себе знать. Мать закрывает его собой. Отдается, как и прочие родичи до нее... а ему... бежать?!

— Мама, я не брошу тебя!

— Сынок, со мной все будет хорошо, — постаравшись мягко улыбнуться, проговорила Влега, на миг ослабляя ревущее пламя в руках. — Полно. Иди... Ведь ты теперь последний ходящий. Иди, сын. Я всегда буду жить в твоём сердце, мой Гату.

— Я не забуду тебя, мама, — размазывая слезы, крикнул Гату, отворачиваясь, и хромя побегал прочь.

Он то и дело падал, всхлипывая и заливаясь утробным ревом. Перед глазами мелькали огни пожарища, израненные тела родичей и сотни убитых врагов. Когда сил совсем не осталось, а нога почти отнялась, он пополз на одних руках.

— Гату... Как же это? — раздавшиеся над ним слова, судя по голосу принадлежали Шерре. — Милый мой... Хватайся за шею, я тебя вытяну.

— Не вытянешь, Шерра, — прохрипел чудь. — Беги. Спасайся!

— Еще как вытяну, — крикнула в ответ Шерра со злостью. — Не смей даже говорить такое! — И взвалив его на себя, она бросилась прочь.

Латуга спала тревожным сном. Сначала было страшно, потом холодно, потом и то и другое вместе взятое. Еще когда засыпала, она мучилась от голода. Когда Гату менялся с Грулом на ночной страже, ей так не к месту посчастливилось проснуться, а теперь было не успокоиться. Волколак что-то кряхтел в сторонке, то и дело похрустывая ломающимися ветками. Вокруг было полно и иных звуков, но отчего-то именно этот мешал спать.

«Чой-то там так ломать? — раздраженно думала Латуга. — Тоже мне бохатырь сыскался! Кидай ты уже так, не греми, спать не даешь».

Она так отчаялась заснуть, что когда звук ломающихся веток пропал, то не сразу это поняла.

«А чой-то не ломаешь теперь? Вот, гад же! То ломает, то не ломает. Заснул что ль?».

Повалявшись еще немного, Латуга повернулась, ища глазами Грула. Его почему-то не

было у костра.

— В кусты что ль пошел? — сонно пробормотала она. — Заранее не мог, что ль?

Встав, она прошла по стоянке, взглядываясь в ночь. Волколака нигде не было видно.

— Ты чего бродишь? — прошептал Гату, от чего Латута едва не вскрикнула.

— Волчара куда-то подевался... — рассеянно ответила девушка, вертя головой.

Чудь тотчас оказался на ногах. Его глаза были куда зорче, он сразу увидел волколака. Белоглазый пинком поднял Светозара, который от такого обращения спросонья не успел даже обозлиться.

— Беда, — рыкнул Гату. — Береги баб. — И умчался в ночь, ничего не объяснив.

Грул сидел на кочке всего в каких-то ста-ста двадцати шагах от стоянки. Волколак с человеческим лицом, глядел в темные воды болотного пруда и молчал. Ветер колыхал его волосы, а лицо было мертвенно бледным и спокойным. Губы что-то тихонько шептали, будто Грул говорил во сне. Оказавшись рядом, Гату осторожно заглянул ему через плечо. Из воды на волколака смотрело прекрасное женское лицо. Тонкие идеальные черты. Черные слегка изогнутые брови, полные губы, словно спелая слива, смеющиеся карие глаза, остренький подбородок и румянец на щеках. Волосы девушки были ни то зеленого, ни то голубого оттенка. Завидев чудя, она и глазом не моргнула, вовсе не смутившись. Напротив, её взгляд стал еще более жгуч и сладострастен. Грул вздрогнул и обернулся.

— Ты... — прохрипел он, будто отходя ото сна. — Бабу мою хочешь увести? Урод белоглазый, тварь подземная! Чего вылупился? Щас морду тебе бить буду! — с этими словами Грул вскочил и бросился на Гату.

Чудь не собирался причинять волколаку вред и от того, драка была не равная. Грул в мгновение ока перекинулся в волка и клацая челюстями попытался ухватить Гату за ногу. Встречный удар в челюсть сбил его с ног, но пыла не выбил. Волколак ревел, словно окончательно озверевший, яростно кидаясь на чудя. Белоглазому оставалось защищаться, стараясь не зашибить товарища. Вдруг за спиной послышались крики.

«Верно нас услышали», — подумал Гату, но вскоре осознал, что его звали.

На миг оглянувшись, он увидел в свете огня такое, что едва не пропустил очередной выпад Грула. На площадку у костра выползло омерзительное существо. У него было четыре человеческие ноги и шесть человеческих же рук. Тело размером с лошадиное, было усеяно костяными отростками. Некогда человеческая голова казалась изуродованной маской. Разрезанный по краям рот, раскрывался откидывая череп назад, демонстрируя внушительный арсенал острейших клыков.

— Умертвие, — охнул Гату, внутренне леденея, и что было мочи крикнул, — Светозар, бей по глазам!

Грул, не теряя хватки, пытался его достать, но игра в поддавки уже кончилась. Ухватив волколака за загривок, после очередной неудачной атаки, Гату с отяжкой швырнул его тело подальше и шагнул к пруду. Русалка вылезла из болота, прелестный завлекающий образ обтек с нее вместе с каплями воды. Перед Гату предстала страшная водяная баба: косматая, горбатая и с сиськами до пупа. Все так же надменно пялясь на него, от души веселясь от созерцания происходящего, шутовка лихо перекинула груди себе через плечи и зашипела, оскалив острые как иглы зубы. Чудь резко ухватил ее за шею, и дважды врезал тяжелым кулаком по лицу. Та вскрикнула, удивленно и возмущенно. Мелькнул серебристый рыбий хвост, обдавая Гату сонмом брызг, в тот момент, когда Грул все же настиг свою цель. Из длинного прыжка, он упал на спину белоглазому, вгрызаясь в шею. Они покатались по мху,

извиваясь, силясь достать друг друга. Внезапно волк замер, с непониманием глядя на лицо Гату, застывшее перед его собственным.

— Опомнися, наконец! — взревел чудь, сбрасывая с себя волколака. — Из-за тебя всё, бестолочь!

Между тем, на площадке перед костром творилось такое, что и представить себе страшно. Умертвие, размахивая когтистыми руками, пыталось достать Светозара, который отчаянно работая коротким топориком, отбивался. Латута, выставив перед собой горящую корягу визжала навзрыд, тыкая головешкой в спину чудовища. Люта лежала на земле, придавленная тяжелыми ногами твари. Они шипела и брыкалась, то и дело втыкая острие кинжала в омерзительную гниющую плоть, но умертвие не чувствовало боли.

Гату с разбега прыгнул, оттолкнувшись руками и ногами, и приземлился прямо на спину чудовища. Удар был такой силы, что умертвие пошатнулось. Люта тотчас откатилась в сторону высвобождаясь. Порождение смерти хищно оглянулось, хватая Гату сразу четырьмя лапами. Чудь даром, что силен был, а и то, раскраснелся весь от натуги, как же неистова была та тварь. С неба со свистом упал сокол и принялся выклевать чудовищу глаза. Храбрая и гордая птица успела довершить начатое, прежде чем когтистые лапы сжали её тело. Умертвие разгрызло сокола в один укус, смачно харкнув фонтаном из перьев. Позади сдавленно вскрикнул Светозар, налетая на тварь. Он безостановочно рубил её топором, а подскочивший и осмелевший Грул силился перегрызть чудовищу ноги. Успевший оправиться Гату, смог перебить умертвию две руки. Отчаянно застигнутые врасплох путники дрались как в последний раз, хотя в сущности так оно и могло статься.

— В сторону! — крикнула Люта, выныривая из-за плеча Гату.

Просить дважды не пришлось. Чудь отшатнулся назад, а ведьма дунула в лицо твари горячим порошком с ладошки. Гату едва успел отдернуть жрицу назад, спасая от чудовищных когтей. Оказавшаяся поблизости Латута снова ткнула горячей корягой в умертвие и на этот раз оно вспыхнуло. Шипение и рёв захлестнули спертый болотный воздух. Умертвие крутилось, размахивая лапами, но поврежденные волколаком сухожилия на ногах не позволяли развить прежнюю прыть. Осмелевшие путники вдруг поняли, что переживут эту ночь. Рассредоточившись, они дразнили тварь, тыкая её палками, нанося удары в спину и бока, а тварь извивалась, тщетно пытаясь кого-нибудь достать. Пока Светозар с криком не опустил топор на черепушку чудовищу, отчего тот медленно рассыпался на части. Пришитые руки отвалились, как и ноги. Обезображенная и обгоревшая пасть завалилась назад, а распухшее тело с омерзительным бульканьем поплыло, как тающий студень.

— Как такое земля-то носит? — ошарашенно пробормотал Светозар.

— Никак, — ответила Люта, изучая то, что осталось от существа с ужасом и толикой восхищения. — Это не нечисть, а кое-что похуже.

— Что может быть хуже этого? — обронил Грул, к груди которого льнула трусящая Латута.

— То, что нашелся опытный и искушенный в обращении с метвецами колдун, который создал эту тварь, как цепного пса, для того, чтобы напасть на нас, — ответил Гату, осторожно касаясь шеи в месте укуса волколака.

Глава 29. Ангатир

Пахло кровью. Запах железа раздражал и одновременно дразнил чуткий нюх волколака, заставляя нервничать, срываться и даже иногда поскуливать от тревожного чувства, что прошивало нутро насквозь. Чем дальше они заходили, тем больше находили зловещих знаков присутствия той тьмы, о которой предупреждал Гату. То там, то здесь они натыкались на свидетельства боя, хотя и боем это не назвать. Бойня, кровавая жуткая, до того выворачивающая наизнанку, что хотелось глаза закрыть и идти вслепую, да только без толку. Кровью пахло. Тела мелкой нечисти, людей, что проживали неподалеку, животных, растерзанные до неузнаваемости, оскверненные и брошенные словно куклы, что в селениях делают детям из соломы и тряпок.

«Нет никого позади, — с содроганием думала Люта. — Враг впереди. А может и не один».

Она бросала взгляды на Гату, не решаясь спрашивать, да и не ответил бы он, уж так задумался. Казалось, чудь ушел глубоко в себя, настолько, что и никаким колдовством не достанешь. Да только бдительность не терял, чутко отзывался на любой шорох, треск, уханье и никого не терял из виду. Особенно Люту. Не понравился ему блеск в глазах ведьмы при разглядывании умертвия, что сотворил неизвестный колдун. Будто вызов ей кто бросил, и она вот-вот примет его, дабы похвастаться умениями и знаниями. Одна радость — остался свет в девке, пусть крошечный, пусть еле теплится как затухающая лучина, но держится и ее держит от последнего шага в бездну.

Латута следовала по пятам крепко сжимая хрупкую ладонь ведьмы. После жути-жуткой, что увидела она на болотах, твердо уверилась девка — ведьмы надо держаться. Ужо она понимает чернь ту, значитца и защитит может. Гату, конечно, тоже, да только побаивалась она его, ведьма та родней. А Грулу доверия нет, вона как на ту жуткую бабищу глазенки пялил, еще и с чудем дрался за рыбину грудастую. Латута от возмущения даже фыркнула, поймав на себе удивленный взгляд Люты, но только плечами пожала, подтянула мешок изрядно схуднувший, и дальше потопала.

Грул остановился так внезапно, будто на стену какую наткнулся, принялся, почесал затылок, а после, поморщился и пробурчал:

— Гадливо-то как, Гату. Аж тошнит идти дальше, чего-то там не хорошее, нюхом чую, даже в волка и то оборачиваться не надо, чтобы знать — хвост туда лучше не совать.

Гату только хмуро зыркнул и ступил дальше. Гадливо не гадливо, а путь один, значит надо идти. Они ступили на выжженую землю, но не огнем, а мраком, тьмой, такой черной, такой паскудной, что дышать было тяжело. Словно воздух застыл студнем и дрожит.

«Смертью пахнет, смерть она и есть».

Люта опустила на корточки и коснулась земли, но тут же отдернула ладонь, будто ужалил кто.

— Здесь тварь сотворили, — процедил Гату и сделал еще несколько шагов к самому сердцу требища(17), туда где валялись какие-то ошметки, остатки одежды и откуда несло кровью сильнее всего. Чудь шел с трудом, словно прорываясь сквозь густую массу, а за ним, как зачарованная, шаг в шаг, следовала Люта.

Её необъяснимо влекло туда, тянуло будто за невидимую нить за самый пупок. На лбу выступила испарина и если бы не цепившаяся в нее мертвой хваткой Латута, она бы

сорвалась на бег, и Гату оттолкнула бы и чаровала, чаровала, неистово и жарко, желая узнать, почувствовать... но что?

Она лихорадочно осмотрела место сотворения умертвия, дрожащие пальцы потянулись к остаткам, но тут же одернулись от несильно шлепка. Гату сурово навис над ней и мотнул головой в сторону.

— А ну шла отсюда, тебе не место здесь, ведьма. Выглядишь так, что на колени сейчас бухнешься да поклоняться черни этой начнешь. Не лезь, Люта, не по тебе тьма эта, а залезешь дороги назад не будет.

— Будто есть она для меня, — буркнула девчонка и мотнула косой, перекидывая ее с плеча за спину. И хотела было отойти, да глаз зацепился за странное. След на земле был такой знакомый, что сердце сжалось в какой-то томительной тоске и...страхе.

— Ты чеши, чеши гриву-то получше, — проворчала наставница. — И шкурку почистить не забудь, да копыта от грязи расчистить.

Люта терпеть не могла Тодорку обхаживать. Вечно норовил, то косу зажевать, то мордой толкнуть, а то и хвостом по лицу хлестнуть. А уж как копыта чистить его она не любила! Одна Морана и знает. Того и гляди в лоб стуканет.

Хлесть!

— Ай!

Громкий шлепок по крупу и конское возмущенное ржание огласили поляну. Тодорка злобно косил налитым кровью глазом на наглую ведьму, которая отвечала с не меньшим гневом. Копыто его она схватила с каким-то остервенением, ей-ей ногу вырвать хотела. Конь и правда чуть по лбу не зарядил, да свист Ягини помешал.

— А ну хватит тут балаган устраивать, ишь, чего удумали. Ты — стой ровно, а ты, — заскорузлый палец с острым ногтем уткнулся чуть ли не в нос воспитаннице, — чисть нормально, не то пойдешь на ночь в гости к лиху, он уж соскучился без тебя. Сетует, мол, силы душевные тянуть не из кого, сны, порченые, наводит не кому.

Люта поежилась и уже спокойней взяла в руки первое копыто, а когда грязь вся слезла отпускать не спешила.

— Чего застыла, следующее бери, — поторопила ее Ягиня.

— Надо же, — протянула Люта. — Копытце-то какое эдакое. Будто узор морозный нарисовался.

Ягиня заглянула через плечо девушке и хмыкнула, похлопывая коня по крупу.

— Даааа, особенный у нас Тодорушка, с копытцами волшебными.

«Волшебные копытца», — проговорила про себя Люта и с трудом сглотнула вязкую слюну. Она сделала шаг назад, потом еще один, бледная как смерть. В голове мысли так и роились, будто пчелы залетели туда скопом: гудят, жужжат, жалят.

«Не могла же Ягиня здесь появиться, сама то говорила, что заказана дорога ей сюда. Так чего коню ее здесь делать? Ну не мог же конь умертвие соткать. Не мог же?».

— Гату, — она попыталась позвать белоглазого, но голос подвел и получился какой-то шепот и хрип. Люта прочистила горло и повторила уже уверенней: — Гату.

Чудь обернулся и вперила тяжелый взгляд в девушку. И чего ей снова надо, сказал же — уйди.

— Опять за свое, опять упрямышься?

— Да не то все, — всплеснула руками Люта. — Следы тут коня.

— И что? Следов коня не видела, что ль? — попытался уязвить ее Грул, но под хмурым

взором Гату умолк.

— Видела, — огрызнулась Люта. — Да след этот не обычного коня, а Ягини. Тодорки это след, другого нет такого, будто мороз подул и узор оставил. Вот только не мог он здесь быть. Ягине же сюда не добраться, а ежели сунется, так Чернобог тут как тут будет, нельзя ведь ей здесь быть. Но вот же следы, я не ополоумела, Гату! Такие не спутаешь. Неподкованный конь и узор диковинный... Он это.

Последние слова она не проговорила, а прошептала, обреченно как-то.

«Опять он прав, — подумала жрица, подняв взгляд на Гату. — Самому-то не надоело?».

Вдруг Люта почувствовала, что её вены наполнил лёд. Страх словно незримый паук сковал тело. Обхватив ноги, он поднимался все выше и выше, подчиняя себе плоть, а за ней и сознание. Ведьма даже не сразу поняла, что именно её так напугало. Гату смотрел на след разинув рот, ни жив ни мёртв. Его глаза расширились, а черточки зрачков замерли. Чудь наклонился, осторожно, словно боясь спугнуть наваждение, коснулся примятой земли.

— Гату? — окликнула его жрица. — Гату? — повторила она, чувствуя, что голос снова дрожит. — Что ты видишь?

— Кто-то играет злые игры с тобой, — пробормотал белоглазый вставая. — Или со мной, — добавил он совсем тихо.

Они ушли от требища так быстро как смогли, густой душный смрад, казалось, проник в легкие и осел там липкой пеленой. Дышать стало трудно и мучительно, а потому и на разговоры сил не оставалось. Только отойдя подальше они смогли вздохнуть чуть легче, но все одно не так хорошо, как хотелось бы. Со всех тек пот в три ручья, хотелось пить, а еще лучше растянуться и не вставать, будто сама земля тянула прилечь, прекратить идти туда, куда не звали.

Латута вновь ухватила за руку Люты, отчего та поморщилась, но вырывать ладонь не стала. Если девке так легче, то с нее не убудет. Очередная ночь накрыла их холодным одеялом, вызывая зубную дробь и дрожь по всему телу. Они сгрудились у огня, потирая ладони, зябко ежась и кутая замерзшие носы в воротники.

— Защита нам нужна, — угрюмо начала Люта, не решаясь сразу вываливать то, что назрело еще у требища. — Раз за нами идет кто, а то и впереди есть враги, так не справимся с напастью своими силами, уставшие, замученные...

— Чего предлагаешь, ведьма, — перебил ее Светозар. С момента гибели сокола, парень ходил как в воду опущенный, потухший, молчаливый, а сейчас и обозленный.

— Надо свое умертвие сделать.

Слова на миг зависли в воздухе, а после упали тяжестью каждому на сердце. Грул подавился воздухом, сиюсь высказать все, что думал и думает о ненавистной ведьме, Светозар только нахмурился сильнее и отвернулся, а вот Гату встал, нависая над Лютой, что скола над муравьем.

— И думать забудь, дура. Что, любопытно стало, как оно, во тьме-то крошечной живется? Руки чешутся силушками померяться с колдуном непонятным? А сгубить душу чужую сможешь так же легко? Вылепить из живого человека мертвое чудовище, подчинить воле его своей, слушая вопли и стенания, мольбу остановиться, крики боли и отчаяния!

Люта злилась. Вот оно, опять уроки от чуда белоглазого, как жить да поживать и врагов по голове гладить, покуда тебе самому шею-то пилят.

— Ну так давай помрем! Сдохнем тут прямо, облегчим задачу преследователю нашему! — закричала Люта, не в силах уже сдерживаться. По горло сыта она этими

дрянными наставлениями, да нападками. Все-то ведьма она злобная, что не сделай, то грязь да тьма!

— А сделаешь, так и так помрем, от рук того чудовища, что смастеришь. Дура ты, дура. Ни черта не разумеешь, а все туда же, с головой в колодец. Разговор окончен, не будет никакого умертвия, а защититься и так сумеем, без черного колдовства. Хоть немного душу свою пожалей!

В ту ночь Люта насилу уснула, все думая о словах чужа. И думалось ей, что прав он, что плохо все это, мерзко, да только как вспомнит она тягу невероятную к требищу, как руки ее дрожали, как покальвали кончики пальцев от колдовства необычайного, так хочется силу свою на волю отпустить. А главное защитить себя, всех защитить от зла. Ведь будет умертвие ее стеной стоять перед ними, никому в обиду не даст, а ежели не выживет, так и не жалко же, все лучше, чем кто-то из них. Найти бы селянина какого заблудшего, да и во благо обернуть. От этой мысли Люта встрепенулась. В душе кольнула иголочка и голос совести зашептал:

«Чего ж это ты, ваши жизни выше любой другой ставишь что ль. Прямо как Изу-бей, наместник хазарский. Чего уж, так же на селения мором пойдешь ради целей своих жадных?».

Ужаснулась своим мыслям девушка, выкинула их подальше и поддалась сну, сморившему ее. Спалось всем плохо, видел Гату в очередной раз бодрствуя и неся дозор, как постанывала ведьма, как отбивался отчего-то Грул, как безмолвно плакал Светозар по погибшему другу, как хныкала Латута, цепляясь за ладошку Люты даже во сне. Не давала земля им отдыха, сопротивлялись их пути боги. То тут то там была видна нечисть, затаившаяся во тьме, выжидающая, ну как слабину даст чужа. Но тот только ветви в костер подбрасывал, да светом тьму разгонял.

Следующий день и того хуже был. Силы таяли что снег по весне, ноги не шли, а волочились и неизвестно было, что впереди их ждет. Светозар шел словно слепец, без сокола он не мог разведать путь и увериться в его безобидности, да и не было более ничего безобидно в тех землях, по которым шли они. Люта то и дело дергалась и оглядывалась, ожидая нападения каждую минуту, морщась от боли, — так крепко сжимала ее руку Латута. В какой-то момент ей показалось, что воздух сгустился, а стопы увязли в земле, она рванула ворот на платье, попыталась выдернуть вторую руку из захвата подруги, но та вцепилась мертвой хваткой и что-то пробасила.

— Чего? — переспросила Люта, на миг закрывая глаза.

— Нету никого, — повторила Латута. — Ой ты ж батюшки! Потерялись, заблудились!

Латута завывала раненым медведем, а Люта осоловело моргнула и пришла в себя. Гату, Светослава и Грула не было рядом, чащоба сомкнулась вокруг них двоих, зажимая в тесном плену, обволакивая белой густой мглой, окуная в холодное марево, застилая взор.

«Чернобог вновь в нашу сторону обернулся», — мелькнула у Люты мысль, от которой ее затопило страхом, да таким сильным, что в ушах зашумело, даже вопли и причитания Латутки слышны быть перестали.

«Страшно, мне страшно, страшно!».

Ее плечи сжали с нечеловеческой силой, а после тряхнули так, что голова мотнулась и заболела шея.

— Тьфу ты, Латута! Опять трясешь меня как мешок!

— Дак зову тебя, зову, а ты все никак не отзываешься, — в голосе Латуты чувствовались

слезы, она плакала, но изо всех сил старалась держаться, чтобы Люту вновь не затянуло в то жуткое отрешенное состояние.

— Идти нам надо, нельзя здесь оставаться, — Люта нервно оглянулась, не зная какое направление выбрать, куда податься и как найти остальных спутников.

— А куда?

— Да хоть бы туды, — передразнила девку Люта и шагнула наугад, утягивая за собой Латугу.

Туман все никак не рассеивался и если по началу Люта шла быстро, то со временем шаг замедлился, ноги стали заплетаться и спотыкаться о каждую корягу, что не видели глаза. Пару раз она чуть было не врезалась в дерево, да вовремя останавливалась, спасая нос и лоб. Страх не оставлял ее, наоборот он разрастался, расцветал красным цветком, расправлял каждый лепесточек, грозя разлететься истерикой. Так страшно ей никогда не было. Она чувала, будто кто поджидает ее в этой густой белизне, следит за каждым шагом, шепчет на разные голоса, то притворяясь Милославом, то зовет отцовским баском, то ругает как тетка, а иногда соблазняет как Изу-бей.

Ее удерживала только рука Латуты от того, чтобы сорваться на бег с позорным криком. Простодушная селянская девка так крепко обхватывала ее ладонь и столько тепла было в этом простом жесте, что тьма немного, но отступала. Они вырвались из тумана неожиданно, вот он был и рраз — чистота, даже воздух как-то посвежел, пусть и находились они в том же лесу, что и раньше.

Девушки прошли еще немного, стараясь отдалиться от ненавистного тумана и тяжело опустились на поляне, с трудом переводя дыхание. Люта подтянула ноги к себе и уткнулась носом в колени. Ее бил озноб, а страх все никак не проходил. Он бился птицей в груди, расширяясь, разбухая, словно краюха хлеба в молоке.

«Теперь они достанут меня, теперь им никто не помешает, Гату нет, волколака и того не дозовешься, а Латутка того и гляди сама богу душу отдаст. Не отыскать мне камня, ежели мертвой буду».

Люта с какой-то обреченностью зажмурилась, а после раскрыла глаза и взглянула на подругу. Та хоть и была измучена, да волновалась больше не о себе. Она смотрела на Люту с заботой, теплотой, которую и от отца-то девушка редко видала.

— Ну чаво ты, ведьмочка, найдем своих-то, отыщем и каменюку вашу достанем. Оно ж все поправимо, ежели вместе.

— Ага, — только и смогла выдавить из себя Люта. Глаза защипало, она часто и быстро задышала, сморгнула пелену слез и кинулась к Латуте, обнимая ту за шею.

— Прости меня, Латуточка, прости, родненькая. Да только помощь мне нужна, силы мне нужны, слышишь, я верну тебя, верну, милая, обещаю!

Латута не успела и слова молвить, как точный росчерк кинжала прочертил красную полосу по ее шее. Ошалелым взглядом Латута посмотрела вниз на сбегające алые дорожки, а после в черные глаза той, которую называла подругой. Еще один взмах и следующая полоса пришлась на грудь.

Взмах — живот.

Взмах — ноги.

Взмах, взмах, взмах!

Люта полосовала ее, будто пыталась вырезать что-то одной ей ведомое. Она вся вымазалась в крови Латуты, работая настолько быстро насколько возможно, стремясь

закончить до наступления темноты. Она знала, — опустится тьма и пролитая кровь привлечет всю нечисть, что выползет из своих нор.

Последний стежок, что она сделала иглой, связывая нитью кожу не Латуты, но существа, что послужит ей защитой, а связь крепкая, которая образовалась между ней и подругой, только в прок пойдет. Девушка работала быстро, точно, стараясь не думать, ведь плакать можно потом. Изредка она останавливалась, гладила существо по голове и только повторяла: «Верну тебя, слышишь, милая, верну обязательно».

Тьма упала с небес неожиданно, но успела Люта в срок, простерла руки над телом, гортанные страшные слова сорвались с губ, вплетаясь в силу, что саму душу вытягивала, меняла так как одной ей угодно. Покуда слова последние сказаны не были, не шевелилась Люта, не смотрела по сторонам, а нечисть не спала, обступала со всех сторон, повизгивая, покрикивая в предвкушении пира.

Омут тёмных вод избави,
Разорви душевных цепи,
Оглянись на переправе!
Сделай шаг на мёртвых степи.
Вырви силу этой плоти,
Дай мне вожжи этой жизни!
Камнем стань на повороте,
Сила крови сей прокисни.
Позабудь о силе ветра!
Выкинь прочь заботы детства!
Зачерпни землицы недра,
Привыкай к её соседству.
Крик пронзит небес границу,
Расплескает черну силу,
Не видать тебе гробницу!
Не снискать себе могилу!
Будешь мне служить отныне,
Рвать моих врагов ты станешь,
Хоть в болотах, хоть пустыне,
Всех и каждого достанешь.
Встань рожденная из крови!
Распахни голодны очи.
Все лови на полуслове,
Ты на страже вечной ночи!

Когда мертвые шевельнулось и заворочалось, вставая, отряхиваясь и урча от просыпающегося голода, Люта, не теряя времени, запрыгнула сверху созданной ею твари и что есть сил вцепилась в загривок.

— Прочь отсюда! — крикнула она на нечисть. Ей вторил рык умертвия. Оно сорвалось с места по первому же приказу, устремляясь от сгрудившейся кишасей массы, топча ее, разрывая в клочья, ежели попадалась на пути.

К ним тянулись полупрозрачные тощие костлявые руки. Мертвенно бледные губы шептали проклятия, суля страшную гибель, кары и муки. Ведьма лишь огрызалась, тыча ножом направо и налево. Умертвие то и дело хватало, до кого удавалось дотянуться на ходу,

в миг разрывая на части. Вот кикимора зазевалась и лишилась руки. С воем застыла, свистящим голосом призывая остальных гнать жрицу прочь. По кочкам скакали игоши, безрукие, безногие существа похожие ни то на уродливых младенцев, ни то на личинок какого-то исполинского насекомого. Их челюсти хищно клацали в предвкушении живой крови, но мертвые мчались, не разбирая дороги и сминая тех, кто попадался на пути. Жрица вдруг поняла, что страх отступил. Она мчалась на спине монстра, который служил ей. Она увлекала за собой погоню, не боясь, что настигнут. Даже наоборот! Ей хотелось, чтобы их догнали! Дать бой, опрокинуть скулящую от ужаса нечисть... Чтобы кромсать и брать... Черпать полными пригоршнями нечеловеческую силу, коя плескалась словно море, у которого нет берегов и хозяина. Люта скакала сквозь туман, ощущая, что только теперь стала свободной. Её взгляд горел почище огней морского маяка.

«Спасибо тебе, Латута. Ты искала в подруги ведьму, мечтала о дружбе с ней. Так служи! Твоё желание исполнено!».

Мало-помалу, на место оголтелой ярости, преобразившегося сознания, начали возвращаться позывы все еще слабой и живой плоти. Люте казалось, что она скачет непомерно долго, руки начали дрожать и не слушались, они застыли на загривке твари, скрючившись и ноя. Затекло все тело, спину ломило и сказывалась потеря сил, после не легкого колдовства. Отчаявшись найти остальных, девушка хотела было вернуться назад, попытаться поискать даже в том жутком тумане, ежели таковой найдется, но вовремя увидела свет от костра на пригорке.

Она смертельно устала, до жути продрогла и все еще чувствовала отголоски восторга от свершившегося колдовства, что пьянил похлеще любого хмеля. Потому не сразу поняла, что ей кричат найденные спутники. Не увидела, как натянул тетиву Светозар, наставляя на нее стрелу. Как зарычал неистово Грул и что Гату рядом нет.

— Ты чего наделала, ведьма? — прорвался рык сквозь глухие удары крови в ушах. Ей показалось, будто она вынырнула из воды на поверхность, снова начав слышать.

— Защиту, — пробормотала она непослушными, синими губами. — Она теперь защищать нас будет.

Светозар опустил стрелу и с опаской переглянулся с Грулом. Волколак сделал шаг вперед и вгляделся в тварь, что послушно застыла рядом со своей вымазанной в крови с головы до пят хозяйкой. Оно было голым массивным, таким уродливым, что внутренности Грула сжались, а к горлу подкатил комок. Но было в его глазах что-то такое тоскливое, такое... знакомое.

— Где Латута? — волколак побледнел и сделал еще шаг, но уже к Люте. Он хотел схватить ведьму за волосы, встряхнуть так, чтобы этот взгляд черных глаз, сейчас таких безразличных, затопила боль. — Где она, ведьма?

— Так нужно было, — только и смогла прохрипеть Люта. — Ежели не сделала, то погибли бы, а так у нас теперь тоже есть защита. Есть кому биться, не только Гату.

Отчаянный волчий вой разрезал ночную тишину, переходя в грозное рычание. По хребту волколака прошла волна, скручивая его пополам. Он воткнул нож в землю и кувыркнувшись через него уже зверем побежал к Люте, желая вцепиться в бледную шею, перекусить все эти тонкие косточки, напиться ее кровью вдосталь, разорвать кожу на лоскутки и слышать, как кричит, как захлебывается дрянь.

Но не добежав, упал на землю, катаясь и скуля от боли. Его словно наизнанку вывернули и швырнули в костер, поворот произошел и без ножа в земле. Трясущийся,

словно от степной лихорадки мужчина завывал от боли и бессилия. Он не мог убить ненавистную ведьму.

— Отпусти, тварь, — просипел он, глядя в черные, словно в лицо смерти смотрит, глаза. — Отпусти меня и проваливай. Не буду тебе служить боле, лучше сдохнуть. Ежели ты с друзьями так, то уж со мной и того хуже будет. А я не хочу закончить как Латута, не хочу стать мертвяком у тебя в услужении.

Люта на миг прикрыла глаза, а после решительно достала нож и полоснула по ладони.

— Не слуга ты мне больше, волколак. От клятвы освобождаю, с силы твоей оковы снимаю, больше не служишь ты мне, долг уплачен, не явлюсь и во сне.

Грул как-то судорожно вздохнул, сжал и разжал ладони, поднялся, пошатываясь, словно захмелевший, и не раздумывая кинулся к Люте, в желании задушить, разорвать, сдавить черепушку до хруста, но не успел. Гату встал перед жрицей, подобно стене.

— Ты что же, братец за неё впряжешься? — возопил Грул. — Али глаза твои всевидящие подводят? Изволь, глянуть, да повнимательнее.

— Твое служение окончено, — пророкотал Гату, пропуская мимо доводы волколака. — Уходи, — бросил он, и глянув на Светозара добавил: — И ты уходи. Дальше нет для вас дороги.

Светозар опустил лук, ничего не ответив. Было видно, что он готов полезть в драку следом за Грулом, но благоразумие все же брало верх.

— За тобой должок, — напомнил он, испытующе глядя на Гату.

— Лови, — тотчас ответил чудь, срывая с пояса кожаный мешочек и кидая его охотнику.

Светозар ловко подхватил брошенный кошель. Раскрыл. На его ладони оказались два рубина, с перепелиное яйцо каждый. Достойная плата. Но не для того, чтобы отдавать жизнь. Закинув лук за спину, он коротко кивнул Гату, и ничего не сказав, зашагал прочь. Проходя мимо волколака, он хлопнул того по плечу, увлекая за собой. Люте показалось, что тот с облегчением вздохнул. Горячка, что вспыхнула в его душе по первой, теперь сменилась осознанием, что он был в шаге от страшной гибели. Гату обернулся к ведьме. Опустил взгляд на мертвие.

— Слезай, — скомандовал он.

Люта нехотя повиновалась. Чудь подошел к покорно застывшей твари и от души приложил её кулаком, разбивая череп. Обернувшись к ведьме, он коротко бросил:

— Отпусти её. Она уже сослужила.

Люта с удивлением отметила, что это звучало как просьба, а не приказ. Не раздумывая и мига, она шагнула к мертвию. Кинжал скользнул в ладонь. Руки сами делали то, что требовалось. Люта не думала, не вспоминала. Порождение её тёмной воли покорно распалось на части, которые тотчас начали уходить под землю. Стоящий рядом чудь, тихо шептал что-то, будто извиняясь перед землей за себя и за жрицу. Когда дело было кончено, они двинулись в путь, не разговаривая.

Шли долго, покуда ночь не опустилась на землю, лишая глаза зоркости. Гату мог идти дальше без преград, он видел во тьме как днём, но то ли не хотел нести ведьму на себе, то ли решил дать обоим отдыха. К тому моменту, как белоглазый выбрал место для ночлега, вокруг было уже черным черно. Люта не понимала, где они, кончилось ли болото, начался ли снова лес. Она уже давно брела, как во сне, подчиняясь чутью Гату и всецело вверив ему же свою жизнь. Прошла пора искать подвоха, да жрать ежечасного поучения. Их теперь было лишь

двое. Только она и он. Ведьма и ходящий. Жрица Мораны и древний хозяин этой земли.

Ночь была тихой, словно все сверчки и ночные птицы разом вымерли. Пропало даже кваканье вездесущих жаб. Ни далекого воя волков, ни чуткой поступи лося или ворчания барсука. Люта отстраненно подумала, что уже давно не слыхала даже комариного писка. Гату прислонился спиной к стволу дуба, а жрица, последовав его примеру прикорнула с обратной стороны того же дерева. Так и уснули, не глядя друг на друга, и слова не обронив.

Белоглазый впервые за все путешествие не поднимал вопрос ночного дозора. Он словно знал, что бояться некого. Его лицо все чаще было задумчивым и тревожным, но чудь не высказывал каких-либо опасений. Все время Гату проводил в тяжелых думах, которыми не делился. Едва очнувшись ото сна, он поднялся и принялся сверлить взглядом горизонт. Так его и застала Люта, проснувшись. Чудь стояк как каменный истукан, устремив взор вдаль. Жрица с интересом и удивлением принялась оглядывать место, где они оказались. Половины предыдущего дня она не помнила. В памяти сохранилась только усталость, которую прорывал лишь образ спины чудя, упрямо бредущего к цели.

Они оказались в ложбинке, образованной россыпью громадных валунов. Повсюду росли сосны. Невысокие, худосочные, но очень старые. Вся кора деревьев была покрыта лишайником и мшистой порослью. Тяжелые гроздья свисали с ветвей, клоня их к земле.

— Долго ещё? — обронила Люта, отчаянно зевая.

Чудь оглянулся, словно не поняв её. Он выглядел обескураженным и... растерянным?

— Гату, в чем дело? — тотчас запричитала Люта, почуяв неладное.

— Мы пришли, — ответил чудь хрипло, но то, как он смотрел на жрицу было страшнее всего.

Его взгляд порой был жестким, иногда полным гнева и ярости, но теперь... Теперь белые глаза Гату наполнились изумлением и страхом. Подойдя к спутнику, ведьма уставилась туда, куда смотрел чудь, когда она проснулась. Впереди пролегала широкая поляна. На ней высились шесть каменных столпов, обтесанных вручную, это сразу бросалось в глаза. Между ними в земле зиял провал, а вокруг лежали чьи-то тела.

— Когда это произошло? — ошеломленно пробормотала Люта.

— День, может два назад, — ответил Гату, проводя её взгляд. — Они еще вчера здесь были.

— И ты ничего не сказал? — жрица чудь не подпрыгнула от удивления, сначала её было обуял гнев, тотчас сменившийся оторопью. — Гату, не томи! Что происходит? — зывала Люта, едва не плача.

— Пошли, — коротко бросил Гату и зашагал к провалу в земле не оглядываясь, идет ли за ним ведьма.

Они приблизились к дыре, остановившись шагов за пять. Люта опасливо поглядывала на тела людей, разбросанных здесь же. Семеро. Все они были воинами, при добром оружии, да и одеты не как крестьяне. Богатые пояса, кольчуги двойного плетения, хорошие, даже дорогие сапоги. Ничего не было тронуто, никто их не грабил. Кожа мертвецов была похожа на ссохшуюся ягоду. Люди будто враз постарели и отдали души. Подойдя к одному из тел, Люта почувствовала, как у неё затряслись колени. Это был Бажен брат её Милослава. Он раскрыл рот, словно в предсмертном крике, да так и застыл на веки вечные. Карие глаза некогда так зло на неё смотревшие, превратились в мутные пятна на сером полотне отмершего лица. Люта ни жива ни мертва смотрела на проклятого предателя. Сколько раз она вспомнила его мерзкую рожу? Сколько раз гадала, он ли стоял за тем, что учинила

Радислава? Теперь он замер, забыв, как дышать, а она стоит над его телом. Люта подняла глаза на Гату. Тот снова был похож на идола. Его взгляд вперился в одну точку под ногами. Ведьма подошла и уставилась туда же.

След Тодорки выходил из-под земли прямо из черного провала, а затем обрывался... Дальше начинались другие следы. Когтистые. Похожие на следы Гату! Люта подняла взгляд на чудя. Она не верила себе. Белоглазый был обескуражен и парализован. Жрица даже не знала, что он способен на такие проявления слабости, а от того ей было зябко, будто ледяной ветер подул.

— Ну, пожалуйста, скажи, — взмолилась она. — Что ты за человек... Не человек, а чудь, не чудь, а какая-то бледная смерть... Глаза б мои тебя не видели! Ну, скажи же! Скажи!

Гату вздрогнул, словно отойдя ото сна. Глянув на Люту, будто впервые её видел, он на диво спокойно сообщил:

— Мы опоздали. Камня нет. Тебя использовали, чтобы украсть моих жен. Чтобы снять защиту с этой земли. А потом пришел он и забрал его.

— Это все? — холодно осведомилась Люта.

— Нет смысла скрывать. Ты даже не представляешь, что тут случилось. Но я расскажу.

Гату вдруг схватился за голову, будто хотел разом вырвать на себе все волосы. Казалось, чудь на грани умственного помешательства. Нет-нет, глядишь заревет и поминай, как звали.

— В нашем племени издревле поклонялись Роду. Это не ваш бог. Вы его не можете ни понять, не услышать. Он ходил по этой земле, когда все ваши были детьми. Раз в десяток лет Род являлся к своим любимым детям — чудским заступникам. Род приходил в тела наших жен, оставляя там нового ходящего. Так рождались наши шаманы. Так родился и я. Ты слыхала про Чернобога, но знаешь лишь то, о чем говорят ваши легенды. А у него был брат, его отражение, Белобог. Он никогда не ходил по земле. Как и подобает отражению, он обитал там, где нет брата с изнанки. Когда Род являлся нашим жёнам, давая сына или дочь, он оставлял в них частичку своих любимых детей Чернобога или Белобога. — Гату запнулся, но совладав с собой продолжил. — В тот день, когда я родился в наше племя пришла великая радость. В мир явились сразу два сына Рода я и мой брат. Такого не случалось не одну сотню лет. Старцы плакали от счастья. Шутка ли, сам Род даровал племени братьев, наделенных обоими силами и Чернобожьей и Белобожьей. Неслыханная щедрость, стало быть. Так все думали. Но никто ещё не знал, как племя заблуждалось. Шли годы, а мы с братом росли рука об руку. Не было на всем свете детей счастливей нас. Мы с легкостью постигали силы матери земли, говорили со скалами, ходили за тридевять земель в подземные царства. Весь мир, казалось, лежал у наших ног. Однажды, брат признался, что обладает даром, коим был обделен я. — Гату вдруг хмыкнул, глянув на Люту так, словно рассказывает весёлую историю. — С замиранием сердца, он поведал мне, что может оборачиваться в коня. Таких у нас называли саюдани. Двоедушник, по-вашему. Мы не рассказывали взрослым про это. Решили, что его дар станет нашей общей тайной. Глупость, конечно, но мы были детьми. Нам хотелось иметь что-то сокровенное, такое, чего не ведают даже умудрённые годами старейшины.

Гату вдруг замолк, подобрал камень и со злостью швырнул в тёмный провал в земле. Люта едва не вскрикнула от неожиданности, но чуть погодя поняла, что ничего не последует. Лаз был пуст.

— Я даже не помню в какой момент он начал меняться. Еще вчера мой любимый брат, которого я чувствовал всем сердцем, начал от меня же и отдаляться. Кано стал замкнутым и

мнительным. Он все время толковал про силу, которую мы не используем. Ему вдруг перестали быть милы наши путешествия и быт племени. «Мы должны достать сердце полоза! — кричал он, глядя на меня безумными глазами одержимого. — Эта сила наша! Племя взяло её, но похоронило! Оружие не хоронят, Гату! Его пускают в ход! Посмотри на этих жалких русов, на нурманов, на степняков! Они пришли сюда только потому, что мы так решили. Мы впустили. Мы сообразовали! А что теперь? Наших людей ловят рудокопы да полоумные старосты на потребности их черным душам? Это нужно прекратить!». Он много еще говорил про черные души и их желания, но как-то раз я вдруг понял, что чёрной здесь стала лишь одна душа — его самого. Тем временем близился обряд обращения нового хранителя. Каждый ходящий однажды должен принять завет племени — защищать покой спящего камня — Ангатира. Это тяжкое бремя. Проклятие. Не многие выдерживали двадцать, кто-то тридцать лет на этой службе. Вставая на защиту камня, ходящий брал себе в жены двух-трех зрящих, чудских женщин, что получили божественную силу при рождении. Вместе им было суждено хранить покой камня, пленяя разум полоза дремучими снами. Великая честь, но и великая скорбь. Хранители становились первыми в племени, но тяжелый рок падал на их судьбы. Они больше не могли иметь потомства. Я не хотел, чтобы мне выпал этот жребий, ведь мне тогда еще не довелось зачать сына или дочь. А вот Кано, напротив, хотел этого всем сердцем. Он денно и ночью талдычил про то, что если жребий падет на меня, то это будет неправильно. «Мне Род даровал счастье быть саюдани. Я унаследовал силу и Чернобога и Белобога. Я стану достойным хранителем, а ты, как и хочешь обзаведешься семьей и детьми!».

Гату снова смолк, как вдруг Люта увидела слезу, одинокую и вязкую, словно капля смолы, ползущую по его щеке.

— И ведь все было так складно, — продолжил чудь. — Все бы нас обоих устроило, но я перестал ему верить. Я видел не своего брата, а того, кем он становился. Речей про наше превосходство над прочими племенами было не счесть, но даже не это было в нем смрадно. Однажды я застал его в лесу за необычным занятием. Кано наблюдал за тем, как молодой пастух, которого мой брат выкрал, как я потом выяснил, испускает дух. Кано смотрел на сломанную им же куклу. Он переломил несчастному хребет и наблюдал, как жизнь покидает тело человека. Я и сейчас вижу его глаза. Белокурого паренька, который не может пошевелиться, и сгорая от муки и страха смотрит перед собой глазами, которые не могут плакать. Не помню точно, как было дальше. Кажется, я набросился на обоих и задушил пастуха, не в силах смотреть на его боль. «Зачем?! — кричал я, тряся брата за грудки. — Зачем ты это сделал?». А он вдруг ответил, очень коротко и просто. Так, знаешь, легко. Словно говорил про песчинку. «Мне просто было интересно увидеть, как жизнь покидает тело», — сказал мой брат.

Последнее слово Гату прокричал, будто ждал, что тот его услышит. С веток сосны сорвалась дюжина черных как смоль воронов, с карканьем уносясь прочь.

— Было с ним еще много чего... Много такого, о чем я не хочу говорить даже тебе...

Люте было очень неприятно от этого «даже», но она промолчала, жадно ловя нить истории Гату.

— Но, когда старейшины нарекли меня следующим хранителем, я выдохнул с облегчением. «Ты не получишь камня ни от меня, ни от кого-то еще, — подумал тогда я. — Все кончено, Кано. Отступи. Опомнись, брат!». Это был первый раз, когда я его недооценил. Той же ночью, я проснулся, захлебываясь своим же криком. Кано душил меня во сне. Я

очнулся от боли, но не мог и шевельнуться. Его руки, будто пудовые кузнечные тиски сдавили моё горло. Мои члены не слушались. Ноги и руки онемели. Он душил меня очень долго. Разум начал отходить ко сну обратно. Я почувствовал, что взлетаю, как душа покидает тело. Но вдруг раздался крик. Отчаянный. Яростный. Полнящийся гнева... И боли. Тс кричала наша мать. Она все почувствовала. Не знаю, как. Материнское сердце ничем не обманешь. Помню лишь то, что от её вопля с нашей юрты слетела крыша. Кано схватили и потом я его уже видел лишь на казни. Мне снова выпал суровый рок. По закону племени казнить предателя должен ближайший родич. В нашем случае брат. Кано связали по рукам и ногам, а мне пришлось его бросить. Первый раз мне пришлось бросить брата. Но не куда-нибудь... А в бездну подземного озера Сибанур. Его вода наполнилась чарами сотен ходящих, что заканчивали жизнь уходя в камень. Наши шаманы не умирают, как вы, люди. На исходе жизни, мы покидаем тело, становясь земной твердью. Гладь подземного озера Сибанур впитала конечные вздохи многих из нашего племени. Последнее пристанище. Это ждало и Кано. Моего брата.

Гату обернулся к Люте и вперился глаза в глаза, так словно собирался свести с ума. Его лицо оказалось так близко, что ведьма почувствовала дыхание чужда на своих губах.

— Мать что-то знала или догадывалась, я не знаю. Перед казнью, она заклала Кано: «Не будет тебе покоя на земле, выродок, от сих пор и во веки веков!» — сказала она. Её звали Влега, она была последней из зрящих, такой силы, из тех, что я помню. Её слова были прочнее камня и тяжелее гор. А потом я бросил его. Бросил в колодец, ведущий в озеро. И больше никогда не видел.

Чудь замолчал, испытующе глядя на ведьму. Люта так была поглощена рассказом, что даже не испытала неловкости от того, что лицо Гату застыло перед ней. Она глядела в его глаза и чувствовала, что утопает в древней мощи этого первозданного существа.

— Так вот почему, он все время являлся мне в образе коня... — прошептала она.

— Да, — кивнул Гату. — Я думаю, заклятие матери было так сильно, что он физически не мог ступить на землю в теле чужда. Поэтому Кано затаился в шкуре коня.

— Но как он выжил в каменном мешке? — обронила Люта.

— Хотел бы и я это знать, да боюсь уж скоро он сам и расскажет, — ответил белоглазый. — Теперь ты понимаешь?

— Что?

— Как, что? Не видишь? Посмотри вокруг! — выкрикнул чудь. — Все, кто шёл за моим братом мертвы! Его подручные лишились душ! Ангатир не поднимает из мертвых. Не поворачивает время вспять, Люта! Проклятый камень умеет лишь одно — брать!

— Но Кано же его подчинил, — неуверенно пробормотала ведьма.

По правде сказать, она уже и так все поняла. Чай не дура. Яга её использовала. Как орудие, как инструмент. Какие у них дела с Тодоркой... То есть с Кано? Кабы знать. Да только они и победили, выходит. Всех вокруг пальца обведя. И не вернет она ни Милослава, ни отца, ни селян из Глиски и уж тем более Латуту.

— Сердце Кано чернее самой черной ночи. Ещё неизвестно, кто страшнее, — мой брат или спящее сердце полоза. Сейчас правда лишь в одном — он забрал его и снова стал прежним... Хотя даже это заблуждение... Он стал сильнее себя прежнего стократ.

Говоря это, Гату наступал. Он шел на Люту, нависая, как скала и гневно глядя сверху.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? — выпалила Люта, понимая, что ей конец. — Чтобы в ногах валялась? Молила? Извини, чудь белоглазый, я глаза уже давно выплакала. Да, дура

я, да, говорил ты мне это уже стократ. Так убей! Убей, чего смотришь? Думаешь, я так жить этой жизнью хочу? Тогда ты дурень, а не я!

— У нас была сделка, — на диво спокойно ответил Гату.

— Ах, да... Моя клятва. Столько я их дала уж... — Люта криво усмехнулась. — Видать и тебе в пору вернуть. Хоть ты меня не обманул. Да будет так. Я клялась и снимаю с жё...

Люта не успела договорить, как вдруг Гату зажал её рот, жутко щерясь глазами.

— Не ко сроку, — прошептал он, вдруг оглянувшись.

— Я думала, ты... — начала было Люта, но чудь снова закрыл ей рот ладонью.

— Думала, — передразнил он её. — Иллюзии рассеялись? В Ягинин промысел боле не верим?

Люта отрицательно затрясла головой.

— И так вижу, что нет, — резюмировал Чудь. — Заклятие до поры не снимай. Я не знаю, как теперь поступит Кано. Никто не может того знать. Да вот только, думается мне, тяготит его сила нашего племени, в ней же и погибель его кроется. Из моего рода нет уж других зрящих, окромя жён.

— Он будет их искать, — пробубнила Люта сквозь ладонь.

— Может и будет, — задумчиво протянул чудь. — Да только не чудо ты выпустила в мир, Люта, что спасет и твою Глиску, и всех вокруг, а чёрную смерть. Теперь-то, понимаешь?

— Я так понимаю, ты ждешь новой клятвы? — устало процедила Люта, отходя от страха.

— Жду, — кивнул Гату. — Клянись, что до конца за мной пойдешь, каким бы ни был он. Что служить будешь, как рабыня господину и верна будешь, как ратник воеводе.

— Зачем? — со слезами на глазах прошептала Люта. — Зачем тебе я?

— Ключ, что дверь отпирает, её и запирает, — ответил Гату.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Глоссарий

1. Комоедица — (устар) масленница.
2. Праздничный день масленицы начинался с посещения святилища, возле которого сыпали зерно, привлекая птиц, которые символизировали умерших предков.
3. Баламошка — (устар) полоумный, дурачок.
4. Охальник — (устар) безобразник.
5. Тетёшка — (устар) гулящая баба.
6. Нельзя держать в доме разбитую посуду — эта славянская примета к несчастью и разладу в семье.
7. Древнеславянское обозначение месяца февраль.
8. Древнеславянское название реки Днепр.
9. Древнеславянское название Уральского хребта.
10. Харалужной сталью называли булат особой закалки.
11. Таврикой назывался полуостров Крым. Это название зафиксировал византийский историк VI века н. э. Прокопий из Кесарии.
12. Брыдлый — (устар) старый, вонючий.
13. Страмец — (устар.) бесстыдник, срам.
14. Негораздок — (устар) недалекий.
15. Вересень — на старославянском наречии так назывался месяц сентябрь.
16. Зарев — на старославянском наречии так назывался месяц август.
17. Требище — место жертвоприношения.